

ВѢДУНЫ, ВѢДЬМЫ, УПЫРИ И ОБОРОТНИ.

Народныя преданія ставятъ вѣдуна и вѣдму въ весьма близкое и несомнѣнное сродство съ тѣми мифическими существами, которыми фантазія издревле населяла воздушныя области. Но есть и существенное между ними различіе: всѣ стихійные духи болѣе или менѣе удалены отъ человѣка, болѣе или менѣе представляются ему въ таинственной недоступности; напротивъ вѣдуны и вѣдмы живутъ между людьми и съ виду ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ, кромѣ небольшого, тщательно-скрываемаго хвостика. Простояудинъ ищетъ ихъ въ собственной средѣ; онъ даже укажетъ на извѣстныя лица своей деревни, какъ на вѣдуна или вѣдму, и посоветуетъ ихъ остерегаться. Еще недавно почти всякая мѣстность имѣла своего колдуна, и на Украинѣ до сихъ поръ убѣждены, что нѣтъ деревни, въ которой не было-бъ вѣдмы ¹⁾. Къ нимъ прибѣгаютъ въ нуждѣ, просятъ ихъ помощи и совѣтовъ; на нихъ-же обращается и отвѣтственность за всѣ общественныя и частныя бѣдствія.

¹⁾ Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1846, XI—XII, 149.

Вѣдувь и вѣдьма (вѣдунья, вѣщица) отъ корня вѣд, вѣщ, какъ объяснено выше (I, 405—9), означаютъ вѣщихъ людей, надѣленныхъ духомъ предвѣднiя и пророчества, поэтическимъ даромъ и искусствомъ цѣлить болѣзни. Названiя эти совершенно тождественны съ словами: знахарь и знахарка, указывающими на тоже высшее вѣднiе ¹⁾). Областные говоры, дѣтонисы и другiе старинные памятники предлагаютъ нѣсколько синонимовъ для обозначенiя вѣдуна и вѣдуньи, называютъ ихъ колдунами, чародѣями, кудесниками и волхвами, вѣщими жонками, колдуньями, чаровницами, бабами-кудесницами и волхвитками. Чары — это тѣ суевѣрные, таинственные обряды, какiе совершаются съ одной стороны для отклоненiя различныхъ напастей, для изгнанiя нечистой силы, врачеванiя болѣзней, водворенiя семейнаго счастья и довольства, а съ другой — для того, чтобы наслать на своихъ враговъ всевозможныя бѣды и предать ихъ во власть злобныхъ, мучительныхъ демоновъ. Чаровникъ, чародѣецъ ²⁾) — тотъ, кто умѣетъ совершать подобные обряды, кому вѣдомы и доступны заклятiя, свойства травъ, коренiй и различныхъ снадобей; очарованный — заклятый, заколдованный, сдѣлавшiйся жертвою волшебныхъ чаръ. Кудесникъ — по объясненiю Памвы Берынды: чаровникъ; въ рязанской губ. окудникъ — колдунъ ³⁾; кудесить — колдовать, ворожить, кудеса — въ вовгород. и вологод. губернiяхъ: святочныя игрыща и гаданiя, ⁴⁾ а въ тульской — чара, совершаемая колдуномъ съ цѣлю умилостивить разгнѣваннаго домоваго и состоящая въ обрядовомъ

¹⁾ Нѣм. hexe Я. Гриммъ объясняетъ скандинавскимъ haeg — dexter, artificiosus; следовательно hexe — тоже, что лат. saga т. е. хитрая, мудрая — вѣщая жена (D. Myth., 992). — ²⁾ Слово, встречающееся въ Святославовомъ Изборникѣ и у митрополита Квиріла — Рус. Дост., I, 111. — ³⁾ Обл. Сл., 140. — ⁴⁾ Рус. прост. правд., II, 34.

заклавиѣ пѣтуга (=остатокъ древней жертвы пенатамъ, см. II, 106). Стоглавъ замѣчаетъ, что когда соперники выходятъ на судебный поединокъ, «и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣговскихъ наученій пособіе имъ творять, кудесы бьютъ» (II, 274). Въ основѣ приведенныхъ словъ лежитъ корень вуд=чуд; старочешск. *śúđiti* — очищать, *zuato-śúđ* на вода т. е. очистительная, *śudař* — судья (по связи древняго суда съ религіозными очистительными обрядами). Профес. Срезневскій указываетъ, что глаголь *кудити* употребляется чехами въ смыслѣ: заговаривать; у насъ про-куда — хитрый, лукавый человекъ ¹⁾. Корень *чуд* вполне совпадаетъ по значенію съ *див* (свѣтить, сіять); какъ отъ послѣдняго образовались слова: диво, дивный, дивиться, такъ отъ перваго — чудо (множ. *чудеса*=*кудеса*), чудный, чудесный (въ новгор. губ. *кудесный* ²⁾), чудиться; какъ съ словомъ *кудеса* соединяется понятіе о чародѣйствѣ, такъ тотъ-же самый смыслъ присвоиваютъ древніе памятники и рѣченію дивы. Въ Святославовомъ Изборникѣ (1073 г.) читаемъ: «да не будетъ влѣхвуяи влѣшьбы, или вражай и чародѣиць, или байи ³⁾ и дивы творяи и штробьный влѣхивъ ⁴⁾»; Коричная книга запрещаетъ творить *коби* ⁵⁾ и дивы ⁶⁾. Сверхъ того, дивами издревле назывались облачные духи=великаны и лѣшіе (дивіи люди и дивожены); согласно съ этимъ, и слову *чудо*, *чудо-вище* давалось и дается значеніе исполна, владыки небесныхъ источниковъ и лѣсовъ (II, 616—8). Такимъ образомъ языкъ ясно свидѣтельствуетъ о древнѣйшей связи чародѣевъ и кудесниковъ съ тученосными де-

¹⁾ Срезнев., 60; Обл. Сл., 180; Доп. обл. сл., 173; Поэт. Воз., II, 324: прокудливая береза=чтимаа язычниками. — ²⁾ Доп. обл. сл., 94. — ³⁾ Отъ *байти* — заговаривать. — ⁴⁾ Матер. для истор. письменъ, ст. Бусл., 7. — ⁵⁾ *Кобь*—въ старинныхъ рукописяхъ: волшебство, а въ современномъ языкѣ (въ перм. губ.): худое дѣло, зло. — ⁶⁾ Рус. Дост., III, 38; Обл. Сл., 85.

монахи—великанами и лѣшными; связь эта подтверждается и сканд. *tröll*, которое служитъ общимъ названіемъ и для тѣхъ, и для другихъ ¹⁾). Слово «колдунъ» въ коренномъ его значеніи доселѣ остается неразъясненнымъ. По мнѣнію г. Срезневскаго, колдуноиъ (славянскій корень *кѣд*—*колд* или *калд*—*кѣуд*—*куд*) въ старое время называли того, кто совершалъ жертвенныя приношенія; въ хорутанскомъ нарѣчій *калдовати* — приносить жертву, *калдованць* — жрецъ, *калдовница* и *калдовише*—жертвенникъ ²⁾). Въ словарѣ Даля колдовать истолковано: ворожить, гадать, творить чары («чѣмъ онъ колдууетъ? снадобьями, наговорами» ³⁾). Наполеонъ волхвъ — названіе, известное изъ древнихъ рукописей и донынѣ-удѣлѣвшее въ лубочныхъ сказкахъ и областныхъ говорахъ: у Нестора слова волхвъ и кудесникъ употребляются, какъ однозначущія ⁴⁾; въ переводѣ евангелія: «се волсви отъ востокъ приидоше во Іерусалимъ» (Матѣ. II, 1); въ троянской исторіи о Колхасѣ сказано: «вѣлховъ и кобникъ хвтръ» ⁵⁾; въ вологод. губ. волхатъ (волхитъ) — колдунъ, волхатка (волхвѣтка) — ворожея, въ новгор. волхъ — колдунъ, угадчикъ, прорицатель, въ калуж. валхвѣтъ—предугадывать, предузнавать, малорус. волшнѣти — хитреть; производныя волшебный, волшебство пользуются гражданствомъ и въ литературной рѣчи; болгар. волхвъ, вохвъ — прорицатель, волшина — брань, хорв. вухвецъ, вуховець — *python* и вухвица — *pythonissa* ⁶⁾), у Вачерада: «*phytones, sadapetae—wlchwec, wlchwice*». Сверхъ дара прорицаній, волхамъ приписывается и врачебное искусство (I, 410). Рядомъ съ мужскою формою волхвъ встрѣ-

¹⁾ D. Myth., 993. — ²⁾ Срезнев., 59–60. — ³⁾ Толк. Слов., I, 747. — ⁴⁾ См. рассказъ о смерти Олега. — ⁵⁾ Іованъ, *эпх. болг.*, 182 — ⁶⁾ Срезнев., 61; Обл. Сл., 27; Ч. О. И. и Д., *годъ 2*, VII, 24 (словотолковникъ Макарова).

чаемъ женскую вѣлѣва ¹⁾, которой въ скандинавскомъ со-
 ответствуетъ völvа (valva, völa, vala)—колдунья, про-
 рочица и притомъ, по свидѣтельству древней Эдды (см. Vö-
 luspá), существо вполне-миенческое. Г. Буслаевъ сблизжаетъ
 съ этими рѣченіями и финское völvö, velho — колдунъ;
 «какъ скнд. völvа (говорить онъ) является въ сжатой формѣ
 «völa, такъ и финн. völvö измѣняется въ völvö. По свой-
 «ству славянскаго языка гласный звукъ передъ плавнымъ
 «переходитъ по другую сторону плавнаго, напр. helm —
 «шлемъ; потому völvа, völvö является въ Остроп. св.
 «въ древне-славян. формѣ вѣлѣвъ, а русскій языкъ ставитъ
 «гласный звукъ и передъ плавнымъ и послѣ, напр. шелоу:
 «слѣдовательно волхвъ или волховъ (у Нестора: волъ-
 «сви) собственно русская форма.» Корень для слова волхвъ
 г. Буслаевъ указываетъ въ санскр. валг — свѣтитъ, бли-
 стать, подобно тому, дакъ жрецъ происходитъ отъ жрѣтъ,
 горѣтъ ²⁾, и старинное поучительное слово принимаетъ
 имена «волхвъ» и «жрецъ» за тождественныя по значенію
 (II, 60).

Итакъ обзоръ названій, присвоившихся вѣдунамъ и вѣль-
 мамъ, наводитъ насъ на понятія: высшей, сверхъестественной
 мудрости, предвѣднія, поэтическаго творчества, внанія свя-
 щенныхъ заклятій, жертвенныхъ и очистительныхъ обрядовъ,
 умѣнья совершать гаданія, давать предвѣщанія и врачевать
 недуги. Всѣ исчисленныя дарованія изстари признавались за
 существенныя, необходимыя признаки божественныхъ и де-
 моническихъ существъ, управлявшихъ дождевыми тучамъ,

¹⁾ Лѣтоп. Переяслав., 43. — ²⁾ О вліян. хр. на сл. яз., 22—23.
 Связь колдовства съ жертвоприношеніями подтверждается и сви-
 дѣтельствами нѣмецкаго языка: forgnæskja—колдовство и forgn
 — жертва; zourag, др.-в.-нѣм. zërag, англос. teafor и tifer
 роднятъ оба эта понятія — D. Myth., 984—5.

вѣтрами и грозою. Какъ возжигатель молніеноснаго пламени, какъ устроитель семейнаго очага, богъ-громовникъ почитался верховнымъ жрецомъ (см. гл. XV); съ тѣмъ-же жреческимъ характеромъ должны были представляться и сопутствующіе ему духи и нимфы. Какъ обладатели небесныхъ источниковъ, духи эти и нимфы пили «живую воду» и въ ней обрѣтали силу поэтическаго вдохновенія, мудрости, пророчества и цѣленій, словомъ становились вѣщими и — вѣдунами и вѣдьмами. Но тѣже самыя прозванія были приличны и людямъ, одареннымъ особенными талантами и свѣдѣніями въ дѣлѣ вѣроученія и культа; таковы — служители боговъ, гадатели, ворожеи, врачи, лѣкарки и поэты, какъ хранители мионическихъ сказаній. Въ отдаленную эпоху язычества вѣдѣніе понималось, какъ чудесный даръ, ниспосылаемый человѣку свыше; оно по преимуществу заключалось въ умѣнн понимать таинственный языкъ обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ея явленія и примѣты, молить и заклинать ея стихійныхъ дѣятелей; на всѣхъ знаніяхъ, доступныхъ язычнику, лежало религиозное освященіе: и древній судъ, и медицина, и поэзія—все это принадлежало религін и вмѣстѣ съ нею составляло единое цѣлое. «Волсви и еретицы и богомерскіи бабы-кудесницы и иная множайшая волшебствуютъ замѣчаетъ одна старинная рукопись, исчисливъ разнообразныя суевѣрія ¹⁾. Колдуны и колдуньи, знахари и знахарки до сихъ поръ еще занимаются по деревнямъ и селамъ врачеваніями. Болѣзнь разсматривается народомъ, какъ злой духъ, который послѣ очищенія огнемъ и водою, покидаетъ свою добычу и спѣшитъ удалиться. Народное лѣченіе главнѣйшимъ образомъ основывается на окуриваньи, сбрызгиваньи и умываньи, съ произнесеніемъ на болѣзнь страшныхъ заклятій ²⁾. По общему убѣжденію, знаха-

¹⁾ Оп. Румян. Муз., 551. — ²⁾ Записки Авдѣев., 134-6, 139; Сахаров., II, 23-24; Малор. и червокорус. думы и пѣсни, 99.

ри в знахарки заживляют раны, останавливают кровь, выгоняют червей, помогают от укушенія змѣи и бѣшеной собаки, вылѣчивают ушибы, вывихи, переломы костей и всякіе другіе недуги ¹⁾; они знают свойства какъ спасительныхъ, такъ и зловредныхъ (ядовитыхъ) травъ и корней, умѣютъ приготовить цѣлебныя мази и снадобья, почему въ церковномъ уставѣ Ярослава ²⁾ наряду съ чародѣйкамъ поставлена зеленница (отъ зелье — злакъ, трава, лѣкарство, озелить — обворожить, околдовать, стар. зеленничество — волшебство ³⁾; въ областномъ словарѣ: травовѣдъ — колдунъ (калужск. губ.), травница и кореньщица — знахарка, колдунья (нижегор. губ. ⁴⁾). Въ травахъ, по народному повѣрью, скрывается могучая сила, вѣдомая только чародѣямъ; травы и цвѣты могутъ говорить, но понимать ихъ дано однимъ знахарямъ, которымъ и открываютъ онѣ: на что бываютъ пригодны и противъ какихъ болѣзней обладаютъ цѣлебными свойствами. Колдуны и вѣдьмы бродятъ по полямъ и лѣсамъ, собираютъ травы, копаютъ корни, и потомъ употребляютъ ихъ частію на лѣкарства, частію для иныхъ цѣлей; нѣкоторыя зелья помогаютъ имъ при розыскѣ кладовъ, другія надѣляютъ ихъ способностью предвѣдѣнія, третьи необходимы для совершенія волшебныхъ чаръ ⁵⁾. Сборъ травъ и корней главнымъ образомъ совершается въ срединѣ лѣта, на Ивановскую ночь, когда невидимо зрѣютъ въ нихъ цѣлебныя и ядовитыя свойства. Грамота игумена Памфила 1505 года возстаётъ противъ этого обычая въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «исходятъ обавници, мужи и жены-чаровници по лугамъ и по болотамъ, въ пути же и въ дубравы,

¹⁾ Во многихъ мѣстахъ коновалы считаются за колдуновъ. —

²⁾ Лѣтописецъ Переяслав., 43. — ³⁾ Обл. Сл., 70, 139. — ⁴⁾ Сравни D. Muth., 1016. — ⁵⁾ Сахаров., I, 42—44; Москва 1846, XI—XII, 153.

ищуше смертныя травы и привѣта чревоотравнаго зеля, на пагубу челоуѣчеству и скотомъ; ту же и дивія копають коренія на потвореніе и на безуміе мужемъ; сіа вся творять съ приговоры дѣйствомъ дѣволимъ»¹⁾. Заговоры и заклятія, эти обломки древне-языческихъ молитвенныхъ возношеній, донинѣ составляютъ тайную науку колдуновъ, знахарей и знахарокъ; силою заповѣднаго слова они насылають и прогоняють болѣзни, содѣлываютъ тѣло неуязвимымъ для непріятельскаго оружія, измѣняютъ злобу враговъ на кроткое чувство любви, умиряють сердечную тоску, ревность и гнѣвъ, и наоборотъ — разжигаютъ самыя пылкія страсти, словомъ овладѣвають всѣмъ нравственнымъ міромъ челоуѣка²⁾. Лѣчебные заговоры болѣшею частію произносятся надъ болящимъ шопотомъ, почему глаголь шептать получилъ значеніе: колдовать; шептунъ — колдунъ, наговорщикъ, шептунья или шептуха — колдунья³⁾; у южныхъ славянъ лѣкаръ называется мумлавецъ отъ мумлати — нашептывать⁴⁾; въ нѣкоторыхъ деревняхъ на Руси слово ворожея употребляется въ смыслѣ лѣкарки, ворожиться — лѣчиться, приворѣжа — таинственныя заклятія, произносимыя знахарями, ворожитъ — колдунъ, знахарь⁵⁾.

Въ народной медицинѣ и волшебныхъ чарахъ играютъ значительную роль наузы, узы, навязки — амулеты. Старинный проповѣдникъ, исчисляя мытарства, по которымъ шестуеетъ грѣшная душа по смерти, говоритъ: «13-е мытарство — волхованіе, потворы, наузы»⁶⁾. Софійская летопись подъ 1044 годомъ рассказываетъ о Всеславѣ: «матери бо родивши

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 22. — ²⁾ Малор. и червоноор. думы, 100; Поэт. Воѣ, I, 404 и далѣе; D. Myth., 996. — ³⁾ Обл. Сл., 265—8. — ⁴⁾ О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 78. — ⁵⁾ Обл. Сл., 28, 176. У чеховъ лѣченіемъ недуговъ завѣдывали věstci, hovoriči, zaklináči, čarodějníci, hadači — Громанья, 148—9. — ⁶⁾ Рукопись гр. Уварова, 112.

его, бѣ ему на главѣ знамя язвено — яма на главѣ его; рекоша волсви матери его: се язвено, навяжи на-нѣ, да носить ѣ (наузу) до живота своего на себѣ» ¹⁾. По свидѣтельству Святославова Изборника: «проклять бо имѣи надежда на чловѣка: егда бо ти дѣтищѣ болить, то ты чародѣищѣ иштеши и облищѣная писання на выи дѣтьмѣ налагаеши» ²⁾. Въ вопросахъ Кирика, обращенныхъ къ новгородскому епископу Нифонту, упоминается о женахъ, которыя приносили больныхъ дѣтей къ волхвамъ, «а не къ попови на молитву» ³⁾. Въ словѣ о злыхъ дусѣхъ, приписанномъ св. Кириллу, читаемъ: «а мы суще истинные христїане прельщены есмы скверными бабами... ѡны прокляты и скверны и злокозныи (бабы) наузы (наузами) много вѣрныи прельщаютъ: начеть на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше — бѣса проклинаеть, а она его болѣ призываетъ творится, дѣти врачующе», и нѣсколько ниже: «а мы нынѣ хотя мало поболѣимъ, или жена, или дѣтя, то оставльше Бога — ищемъ проклятыхъ бабъ-чародѣищѣ, наузовъ и словъ прелестныхъ слушаемъ» ⁴⁾. Въ Азбуковникѣ или Алфавитѣ сказано: «а бѣсовска нарицанїя толкованы сего ради, понеже мнози отъ чловѣкъ приходящи къ волхвамъ и чародѣемъ, и приѣмлютъ отъ нихъ нѣкаяя бѣсовская обоянїя наузы и носятъ ихъ на себѣ; а иная бѣсовская имена призываху волхвы и чародѣи надъ ѣствою и надъ питїемъ и дають вкушати простой чади, и тѣмъ губятъ душа чловѣческая; и того ради та здѣ писаны, да всякому православному христїанину явѣ будетъ ина волчье, да нѣкто невѣды ина волчїе вмѣсто агнеця прииметь неразумїемъ, ина то агнечье быти» ⁵⁾. Митрополитъ

¹⁾ П. С. Р. Л., V, 138. — ²⁾ Истор. Христомат. Бусл., 274. — ³⁾ Памят. XII в., 202. — ⁴⁾ Москв. 1844, I, 243—5. — ⁵⁾ По другимъ спискамъ это мѣсто читается такъ: «отпадаша же, рекша бѣсовская имена на обличїенїе волхвомъ и чародѣемъ здѣ»

Фотій въ посланіи своемъ къ новгородцамъ (1410 г.) даетъ такое наставленіе церковнымъ властямъ: «учите (прихожанъ), чтобы басней не слушали, лхихъ бабъ не прїимали, ни узловъ, ни примовленья, ни зелїа, ни вороженья» ¹⁾. Но обычай былъ сильнѣе этихъ запретовъ, и долго еще «мнози отъ человекъ, приходящи къ волхвамъ и чародѣямъ, принимали отъ нихъ нѣкая бѣсовская на юзы и носили ихъ на себѣ» ²⁾. Въ рукописныхъ сборникахъ поучительныхъ словъ XVI столѣтія встрѣчаемъ упреки: «немошь волжбою лѣчать и наузы чарованїи и бѣсомъ требы приносить, и бѣса, глаголемаго трасцю (лихорадку) творять(ся) отгоняющи... Се есть проклято. Того дѣла многи казни отъ Бога за неправды наши находятъ; не рѣче бо Богъ лѣчтитися чарованїи и наузы, ни въ стрѣчу, ни въ полазъ, ни въ чехъ вѣровати: то есть поганско дѣло» ³⁾. Царская окружная грамота 1648 года замѣчаетъ: «а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ

напвсахомъ толкованїи; повеже чародѣи и волхвы, написующе бѣсовская имена, дають ихъ простымъ людямъ, повелѣвающе имъ тая имена носити; иногда же и на ядъ какову написующе или надъ питїевъ имевующе — дають та сїѣдати простой чади. Сего ради здѣ объявномъ имена сатанинская, да нїкто же отъ простой чади полчье нїи прїиметь, и вѣсто свѣта тму удержавъ, неразумїи ради душу свою погубить. — „Понеже бо злочестивїи волхвы и чародѣи въ различныхъ ихъ мнимыхъ заговорныхъ молитвахъ пишутъ иностранною рѣчью бѣсовская имена, тако же творить и надъ питїемъ, шепчюще призываютъ та злая имена и дають ту ядъ и питїе болвымъ вкушати, овѣмъ же съ тѣми злыми имены на юзы на персѣхъ дають носити“ — Архивъ ист.-юр. свѣд., I, ст. Бус., 2; Сахаров., II, 140; Ч. О. И. и Д. 1858, IV, стат. Лавровскаго, 54). — ¹⁾ Ак. Арх. Экс., I, 243. — ²⁾ Щаповъ, 71; Времен., I, 38 („Домострой“). — ³⁾ Варїантъ: „жертву приносятъ бѣсомъ, недуги лѣчатъ чарами и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго трасцю, мнѣтся прогоняюще нѣкими ложными писмьны“ — Архивъ ист.-юр. свѣд., II, полов. I, стр. XXVII полов. 2, смѣсь, 48—49.

бабъ въ домъ къ себѣ призывають в кѣ малыи дѣтешъ, и тѣ волхвы вадъ болныи и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхованіе¹⁾. Болгарская рукопись позднѣйшаго письма осуждаетъ женъ, «кон завѣзують зверове (вар. скоти) и мечки, и гледать на воду, и завезують деца малечки» (дѣтей²⁾). Знахарямъ, занимавшимся навязываніемъ такихъ амулетовъ, дана были названія наузника³⁾ и узольника, какъ видно изъ одной рукописи с.-петербургской публичной бібліотеки, гдѣ признаны достойными отлученія отъ св. причастія: обавникъ, чародѣй, скоморохъ и узольникъ⁴⁾. Наузы состояли изъ различныхъ привязокъ, надѣваемыхъ на шею: болъшею частію это были травы, коренья и ныя снадобья (уголь, соль, сѣра, засушенное крыло летучей мыши, змѣиныя головки, змѣиная или ушова я кожа и проч.), которымъ суевѣріе приписывало цѣлебную силу отъ той или другой болѣзни; смотря по роду немощи, могли мѣняться и самыя снадобья⁵⁾. Иногда, вмѣсто всякихъ цѣлительныхъ средствъ, зашивалась въ лоскутъ бумажка съ написаннымъ на ней заговоромъ и привѣшивалась къ шейному кресту. У германскихъ племенъ привязывались на шею, руку или другую часть тѣла руны (тайныя письмева) для излѣченія отъ болѣзни и противодѣйствія злomu колдовству, и

¹⁾ Ал. Ист., IV, 35; Описаніе Архива старыхъ дѣлъ, 296—8. Въ житіе Зосимы и Савватія занесенъ разсказъ о новгородскомъ гостѣ Алексѣѣ Курниковѣ, который обращался къ волхвамъ, испрашивая у нихъ помощи своему болащему сыну „и ничтоже успѣше“ — Шаповъ, 43. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 41. — ³⁾ Пам. стар. рус. литер., IV, 202: поученіе митрополита Данила; Обл. Сл., 125. — ⁴⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. А. Попова, 37—38. — ⁵⁾ Пузын., 162; Этн. Сб., II, 29. Наузы (чешск. *nauzsi*, *nauzau*; *nauzovati* — колдовать) въ употребленіи и между другими славянскими племенами — Зап. морск. оендера, I, 278; О. З. 1853, VIII, отдѣлъ иностр. литер., 86.

амулеты эти назывались *ligaturae* (въ средніе вѣка) и *angehenke* ¹⁾. Въ христіанскую эпоху употребленіе въ наузахъ ладона (который получилъ особенно-важное значеніе, потому что возжигается въ храмахъ) до того усилилось, что все привязки стали называться ладонками — даже и тогда, когда въ нихъ не было ладону. Ладонки до сихъ поръ играютъ важную роль въ простонародьи: отправляясь въ дальнюю дорогу, путники надѣваютъ ихъ на шею въ предохраненіе отъ бѣдъ и порчи. Въ XVII вѣкѣ былъ приведенъ въ приказную книгу и наказанъ батогами крестьянинъ Игнашка за то, что имѣлъ при себѣ «корешокъ невеликъ, да травки немного завязано въ узлишки у (шейнаго) креста» (см. гл. XXVII). Навѣшивая на себя дѣкарственные снадобья или клятвенныя, заговорныя письмена, силою которыхъ прогоняются нечистые духи болѣзней, предки наши были убѣждены, что въ этихъ наузахъ они обрѣтали предохранительный талисманъ противъ сглаза, порчи и вліянія демоновъ, и тѣмъ самымъ привязывали, прикрѣпляли къ себѣ здравіе. Подобными-же наузами дѣвы судьбы привязывали новорожденнымъ младенцамъ дары счастья — тѣлесныя и душевныя совершенства, здоровье, долголѣтіе, жизненныя радости и проч. Народныя сказанія смѣшиваютъ дѣвъ судьбы съ вѣщими чародѣйками и возлагаютъ на тѣхъ и другихъ одинаковыя обязанности; такъ скандинавскія вѣльвы отождествляются съ норнами: присутствуютъ и помогаютъ при родахъ и предсказываютъ будущую судьбу младенца (стр. 351, 358). Въ той-же роли выступали у славянъ вѣщія жонки, волхвицы; на это указываютъ: съ одной стороны, обычай приносить дѣтей къ волхвамъ, которые и налагали на нихъ наузы, а съ другой стороны — областной словарь, въ которомъ повитуха, помощница при

¹⁾ D. Myth., 1125—6.

родахъ называется бабка, глаголь же бабкаты означаетъ: нашептывать, ворожить ¹⁾).

Но приведенное нами объясненіе далеко не исчерпываетъ всѣхъ поводовъ и побужденій, какими руководствовались въ старину при наложеніи наузъ. Рѣченія связывать, дѣлать узлы, опутывать могутъ служить для указанія различныхъ оттѣнковъ мысли, и смотри по прииѣненію — получаютъ въ народныхъ преданіяхъ и обрядахъ разнообразное значеніе. Въ заговорахъ на непріятельское оружіе выраженія эти означаютъ тоже, что запереть, забить вражескія ружья и тулы, чтобъ они не могли вредить ратнику: «завяжу я рабъ божій по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищаляхъ, лукахъ и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія; и стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча змѣиная сокрыта — отъ змѣя двенадцатъглаваго» ²⁾). По сходству ползучей, извивающейся змѣи и ужа съ веревкою и поясомъ, сходству, отразившемуся въ языкѣ (ужъ ище—веревка—гужъ и ужъ; въ народной загадкѣ поясъ метафорически названъ ужомъ), чародѣйнымъ узламъ заговора дается таже могучая сила, какая приписывается ииенческому многоглавому змѣю. Въ старину вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ «завязывать» чужое оружіе, что ихъ не брали ни сабли, ни стрѣлы, ни пули. Такое мнѣніе имѣли современники о Стенькѣ Разинѣ. — Увидѣвши первый цвѣтъ на огурцахъ, тыквахъ, арбузахъ или дыняхъ, хозяйина перевязываетъ огудину красною ниткою изъ пояса и произноситъ: «якъ густо сей поясъ вязався, щобъ такъ и мои огурочны

¹⁾ Обл. Сл., 4. — ²⁾ Сахаров., 1, 27.

густо вязались у пупянки въ огудни» ¹⁾. Здѣсь высказывается желаніе, чтобы не было пустоцвѣту; цвѣтъ, зарождающій плодъ, называется завязью, и на этомъ словѣ содался самый заговоръ и сопровождающій его обрядъ.—Того, кто сажалъ въ печь свадебный коровай, подвизываютъ утиральникомъ и сажаютъ на покутье, чтобъ коровай не разошелся, не расплылся ²⁾. — Чтобы ребенокъ сталъ скорѣе ходить, для этого на Руси разрѣзываютъ ножень промежъ его ногъ тѣ невидимыя пути, которые задерживаютъ его ходу ³⁾. Подобныхъ повѣрій и обрядовъ много обращается въ средѣ поселянъ. Относительно болѣзней и вообще всякаго зловреднаго вліянія нечистой силы рѣченіе связывать стало употребляться: во 1-хъ, въ значеніи заповѣднаго слова, связывающаго мучительныхъ демоновъ и тѣмъ самымъ подчиняющаго ихъ — волѣ заклинателя. Апокрифическое слово о крестѣ честиѣ (по болгарской рукописи) заставляетъ Соломона заклинать демоновъ принести ему третье древо этой формулой: «завѣ(я)зую васъ азъ печатію господнею» ⁴⁾. Припомнимъ, что печать въ старину привѣшивалась на завязанномъ шнурѣ ⁵⁾. Тою же формулой дѣйствуетъ заговоръ и противъ злыхъ колдуновъ и вѣдьмъ: «заваяжи, Господи, колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ и ушпрцу (уста и языкъ) — на раба божія (имярекъ) зла не мыслити» ⁶⁾. Завязать получило въ устахъ

¹⁾ Номис., 5. — ²⁾ Этн. Сб., I, 353. — ³⁾ Абев., 235. — ⁴⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 490. — ⁵⁾ Печать—эмблема налагаемыхъ узъ: запечатать кому уста все равно, что «завязать кому ротъ», т. е. заставить молчать. Особенно важную роль играетъ это слово въ заговорахъ на остановленіе крови („запечатать рану“), вслѣдствіе еродства его съ выраженіемъ: кровь или рана запеклась (см. заговоръ, приведенный г. Буслаевымъ въ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, пол. 2, 40). — ⁶⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, пол. 2, 53—54.

народа смыслъ: воспрепятствовать, не допустить: «ини якъ завязано» (малорос.) — ниѣ ничто не удается. Заговорныя слова, означавшія побѣду заклинателя надъ нечистыми духами болѣней и смерти, опутываніе ихъ, словно плѣнниковъ, цѣпки и узаны, (по необходимому закону древнѣйшаго развитія, когда все воплощалось въ наглядный обрядъ) вызвали дѣйствительное завязываніе узловъ; узлы эти завязывались на тѣлѣ больного, такъ какъ, по древнему воззрѣнію, демонъ болѣзни вселялся въ самаго человѣка. До сихъ поръ еще наузы нерѣдко состоятъ изъ простой нитки или бичевки съ узлами; такъ отъ ихорадки носятъ на рукахъ и ногахъ повязки изъ красной шерсти или тесьмы; девять нитокъ такой шерсти, навазанныя на шею ребенка, предохраняютъ его отъ скарлатина — краснухи; отъ глистовъ употребляютъ тоже навазывать пражу на дѣтей ¹⁾. Красный цвѣтъ нити указываетъ въ ней символическое представленіе молніи, прогоняющей всякую демонскую силу. Въ тверской губ., для охраны стада отъ зѣрей, вѣшаютъ на шею передовой ²⁾ коровы сумку съ какичато снадобьемъ; сумка эта называется вязло ³⁾, и значеніе чары состоитъ въ томъ, что она связываетъ пасть дикаго звѣря. При весеннемъ выгонѣ лошадей въ поле, крестьяне берутъ висячій замокъ, и то запирая его, то отмыкая, обходятъ трижды кругомъ стада и причитываютъ: «заныкаю я сими булатнымъ замкомъ сърыми волкамъ уста отъ моего табуна». За третьимъ обходомъ запираютъ замокъ окончательно и кладутъ его въ воротахъ, черезъ которыя выгоняютъ лошадей; послѣ того поднимаютъ замокъ и прячутъ гдѣ-нибудь, оставляя замкнутымъ до поздней осени, пока табунъ гуляетъ

¹⁾ Иллюстр. 1845, 565; Пузин., 160; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 322; Громанъ, 112; красная повязка оберегаетъ ребенка отъ порчи. — ²⁾ Корова, которая ходитъ впереди стада — ³⁾ Обл. Сл., 34.

въ полѣ. Крѣпкое слово заговора, словно ключомъ, замыкаетъ уста волковъ ¹⁾). Подобнымъ образомъ болгары думаютъ оберечь свои стада суевѣрнымъ обрядомъ, основаннымъ на выражаніи защиты волчьимъ уши, очи и уста. Вечеромъ баба беретъ иглу съ ниткою и начинаетъ зашивать полу своей одежды, а какой-нибудь мальчикъ ее спрашиваетъ: «что шлешь, бабо?» — Зашивамъ, сынко, на вълцы-тѣ уши-тѣ, да не чуютъ овце-тѣ, козы-тѣ, свине-тѣ и теленца-та. Мальчикъ повторяетъ свой вопросъ, и получаетъ отвѣтъ: «зашивамъ, сынко, на вълцы-тѣ очи-тѣ, да не видятъ овце-тѣ» и т. дал. Въ третій разъ баба говоритъ: «зашивамъ на вълцы-тѣ уста-тѣ, да не вѣдять овецъ, козъ, свиней и телать ²⁾». Во 2-хъ, науза разсматривалась, какъ крѣпкой запоръ, налагаемый на человѣка съ цѣлю преградить (=замкнуть, завязать) доступъ къ его тѣлу. Нить или бвчева съ наглухо-затянутыми узлами, или еще лучше — съть (потому что нигдѣ нѣтъ столько узловъ, какъ на ней) почитаются охранительными средствами противъ нечистой силы, колдуновъ и вѣдьмъ. Чтобы поймать вѣдьму, должно спрятаться подъ осинovou борону и ловить ее уздою; подъ бороною она не можетъ повредить человѣку, такъ какъ верхняя часть бороны дѣлается изъ свитыхъ (сплетенныхъ) вѣстѣ лозъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наряжая невѣсту къ вѣнцу, накидываютъ на нее бредень (рыболовную съть), или навязавъ на длинной ниткѣ, какъ можно — болѣе, узелковъ, подвязываютъ

¹⁾ Вибл. для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 55—56. — ²⁾ Червиг. Г. В. 1861, 6. Въ смоленской губ., выговя скоть на Юрьевъ день въ поле, читають слѣдующее завятіе: „глухой, глухой! ци слышишь? — Не слышу! — Когда-бъ далъ Богъ, чтобъ волкъ не слышалъ нашего скота. Хромой, хромой! ци дойдешь? — Не дойду! — Когда-бъ далъ Богъ — не дошелъ волкъ до нашего скота. Слѣпой, слѣпой! ци видишь? — Не вижу! — Дай Богъ, чтобъ волкъ не видалъ нашего скота“ (Цебрин., 273).

ею невѣсту; дѣлается это съ намѣреніемъ противодействовать порчѣ. Точно также и женихъ и самыя поѣзжане опоясываются сѣткою или вязаннымъ поясомъ — въ томъ убѣжденіи, что колдунъ ничего злаго не въ силахъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не распутаетъ безчисленныхъ узловъ сѣтки пока не удастся ему снять съ человѣка его поясъ ¹⁾. Нѣкоторые крестьяне думаютъ, что ходить безъ пояса грѣшно ²⁾. Въ 3-хъ, съ наузою соединилось понятіе цѣлебнаго средства, связующаго и скрѣпляющаго разбитые члены большаго. Если разовьется рука, т. е. заболитъ связка ручной кисти ³⁾, то на Руси принято обвязывать ее красною пряжею. Такое симпатическое лѣчение извѣстно и у нѣмцевъ. Кромѣ того, на Vogelsberg'ѣ отъ лома въ костяхъ носить желѣзные кольца, выкованныя изъ такого гвоздя или крюка, на которомъ кто-нибудь повѣсился ⁴⁾. Чтобы избавиться отъ головной боли, нѣмцы обвязываютъ виски веревкою, на которой былъ повѣшенъ преступникъ; во Франціи же такую веревку носить для отвращенія зубной боли: эта повязка должна закрѣпить и черепъ, и зубы ⁵⁾. Въ случаѣ вывиха или перелома, и у насъ и въ Германіи поселане отыскиваютъ дерево, которое, раздѣлившись на двѣ вѣтви,

¹⁾ Иллюстр. 1846, 333; О. З. 1848, т. LVI, 204. Кто желаетъ добыть шапку-невидимку или неразвѣнный червонецъ отъ нечистаго, тотъ, по народному повѣрью, можетъ вынудить у него эти диковинки на черную кошку; но непременно долженъ обвязать ее сѣтью или ниткою съ узелками, а то — бѣда неминуемая! Сказанное же средство спасаетъ отъ несчастія, потому что нечистой до тѣхъ поръ связанъ въ своихъ злобныхъ дѣйствіяхъ, пока не распутаетъ всѣхъ узловъ — Ворон. Бес., 192; Сахаров., I, 55. —

²⁾ Владим. Г. В. 1844, 49. — ³⁾ То мѣсто, гдѣ кисть руки соединяется съ костью, идущою отъ локтя, крестьяне называютъ завѣ(н)ть — Библ. для Чт. 1848, X, ст. Гуляева. 119. — ⁴⁾ D. Myth., 1117, 1121; Die Götterwelt, 197. — ⁵⁾ Beiträge zur D. Myth., I, 247.

потомъ снова срослось въ одинъ стволъ, и въ образовавшееся отъ того отверстіе протаскиваютъ больныхъ дѣтей; иногда нарочно раскалываютъ молодое зеленое дерево (преимущественно дубъ) надвое, протаскиваютъ больного сквозь разщепленные половинны и потомъ связываютъ ихъ веревкою: пусть также сроснется поломанная кость, какъ срастается связанное дерево (II, 304—5). Наконецъ есть еще обычай, въ силу котораго снимаютъ съ больного поясъ и бросаютъ на дорогѣ; кто его подыметъ и надѣнетъ на себя, тотъ и заболѣетъ, т. е. къ тому болѣзнь и привяжется, а хворыи выздоровѣтъ ¹⁾).

Вѣще мужи и жонки призываются для унятія разгнѣваннаго домового, кикиморъ и разныхъ враждебныхъ духовъ, овладѣвшихъ жильемъ челоуѣка; они обмываютъ притолки отъ лихорадокъ, объѣзжаютъ съ особенными обрядами поля, чтобы очистить ихъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ и гдзовъ ²⁾); когда на хлѣбныя растенія нападеть червь, то нарочно-приглашенная знахарка три зори выходитъ въ поле, нашептываетъ заклятія и дѣлаетъ при концахъ загоновъ узлы на колосьяхъ: это называется «заламывать червей», т. е. преграждать имъ путь на зеленѣющія нивы ³⁾). Колдунъ — необходимое лице ва свадьбахъ; на него возлагается обязанность оберегать молодую чету и всѣхъ «поѣзжанъ» отъ порчи. Въ пермской губ. при невѣстѣ всегда находится знахарка, а при женихѣ — знахарь. Этотъ послѣдній ѣдетъ впереди свадебнаго поѣзда — съ озабоченнымъ лицомъ, озираясь по сторонамъ и нашептывая: по народному объясненію, онъ борется тогда съ нечистою силою, которая слѣдуетъ за новобрачными и строить имъ козни ⁴⁾). Вообще въ затруднительныхъ

¹⁾ Этв. Сб., VI, 129. — ²⁾ Сахаров., II, 95. — ³⁾ Владим. Г. В. 1844, 49. — ⁴⁾ Сахаров., I, 56; II, 17, 107—9; Очеркъ арханг. губ. Верещагина, 181—3.

обстоятельствахъ жизни: нападетъ ли на сердце кручина, приключится ли въ домѣ покража или другая бѣда, отгуляетъ ли лошадь, угрожаетъ ли ищеніе врага и т. д. — во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне прибѣгаютъ къ колдунамъ и колдуньямъ и просятъ ихъ помощи и совѣтовъ ¹⁾. Такъ ведется и старин. По свидѣтельству слова о злыхъ дусѣхъ: «когда (людямъ) кака-либо казнь найдеть, или отъ князя пограбленіе, или въ дому пакость, или болѣзнь, или скоту ихъ пагуба, то они текутъ къ волховмъ, въ тѣхъ бо собѣ помощи ищутъ» ²⁾. Въ Святославовомъ Изборникѣ замѣчено: «аште и снѣ (сонъ) тя сѣмоутитъ, къ снѣноуоумоу сѣказателю течеш; аште и погоубиши (потеряешь) что, то къ влѣхвоу течеш» ³⁾. Колдуны и вѣдуньи тотчасъ обличаютъ вора и находятъ потерянную вещь; они обладаютъ способностью проникать въ чужія мысли, знаютъ все бывшее, настоящее и грядущее; для нихъ достаточно посмотрѣть человѣку въ очи или прислушаться къ его голосу, чтобы въ ту же минуту овладѣть его тайною ⁴⁾. Отъ глубокой древности и до нашихъ дней ихъ считаютъ призванными совершать гаданія, ворожить и давать предвѣщанія. В. кн. Олегъ обращался къ волхвамъ съ вопросомъ: какая суждена ему смерть? и получилъ въ отвѣтъ: «князь! ты умрешь отъ любимаго коня». Рассказавши о томъ, какъ сбылось это предвѣщаніе, лѣтописецъ прибавляетъ: «се же дивно есть, яко отъ волхованія сбывается чародѣйствомъ» ⁵⁾. По указанію Крапедворской рукописи Кублай собиралъ чародѣевъ, и тѣ гадали ему: на чью сторону должна склониться

¹⁾ Сахаров., I, въ отдѣлѣ: „Чернокиише“; Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, смѣсь, 34; Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208. — ²⁾ Москв., 1844, I, 244. — ³⁾ Ист. христом. Бусл., 274. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846, 135. — ⁵⁾ П. С. Р. Л., I, 16. Гедимину волхвъ растолковалъ его чудесное видѣніе — Вѣст. Евр. 1821, XVI, 310—1. Напоминаніи и народныя поговорки: „хорошо тому жать, кому бабушка ворожитъ“, „бабка надвое сказала!“

побѣда. Тѣже вѣщія дарованія нераздѣльны и съ понятіемъ жречества. Вездѣ, гдѣ только были жрецы и жрицы, на нихъ возлагались обязанности творить судъ, совершать гаданія, предсказывать будущее, произносить заклятія и врачевать недуги (см. стр. 85 ¹⁾); съ водвореніемъ же христіанства нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей были усвоены служителямъ новой религіи. Не останавливаясь на такъ называемыхъ «божьихъ судахъ» и заклинательныхъ молитвахъ, наолняющихъ старинныя служебники, замѣтимъ одно, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ духовенство предлагало свою врачебную помощь, пользовалось для этого частію религіозными обрядами, частію средствами, наслѣдованными отъ незапамятной старины ²⁾.

Надѣлая вѣщныхъ женъ и мужей тѣми-же эпитетами и названіями, каніе употреблялись для обозначенія облачныхъ духовъ, присовокая тѣмъ и другимъ тождественные признаки, естественно было породнить и смѣшать ихъ: за первыми признать стихійныя свойства, а послѣднихъ низвести на землю и поставить въ условія человѣческой жизни. Большая часть на-

¹⁾ У литовцевъ, напримѣръ, жрецы давали прорицанія, гадали по прику птицъ, лѣчили болѣзни, заживляли раны, останавливали кровь, навязывали амулеты и пр.; верховный жрецъ назывался у нихъ криве кривейте—судья судей—Ж. Ш. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск., 15—21. По чешскому преданію, у Крока было три вѣщія дочери, изъ которыхъ одна знала силу травъ, умѣла цѣлить болѣзни и вѣдала все, о чемъ бы ее ни спросили, вторая была жрицею, научила чеховъ поклониться богамъ и приносить имъ жертвы, а третьей Любушѣ принадлежали судъ и управа. — ²⁾ D. Myth., 1103; П. С. Р. Л., I, 81: „аще кто коли принесяше дѣтиць болельъ..., ли свершенъ человекъ, нацѣмъ-любо недугомъ одержимъ, приходяще въ монастырь къ блаженному Феодосію—повелѣваше сему Давыану молитву створити болящему; и абы створише молитву и масломъ помазаше, и примажу и(с)цѣленье приходящій въ нему“.

родныхъ повѣрій о вѣдунахъ и вѣдмахъ представляютъ такія яркія, знаменательныя черты древнѣйшихъ воззрѣній на природу, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первоначально онѣ могли относиться только къ демонамъ облачнаго міра. Таковы повѣрья: а) о насланіи вѣдунами и вѣдмами грозовыхъ тучъ, бурныхъ вихрей и града, б) о скрадываніи ими росы, дождей и небесныхъ свѣтилъ, в) о ихъ полетахъ въ воздушныхъ пространствахъ, г) сборищахъ на «лысой горѣ», неистовыхъ пляскахъ и нечестивыхъ оргіяхъ, е) о доеніи, вѣдмами коровъ, ф) о вліяніи колдовства на земное плодородіе и наконецъ г) о волшебной силѣ оборотничества.

Въ Германіи вѣдмамъ даются названія: *wettermacherin*, *wetterhexe*, *nebelhexe*, *strahlhexe*, *blitzhexe*, *zessenmacherin* (отъ стар. *zessa*—*sturm*, буря, гроза), что, во 1-хъ роднитъ ихъ съ валькиріями, которыя носятя на облачныхъ коняхъ и сотрясаютъ на землю росу, во 2-хъ—сближаетъ ихъ съ сербскими вилами, собирательницами облаковъ, и въ 3-хъ—напоминаетъ греч. *νεφέλη γερέρτης*—одинъ изъ эпитетовъ Зевса ¹⁾. Славянская «Кормчая» (по списку 1282 г.) и «Домострой» называютъ чародѣевъ облакопрогонниками ²⁾; митрополитъ Даніилъ совѣтуетъ налагать запрещеніе на «глаголемыхъ облакопрогонниковъ и чаровниковъ и наузниковъ и волшебниковъ ³⁾. Въ западной Европѣ существуетъ глубоко-укорененное вѣрованіе, что колдуны и вѣдмы могутъ носиться въ тучахъ, производить грозы, напущать бури, дождевыя ливни и градъ. Вѣрованье это идетъ изъ отдаленной древности. Фессалійскія волшебницы обвинялись между прочимъ и во всѣхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ опустошительными бу-

¹⁾ D. Myth., 1042—3. — ²⁾ Истор. Христов. Бусл., 381; Времен., I, 43. — ³⁾ Пам. стар. рус. литер.: IV, 202 Въ финскихъ рунахъ «колдунъ» называется *Ukon poika* = сынъ громовника Укко—Учен. Зап. Ак. Н. 1852, IV, 514—5.

рями. Въ средневѣковыхъ памятникахъ (VIII-IX в.) чародѣи именуются *tempestarii, immissores tempestatum*, и это основывалось на общемъ убѣжденіи, что «*homo malus vel diabolus tempestatem faciat, lapides grandinum spergat, agros devastet, fulgura mittat*». Скандинавская сага говоритъ о двухъ полубогиняхъ-получародѣйкахъ Ириѣ и Торгердѣ (*Igra* и *Thorgerd*), которыя производили ненастье, бури и градъ. Изъ преданій, сохраненныхъ германскими племенами, узнаемъ, что колдуны и вѣдьмы употребляютъ для этого кружки или чаши. Подобно тому, какъ древніе боги и богини проливали изъ небесныхъ урнъ дожди и росу, такъ точно колдуны и вѣдьмы, уносясь въ воздушныя выси, посылаютъ изъ своихъ кружекъ разрушительную бурю; опрокидывая одну кружку, они творятъ громъ и молніи, изъ другой пускаютъ градъ и мятели, изъ третьей—суровые вѣтры и ливни. Облака и тучи, содержащія въ своихъ нѣдрахъ дождь, градъ и снѣгъ, въ поэтическихъ сказаніяхъ старины представлялись сосудами, котлами и бочками, въ которыхъ изготовлялся и хранился волшебный напитокъ, или небесными родниками и колодцами. На этихъ давно-позабытыхъ метафорахъ основаны многія изъ народныхъ повѣрій. Такъ о вѣдьмахъ рассказываютъ, что, погружая въ воду горшки и взбалтывая ее, онѣ вызываютъ ненастье; съ тою-же цѣлью онѣ потрясаютъ котломъ или вздымаютъ пылъ противъ солнечнаго заката; сверхъ того, въ своихъ котлахъ и горшкахъ онѣ стряпаютъ (варятъ) непогоду, проливные дожди и градъ; рассказываютъ еще, что вѣдьмы пускаютъ по водѣ снѣжные огоньки, бросаютъ въ воздухъ кремневые камни (т. е. возжигаютъ въ дождевыхъ источникахъ молніи и мечутъ «громовыя стрѣлки») и катаютъ бочки, разрывъ котбрыхъ производитъ грозу и бурю. По нѣмецкимъ актамъ XVI и XVII столѣтій, вѣдьмы собирались око-

до озеръ и источниковъ, били по водѣ хлыстами, и когда отъ летящихъ брызгъ подымался туманъ, то сгущали его въ черныя тучи; на этихъ тучахъ ѣздили онѣ по воздушнымъ пространствамъ, направляя ихъ бѣгъ въ ту сторону, гдѣ хотѣли произвести опустошеніе. Бросая въ колодцы и пруды камни, чародѣи могутъ вызывать грозы, дожди и градъ: повѣрье, общее германцамъ съ кельтами и финнами. И лоза, и камень—символы молніи. Въ Греціи совершался слѣдующій обрядъ: когда наступала засуха, Зевсовъ жрецъ шелъ къ источнику, посвященному нимфѣ, творилъ тамъ жертвоприношеніе и дубовою вѣткою касался поверхности воды; думали, что вслѣдствіе этого обряда непремѣнно должны подняться туманы, собраться въ облака и напоить землю дождемъ. Нѣмецкая сага рассказываетъ о вѣдьмѣ, которая изъ маленькаго облачка создала большую грозовую тучу, и носясь въ ней, словно въ воздушномъ кораблѣ, воздвигла сильную бурю; на ту пору шелъ по дорогѣ охотникъ; застигнутый невостемъ, онъ зарядилъ свое ружье освященной пулею и выстрѣлилъ въ самую средину черной тучи, гдѣ иракъ былъ сгущенъ всего больше, и вслѣдъ за выстрѣломъ передъ нимъ упала убитая голая женщина; въ то же мгновеніе буря затихла и небо стало проясняться. Сказаніе это извѣстно и словенцамъ¹⁾; смыслъ его—тотъ, что облачная жена гибнетъ отъ громовой стрѣлы дикаго охотника (Одина). Въ Каринтіи поселане стрѣляютъ въ грозовыя тучи, чтобы разогнать злыхъ духовъ, собирающихся въ надземной области держать совѣтъ и уготовлять бѣды. Вѣтры, сопровождающіе полетъ тучъ, заставляли уподобить эти послѣднія раздувательнымъ мѣшкамъ. О норвежскихъ чародѣйкахъ сохранилось преданіе, что онѣ заключали вѣтры въ мѣшокъ (windsack) и завязывали его узлами, а въ случаѣ надобности развѣршали эти

¹⁾ Рус. Вѣс. 1857, III, 112.

узы, произнося заклятіе: «wind, ins teufels namen!» — и въ ту же минуту подымался бурный вихрь, опустошалъ землю, волновалъ море и разбивалъ корабли. Норманны и вообще жители сѣверныхъ поморій вѣрили, что колдуны могли продавать вѣтры морякамъ, давая имъ кожаные мѣшки съ волшебными узлами: когда развязывали одинъ узелъ — начинали дуть тихіе и благопріятные вѣтры, развязывали другою — вѣтры крѣпчали, а вслѣдъ за разрѣшеніемъ третьяго узла — наставала страшная буря. Напомнимъ, что съ дующими вѣтрами фантазія сочетала представленіе о буйныхъ, вѣстовыхъ существахъ, которымъ удалось вырваться на свободу; въ тихое же время они сидятъ въ заключеніи, окованные и связанные своимъ владыкою (I, 311—2). Управляя вѣтрами, колдуны и вѣдьмы могутъ не только собирать, сгущать облака, но и прогнать ихъ съ небосклона и производить бездождіе и засуху, не менѣе гибельныя для жатвъ, какъ и безвременныя ливни и все-истребляющій градъ ¹⁾. Въ Испаніи простолюдины убѣждены, что вѣдьмы какъ только захотятъ — тотчасъ-же добудутъ вѣтра, потому что имъ самъ чертъ поддуваетъ ²⁾. Тоже воззрѣніе на колдовство раздѣлялось и славянскими племенами. По ихъ рассказамъ, вѣдуны и вѣдьмы могутъ, по своему произволу, и насылать и отвращать бури, грѣзы, дожди и градъ; могутъ морочить (затуманивать или отводить очи), т. е. застывать окрест-

¹⁾ D. Myth., 559—560, 606, 1026, 1040—2; Der Ursprung der Myth., 260—1; Вибл. для Чт. 1842, XI, 56. Фритіоесага предлагаетъ слѣдующее свидѣтельство: сыновья конунга Бели послали за двумя вѣдьмами, заплатили имъ деньги и заставили на погибель Фритіоеа возбудить морскую бурю. Вѣдьмы приготовили пары, и взобравшись на утесъ, вызвали заливными буйные вѣтры. Море запынилось, заглубилось, и пловцовъ окружила непроницаемая тьма...—Опытъ истор.-этнологич. трудовъ Глав. Педаг. института (1852 г.), 154—2. — ²⁾ Телескопъ 1834, IV, 224.

ныя мѣста и предметы туманомъ, и придавая имъ обманчивые образы, заставляя человѣка видѣть совсѣмъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ ¹⁾). Въ Малороссіи вѣдму называютъ мара, а словомъ заморюка обозначается и чаровница, и темнота ночная ²⁾). Оба названія указываютъ на иракъ, производимый наплывомъ черныхъ тучъ. Эта связь съ тучами и вихрями, въ которыхъ издревле рисовались народному воображенію великаны, змѣи и другіе нечистые духи, враждебные свѣтлымъ богамъ неба, наложила на колдуновъ и вѣдьмъ демоническій характеръ. Уже въ Индіи вѣрили въ злое вліяніе колдовства. Въ народныхъ сказкахъ колдунъ и вѣдьма нерѣдко заступаютъ мѣсто дракона или чорта, и подобно имъ — налетаютъ грозовою тучею, ударяютъ громомъ и сверкаютъ молніями ³⁾). Отсюда-то возникъ цѣлый рядъ суевѣрныхъ преданій, по свидѣтельству которыхъ чародѣи и чародѣйки предаются дьяволу, заключаютъ съ нимъ договоры и дѣйствуютъ его именемъ, направляя свои вѣщія дарованія не столько на пользу, сколько во вредъ и на пагубу человѣческаго рода ⁴⁾). Въ южной Россіи существуетъ любопытный рассказъ о знахарѣ, который по собственному желанію могъ располагать и дождемъ, и градомъ. Бывало во время жатвы надвинется на

¹⁾ Киевлян. 1865, 69; Ганушъ: Дядь и Баба, 53; Zagusy domowe, III, 150, 166. Москв. 1848, VIII, 71—73; Маякъ, XII, 21. На Руси можно услышать рассказы о томъ, какъ положивъ колдуня или вѣдьма наказывать плетью, а имъ и горя мало: вѣсть кажется, что плеть бьетъ по голой спинѣ, а она ударяетъ по землѣ или бревну. Мороча людей, колдуны напускаютъ обманчивое наводненіе — марево (Н. Р. Ск., V, 16; VI, 21; Чудинск., 24). — ²⁾ Киев. Г. В. 1845, 13; Старосв. Банд., 333. — ³⁾ Чудинск., стр. 14, 32. —

⁴⁾ Повтому и въ народныхъ занятіяхъ испрашиваютъ защиты „отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитраго черношнаника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухивѣдуньи, отъ вѣдьмы кievской и злой сестры ея — муромской“ — Сахаров., I, 19.

небо дождевая туча; всё бросается складывать снопы, станут убираться домой, а ему и горя мало! «Не будет дождя!» скажетъ онъ — и туча пройдетъ мимо. Разъ какъ-то собралась страшная гроза, все небо почернѣло; но знахарь объявилъ, что дождя не будетъ, и продолжалъ работать на своей нивѣ. Вдругъ, откуда не взялся, скачетъ къ нему черный чело­вѣкъ на черномъ конѣ: «пусти!» умоляетъ онъ знахаря. — Ни, не пущу! отвѣчаетъ тотъ; було не набирать такъ богато! Черный ѣздокъ исчезъ; тучи понизѣли, поблѣднѣли, и мужики стали ожидать граду. Несется къ знахарю другой ѣздокъ — весь бѣлый и на бѣломъ конѣ: «пусти, сдѣлай милость!» — Не пущу! «Эй, пусти; не выдержи!» Знахарь приподнялъ голову и сказалъ: «ну, вже ступай, да тилько у той байракъ, щѣ за нивою». И вслѣдъ за тѣмъ градъ зашумѣлъ по байраку ¹⁾. Чехи передаютъ этотъ рассказъ въ такой формѣ: завидя градовую тучу, заклинатель рѣшился отвести ее отъ засѣянныхъ полей на дальнія пустынные горы; но изъ середины тучи раздался голосъ: «пусти меня! я не въ силахъ сдерживать больше». Заклинатель бросился къ сосѣду своему — судѣѣ, выпросилъ у него позволеніе провезти грузъ черезъ его владѣнія, и черезъ нѣсколько минутъ всё судейскія поля были побиты градомъ; прочія-же окрестныя поля остались нетронутыми ²⁾. Въ бурныхъ, стремительныхъ вѣтрахъ поселяне усматриваютъ полетъ колдуна или вѣдьмы. По нѣмецкому выраженію, колдунъ ѣздитъ на хвосту вѣтра; какъ скоро ему понадобится перенестись въ дальнюю сторону, Вѣтръ приглашаетъ его: «setz dich auf meinen schwanz!» ³⁾. На Руси существуетъ повѣрье, что на Благовѣщенье, когда

¹⁾ Кулишъ, II, 40; Москва. 1846, XI—XII, критика, 153—4. —

²⁾ Громаничъ, 34—35; по другому варианту, колдунъ велитъ граду спуститься на поля нечестивой бабы. — ³⁾ Die Götterwelt, 98; Beitrage zur D. Myth., II, 362.

повѣтъ весна, черти провѣтриваютъ колдуновъ, и съ этою цѣлью подымаютъ ихъ на воздухъ и держатъ головами внизъ ¹⁾). Отъ малоруссовъ можно услышать слѣдующее преданіе: работалъ мужикъ въ полѣ; глядь — прямо на него летитъ вихорь, мужикъ выхватилъ изъ-за пояса сѣкиру и бросилъ въ самую средину вертящагося столба пыли. Вихорь понесся дальше и увлекъ за собою топоръ, воззвѣсившійся въ него, словно въ дерево. Вскорѣ случилось этому мужику остановиться на ночлегъ въ одной деревушкѣ; было поздно, когда онъ вошелъ въ хату, въ которой еще свѣтился огонь. Въ хатѣ лежалъ больной, и на вопросъ пришельца домашніе сказали: «то нашъ батька скалечилъ себя сѣкирою!» Располагаясь спать, мужикъ ненарокомъ заглянулъ подъ лавку и увидѣлъ тамъ свой собственный топоръ; тотчасъ узнавъ онъ, что ранилъ колдуна, и въ страхѣ, чтобы не попасться ему на глаза, поспѣшилъ изъ хаты вонъ ²⁾). Такимъ образомъ колдунъ, увлекаемый буйнымъ вѣтромъ, подвергается удару топора — точно также, какъ въ вышеприведенной сагѣ выстрѣлъ охотника поражаетъ вѣдму, несущуюся въ бурной тучѣ. О крутящемся вихрѣ крестьяне наши думаютъ, что это вертится нечистый духъ, что это — свадебная пляска, которой передается онъ вмѣстѣ съ вѣдьмою; чехи о томъ-же явленіи выражаются: *bábu čagujú*, т. е. вѣдьмы чаруютъ, поднимаютъ вихрь. Чтобы напугать путниковъ, вѣдьма нерѣдко превращается пыльнымъ столбомъ и мчится къ нимъ навстрѣчу съ неудержимою быстротою. По народному повѣрью, если въ столбъ пыли, поднятый вихремъ, бросить острый ножъ, то можно поранить чорта или вѣдму, и ножъ упадетъ на землю весь окровавленный ³⁾). Канцлеръ, Радзивицъ, описывалъ

¹⁾ Сахаров., I, 52. — ²⁾ Lud Ukrain., II, 100. — ³⁾ Иллюстр. 1846, 332; Полтав. Г. В. 1844, 20; Громанъ, 35; Beiträge zur D. Myth., I, 226; D. Myth., 599; Киевлян. 1865, 69; когда вѣдьма ле

въ своихъ мемуарахъ страшную бурю, которая была 5 мая 1643 года, утверждаетъ, что ее произвели вѣдьмы ¹⁾: такъ глубоко проникли въ народное убѣжденіе завѣты старины, что и самые образованные люди XVII-го вѣка не теряли къ нимъ довѣрія. Отсюда становится понятною примѣта, по которой ни одна баба не должна присутствовать при отправленіи рыбаковъ въ море; особенно стараются, чтобы она не видѣла — какъ забираютъ и кладутъ въ лодку рыболовныя и мореходныя снасти: не то ожидай большой бѣды! ²⁾ Примѣта эта возникла изъ боязни морской бури, которую можетъ наслать тайная колдунья, если только свѣдаетъ про отъездъ рыбаковъ. Желая произвести засуху, вѣдьма — какъ скоро покажется дождевая туча — машетъ на нее своимъ передникомъ, и туча удаляется съ горизонта ³⁾. Съ помощію «громовыхъ стрѣлокъ» чародѣйки могутъ низводить съ неба молніи, зажигать дома и поражать людей; словенскія вѣштицы, подобно виламъ, владѣютъ губительными стрѣлами ⁴⁾.

Въ Малороссіи рассказываютъ, что вѣдьмы скрадываютъ съ неба дождь и росу, унося ихъ въ завязанныхъ кринкахъ или мѣшкахъ (= въ облачныхъ сосудахъ и мѣгахъ) и запрятывая въ своихъ хатахъ и коморахъ (кладовыхъ). Въ старые годы похитила вѣдьма дождь, и во все лѣто не упало его ни единой капли. Разъ она ушла въ поле, а дома оставила найничку и строго наказала ей не дотрогиваться до горшка, что стоялъ подъ покутомъ. Мучимая любопытствомъ, найничка достала горшокъ, развязала его, смотритъ — внутри не видать ничего, только слышится исходящій оттуда невѣдомый

гитъ, должно воткнуть въ землю ножъ, освященный на Свѣтло-Христово Воскресенье, и она непременно опустится наемь. — ¹⁾ О. З. 1856, XI, ст. Солов., 10. — ²⁾ Совр. 1852, I, смѣсь, 122. — ³⁾ Ворон. Бес., 193. — ⁴⁾ Учен. Зап. 2. отд. Ах. Н., VII, в. 2-й, 30; Иличъ, 305.

голосъ: «вотъ будетъ дождь! вотъ будетъ дождь!» Испуганная наймишка выскочила въ сѣни, а дождь уже лется — словно изъ ведра! Скоро прибѣжала хозяйка, бросилась къ горшку, накрыла его — и дождь пересталъ; послѣ того принялась бранить наймичку: «еслибъ еще немного оставался горшокъ непокрытымъ, сказала она, то затопило бы всю деревню!»¹⁾ Разсказъ этотъ передается и съ нѣкоторыми отиѣнами: вѣдьма запретила наймичкѣ входить въ одну изъ своихъ кладовыхъ, гдѣ стояли завязанныя кадки; та нарушила запретъ, развязала кадки и нашла въ нихъ жабъ, ужей, лягушекъ и другихъ гадовъ; гады подняли страшный гамъ и расплзались въ разныя стороны. И что же? то было ясно, тихо, безоблачно, а тутъ откуда что взялось! — понадвинулась черная-черная туча, подули вѣтры и полился дождь. Вѣдьма поскорѣй домой, собирала гадинь, сложила въ кадки, завязала, и только это сдѣлала, какъ дождь пересталъ идти. Принимая дожденосныя облака за небесныя источники, озера и рѣки, фантазія древняго человѣка населила ихъ тѣми-же гадами, какіе обитаютъ въ водахъ неизменнаго міра: жабами, лягувами и ужами. Если припомнимъ, что сверкающія въ тучахъ молніи уподоблялись змѣямъ и ужамъ, что самыя тучи олицетворялись демоническими змѣями (гидрами, драконами) и что изстари представленія эти были распространяемы и на другихъ водяныхъ гадовъ (II, 624 — 5), то для насъ будетъ понятно, почему змѣи, ужи, лягушки и жабы признаны были созданиемъ нечистой силы, сокрывателями и проводниками дождей, а ихъ шипѣнье и кваканье — знаменіемъ небесныхъ громовъ. Рядомъ съ баснями о гадъ-господарикѣ (домовомъ змѣѣ) удержалось ученое върваніе въ домовика-лягушку, кваканье которой служить предвѣстіемъ дождя (сравни II, 551-2). По свидѣтельству народныхъ легендъ, аскіе колодцы, т. е. соб-

¹⁾ Морск. Сб. 1856, XIV, ст. Чужблнск., 64; Lud Ukrain., II, 82.

ственно грозовыя тучи, наполнены змѣями, жабами и лягушками (см. выше стр. 263); и понынѣ чехи убѣждены, что лягушки падаютъ съ неба вмѣстѣ съ дождевыми ливнями ¹⁾. Потому-то колдуны и вѣдьмы и стараются окружать себя всеми нечисленными гадами, и пользуются ими, какъ необходимыми орудіями при совершеніи своихъ чаръ. Баба-яга и вѣдьмы варятъ въ котлахъ или поджариваютъ на огнѣ (т. е. въ грозовомъ пламени) жабъ, змѣй и ящерицъ, готовятъ изъ нихъ волшебныя составы и сами питаются ихъ мясомъ; онѣ нарочно приходятъ къ источникамъ, скликають гадовъ и кормятъ ихъ творогомъ ²⁾. Въ Германіи вѣдьмъ обзываютъ: «inhitzige krotensack!» Во время вѣдовскихъ сборищъ одна изъ чародѣекъ обязана сторожить жабъ ³⁾. И въ нѣмецкихъ, и въ славянскихъ земляхъ запрещается прѣсть на Рождественскіе Святки; не то вѣдьмы напустятъ въ домъ жабъ, мышей и крысъ ⁴⁾: повѣрье, въ основѣ котораго таится мысль, что вслѣдъ за изготовленіемъ небесной пряжи (облаковъ и тумановъ) зарождаются мнѣческіе гады и должна послѣдовать гроза; о крысахъ и мышахъ, какъ воплощеніяхъ молніи, сказано было въ главѣ XIV-ой.

Въ бурныхъ грѣзахъ древнія племена узнавали битвы облачныхъ духовъ, и потому какъ валькирія и вилы помогаютъ сражающимся героямъ, а вѣдогони одной страны воюють съ вѣдогонями сосѣднихъ земель, такъ и вѣдьмы (по малорусскому сказанію) слетаются на границы и сражаются однѣ противъ другихъ. Вооруженныя небольшими мечами, онѣ наносятъ другъ другу удары, и при этомъ приговариваютъ: «що втну, то не перетну!» чтобы удары меча не были смертельными.

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 463; Громанъ, 82. — ²⁾ Škult. a Dobřinsky, I, 39—42; Lud Ukrain., II, 85. — ³⁾ D. Myth., 1025.

— ⁴⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 201.

ми. Такимъ образомъ вѣдьмы, послѣ каждаго пораженія, возстаютъ снова къ битвѣ, подобно воюющимъ героямъ валгаллы, которые если и падаютъ бездыханными трупами, то всякой разъ воскресаютъ на новые подвиги. Въ ночь наканунѣ Духовани вѣдьмы воруютъ деревянные мѣтки, которыми поселанки трутъ конопля; затыкаютъ ихъ за поясъ, и слетаясь на лысую гору или пограничныя мѣста, рубятся ими, какъ саблями¹⁾. Отсюда объясняется галицкая поговорка: «коли мѣсяць въ серпѣ (т. е. ночью, во время новолунія), то чаровницы ѣдутъ на границы»²⁾. Вѣдьмы не остаются равнодушными и къ народнымъ битвамъ; помогая той сторонѣ, которая прибѣгла къ ихъ чародѣйной помощи, онѣ напускаютъ на вражескую рать сокрушительныя вихри и вьюги. Таково скандинавское преданіе о Торгердѣ и Ирпѣ. Хроника св. Бертина повѣствуетъ, что Рихильда передъ битвою съ Робертомъ взяла горсть пыли, и творя заклятіе, бросила ее на воздухъ по направленію къ непріятелю; но пыль упала на голову чаровницы въ знакъ ея собственной гибели. Въ другой хроникѣ разсказывается, какъ нѣкая волшебница, взойдя на зубчатыя стѣны осажденнаго замка, вызвала своими заклинаніями дождь и бурю, и тѣмъ самымъ заставила враговъ удалиться изъ занятой ими области³⁾. Подобное преданіе встрѣчается и у насъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ ходила молва, что во время осады Казани (въ 1552 году) татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на городскихъ стѣнахъ, махали одеждами на русское войско и посылали на него буйныя вѣтры и проливные дожди: «егда солнце начнетъ восходить, взмуть на градъ, вѣтъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертающася неблагоचितъ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и

¹⁾ Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимовича, 90. — ²⁾ Номис., 4 — ³⁾ D. Myth., 1041.

день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такіи дождь, и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точію было надъ войскомъ, а по сторонамъ вѣсть¹⁾. Своимъ заповѣднымъ словомъ колдуны и вѣдьмы могутъ давать бранному оружію побѣдоносную силу и неизмѣнную мѣткость, и наоборотъ могутъ заговаривать его такъ, что удары и выстрѣлы его дѣлаются совершенно-безвредными: первоначальный смыслъ этого повѣрья былъ тотъ, что колдуны и вѣдьмы, возбуждая грѣзы, посылаютъ разящія молніи, а похищая дожди и производя засуху, тѣмъ самымъ завязываютъ лукъ и стрѣлы бога-громовника (см. выше стр. 434²⁾).

Послушныя волшебнымъ чарамъ, тучи сгущаются, закрываютъ небесныя свѣтила и претворяютъ ясный день въ темную ночь. Отсюда возникло убѣжденіе, что вѣдуны и вѣдьмы скрадываютъ солнце, луну и звѣзды, что ихъ шумныя сборища и воздушные полеты происходятъ обыкновенно по ночамъ. О ночныхъ поѣздахъ вѣдьмъ уже свидѣтельствуетъ Эдда. Злыя чародѣйки, родственныя великанкамъ и дивоженамъ, называются на сѣверѣ *queldridha* (*abendreiterin*) и *mugkritha* (*dunkelreiterin*³⁾). По русскому и сербскому повѣрью, вѣдьмы летаютъ ночью по воздуху и блестятъ яркими огоньками, т. е. сверкаютъ молніями⁴⁾; особенно любятъ онѣ носиться въ надземныхъ пространствахъ въ непроглядныя осеннія ночи⁵⁾. Точно также въ ночную пору совершаются и бурно-стремительныя поѣзды дикой охоты или неистоваго воинства Одина. Сокрытіе небесныхъ свѣтилъ тучами и астрономическія затмѣнія солнца и луны принимались нашими предками за явленія тождественныя и

¹⁾ Сказанія ии. Курбскаго (изд. 2-е), 27. — ²⁾ *Zarysy domowe*, III, 168. — ³⁾ *D. Myth.*, 1006. — ⁴⁾ „Кад вјештица лети ноћу, она се сија као ватра“. — ⁵⁾ Сrp. рјечник, 66; *Zarysy domowe*, III, 135; Поляв. Г. В. 1844, 20.

равно приписывались вражескому нападенію демона-змѣя или вліянію злаго чародѣйства. Такое убѣжденіе раздѣляли всѣ индоевропейскіе народы. Во время затмѣній напуганные жители собирались толпами, билъ въ металлическіе сосуды и заставляли лаять собакъ; дѣлалось это съ двоякою цѣлью: во 1-хъ, чтобы напугать нечистую силу, и во 2-хъ, чтобы чародѣйныя заклятія, заглушаемыя звономъ и лаемъ, не могли долетать до небесной тверди и вредить пребывающимъ тамъ свѣтиламъ ¹⁾. Звонъ — старинная метафора грома, а собачій лай — завыванія бурныхъ вѣтровъ; съ тѣмъ и другими народная фантазія соединила понятіе о спасительномъ средствѣ, разгоняющемъ демоновъ мрака (= темныя тучы). Наравнѣ съ нечестыми духами, вѣдуны и вѣдьмы боятся собакъ и не терпятъ колокольнаго звона (см. I, 300-1, 734). Древніе греки затмѣнія солнца и луны объясняли похищеніемъ ихъ съ неба; волшебницы низводили небесныя свѣтила на землю и гасили ихъ божественное пламя. Въ такомъ похищеніи преимущественно была подозрѣваема фессалійскія колдуньи. Въ «Облакахъ» Аристофана Стрепсиадъ, объясняя Сократу придумавное имъ средство не платить долговъ, совѣтуетъ ему обзавестись фессалійскою колдуньей: она спрячетъ луну въ коробку, и тогда можно продолжить мѣсячный срокъ, на сколько угодно. У славянъ вѣрованіе это и донынѣ удерживается между поселянами. Болгары, во время луннаго затмѣнія, стараются выстрѣломъ изъ ружей и пистолетовъ прогнать вѣдьмъ (магесницъ), которыя, по ихъ мнѣнію, захватили луну и окрачили ея свѣтлый лѣвъ ²⁾. На Руси есть повѣрье, что вѣдьмы, скрадывая съ неба мѣсяцъ и звѣзды, складываютъ ихъ въ горшки и кувшины и прячутъ въ глубокихъ погребяхъ, или опускаютъ въ кри-

¹⁾ О. З. 1842, VI, 49; Ж. М. Н. П. 1839, III, 309—314. —

²⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208.

вицы, т. е. скрываютъ (погребаютъ, хоронятъ) ихъ за дождевыми тучами. Случится ли затмѣніе или густая облака неожиданно заволокутъ небесныя свѣтила, поселяне съ наивно-дѣтскимъ, но твердымъ убѣжденіемъ обвиняютъ въ похщени ихъ колдуновъ, вѣдьмъ и злыхъ духовъ, которымъ во мракѣ удобнѣе творить безбожныя дѣла и уловлять въ свои сѣти христіанъ. О падающихъ звѣздахъ въ Малороссіи говорятъ, что ихъ уноситъ вѣдьма и прячетъ въ кувшины. Съ особенною ревностью занимаются вѣдьмы скрадываніемъ мѣсяца и звѣздъ на праздники Коляды и Купалы, когда бывають главныя вѣдовскія сборища и нечистая сила предается самому дикому разгулу ¹⁾. Было село (разсказываютъ въ черниговской губ.), въ которомъ проживало до тысячи вѣдьмъ; то и дѣло — крали онѣ святыя звѣзды и до того довели небо, что «ничимъ было свитить нашему гришному міру». Тогда Богъ послалъ святаго Андрея (замѣна Перуна), который ударилъ своею палицею — и все вѣдовское село провалилось сквозь землю, а на его мѣстѣ стало болото, т. е. ударъ громовой палицы разбилъ облачныя обиталища вѣдьмъ и отверзъ дождевые источники. Скандинавскую колдунью El (procella) называли *sólar bǫl*—*solis pernicies*, изъ чего видно, что въ ея образѣ олицетворялась черная туча, помрачающая дневной свѣтъ ²⁾. У насъ сохранилось слѣдующее причитанье:

Красная дѣвица
По бору ходила,
Болесть говорила,
Травы собирала,
Корни вырывала,
Мѣсяць скрага,
Солнце съѣла.

¹⁾ Сахаров., II, 3, 70; Рус. прост. праздн., I, 175; Маякъ, XIII, 49—58; Lud Ukrain., II, 81; Этн. Сб., V, библиогр. уяз., 8—9; VI, 117. — ²⁾ D. Myth., 1043.

Чуръ ес колдунью,
Чуръ ес вѣдунью! ¹⁾.

Здѣсь вѣдьма, подобно змѣю и великавѣшъ, представляется съѣдающею солнце, т. е. погружая это свѣтло въ тучъ, она тѣмъ самымъ, въ качествѣ облачной жены, принимаетъ его въ свои собственныя вѣдра — проглатываетъ его. Въ Калевалѣ чародѣйка Лоухи силою волшебныхъ пѣсень (— съ помощію днкихъ напѣвовъ бури) похищаетъ солнце и мѣсяцъ и заключаетъ ихъ въ мѣдную скалу, т. е. въ облачныя горы, отчего и наступаетъ всеобщая тьма ²⁾.

Распоряжаясь стихійными явленіями природы, двигаясь вмѣстѣ съ грозowymi тучами, вѣдуны и вѣдьмы могутъ переноситься съ мѣста на мѣсто съ быстротою крылатаго вѣтра. Представленіе колдовства вездѣ неразлучно съ полетами и поѣздами по воздуху, черезъ горы и доли ³⁾. Обычными орудіями воздушныхъ полетовъ колдуновъ и вѣдьмъ, по нѣмецкимъ, литовскимъ и славянскимъ рассказамъ, служатъ: метла (помело, вѣникъ), кочерга, ухватъ, лопата, грабли и просто палка (костыль) или прутъ; нѣмцы называютъ вѣдьму: *gabelreiterin*, *besenreiterin*; чешское изрѣченіе: «*staré babu na rometlo!*» указываетъ на полеты старыхъ вѣдьмъ на печномъ вѣникѣ ⁴⁾. Верхомъ на метлѣ или грабляхъ вѣдьма летаетъ по поднебесью: это не болѣе, какъ поэтическая картина вѣтра, несущаго на своихъ крыльяхъ облачную жену-чародѣйку (см. I, 569). Вѣтръ представлялся помеломъ, потому что мететъ туманы и тучи и разчищаетъ небо; представлялся граблями, потому что сучива-

¹⁾ О. З. 1842, VI, 52—53; сравни Малорус. пѣсни, изд. Максимовича, 1827 г., 42. — ²⁾ Эманъ, 55. — ³⁾ Кулишъ, II, 38—39; Москв. 1846, XI—XII, 149; Киев. Г. В. 1845, 13. — ⁴⁾ D. Myth., 1001, 1024, 1037—8; *Zarysy domowe*, III, 146; Этн. Об., V, стат. о камубахъ, 96; *Slov. pohad.*, 498—500; Штиръ, № 3.

еть облака — сгребаетъ ихъ въ густыя, темныя массы: образы, взятые изъ быта земледѣльческаго народа. Въ числѣ различныхъ мнѣнческихъ представленій молніи она, какъ мы знаемъ, уподоблялась карающей палкѣ, лозѣ или пруту; самая же туча, сверкающая молніями, рисовалась воображенію младенческихъ племенъ небесною печью, очагомъ, на которомъ высочайшій владыка огня и верховный жрецъ (богъ-громовникъ) возжигаетъ свое чистое пламя; вмѣстѣ съ этимъ громовая палица получила значеніе кухоннаго орудія: а) кочерги, которою мѣшается жаръ и разбиваются горящія головни, б) ухвата и лопаты, съ помощію которыхъ сажаются въ печь приготовленные яства. Въ областныхъ говорахъ кочерга называется ожогъ (ожигъ), а печная лопата — пѣкло ¹⁾. Вотъ почему о вѣдмахъ, ночной полетъ которыхъ сопровождается блестящими огоньками—молніями, народныя преданія утверждаютъ, что онѣ, садясь на кочергу, ухватъ, лопату или вѣникъ, вылетаютъ въ дымовую трубу, слѣдовательно тѣмъ же путемъ, какимъ являются огненные змѣи и нечистые духи, прилетающіе въ видѣ птицъ, т. е. грозовые демоны ²⁾. Мнѣнческое представленіе разящихъ молній пучкомъ прутьевъ (ruthenbündel) слилось воедино съ сейчасъ-указаннымъ представленіемъ вихря чародѣйнымъ помеломъ или вѣникомъ; въ нѣмецкихъ сказаніяхъ вѣникъ этотъ получилъ характеристическое названіе *donnerbesen*. По бѣлорусскому преданію, баба-яга погоняетъ воздушныя силы огненною метлою. У лужичанъ, въ ночь главнаго вѣдовскаго сборища (*Walpurgisnacht*), есть обычай бѣгать по полямъ съ зажженными вѣниками, что называется: «*kizlagničje palić*» (жечь вѣдьмъ ³⁾). Ударяя метлами и вѣнниками по источникамъ (= дождевымъ тучамъ) и разсыпая по воздуху брызги воды, вѣдьмы производятъ дож-

¹⁾ Обл. Сл., 139, 154. — ²⁾ Сахаров., II, 6, 11. — ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 223.

дв, градъ и бурю; разбѣжая на вѣникахъ, во время шумныхъ грозъ, онѣ начисто выметають небо отъ потемняющихъ его тучъ ¹⁾. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, когда находятъ дождевая или градовая туча, поселане, желая отвратить ее отъ своихъ зрѣющихъ нивъ, выбрасываютъ изъ хаты сковороду (звонъ сковороды, тазовъ и прочихъ металлическихъ сосудовъ — эмблема грома) и помело, лопату или кочергу ²⁾. Въ основѣ этого суевѣрнаго средства скрывается мысль, что молніеносная палица должна разбить тучу прежде, чѣмъ она разразится надъ нивою, а помело-вѣтръ прогнать ее (= смететь) въ другую сторону. Желая предаться воздушному полету, вѣдьмы, по нѣмецкому повѣрью, готовятъ волшебную мазь, которою и намазываютъ себѣ ноги и плечи — ноги, какъ орудія движенія, скорого бѣга, и плечи, какъ начало рукъ, замѣняющихъ собою крылья ³⁾. По русскому повѣрью, у вѣдьмы постоянно хранится вода, вскипяченная вмѣстѣ съ пепломъ купальскаго костра; когда она захочетъ летѣть, то обрызгиваетъ себя этою водою — и тотчасъ подымается на воздухъ и мчится, куда только вздумаетъ. Съ тою-же цѣлью вѣдьма старается добыть траву тв(е)рлицъ, корень ея варитъ въ горшкѣ, и приготовленнымъ снадобьемъ мажетъ у себя подъ мышками и колѣнками, и затѣмъ съ быстротою молніи уносится въ трубу. Соку тврлица приписывается чудесное свойство дѣлать человека оборотнемъ и сообщать ему силу полета: по всему вѣроятію, здѣсь таится воспоминаніе о Перуновой травѣ = молніи; чародѣйное же снадобье (мазь) есть живая вода дождя, которую кипятятъ вѣдьмы въ облачныхъ котлахъ и сосудахъ, при помощи грозоваго пламени ⁴⁾. Уже въ Эддѣ *seidhr* (*sieden* — кипѣть,

¹⁾ D. Myth., 1026; Der heut. Volksglaube, 130. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1855, 21; Рус. Вѣс. 1856, III, 85; Вѣст. Евр. 1830, XV—XVI, 275; Номис., 263, 282. — ³⁾ D. Myth., 1023. — ⁴⁾ Иллюстр., 1845, 415; Lud Ukrain., II, 86—87; Кулишъ, II, 38; Сахаровъ, I, 43; Иличъ, 291.

варить ¹⁾ переходить въ значеніе колдовства: *sedhmadhr* — колдунъ, *seidh kopa*, *seydh kopa* — вѣщая жена, умѣющая варить цѣлебныя лѣкарства. Согласно съ метафорическимъ названіемъ дождя опьяняющимъ напиткомъ (виномъ, медомъ, пивомъ), въ собирающихся парахъ и туманахъ древняго племени усматривали варку небеснаго пива, совершаемую грозowymi духами и нимфами. Когда передъ дождемъ и жаритъ, т. е. настанетъ душливый жаръ, въ Германіи выражаются: «*zwerge, wiche, unterirdische* (многочисленныя карлы) *brauen*» или «*die bergmutter* (облачная жена) *kocht wasser*»; о Брокенѣ, куда обыкновенно слетаются вѣдьмы отпра- влять свои шумныя празднества, говорятъ: «*der Brocken braut*», какъ скоро подымающаяся мгла покроетъ его вершину туманною шапкою (*nebellkarpe*). Вѣдьмы варятъ въ котлахъ ядовитыя травы и корни и распускаютъ по всему небесному своду клубящіяся пары; на др.-сѣверн. нарѣчій туманъ называется *kerlinga vella* = *hexengebräu*; старинныя законода- тельныя памятники указываютъ на бранное выраженіе: *hexen- kesselträger* ²⁾). Русскія вѣдьмы и баба-яга носятся по воз- духу въ желѣзной ступѣ (котлѣ-тучѣ), погоняя пес- томъ или клюкою (громовой палицею) и заматавъ слѣдъ помеломъ, при чемъ земля стонетъ, вѣтры свищутъ, а не- чистые духи издають дикіе вопли (I, 291 ³⁾); когда онѣ соби- раются на лысой горѣ, тамъ горятъ огни яркіе и кипятъ котлы кипучіе. Такимъ образомъ, кипятя на грозовомъ пламени дождевую влагу и опрыскиваясь ею, вѣдь- мы совершаютъ свои воздушные полеты и посылаютъ на поля и лѣса разрушительныя бури, съ градомъ, ливнями и вьюгою. Вѣдуны и вѣдьмы обладаютъ и другими баснословными дико-

¹⁾ „*Seydhr oder sandhr*—dichterisch ein name des siedenden, kochenden feuer.“ — ²⁾ D. Myth., 988, 998, 1043; Die Götterwelt, 92. — ³⁾ Морск. Сб. 1856, XIV, 64; Зарыу domove, III, 146.

вивками, служившими вѣкогда для поэтического обозначенія летучаго облака: по свидѣтельству сказокъ, они хранятъ у себя живую и мертвую воды, летаютъ на коврахъ-самолетахъ и обуваются въ сапоги-скороходы. Нѣмецкія саги утверждаютъ, будто бы чортъ окутываетъ вѣдму въ свой плащъ (= облачный покровъ) и носитъ ее по воздушнымъ пространствамъ, почему и дается ей прозваніе *mantelfahgerin* ¹⁾. Сербская вѣщица, приготовляясь летѣть, мажетъ себѣ подъ мышками чародѣйною мазью и восклицаетъ: «нио три, ни о грм, већ на пометно гумно!» ²⁾ Эта предохранительная формула (не оградившись ею, можно налетѣть на терновый кустъ или дубовое дерево и ушибиться) соответствуетъ нашему эпическому выраженію: «выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго» и заклятіймъ, съ какими начинаютъ свой полетъ нѣмецкія вѣдмы: «auf und davon! hui oben hinaus und nirgend an!» «fahg hin, nicht zu hoch, nicht zu nieder!» Преслѣдуя сказочныхъ героевъ, вѣдма творитъ заклятіе: «vor mir tag, hinter mir nacht!» т. е. помрачая небо темною тучею, она освѣщаетъ передъ собою путь блестящими молніями ³⁾. По скандинавскому преданію, колдунъ беретъ козью шкуру (метафора облака), обвиваетъ ее около головы и произноситъ: «es werde nebel und werde zauber und allen wunder, dir hinter die suchen!» Объ индѣйскихъ колдуньяхъ извѣстно, что воздушному ихъ полету предшествовало произнесеніе заговора: Каларатри, сотворивъ волшебное заклинаніе, поднялась съ своими ученицами съ крыши коровника и полетѣла облачною дорогою (*auf dem wolkenpfad*). Одному человѣку посчастливилось подслушать ея вѣщія слова; онъ вздумалъ повторить ихъ и тотчасъ-же послѣдовалъ за чародѣйкою—точно также, какъ въ нѣмецкомъ, сербскомъ и русскомъ сказаніяхъ люди, которымъ удавалось

¹⁾ D. Myth., 1024, 1035. — ²⁾ Срп. рјечник, 66. — ³⁾ Сравни въ сборн. Гальтриха, № 34.

подслушать заклятіе, произносимое вѣдьмою при ея отлетѣ, и воспользоваться ея волшебнымъ снадобьемъ, летали вслѣдъ за нею на мѣста вѣдовскихъ сборищъ ¹⁾). Какъ властелины вихрей, колдуны и вѣдьмы могутъ насылать на своихъ ненавистниковъ и соперниковъ порчи по вѣтру, подымать ихъ на воздухъ и кружить тамъ съ страшною, ничѣмъ-неудержимую быстротою. Такъ существуетъ разсказъ, что одинъ колдунъ, изъ ревности къ молодому парню, заставилъ его цѣлые мѣсяцы носиться въ стремительномъ вихрѣ. Невѣдомая сила подхватила его на воздухъ, закружила и понесла все выше и выше; томимый голодомъ и жаждою, летѣлъ онъ — самъ не вѣдая куда; отчаянныя жалобы его не достигали до людей, никто не видалъ его жгучихъ слезъ, несчастный изсохъ до костей и не чаялъ себѣ спасенія. Когда наконецъ буйный вихрь оставилъ его — парень спустился на землю; пытаясь отомстить своему врагу, онъ отыскалъ хитрую колдунью и прибѣгнувъ къ ея помощи. Чародѣйка запала вѣ въ печи зелье — и среди яснаго, безоблачнаго дня вдругъ завылъ вѣтеръ, схватилъ колдуна, и понесъ его высоко надъ землею; съ той поры кружился онъ по воздуху въ неистовой пляскѣ, а за нимъ носились стаи крикливыхъ воронъ и галокъ ²⁾). Когда вѣдьма пожелаетъ призвать кого-нибудь изъ дальней стороны, она варитъ корень терлича, и какъ только вода закипитъ — въ ту же минуту призываемый «зниметца и полетитъ якъ птахъ»; въ своемъ воздушномъ полетѣ онъ томится жаждою и непрерывно повторяетъ возгласъ: «пить, пить!» Чаще всего чародѣйки пользуются этимъ средствомъ для призыва своихъ возлюбленныхъ; заваривая зелье, онѣ приговариваютъ: «терличъ, терличъ! мого много прикличь.» Чѣмъ сильнѣе закипаетъ снадобье, тѣмъ выше и быстрѣе онъ несется: «якъ дуже згляда кипить (говорятъ малоруссы) — милій поверхъ дерева

¹⁾ D. Myth., 1037. — ²⁾ Пов. и пред., 76—80.

летѣтъ; а якъ не дуже — о половинѣ дерева• и въ этомъ послѣднемъ случаѣ легко можетъ налетѣтъ на древесный стволъ и ушибиться до смерти ¹⁾). Въ одной пѣснѣ дѣвица жалуется, что ея милый далѣко, за крутою горою, и по совѣту матери рѣшается на чару:

Уранци (корень) копала,
 А въ обиди варила,
 Козаченьга манила:
 А ще „розмай“ не вкипнѣвъ,
 А вже милій прилетѣвъ.
 „Ой, що-жь тебе принесло —
 Чи човничокъ, чи весло?“
 — Ни човничокъ, ни весло,
 А дивоче ремесло! ²⁾

Тотъ, чьи волоса попадутся вѣдмѣ и она запалитъ ихъ на огнѣ, съ произнесеніемъ заклятiя, также немедленно подымается на воздухъ и прилегаетъ на ея зовъ ³⁾).

Заправляя полетами тучъ и вихрей, вѣдуны и вѣдмы должны были стать въ самыя близкія отношенiя къ ихъ мнѣстическимъ воплощенiямъ въ образѣ различныхъ животныхъ. Если припомнимъ, что темныя тучи представлялись небесными волками, а молнiя — огненными змѣями, то для насъ совершенно объяснится то старонѣмецкое преданiе, по свидѣтельству котораго вѣдмы вечеромъ и ночью ѣздятъ по воздуху на осѣдланыхъ волкахъ, взнуздывая и погоняя ихъ змѣями. По указанiю Эдды, на волкѣ, взнузданномъ змѣею, ѣздила великанка. Шведская пѣсня упоминаетъ о поѣздахъ вѣдмъ на медвѣдѣ; народныя же повѣрья, донынѣ живущія въ устахъ поселянъ въ Германiи, утверждаютъ, что колдуны ѣздятъ на волкахъ, а колдуньи — на кошкахъ и козлахъ. Нерѣдко въ видѣ козла является къ услугамъ вѣдмы дьяволъ, на котора-

¹⁾ Кулишъ, II, 39, Номис., 5. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1861, 36; Нар. бѣлорус. пѣсни Е. П., 32. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 107—8.

го она тотчасъ-же садится — и пускается въ воздушное странствование. Всѣ эти звѣри — древнѣйшія олицетворенія грозовыхъ облаковъ. Самые боги и богини, царствующие въ воздушныхъ сферахъ, разъѣзжали на тѣхъ-же звѣряхъ: такъ Фрея носилась во мракѣ ночи на блистающемъ щетиною борова или въ колесницѣ, запряженной кошками, сестра ея Нундла — на волкѣ, а Торъ — на козлахъ ¹⁾). На Руси рассказываютъ о поѣздкахъ колдуновъ на волкахъ ²⁾). На старой лубочной картинѣ баба-яга изображена ѣдущею верхомъ на свиньѣ ³⁾); въ пѣсенный сборникъ Коляра ⁴⁾ занесено слѣдующее причитанье:

Černokůžnjk let j
W ohniwem oblaku,
Sediaci na draku.
Beda tomu lesu,
Kde ho krijlla nesu;
Beda tomu mestu,
Kadiel wezme cestu!

Въ сербской сказкѣ колдунья беретъ трехъ главую змѣю, вмѣсто кнута, садится въ повозку, хлопаетъ змѣей и отправляется въ дорогу: преданіе, напоминающее намъ волшебницу Медею, которая улетѣла на колесницѣ, запряженной драконами, и Деметру, которая снарядила въ путь Триптолема и дала ему подобную-же колесницу ⁵⁾). Колдунамъ и вѣдьямамъ приписывается умѣнье разводить (плодить) драконовъ и укро-

¹⁾ D. Myth., 305, 997, 1006—9, 1024; Die Götterwelt, 277; Симрокъ, 281. — ²⁾ Маякъ 1845, XXIII, смѣсь, 117. Въ актахъ XVII столѣтія встрѣчаемъ любопытное обвиненіе, введѣнное ва одного попа, будто онъ задиля на медвѣдѣ (Опис. города Шуи, 314). — ³⁾ Изв. Имп. археолог. общ., т. III. — ⁴⁾ Ног. zpiewanku, I, 13. — ⁵⁾ Матер. для научен. нар. слов., 35, 49; Мнѣя влас. древности, I, 205; Griech. Myth. Преллера, I, 604: Триптолемъ былъ посланъ Деметрою auf einem geflügelten Schlangewagen in alle Welt, um den in Eleusis gestifteten Segen unter allen Völkern und Menschen zu verbreiten.

щать ихъ бѣшеную ярость ¹⁾). Не менѣе важно для исторіи народныхъ вѣрованій свидѣтельство сербской пѣсни, въ которой разсказывается о дѣвицѣ-чародѣйкѣ:

Она оде у зелену башчу,
 Јелен-рогом шарца оседлала,
 Д(ь)утом га је змијом зауздала,
 Још га л(ь)ућом змијом ошинује, ²⁾
 Сама иде пред цареву војску:
 Једну војску буздованом бије,
 Другу војску бритном саб(ь)ом сече,
 Трећу војску на воду натера ³⁾.

О виллахъ разсказываютъ, что онѣ ѣздятъ на оленяхъ, взнузданныхъ и погоняемыхъ змѣями (стр. 164). Выше было указано, что грозовыя облака издревле представлялись и конями, и оленями. Эда говорятъ о воздушныхъ поѣздахъ вѣдьмъ на быстроногихъ коняхъ; то же подтверждается и народными повѣрьями. Концъ эти являются передъ ними мгновенно, словно изъ земли выростая; самая дубинка, на которой летаетъ вѣдьма, нерѣдко превращается подъ нею въ волшебнаго коня. По русскому повѣрью, вѣдьмы во время купальскаго сборища пріѣзжаютъ на лысую гору не только на помелахъ, но и на бѣрзыхъ, неутомимыхъ скакунахъ; въ сказкахъ онѣ надѣляютъ героевъ чудесными, летучими конями ⁴⁾). Разѣзжая на волкахъ или коняхъ, взнузданныхъ и бичуемыхъ змѣями, вѣдьмы собственно летаютъ на бурно-несущихся облакахъ и погоняютъ ихъ молніями (о мненческомъ представленіи молніи бичемъ или плетью см. I, 282). Съ теченіемъ времени, когда память

¹⁾ Фин. Вѣст. 1846, X, 47; Пѣсни разн. вар. въ переводѣ Берга, 503-7. — ²⁾ Переводъ: Пошла она въ зеленый садъ, оседлала коня оленьимъ рогомъ, зауздала его лютымъ змѣемъ, еще лютѣйшимъ змѣемъ погоняетъ... — ³⁾ Срп. и. пјесме, I, 160. — ⁴⁾ D. Myth., 1006, 1038; Симрокъ, 93; Фин. Вѣст. 1845, V, 77; Nag. zriewanku, I, 13: была вѣщица, „malá koňa Tatosjka“, летала на немъ и въ Венгрію, и въ Польшу.

народная позабыла первичныя основы и дѣйствительный смыслъ зооморфизма, сказанія о небесныхъ животныхъ были перенесены на ихъ земныхъ близнецовъ. Вѣдьмамъ стали приписывать поѣздки на обыкновенныхъ волкахъ, лошадяхъ и кошкахъ, стали окружать ихъ стаями дѣсныхъ звѣрей и змѣями ползучими, осужденными пресмыкаться на землѣ, а не парить по поднебеесю. Ушведовъ есть повѣрье, что старыя бабы, живущія уединенно въ дѣсахъ, скрываютъ въ своихъ нѣбушкахъ волковъ, преслѣдуемыхъ охотниками; этихъ бабъ называютъ волчьими матерями — *vargamödrar* (*wolfmütter* ¹⁾). По мнѣнію русскаго простонародья, волчье сердце, когти черной кошки и змѣи составляютъ необходимую принадлежность чародѣйныхъ составовъ, приготовляемыхъ колдунами и вѣдьмами. Обычное въ народной поэзіи олицетвореніе облаковъ и вѣтровъ легкокрылыми птицами также не осталось безъ вліянія на суевѣрные представленія о колдовствѣ. Впрочемъ преданія чаще гонорать о превращеніи вѣдуновъ и вѣдьмъ въ различныхъ птицъ, чѣмъ о полетахъ на этихъ воздушныхъ странницахъ. Пѣтуху, какъ мы знаемъ, присвоилось въ язычествѣ особенно-важное значеніе; какъ представитель грозоваго пламени и жертвеннаго очага, онъ и дониндѣ считается необходимымъ спутникомъ вѣщихъ мужей и женъ. Нѣмцы знаютъ о воздушныхъ поѣздахъ вѣдьмъ на черномъ пѣтухѣ; чехи рассказываютъ о колдунѣ, который ѣздилъ въ маленькой повозкѣ, запряженной пѣтухомъ; а русскіе поселяне убѣждены, что при вѣдьмѣ всегда находится черныи пѣтухъ и черная кошка ²⁾). Замѣтимъ, что въ старину осужденныхъ на смерть вѣдьмъ зарывали въ землю виѣстѣ съ пѣтухомъ, кошкою и змѣю.

¹⁾ D. Myth., 1014. — ²⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 439; Der Ursprung der Myth., 211; Пов. и пред., 74; Иллюстр. 1845, 415.

Колдуны обыкновенно представляются стариками съ длинными сѣдыми бородами и сверкающими взорами; о вѣдмахъ-же рассказываютъ, что это — или безобразныя старухи незапамятныхъ лѣтъ, или молодыя красавицы. Тоже думаютъ нѣмцы о своихъ hexen ¹⁾. Такое мнѣнiе, съ одной стороны, согласуется съ дѣйствительнымъ бытомъ младенческихъ племенъ, ибо въ древности все высшее, священное «вѣдѣнiе» хранили старѣйшiе въ родахъ и семьяхъ; а съ другой стороны — совпадаетъ съ мнѣнiемъ представлениемъ стихiйныхъ силъ природы. Облака и тучи (какъ неразъ было указано) рисовались воображенiю нашихъ предковъ и въ мужскомъ олицетворенiи бородатыхъ демоновъ, и въ женскихъ образахъ—то юныхъ, прекрасныхъ и полногрудыхъ нимфъ, несущихъ землѣ дожди и плодородiе, то старыхъ, вражескихъ бабъ, вѣющихъ стужей и опустошительными бурями. Въ ночную пору вѣдьмы распускаютъ по плечамъ свои косы, и раздѣвшись до-гола, накидываютъ на себя длинныя бѣлыя и неподпоясанныя сорочки (или саваны), затѣмъ садятся на метла, завариваютъ въ горшкахъ волшебное зелье и, вмѣстѣ съ клубящимися парами, улетаютъ въ дымовыя трубы творить порчи и злыя дѣла, или гулять на лысой горѣ ²⁾. По рассказамъ поселянъ, когда вѣдьма собираетъ росу, донтъ чужихъ коровъ или дѣлаетъ въ поляхъ заломы — она всегда бываетъ въ бѣлой сорочкѣ и съ распущенными волосами ³⁾. Своими развѣвающимися косами и бѣлыми сороч-

¹⁾ Сахаровъ, II, 62—63; Рус. Предан., II, 103—III; D. Myth., 992. „Старая вѣдьма“—одно изъ наиболее употребительныхъ въ нашемъ народѣ бранныхъ выраженiй. — ²⁾ Киев. Г. В. 1845, 13; Lud Ukrain., II, 80; Илльчъ, 292; D. Myth., 1007. Болгары увѣряютъ, что вѣдьмы ходятъ ночью по рѣкамъ — раздѣтыя догола и созываютъ злыхъ духовъ для совѣщанiй съ ними—Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208. — ³⁾ Въ заговорѣ вакливается баба-вѣдунья, дѣвца простоволосая—Сахаровъ, I, 18.

ками (= поэтическія обозначенія облачныхъ прядей и покрововъ) вѣдьмы сближаются съ русалками, вилами и эльфами; наравнѣ съ этими мифическими существами, онѣ признаются за небесныхъ пряхъ, изготовляющихъ облачныя ткани. Въ числѣ различныхъ названій, даваемыхъ вѣдмами вѣдмамъ, встрѣчаемъ: *feldfrau, feldspinnerin*; въ южной Германіи рассказываютъ о вѣдмахъ, что онѣ прядутъ туманы (стр. 354); народное выраженіе: «*die alten w'eiber schütteln ihren rock aus*», употребляемое въ смыслѣ: «снѣгъ идетъ» ¹⁾ вполне соответствуетъ вышеобъясненному выраженію о Гольдѣ, вытрясающей свою шерину (I, 500). По бѣлорусскому повѣрью, вѣдма, обвиняясь съ ногъ до головы выпряденною изъ кудели ниткою, дѣлается невидимкою ²⁾, т. е. облакается въ туманную одежду (= надѣваетъ шапку-невидимку, *pebelkarpe*). И вѣдуны, и вѣдьмы любятъ превращаться въ клубокъ пряжи, и въ этомъ видѣ съ неувлнмой быстротою катаются по дворамъ и дорогамъ. Иногда случается: вдругъ раздастся на конюшнѣ страшный топотъ, лошади начинаютъ бѣситься и рваться съ привязи, и все отъ того, что по стойламъ и яслямъ катается клубокъ-оборотень, который также внезапно появляется, [какъ и пропадаетъ ³⁾]. Въ славянскихъ сказкахъ вѣдма или баба-яга даетъ странствующему герою клубокъ; кинутый наземь, клубокъ этотъ катится впереди странника и указываетъ ему дорогу въ далекое, невѣдомое царство ⁴⁾. Малоруссы обвиняютъ вѣдмъ въ покражѣ тѣхъ снарядовъ, которыми трутъ лёнъ ⁵⁾. По рассказамъ чеховъ, вѣдьмы ѣздятъ по воздуху на

¹⁾ D. Myth., 1042. — ²⁾ Пантеонъ 1854, VI, ст. Шпилевскаго. — ³⁾ Москв. 1844 XII, 37. — ⁴⁾ Глинск., IV, 42: *k řebek-wsk azidrožek*; то же указаніе находимъ и въ нѣмецкой сказкѣ—сборн. Грн., I, стр. 285. — ⁵⁾ Наканунѣ Пасхи египцы ставятъ около хлѣбовъ серпы противъ летучихъ волшебницъ, которыя со-

прялкахъ (kuzly), а по рассказамъ словенцевъ на ткацкихъ «вратилахъ» ¹⁾, или катушкахъ, на которыя навивается полотно и пряжа. Кроме того, народные преданія изображаютъ вѣдьмъ небесными прачками. Въ Баваріи удѣляли саги, по свидѣтельству которыхъ вѣдьмы въ лунныя ночи бѣлятъ свои прекрасные холсты, а послѣ дождей развѣшиваютъ на свѣтлыхъ облакахъ и просушиваютъ свое бѣлье. У французовъ существуетъ повѣрье, что въ глухую полночь возлѣ уединенныхъ источниковъ, подъ стѣною развѣсистыхъ нѣвъ, раздаются громкіе и частые удары вальковъ и менчеекихъ прачекъ; водяныя брызги подымаются до самыхъ облаковъ и производятъ дожди и бурныя грозы. Подобно тому, и нѣмецкія вѣдьмы во время своихъ праздничныхъ сборищъ удариютъ скалками и трепалами ²⁾, а русскія вѣщицы представляются въ томской губерніи моющими и бѣлье. Эти черты приписываются вѣдьмамъ наравнѣ съ другими облачными женами. Такъ литовскія лауны, сходясь позднимъ вечеромъ въ четвергъ (день громовника), колотятъ вальками бѣлье и притомъ съ такою силою, что ихъ оглушительный стукъ доносится до самыхъ отдаленныхъ окрестностей. Галицкія и польскія лисунки (дивоманы) занимаются стиркою бѣлья, и вмѣсто вальковъ употребляютъ свои большія, отвесныя груди (II, 343 ³⁾). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, когда послышится громъ, крестьяне говорятъ: «unser Herrgott mangelt» ⁴⁾. По ихъ мнѣнію, въ ясный солнечный день, наступающій вслѣдъ за продолжительными дождями, Гольда просушиваетъ свои покрывала. Въ Лужицахъ же существуетъ повѣрье: когда wöbna бирають тогда шерсть (воолу) и уносятъ ее на высокую гору—

Вѣст. Евр. 1828, XIII, 9—10. — ¹⁾ D. Myth., 1038; Илльч, 269. — ²⁾ Трепало—орудіе, служащее для очистки льна отъ костриж. — ³⁾ Въ Этн. Сб., III, 90, приведенъ рассказъ о вѣдьмѣ, которая убивала людей, ударила своихъ грудями. — ⁴⁾ Mangelt—катать на каткѣ.

ѣона разстилаеть по берегу вымытое бѣлье, то слѣдуетъ ожидать дождливой погоды и поднятія водъ въ рѣкахъ и источникахъ ¹⁾. Уподобляя облака — одеждамъ, сорочкамъ, тканямъ, фантазія древняго человѣка стала изображать грозу въ поэтической картинѣ стирки бѣлья: небесныя прачки — вѣдьмы бьютъ громовыми вальками и полощатъ въ дождевой водѣ свои облачные покровы. Эти и другія представленія стихійныхъ силъ природы, представленія, заимствованныя отъ работъ, издревле-присвоенныхъ женщинамъ (какъ-то: пряжа, тканье, мытье бѣлья, доение коровъ и приготовленіе яствъ), послужили основаніемъ, почему въ чародѣйствѣ преимуществу обвиняли женъ и дѣвъ и почему вѣдьмы пользуются въ народныхъ преданіяхъ болѣе видною и болѣе значительною ролью, нежели колдуны и знахари. Несторъ выражаетъ общее, современное ему воззрѣніе на женщину въ слѣдующихъ словахъ: «паче же женами бѣсовская волхванья бывають; искони бо бѣсъ жену прелести, си же мужа; тако въ си роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ и отравою и инѣми бѣсовскими козными?»

Лысая гора, на которую, вмѣстѣ съ бабою-ягою и нечистыми духами, собираются вѣдуны и вѣдьмы, есть свѣтлое, безоблачное небо (I, 115-120). Сербскія вѣщицы прилетаютъ на «пометно гумно»: такъ какъ громовые раскаты уподоблялись нашимъ предками стуку молотильныхъ цѣповъ, а вихри, несущіе облака, мѣтламъ, то вмѣстѣ съ этимъ небесный сводъ долженъ былъ представляться гумномъ или токомъ ²⁾. Выраженіе: «вѣдьмы летаютъ на лысую гору» первоначально относилось къ мненческимъ женамъ, нагоняющимъ на высокое небо темныя, грозовыя тучи. Позднѣе, когда значеніе этихъ метафоръ было затеряно, народъ связалъ вѣдовскіе полеты съ теми го-

¹⁾ Der heut. Volksglaube, 104; Совр. 1852, I, 78; Этн. Сб., VI, 148; Volkslieder der Wenden, II, 267. — ²⁾ Венгерскія вѣдьмы летаютъ на kopasz teto (лысая макушка, вершина горы).

рани, которыя высились въ населенныхъ имъ областяхъ. Такъ малоруссы говорятъ о сборищахъ вѣдьмъ на Лысой горѣ, лежащей на лѣвой сторонѣ Днѣпра, у Кіева ¹⁾, этого главнаго города древней Руси, гдѣ нѣкогда стояли кумиры и былъ центръ языческаго культа; отъ того и самой вѣдьмѣ придается зпнть кіевской ²⁾. Названіе «Лысая гора» встрѣчается и въ другихъ славянскихъ земляхъ, и Ходаковскій насчитываетъ до пятнадцати мѣстностей, обозначенныхъ этимъ именемъ ³⁾. У чеховъ и словеновъ чародѣйки слетаются на бабы горы ⁴⁾, и часть Карпатовъ между Венгріей и Польшей называется поляками *Babia gora*. По литовскому повѣрью, колдуны и вѣдьмы наканунѣ Иванова дня собираются на вершинѣ горы Шатринъ (въ шавельскомъ уѣздѣ); нѣмецкія *hexen* летаютъ на *Brocken* (*Blocksberg*) *Horselberg*, *Bechelberg*, *Schwarzwald* и другія горы ⁵⁾. Полеты вѣдьмъ на лысую гору обыкновенно совершаются въ темныя, бурно-грозовыя ночи, извѣстныя въ народѣ подъ именемъ „воробьиныхъ“ ⁶⁾; но главныя сборища ихъ на этой горѣ бывають три раза въ годъ: на Коляду, при встрѣчѣ весны и въ ночь Ивана Купалы. Въ эти праздники крестьяне съ особенною заботливостью стараются оберегать своихъ лошадей, чтобы вѣдьмы и нечистые духи не захватили и не измучили ихъ въ быстромъ побѣдѣ. Время вѣдовскихъ сборищъ, совпадая съ началомъ весны и съ двумя солнечными поворотами, наводитъ на мысль, что дѣятельность вѣдьмъ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ тѣхъ измѣненій, какія замѣчаются въ годичной жизни природы.

¹⁾ Пов. и пред., 180. — ²⁾ Сахаров., I, 26, 44. — ³⁾ Ист. Сб., VII, 237—8; Сахаров., II, 41; Рус. прост. празд., IV, 34; *Zaryuz domove*, III, 146; Этн. Сб., V, ст. о кашубахъ, 72; Вѣст. Евр. 1820, XXIII, 186. — ⁴⁾ Съ бѣльшимъ вѣроятіемъ можно допустить, что названіе это знаменуетъ облачныя горы, а не сводъ небесный — см. выше, стр. 124. — ⁵⁾ D. Myth., 1003—5; Ганушъ, 178; Колевск. Губерн., 575. — ⁶⁾ Иллюстр. 1845, 251.

Духи бурныхъ грозъ, замирающіе на зиму, пробуждаются, выѣтъ съ рожденіемъ солнца, а въ половинѣ лѣта достигаютъ наибольшей полноты силъ и предаются самому неистовому разгулу; рожденіе же солнца старинные мѣны сочетали и съ зимнимъ его поворотомъ — на праздникъ Коляды, и съ благодатнымъ просвѣтлѣніемъ его весною. По указаніямъ, собраннымъ въ народномъ дневникѣ Сахарова, съ 26-го декабря начинаются бѣсовскія потѣхи, вѣдьмы со всего свѣта слетаются на лысую гору на шабашъ и сдружаются тамъ съ демонами; 1-го января вѣдьмы заводятъ съ нечестыми духами ночныя прогулки, а 3-го, возвращаясь съ гулянья, задаиваютъ коровъ; 18-го января онѣ теряютъ память отъ излишняго веселья на своемъ пиршествѣ ¹⁾. По знаменательному повѣрью русиновъ, на Благовѣщенье (25 марта — день, въ который Весна побораётъ Зиму) зарождаются вѣдьмы и упыри (— гонители и сосуны дождевыхъ тучъ ²⁾); На Юрьевъ день (23 апрѣля), посвященный громовнику — побѣдителю змѣя и пастырю небесныхъ, стада, и въ «купальскую» ночь на 24 іюня (празднество Перуну, погашающему въ дождевыхъ потокахъ знойныя лучи солнца — I, 208) вѣдуны и вѣдьмы собираются на лысую гору, творятъ буйныя, нечестивыя и грища и совѣщаются на пагубу людей и домашнихъ животныхъ ³⁾; въ эту-же таинственную ночь они ищутъ и рвутъ на лысой горѣ волшебныя зелья, что, конечно, имѣетъ связь съ мѣномъ пламеннаго Перунова цвѣта, почка котораго зрѣетъ и распускается въ

¹⁾ Рус. Предан., II, 103—111; Рус. прост. празд., III, 86; Сахаров., II, 3—4, 7, 70; Терещ., V, 75; Zagusy domove, III, 147. —

²⁾ Ганушъ, 103. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 87; Сахаров., II, 41; Терещ., V, 87; Рус. прост. празд., I, 175; IV, 33—34. Масляницу свою вѣдьмы отправляютъ на лысой горѣ, что бываетъ или на первой недѣлѣ великаго поста, или наканунѣ Воскресенія Христова — Ж. М. В. Д. 1848, XXII.

ночь на Ивана Купалу ¹⁾. Если ухватиться за вѣдму въ ту минуту, когда она хочетъ летѣть на лысую гору, то можно совершить воздушное странствованіе: того, кто рѣшается на это, она уноситъ на мѣсто сборища. На Украинѣ ходитъ разсказъ о полетѣ одного солдата на вѣдовой шабашъ. Ночью, наканунѣ Иванова дня, удалось ему подсмотрѣть, какъ улетѣла въ трубу его хозяйка; солдатъ вздумалъ повторить то же, что дѣлала вѣдьма: овъ тотчасъ-же сѣлъ въ ступу, помазалъ себѣ подъ мышками волшебной мазью — и вдругъ, вмѣстѣ со ступою, взвился въ дымовую трубу и съ шумомъ понесся по поднебесью. Летитъ солдатъ, самъ не вѣдая куда, и только покрикиваетъ на встрѣчныя звѣзды, чтобы сторонились съ дороги. Наконецъ опустился на лысую гору: тамъ и играютъ и пляшутъ вѣдьмы, черти и разныя чудища; со всѣхъ сторонъ раздаются ихъ дикіе клики и пѣсни! Испуганный невиданнымъ зрѣлищемъ, солдатъ сталъ поодаль — подъ тѣнистымъ деревомъ; въ ту же минуту явилась передъ нимъ его хозяйка: «ты зачѣмъ? молвила она; скорѣе назадъ, если тебѣ жизнь дорога! Какъ только завидятъ наши, сейчасъ тебя задушатъ! Вотъ тебѣ славный конь, садись и утекай!» Солдатъ вскочилъ на коня и вихремъ пустился домой. Приѣхалъ, привязалъ коня къ яслямъ и залѣгъ спать; на утро проснулся, пошелъ въ конюшню, гладить — а вмѣсто коня привязано къ яслямъ большое полѣно ²⁾. Подобный-же разсказъ есть у сербовъ: «у Сријему се приповвједа да се онамо вјештице највише скупљају више села Моловина на некакоме орачу. Приповвједа се, како је некакав човјек видјевши из постеле како му је из куће вјештица одлетјела, нашао њезни лонац с масти, пак се њоме намазао и рекавши као и она, прометнуо

¹⁾ Сахаров., I, 43; Рус. прост. праздн., I, 75; Иллюстр. 1845, 262; Описан. оловец. губ. Дашкова, 190. — ²⁾ Lud Ukrain., II, 87—88.

се и он у нешто и одлетно за њом, и долетјевши на орах више Моловина вашао ондје много вјештица, гдје се чаште за златнијем столом и пију из златнијех чаша. Кад их све сагледа и многе међу њима позна, онда се као од чуда прекрсти говорећи: анате вас мате било! У онај исти мах оне све прсну куд која, а он спадне под орах човјек као и прије што је био. Златна стола не ставе као и вјештица, а њихове златне чаше претворе се све у папке којекакијех стрвина¹⁾. Точно также и нѣмецкія вѣдмы собираются не только на вершинахъ горъ, но и въ поляхъ подъ стѣною дуба, липы или груши, а вѣдмы неаполитанскія подъ орѣховымъ деревомъ²⁾; на Руси указываютъ старыя дубы, подъ которыми сходятся вѣдмы на свои шумныя игрища (II, 296). Дубъ и орѣхъ были посвящены богу-громовнику и въ народной символикѣ обозначаютъ дерево-тучу.

По снѣдѣтельству нѣмецкихъ сказаній, вѣдовскія сборища бывають на Рождественскія noci, наканунѣ великаго поста (fastnacht), на Свѣтлой недѣлѣ, 1-го мая и на Иванову ночь. Русскому преданію о полетѣ вѣдмъ на лысую гору въ концѣ апрѣля (на вешній Юрьевъ день) соотвѣтствуетъ нѣмец-

¹⁾ Срп. рјечник, 67. Переводъ: Въ Срѣмѣ рассказываютъ, что вѣдмы наиболѣе собираются на орѣховомъ деревѣ у села Моловина. Рассказываютъ, что какой-то човѣкъ, усмотря съ постели, какъ отлетѣла изъ хаты вѣдма, досталъ ея горшокъ съ мизью; намазался, и проивнеся такое-же заклятіе, какъ и вѣдма, оборотился во что-то и полетѣлъ вслѣдъ за нею. Онъ прилетѣлъ на орѣховое дерево, нашелъ тамъ много вѣдмъ, котормя пировали за золотымъ столомъ и пили изъ золотыхъ чашъ. Глядя на вѣдмъ, онъ узналъ между ними многихъ, перекрестился отъ изумленія и проивнесъ: „анаеена-бъ васъ побла!“ Въ ту же минуту присвудли всѣ вѣдмы—кто куда! а овъ свалился съ дерева и сѣлся по прежнему човѣкомъ. Не стало ни золотого стола, ни вѣдмъ, и золотыя ихъ чашы превратились въ копыта стервъ (вздохшихъ животныхъ). — ²⁾ D. Myth., 1003—5.

кое — о главномъ ихъ поздѣ, совершаемомъ ежегодно на первую майскую ночь (Walpurgisnacht). Въ этомъ поздѣ принимаютъ участіе и оборотни, и давно-умершія женщины — подобно тому, какъ въ полетѣ неистоваго воинства участвуютъ души усопшихъ. Каждая вѣдьма является на празднество вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ-чортомъ. Самъ владыка демонскихъ силъ — сатана, въ образѣ козла съ чернымъ человѣческимъ лицомъ, важно и торжественно возсѣдаетъ на высокомъ стулѣ или на большомъ каменномъ столѣ по среднѣ собранія. Всѣ присутствующіе на сходкѣ заявляютъ передъ нимъ свою покорность колѣнопреклоненіемъ и цѣлованіемъ. Сатана съ особенной благосклонностью обращается къ одной вѣдьмѣ, которая въ кругу чародѣекъ играетъ первенствующую роль и въ которой нетрудно узнать ихъ королеву (hexenkönigin). Слетаясь изъ разныхъ странъ и областей, нечистые духи и вѣдьмы докладываютъ, что сдѣлали они злаго, и сговариваются на новыя козни; когда сатана недоволенъ чьими продѣлками, онъ наказуетъ виновныхъ ударами. Затѣмъ, при свѣтѣ факеловъ, возженныхъ отъ пламени, которое горитъ между рогами большаго козла, приступаютъ къ пиршеству: съ жадностью пожираютъ лошадиное мясо и другія яства, безъ хлѣба и соли, а приготовленные напитки пьютъ изъ коровьихъ копытъ и лошадиныхъ череповъ. По окончаніи трапезы начинается бѣшеная пляска, подъ звуки необыкновенной музыки. Музыкантъ сидитъ на деревѣ; вмѣсто волынки или скрипки, онъ держитъ лошадиную голову, а дудкою или смычкомъ ему служить то простая палка, то кошачій хвостъ. Вѣдьмы, схватываясь съ бѣсами за руки, съ динимъ весельемъ и безстыдными жестами прыгаютъ, вертятся и водятъ хороводы. На слѣдующее утро на мѣстахъ ихъ плясокъ бывають видны на травѣ круги, какъ-бы протоптанные коровьими и козь-

ими ногами. Любопытнаго, который пришел бы посмотреть на них играща, вѣдьмы схватываютъ и увлекаютъ въ вихрь своихъ плясокъ; но если онъ успѣетъ призвать има божіе, то вся сволочь мгновенно исчезаетъ. Потомъ совершается сожженіе большаго козла, и пепелъ его раздѣляется между всѣми собравшимися вѣдьмами, которыя съ помощію этого пепла и причиняютъ людямъ различныя бѣдствія. Кроме козла, въ жертву демона приносится еще черныи быкъ или черная корова. Гульбище заканчивается плотскимъ соитіемъ, въ которое вступаютъ вѣдьмы съ нечистыми духами, при совершенномъ погашеніи огней, и затѣмъ каждая изъ нихъ улетаетъ на своемъ помелѣ домой — тою-же дорогою, какою явилась въ сборище. Вся эта обстановка, всѣ эти подробности суть мифическіе образы, живописующіе весеннюю грозу. Полетъ вѣдьмъ и демоновъ на лысую гору — это также несущаяся по воздуху дикая охота или неистовая рать, только представленная въ поэтической картинѣ праздничнаго поѣзда. Въ сатанѣ узнаемъ мы демоническій типъ бога-громовника, являющагося во мракѣ черныхъ тучъ и въ шумѣ опустошительныхъ бурь; по другимъ сказаніямъ: присутствуя на праздникѣ вѣдьмъ, онъ не занимаетъ высокаго сѣдалища, а лежитъ подъ столомъ, прикованный на цѣпь, подобно хитрому Локи. Козелъ — животное, посвященное Тору и Вакху — зооморфическое представленіе дождевой тучи; сожженіе его указываетъ на грозное пламя. Горящіе факелы, освѣщающіе вѣдовское сборище — также метафора небесныхъ молвій. Соответственно уподобленію дождя опьяняющимъ напиткамъ, а облаковъ различнымъ животнымъ: лошадямъ, быкамъ, коровамъ, баранамъ и козамъ, въ грозѣ древнія племена видѣли пиршество, въ которомъ стихійные духи и жены варилъ, жарилъ и пожиралъ яства (жрать и горѣть — рѣчевіи тождественныя, см. II, 39) и опивались амритою (живою во-

дою, небеснымъ медомъ и ввиномъ), употребляя вмѣсто сосудовъ коровьи попыты и лошадинныя черепы. О пѣсняхъ, музыкѣ и пляскѣ грозовыхъ духовъ уже достаточно говорено выше. Колдуны и чародѣйки владѣютъ такими музыкальными инструментами, звуки которыхъ всѣхъ и каждаго увлекаютъ въ быструю пляску; отъ нихъ волшебныхъ пѣсней дрожатъ земля и небо и волнуются глубокия моря. На Блоксбергъ привлекаютъ вѣдьмы «den schnee wegzutanzen», т. е. кружась въ полетѣ стремительныхъ вихрей, онѣ сметаютъ и разбрасываютъ снѣгъ. Ночныя пѣсни и пляски нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ сближаютъ ихъ съ эльфами; на такое сближеніе указываютъ и другія тождественныя черты. Подобно эльфамъ, вѣдьмы давятъ сонныхъ людей, бѣдятъ на нихъ по горамъ и доламъ, похищаютъ дѣтей, боятся колокольнаго звона и также легко проникаютъ въ замочныя скважины и дверныя щели: это послѣднее свойство свидѣтельствуетъ за нихъ воздушную (безтѣлесную) природу. Любодѣйная связь демоновъ съ вѣдьмами объясняется язъ древняго воззрѣнія на грозу, какъ на брачное сочетаніе бога-громовника и грозовыхъ духовъ съ облачными дѣвами, которыхъ они насилуютъ молніеносными эаллюсами и заставляютъ проливать на землю оплодотворяющее сѣмя дождя. Крутящіеся вихри до сихъ поръ называются дьявольскою свадьбою: чортъ женится на вѣдьмѣ, и нечистая сила, празднуя ихъ бракъ, вертится въ неметовой пляскѣ и подымаетъ пыль столбомъ. Такъ какъ сѣмя дождя признавалось за вдохновительный напитокъ, надѣляющій дарами мудрости и предвѣдѣнія; то съ его пролитіемъ, или чтò то же — съ лишеніемъ вѣщей нимфы ея дѣвственности, она теряетъ свою чародѣйную силу. Такъ какъ валькирія Брунгильда, отдаваясь послѣ долгаго сопротивленія мужу, шепчетъ ему: «я побѣждена! дѣлай со мною, что тебѣ угодно; съ дѣвствомъ я потеряла все, и стала такою-же простою женщиной, какъ и всѣ другія». Въ

народныхъ преданіяхъ и старинныхъ памятникахъ чортъ является къ избранной имъ любовницѣ въ видѣ статнаго, красиваго и сладострастнаго юноши, увлекаетъ ее съ собою на ночное гульбище и вводитъ въ сообщество колдуней и нечистыхъ духовъ; тамъ она принимается въ вѣдьмы, при чемъ ее заставляютъ отречься отъ Бога, карицаютъ ей новое имя и острыми уколами налагаютъ на ея тѣло особенную мѣтку; сохранилось еще преданіе, будто новопринятой вѣдьмѣ чортъ втыкаетъ въ задъ горящую свѣчу ¹⁾). Древнѣйшее свидѣтельство о плотской связи вѣдьмы съ чортомъ встрѣчается въ памятникѣ 1275 года; но особенно обильны подобными указаціями акты вѣдовенихъ процессовъ XVI—XVIII столѣтій. По мнѣнію французовъ, демонъ не можетъ заключить договора съ дѣвственницею. Отъ смѣшенія вѣдьмъ съ нечистыми рождаются существа эльфическія, называемыя *dinger, elbe, holden* и принимающія различныя образы то мотылька, то червя или гусеницы, то оборотня (*larvengestalt*); вѣдьмы посылаютъ ихъ на людей и животныхъ, которые вслѣдъ затѣмъ чувствуютъ болѣзненное разстройство ²⁾). Смыслъ приведеннаго преданія — тотъ, что эльфъ — шалютка-молнія рождается изъ вѣдъры тучи во время грозы, этого брачнаго торжества облачной жены съ демономъ. У сербовъ находимъ соотвѣтственное представленіе о смертоносномъ духѣ, излетающемъ изъ вѣщиды бабочкою; по нѣмецкому повѣрью, люди съ сросшимися бровями выпускаютъ изъ-подъ нихъ эльфа-бабочку, а по русскому повѣрью — вѣй поражаетъ своимъ пламеннымъ взоромъ, какъ скоро подняты ея длинныя вѣки, т. е. какъ скоро вылетаетъ зоркая молнія изъ-за темныхъ облачныхъ покрововъ (I, 170-2).

¹⁾ „Eine solche angehende hexe stellt der teufel auf den kopf und steckt ihr ein licht in der after.“ — ²⁾ D. Myth., 1003, 1009—1018, 1022—1030, 1039; Der heut. Volksglaube, 92—93.

Сверхъ того, и самый любовникъ вѣдмы, соединяющійся съ нею черезъ молнію, нерѣдко является въ видѣ эльфа или мотылька.

Таже обстановка дается вѣдовскимъ сборщамъ славянскими и литовскими преданіями. Слетаясь на лысую гору, вѣдмы предаются двкому разгулу и любовнымъ наслажденіямъ съ чертами, объѣдаются, опиваются, затыгиваютъ пѣсни и пляшутъ подъ звуки нестройной музыки. За желѣзнымъ столомъ или на тронѣ воссѣдаетъ сатана; чехи увѣряютъ, что онъ присутствуетъ на этомъ праздествѣ въ образѣ чернаго кота, пѣтуха или дракона. Рассказываютъ также, что на лысой горѣ живетъ старшая изъ вѣдмъ, и къ ней-то въ извѣстную пору года обязаны являться всѣ чародѣйки; по литовскому преданію, на горѣ Шатрѣи угощаетъ чародѣекъ ихъ главная повелительница ¹⁾. Пѣсни и пляски — обыкновенное и любимое занятіе вѣдмъ. Если въ лѣтнее время поселяне замѣтятъ на лугахъ ярко-зеленѣющіе или пожелтѣлые круги, то думаютъ, что или хозяинъ поля поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ, или старшая женщина въ его семьѣ покумилась съ вѣдмами; по мнѣнію народа, вѣдмы каждую ночь собираются на луга, водятъ хоробы и оставляютъ на травѣ слѣды своихъ ногъ ²⁾. «Покумиться съ вѣдмами» — тоже, что «поверстаться въ колдуны», т. е. сдѣлаться чародѣйкою, принять на себя это вѣщее званіе. Такое вступленіе въ колдуны и вѣдмы сопровождается круговыми плясками. Отправляясь на шабашъ и при самыхъ игрищахъ, вѣдмы поютъ волшебныя пѣсни, доступныя только имъ и ни-

¹⁾ Pohadky a pověsti narodu moravského, I, 569; Volklieder der Wenden, II, 265; Иличъ, 291; Громаничъ, 199; Пантеонъ 1855, V, ст. Ваглевича, 47; Кіевлянинъ 1865, 71; Морех. Сб. 1856, XIV, ст. Чужбин. 64; Иллюстр. 1846, № 27; Этн. Сб., I, 292 — ²⁾ Сахаровъ, I, 58.

кому болѣе ¹⁾). На лысой горѣ онѣ съ бѣшенымъ увлеченіемъ пляшутъ вокругъ кипящихъ котловъ и чортова требища, ²⁾ т. е. около жертвенника, на которомъ совершаются приношенія дѣмонамъ. Народныя сказки знаютъ искусныхъ, неумолимыхъ танцовщицъ, которыя каждую ночь удаляются въ подземное (= облачное) царство и предаются неистовой пляскѣ съ духами, населяющими эту таинственную страну. Такъ какъ демоны грозовыхъ тучъ издревле олицетворялись драконами, то вѣдьмы заводятъ нецѣломудренныя гульбища и сочetaются плотски не только съ чертями, но и съ мненческими змѣями. На Руси существуютъ повѣрья, что женщина, съ которою живетъ огненный змѣй, есть вѣдьма, что всякая волшебница нарождается отъ нечистой связи дьявола или змѣя съ бабою, и что самыя вѣдьмы летаютъ къ своимъ любовникамъ, обращаясь огненными змѣями ³⁾. Рассказывая о томъ, какъ богатырь Добрыня училъ чародѣйку Марину, полюбившицу Змѣя Горыныча, пѣсня останавливается на слѣдующихъ подробностяхъ:

Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:

„Эта мнѣ рука ненадобна,
Трепала она Змѣя Горыныча!“

А второе ученье—ноги ей отсѣкъ:

„А и эта де нога мнѣ ненадобна,
Оплеталася со Змѣемъ Горынычемъ!“

А третье ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:

„А и эти де губы венадобно мнѣ,
Цѣловали онѣ Змѣя Горыныча!“

Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:

¹⁾ Ibid., 46—47. Вѣдовскія пѣсни, напечатанныя Сахаровымъ, есть бессмысленная поддѣлка. — ²⁾ Рус. прост. вразд., III, 86. — ³⁾ Иллюстр. 1845, 203; 1846, 345; Рус. Предан., II, 103; Киев. Г. В. 1845, 13; Повѣт. Вое., II, 576—8, 608—611.

«А и эта голова ненадобна мнѣ
И этотъ языкъ ненадобенъ,
Зналъ онъ дѣла еретическія!»¹⁾

Старинная повѣсть о бѣсноватой Соломоніи (XVII в.) основана на глубоко-укорененномъ народномъ вѣрованіи въ возможность любодѣйнаго снѣженія женъ съ злыми духами: «въ девятый день по брацѣ, по захожденіи солнца, бывши сей въ клѣтцѣ съ мужемъ своимъ на одрѣ, всхотѣста почить, и внезапно видѣ она Соломонія демона, пришедша къ ней звѣрскимъ образомъ, мохната, ниужи когти, и ляже къ ней на одрѣ. Она же вельми его убоися—иступи ума. Той же звѣрь оскверни ее блудомъ... и съ того-же дни оканіиа демони начаша къ ней приходити, кромѣ великихъ праздниковъ, по пяти и по шти человѣческимъ зракомъ, якоже и-которіи прекрасніи юности, и тако нападаху на нея и скверниху ея и отхождаху, людямъ же нвчто-же видѣвшихиъ сего». Нечистые увлекали ее въ воду, и отъ связи съ ними она родила нѣсколькихъ демоновъ²⁾. Подобные рассказы и донныѣ обращаются въ нашемъ престоноародѣ. Если послупать бывалыхъ людей, то чортъ нѣрѣдко принимаетъ на себя видъ умершаго или отсутствующаго мужа (любовника) и начинаетъ посѣщать тоскующую женщину; съ той поры она сохнетъ, худѣетъ, «словно свѣча на огнѣ таетъ» (срвни II, 579³⁾).

Подъ вліяніемъ этихъ многочисленныхъ представленій, поставившихъ вѣдуновъ и вѣдьмъ въ самыя близкія и родствен-

¹⁾ Кирша Дан., 65—71. — ²⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 153—5. Чтобы Соломонія могла избавиться отъ подлыхъ духовъ, ей было сказано: „а ты у нихъ не иждь, не пей и ничего не отыщай, и они помучатъ да и отпустятъ. Тоже условіе возврата изъ подземнаго, адекаго царства встрѣчаемъ и въ сказаніяхъ грековъ и другихъ индоевропейскихъ народовъ. — ³⁾ Н. Р. Сл., V, стр. 45; VIII, стр. 449; Отч. Сб., VII, 143—4.

ныя отношенія съ демоническою силою, естественно, что на нихъ должны были смотрѣть съ робкою боязней и подозрѣвать ихъ во всегдашней склонности къ злобѣ и нечестивымъ дѣйствіямъ. Съ своей стороны христіанство окончательно утвердило эти враждебныя воззрѣнія на колдовство, чародѣевъ и чародѣекъ. По народному убѣжденію, всякой колдунъ и всякая вѣдьма заключаютъ съ дьяволомъ договоръ, продаютъ ему свои грѣшныя души и отрекаются отъ Бога и вѣчнаго блаженства; договоръ этотъ скрѣпляется роспискою, которую прибѣгающіе къ нечистому духу пишутъ своею собственною кровью (см. I, 394), и обязываетъ первыхъ творить чары только на зло людямъ, а послѣдняго помогать имъ во всѣхъ предпріятіяхъ ¹⁾). На Руси ходитъ много рассказовъ о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ отчаянные грѣшники продавали дьяволу свои души; названія еретикъ, еретица въ различныхъ мѣстностяхъ употребляются въ смыслѣ злаго колдуна, упыря и колдуньи; сравни: вѣрогъ — знахарь и врагъ — чортъ ²⁾). Все чудесное и страшное колдуны творятъ бѣсовскимъ содѣйствіемъ. Они — и властелины, и рабы демоновъ: властелины, потому что могутъ повелѣвать нечистою силою; рабы, потому что эта послѣдняя требуетъ отъ нихъ безпрестанной работы, и если колдунъ не прищеть для нея никакого занятія, то она тотчасъ же замучиваетъ его самого. Во избѣжаніе такой опасности колдуны придумали заставлять чертей, чтобъ они вили изъ песку и воды веревки, т. е. до первоначальному смыслу преданія: чтобъ они крутили вихрями столбы пыли и подымали водяные смерчи ³⁾). Умирая, колдунъ и вѣдьма испытываютъ страшныя мучки; злые духи входятъ въ нихъ,

¹⁾ Иллюстр. 1845, 184; Сахаров., I, 52; О. З. 1840, II, смѣсь, 42; Д. Мух., 1031. — ²⁾ Обл. Сл., 28, 54; Доп. обл. сл., 47. — ³⁾ Абев., 73; Укр. пѣсни Максимов., 91.

терзають имъ внутренности и вытягиваютъ изъ горла языкъ на цѣлые полтаршина; душа колдуна и вѣдмы до тѣхъ поръ не покидаетъ тѣла, пока ихъ не перенесутъ черезъ огонь и пока они не передадутъ своего тайнаго знанія кому-нибудь другому ¹⁾). Вся природа тогда заявляетъ невольный трепетъ: земля трясется, звѣри воютъ, отъ вороновъ и вѣроновъ отбою нѣтъ; въ образѣ этихъ птицъ слетаются нечистые духи, тѣсняются на кровлю и трубу дома, схватываютъ душу умершаго колдуна или вѣдмы, и съ страшнымъ карканьемъ, шумно взмахивая крыльями, уносятъ ее на тотъ свѣтъ ²⁾). По свидѣтельству народныхъ сказаній и стиха о страшномъ судѣ, чародѣи и вѣдмы идутъ по смерти въ «дьявольскій сирадъ» и предаются на казнь сатанѣ и его слугамъ ³⁾). Напомнимъ, что, по древнѣйшимъ вѣрованіямъ, тѣни усопшихъ возносились въ загробный міръ въ полетѣ бурныхъ грозъ, преслѣдуемая и караемая адскими духами. Трясеніе земли и звѣринный вой — метафорическія обозначенія громовыхъ раскатовъ и завывающей бури; хищныя птицы — олицетворенія стремительныхъ вихрей.

Въ предыдущихъ главахъ объяснено нами, что старинныя религиозныя игрища и богослужебныя обряды возникли изъ подражанія тѣмъ дѣйствіямъ, какія первобытныя племена созерцали на небѣ. Въ силу этого и вѣдовскія сборища (шабашы, сеймы) должны представлять черты, общія имъ съ древне-языческими празднествами, какъ по времени совершенія, такъ и по самой обстановкѣ тѣхъ и другихъ. И въ самомъ дѣлѣ полеты вѣдуновъ и вѣдмы на лысую гору совпадаютъ съ главнѣйшими праздниками встрѣчи весны, Коляды и Ку-

¹⁾ Могилев. Г. В. 1851, 19; тоже рассказываютъ и въ нижегородской губ. — ²⁾ Сахаров., II, 45—46; Иллюстр. 1845, 415; Москва. 1853, V, ст. Шилевскаго, 16. — ³⁾ Чт. О. И. и Д., годъ 3, IX, 196; Lud Ukrain., II, 85; Н. Р. Сл., VIII, 16, b.

палы, на которые сходились нѣкогда роды и семьи устанавливать общественный распорядокъ и совершать общественныя жертвоприношенія, игры и пиршества. У германцевъ долгое время удерживались въ обычаѣ майскія народныя собранія и майскіе суды. Сходки бывали на мѣстахъ, изстари-признаваемыхъ священными: среди тѣпистыхъ лѣсовъ и на высокихъ горахъ. Кипучіе котлы и горшки, въ которыхъ вѣдьмы варятъ свои волшебныя составы и опьяняющій напитокъ, заклятіе, сожженіе и пожраніе ими небесныхъ животныхъ (козла, коровы, коня), въ которыхъ олицетворялись дождевыя облака, соотвѣтствуютъ жертвеннымъ и пиршественнымъ приготовленіямъ, дѣйствительно-совершавшимся во время народныхъ праздниковъ (см. II, 253—9). Вѣдьмамъ, по народному повѣрью, необходимы для чародѣйства ножъ, шкура и кровь (символы молніи, облака и дождя¹⁾), слѣдовательно — все то, безъ чего немыслимъ обрядъ жертвоприношенія; ножъ и шкура употребляются ими при оборотничествѣ, съ помощію ножа онѣ доятъ облачныхъ коровъ и допрашиваютъ вихри о будущемъ урожаѣ. Вѣдуны и вѣдьмы собираются на лысую гору для общей трапезы, веселья и любовныхъ наслажденій. Всѣ эти характеристическія черты были непремѣннымъ условіемъ языческихъ празднествъ, которыя обыкновенно сопровождались пѣснями, музыкой, плясками и шумными пирами. Такой разгулъ, при излишнемъ употребленіи крепкихъ напитковъ, и поклоненіе оплодотворяющей силѣ Ярилы придали этимъ празднествамъ нецѣломудренный характеръ и превратили ихъ въ оргіи, «срамословіе и безстудіе». Лѣтописцы, проникнутые духомъ христіанскаго ученія, смотрѣли на нихъ, какъ на крайнее проявленіе разврата и нечестія (I, 444). Вѣдьмы являются на свои сборища съ

¹⁾ Иллюстр. 1845, 415.

распущенными косами, въ бѣлыхъ развѣвающихся сорочкахъ или звѣрныхъ шкурахъ (оборотнями), и даже совѣсть обнаженныя. Согласно съ этимъ, распущенныя косы, бѣлыя сорочки и звѣриныя шкуры признаны были необходимыми атрибутами для всѣхъ женъ и дѣвъ, принимающихъ участіе въ релігіозныхъ игрищахъ и обрядахъ. Такъ приобрядѣ опазиванія онѣ съ крикомъ и звономъ въ металлическія орудія несутся вокругъ деревни или совершенно-голыя, или въ однѣхъ сорочкахъ, съ распущенными косами (см. также I, 232, 241); въ дни Коляды и масленицы бѣгаютъ по улицамъ риженыя (окрутницы); княжна Любуша явилась на сеймъ и сѣла на отчемъ столѣ творить судъ по закону вѣкожизненныхъ боговъ — въ бѣлой одеждѣ; скопцы, во время своихъ молитвенныхъ сходокъ, одѣваются въ длинныя бѣлыя рубахи и вертятся въ круговой пляскѣ, а старообрядцы, приступая къ молитвѣ, снимаютъ пояса¹⁾. У нѣмцевъ, чеховъ и русскихъ встрѣча съ старой бабой или съ женщиной безъ головной повязки, съ распущенными волосами (mit fliegenden haaren), считается недоброю примѣтою, что объясняется смутною болезнью быть изуроченнымъ при встрѣчѣ съ вѣдьмою. Отъ вѣщихъ женъ и нукай языческой старинны примѣта эта позднѣе была перенесена на представителей христіанскаго богослуженія. Со временъ Нестора и до нашихъ дней встрѣча съ попомъ, монахомъ и монахиней признавалась и признается несчастливою: она предвѣщаетъ неожиданную бѣду, потерю, неуспѣхъ въ начатомъ дѣлѣ; поэтому простолюдины, повстрѣчавъ священника или монаха, спѣшатъ воротиться домой, или трижды плюютъ въ

¹⁾ Исслѣд. о скопц. ереси Надеждина, 229; Полн. истор. вѣстие о старообрядцахъ, изд. 3-е, 139; Поэт. Вок., I, 337—8.

земь ¹⁾. Въ поучительномъ словѣ XVI или XVII столѣтія выказанъ слѣдующій упрекъ: «Духъ Святыи дѣйствуетъ во священникѣхъ и въ дьяконѣхъ и во мншескомъ чину... мы же тѣхъ всѣхъ чяновъ на встрѣчѣ гнушаемся и отвращаемся отъ нихъ, в укоряемъ ихъ на первой встрѣчѣ и поносимъ ихъ въ то время на пути многими поношеніемъ». Въ Швеціи, какъ скоро лицо, принадлежащее къ духовенству, выходитъ со двора, окрестные жители ожидаютъ ненастной погоды ²⁾.

Одно изъ любопытнѣйшихъ преданій старины представляють народные рассказы о доеніи вѣдьмами коровъ. На Рождественскіе Святки, по мнѣнію нашихъ крестьянъ, недолично выпускать изъ хлѣбовъ домашняго скота, чтобы предохранить его отъ колдуновъ, вѣдьмъ и нечистой силы. 3-го января голодная вѣдьма, возвращаясь съ гульбища, заданвають коровъ, для охраны которыхъ поселяне привязываютъ къ воротамъ свѣчу; наканунѣ Крещенія съ тою-же цѣлю они пишутъ мѣломъ кресты на скотныхъ избахъ. Въ день св. Власія (11 февраля) кропятъ хлѣва, лошадей, рогатыи скотъ и овецъ крещенскою водою; въ это время, по словамъ малоруссовъ, вовкулаки, обратившись въ собакъ и черныхъ кошекъ, сосутъ молоко у коровъ, кобылъ и овецъ, душатъ лошадей и наводятъ

¹⁾ Въ новгородской и др. губ. думаютъ, что случайный приходъ монаха или монахини въ домъ, гдѣ празднуется свадьба, сулитъ новобрачнымъ несчастье. Примѣта эта, надо полагать, создавалась вслѣдствіе явоческаго отреченія отъ брака; наоборотъ встрѣча съ публичною женщиной принимается шведами за счастливыи знакъ. — ²⁾ Ворон. Г. В. 1851, 11; Абеи., 79; Пузын., 8; Совр. 1852, I, смѣсь, 122; Громиниъ, 220; Лѣт. рус. лѣт., т. V, 97; Повг. Вов., I, 30; D. Myth., 1077—9. Въ числѣ темныхъ лицъ, способныхъ изурочивать (портить), въ нашихъ заговорахъ упоминаются попь и попадьи, чернець и черница, схимникъ и схимница — Рыбник., IV. стр. XXX.

на рогатый скотъ падѣжъ ¹⁾. На вешній Юрьевъ день колдуны и вѣдьмы превращаются въ телятъ, собакъ или кошекъ и высасываютъ у коровъ молоко; крестьяне втыкаютъ тогда въ коровьихъ стойлахъ освященную вербу к страстнымъ свѣчи — въ томъ убѣжденіи, что этимъ прогоняются вѣдьмы, оборотни и нечистые духи, прилетающіе портить скотину; сверхъ того, они окропляютъ св. водою и окуриваютъ ладеномъ всё хлѣва и загоны. На Зеленые Святки или Троицу коровы также небезопасны отъ нападенія вѣдьмъ. Въ день Агриппины-купальницы крестьяне собираютъ крапиву, шиповникъ и другія колючія растенія въ кучу, которая служитъ замѣною горящаго костра; черезъ эту кучу скачутъ сами и переводятъ рогатый скотъ, чтобы воспрепятствовать вѣдьмамъ, лѣшнимъ, русалкамъ и нечистымъ духамъ донтъ у коровъ молоко, которое послѣ такого доенья совсѣмъ высыхаетъ (пропадаетъ) въ ихъ сосцахъ. На ночь разводятъ огни, для предохраненія стада отъ порчи; потому что въ купальскую ночь вѣдьмы и вовкулаки бываютъ особенно-страшны для коровъ: прокрадываясь въ скотные загоны, они высасываютъ у коровъ молоко и портятъ телятъ. Осторожные хозяева втыкаютъ по угламъ хлѣвовъ вѣтви ласточьяго зелья, на дверяхъ вѣшаютъ убитую сороку или прибиваютъ накрестъ кусочки срътенской свѣчи; тутъ-же при входѣ кладутъ вырванную съ корнемъ осину ²⁾, а по стойламъ — папоротникъ и жгучую крапиву. Телятъ на Иванову ночь не отдѣляютъ отъ дойныхъ коровъ, а лошадей запираютъ на замкъ. 30-го іюля вѣдьмы задаиваютъ коровъ до смерти, и опившись молокомъ, сами обмираютъ отъ чрезмѣрнаго пресыщенія ³⁾. Изъ приведенныхъ

¹⁾ Терещ., VI, 38; VII, 39; Сахаров., II, 4. — ²⁾ Иногда ставятъ осинный пруть въдъ портами. — ³⁾ Терещ., V, 73—

повѣрій видно, что доеніе вѣдьмами коровъ совпадаетъ по времени съ вѣдовскими полетами на лысую гору. Мы уже объяснили, что дождевыя облака, по древне-арійскому воззрѣнію, представлялись небесными коровами, кобылицами и овцами, а дождь и роса метафорически назывались молокомъ; молнія, разбивая тучи, проливаетъ изъ нихъ живительную влагу дожда, или выражаясь языкомъ священныхъ гимновъ Ригъ-Веды: Индра доитъ (облачныхъ) коровъ молніями и молоко ихъ ниспосылаетъ на землю плодоноснымъ дождемъ. Огненный змѣй, въ качествѣ грозоваго демона, высасывающаго дождевыя облака и чрезъ то производящаго засуху и неурожай, получилъ у славянъ знаменательное названіе смона (=сосуна), и по свидѣтельству народныхъ сказаній, любитъ упиваться молокомъ (II, 556—562). Въ кіевской губ. утверждаютъ что вѣдьмы катаются огненными шарами ¹⁾, а въ витебской — что онѣ обращаются въ огненныхъ змѣевъ и въ этомъ видѣ высасываютъ у коровъ молоко ²⁾. Не менѣе важнымъ представляется для изслѣдователя и то повѣрье, что вовкулаки и вѣдьмы сосутъ молоко, обращаясь въ собакъ и кошекъ, такъ какъ въ образѣ гончихъ псовъ олицетворялись буйные вихри, а въ образѣ кошекъ — сверкающія молніями тучи; окутываясь въ облачные покровы, вѣдуны и вѣдьмы принимали на себя звѣринныя подобія и дѣлались оборотнями (вовкулаками), о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Принимая во вниманіе эти данныя и зная, что вѣдьмы и до сихъ поръ обвиняются въ похищеніи дождей и росы, нельзя сомнѣваться въ мнѣшескомъ значеніи преданія о доеніи вѣдьмами коровъ, — преданія, которое, при забвеніи старинныхъ метафоръ, необходимо должно было перейти на

75, 87; VI, 28—30; Молодикъ 1844, 94; Сахаров., II, 41, 45; Zagusy domove, III, 154. — ¹⁾ Кіев. Г. В. 1845, 13. — ²⁾ Сличъ въ D. Myth., 1045—о змѣѣ, сосущей коровъ (snackr).

обыкновенныхъ дойныхъ животныхъ. Въ устахъ народа хранятся много отрывочныхъ воспоминаній, наглядно-указывающихъ на коровное значеніе этого предавія. Ночью, когда заснутъ люди, вѣдьмы (какъ увѣряютъ въ кievской губ.) выходятъ на дворъ, въ длинныхъ сорочкахъ, съ распушенными волосами, и очертивъ рукою звѣздное небо, затмѣваютъ мѣсяцъ тучами (скрадываютъ его), и потомъ, при наступающей грозѣ, бросаются донть самыхъ тучныхъ коровъ, и донть ихъ такъ усердно, что изъ сосцевъ, вмѣстѣ съ молокомъ, начинаетъ капать кровь (другая метафора 'дожда ¹⁾); въ вѣкоторыхъ деревняхъ рассказываютъ, что вѣдьмы заговяютъ луну въ хлѣвъ (= въ облака или туманы, какъ строенія, возводимыя для небесныхъ стадъ — см. II, 436) и донть коровъ при ея свѣтѣ. По любопытному болгарскому повѣрью, магесивцы (колдуны) могутъ снимать луну съ неба, отчего и происходитъ ея затмѣніе; луна обращается тогда въ корову (т. е. обвертывается, облачается коровьей шкурою = облакомъ), а магесивцы донть ее и првготовляютъ изъ добытаго молока масло для врачеванія неисцѣлимыхъ ранъ (I, 666). На востокѣ вѣрили, будто во время затмѣнія луна проливаетъ амриту, которую боги собираютъ въ свои сосуды. Какъ яркоблещающее солнце уподоблялось нашимъ предками свѣтильнику, наполненному горящимъ масломъ, такъ «блѣдная, холодная» луна представлялась чашею молока (II, 287-8 ²⁾); согласно съ этимъ, затмѣніе луны должно было разсматриваться, какъ утрата ею молока-свѣта, скрадываемого нечис-

¹⁾ Ж. М. В. Д. 1848, ч. XXII, 132 (изъ Киев. Г. В.); Учен. Зап., 2-го отд. Ан. Н., VII, в. 2, 30. — ²⁾ Шварцъ (Sonne, Mond u. Sterne, 9) указываетъ еще, что древнія пастушескія племена видѣли въ полной лунѣ изготовленный кругъ сыра; еще теперь есть мѣстности, гдѣ мѣсяцъ называютъ kāslaib; томе возвращеніе встречаемъ и въ сербской сказкѣ — Срп. и. припов., 50.

тою силою мрака. Но уже въ глубочайшей древности затмѣніе солнца и луны и сокрытіе ихъ свѣтлыхъ ликовъ темными тучами признавались за явленія тождественныя и равно приписывались злобному нападенію демоновъ; поэтому въ приведенномъ нами болгарскомъ повѣрьи хотя и говорится о затмѣніи луны, но рѣчь собственно идетъ о потемняющемъ ее облакѣ, изъ котораго вѣдьмы доятъ молоко-дождь. Въ Галліціи уцѣлѣла поговорка: «сонце свитить, дощикъ крапить, чаровница масло робить»; у поляковъ: «deszczyk pada, słońce świeci, szarogownica masło kleci» ¹⁾; у сербовъ: «сунце грије, киша (дождь) иде, вјештице (или: ѣаволи) се легу» ²⁾, т. е. падаютъ поражаемыя громомъ. Приготовление вѣдьмами чародѣйнаго масла объясняется изъ древнѣйшаго уподобленія грозы взбиванію масла. Богъ-громовникъ сверлитъ тучи своею молніеносною палицею; вращая ее въ облачной кадкѣ или бочкѣ, наполненной млекомъ дождя, онъ творитъ тоже на небѣ, чтò дѣлали на землѣ люди, взбалтывая молоко мутовкою: именно этимъ способомъ приготавливалось въ старину масло. Еще нынѣ въ Швеціи *donnerkeile* называется *smörg dubbar* (*buttersch'äger*), и для того, чтобы коровы давали обильное молоко, къ ихъ сосцамъ прикладываютъ «громовую стрѣлку». Поселяне думаютъ, что чародѣйки, мѣшая палкою воду въ источникѣ — подобно тому, какъ взбивается молоко въ маслобитнѣ (*butterfass*), тѣмъ самымъ похищаютъ у сосѣдей коровье молоко и масло. Разъ одна дѣвочка взяла шесть и начала имъ взбалтывать въ колодецѣ; на вопросъ: что она дѣлаетъ? дѣвочка отвѣчала: «такъ взбалтываетъ моя мать, когда хочетъ, чтобы настало ненастье» ³⁾. Первоначально повѣрья эти относились къ дождевымъ источни-

¹⁾ Номис., 4; Уч. Зап. 2-й отд. Ав. Н., VII, в. 2, 32. — ²⁾ Срп. послов. 296. — ³⁾ Die Götterwelt, 195, 208; Beiträge zur D. Myth., I, 67; II, 365.

камъ: возмущая ихъ воды, вѣдмы производятъ непогоду и проливаютъ (= выдаютъ) небесное молоко. Масло, азгтовляемое вѣдмами, можетъ заживлять раны, слѣдовательно ему присвоивается таже цѣлебная сила, что и весеннему дождю. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, колдуны и вѣдьмы хранятъ у себя живую и мертвую воду. Въ южной Россіи вѣдмамъ приписываютъ приготовленіе сыру (творогу): надоенное и наливое въ кувшины молоко онѣ ставятъ въ глубоко вырытыхъ ямахъ и погребехъ (тамъ-же, гдѣ причуть чаровницы похищенные ими дожди и росы), а потомъ дѣлаютъ изъ него волшебную мазь или сыръ къ своей масляницѣ, т. е. къ началу весны. Кто пожелаетъ свѣдать: какія изъ деревенскихъ бабъ занимаются чародѣйствомъ, тотъ долженъ въ послѣдній день масляницы взять кусочекъ сыру, завязать его въ узелокъ и носить при себѣ во все время великаго поста; въ ночь передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ къ нему явятся вѣдмы и стануть просить сыра ¹⁾. Съ приходомъ весны пробужденный отъ зимняго сна богъ-громовникъ выгоняетъ на небо облачныя стада, несущія въ своихъ сосцахъ благодатное молоко дождя, — подобно тому, какъ въ ту же пору выгоняютъ поселяне коровъ и овецъ на покрывшіяся зеленью пастбища. Сближая свои земныя заботы съ творческимъ подвигомъ громовника, пастушескій народъ въ первомъ весеннемъ выгонѣ деревенскихъ стадъ призналъ религіозное дѣло, обставилъ его тѣми-же обрядами, какіе (по его мнѣнію) соблюдались тогда на небѣ, и самый день совершенія этихъ обрядовъ сталъ праздновать, какъ посвященный верховному владыкѣ грозъ. Въ Германіи первый выгонъ скота въ поле бываетъ въ маѣ-мѣсяцѣ раннимъ утромъ, когда еще не обсохла на травѣ роса; передовою коровъ привязываютъ къ хвосту

¹⁾ Черниг. Г. В. 1842, 37; Ж. М. В. Д. 1848, т. XIII.

куеть или вѣтку, называемую *dausleipe* = *thauschlepper*: эта вѣтка — эмблема громовой метлы (*donnerbesen*), которая, ударяя по коровѣ-тучѣ, сотрясаетъ на землю росу и дождь. Привязанная къ хвосту коровы, майская вѣтка волочится по травѣ и сбиваетъ съ нея утреннюю росу, вслѣдствіе чего, по народному убѣжденію, все стадо надѣляется хорошимъ в обильнымъ молокомъ ¹⁾. На Руси стада выгоняются впервые на Юрьеву росу, т. е. на разсвѣтъ 23-го апрѣля, въ день, когда празднуютъ Егорію Храброму, на котораго перенесены древнія представленія о Перунѣ (I, 699 — 711); при этомъ коровъ ударяютъ освященною вербою, что символически знаменуетъ удары громоваго бича или прута, низводящаго на поля и нивы молоко-дождь ²⁾. Отъ Вербнаго воскресенья и до Юрьева дня, а нерѣдко и въ продолженіе цѣлаго года, во всякой избѣ сберегается освященная верба; увѣряютъ, что если въ великую субботу зажечь ее въ печи, то непременно явится вѣдьма и станетъ просить огня, который, какъ символъ грозоваго пламени, необходимъ ей для доенія коровъ ³⁾. Чехи выгоняютъ коровъ метлой или вербою на разсвѣтъ 1-го мая (на *kravské hoduy*); а на второй и третій дни Свѣтлой недѣли у нихъ въ обычаѣ ходить по домамъ съ помлазкою и ударять хозяевъ, чтобы велась у нихъ скотина. Слово *romlázka* (сравни серб. *глаз* — струя молока, такую можно выдоть за одинъ разъ; отъ корня *глаз* = санскр. *ма рдж* — донть) означаетъ орудіе, дѣлающее коровъ молочными; такъ называютъ вѣтку вербы, или хлысть, спле-

¹⁾ D. Myth., 746—7; Der heut. Volksglaube, 123. — ²⁾ Терещ., VI, 28—29. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 86. Точно также если на чистый четвергъ, во время такъ называемаго „стоянья“, за каждымъ церковнымъ звономъ бросать въ печь по одному полѣну, и потомъ на Великъ день запалить эти двѣнадцать полѣньевъ, то вѣдьмы прійдутъ за огнемъ. Четвергъ—день громовика, звонъ—метеора производимого имъ грохота.

тенный въ нѣсколькихъ лозъ (вербовыхъ, ивовыхъ, виноградныхъ), иногда даже изъ ремней, и украшенный пестрыми лентами. Обрядовый припѣвъ выражается опомлазкѣ: «*proutek se otoĭi, korbel riva* (— небеснаго напитка) *patoĭil*» (сравни II, 403). У сербовъ-хорватовъ на Юрьевъ день многіи расчетливыя хозяйки стараются ударить метлою по вымени сначала сосѣдскихъ, а потомъ своихъ коровъ, и надѣются, что вслѣдствіе этого молоко отъ первыхъ перейдетъ къ послѣднимъ. Въ Германіи и Швеціи, когда наступаетъ пора, въ которую коровы доятся трижды въ день, ихъ ударяютъ вѣткою рябины или другаго посвященнаго громовнику растенія. Этотъ обрядъ въ Вестфалии обозначается словомъ *quiken*, т. е. дѣлать коровъ сильными, бодрыми, давать имъ новую жизнь ¹⁾. У чеховъ соблюдаются и другіе знаменательные обряды. Наканунѣ 1-го мая они украшаютъ одну изъ своихъ коровъ зелеными вѣтками, покрываютъ ее чистою пеленою и выводятъ въ поле на перекрестокъ; тамъ, сотворивъ обычное моленіе, снимаютъ съ нея покрывало, разстилаютъ его по травѣ и хлѣбнымъ всходамъ, смоченнымъ небесною росою, и когда оно сдѣлается мокрымъ — снова возлагаютъ его на корову. По возвращеніи домой, вѣшаютъ это покрывало въ избѣ и выжимаютъ изъ него росу въ нарочно-поставленный сосудъ, наблюдая при томъ, чтобы означенная ткань представляла подобіе коровьяго вымени съ четырьмя сосцами. Добытая такимъ образомъ роса припѣшивается къ коровьему пойлу, отчего, по мнѣнію крестьянъ, коровы въ продолженіи дѣлаго года пользуются вождѣленнымъ здравіемъ и даютъ много молока. Тою-же росою умываются дѣвчцы, чтобы стать здоровыми и красивыми — тѣ, что называется: кровь съ молокомъ! Рано поутру, передъ солнечнымъ

¹⁾ Археолог. Вѣст. 1867, IV, 152; Иланъ, 127.

восходомъ, чехи отправляются на поля, трясаютъ съ хлѣбныхъ колосьевъ росу въ подошники, и потомъ этою собранною росой омывають у коровъ сосцы и вымя; нѣкоторые косятъ съ сосѣднихъ полей росистую траву и кормятъ ею свою скотину, съ полнымъ убѣжденіемъ, что у сосѣдей коровы будутъ давать дурное молоко, а у нихъ — хорошее. Подобными-же средствами пользуются и вѣдьмы — для того, чтобы отымать у чужихъ коровъ молоко: по чешскому повѣрью, «čarodějne baby chodi před slunce vychodem do trávy v pasěkách stírat rosu do loktuši ¹⁾, а tím pabudou moci že mohou z nich vydojiti mleko tech krav, jelž na onych pasěkách se pasly». Вѣшая на колъ свои передники, онѣ доятъ изъ нихъ молоко ²⁾. На Руси рассказываютъ, что въ ночь передъ Юрьевымъ днемъ и на утренней его зорѣ вѣдьмы выходятъ въ поле, разстилаютъ по травѣ холстъ и даютъ ему намокнуть росой; этии холстомъ онѣ покрываютъ коровъ и дѣлаютъ ихъ тощими и недоеными ³⁾: вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ высыхаетъ роса, собранная на холстъ, высыхаетъ — утрачивается и молоко у коровы. Пелена или холстъ — эмблема облачной ткани: когда чаровница упуститъ нечаянно звѣзду, то не иначе можетъ поймать ее, какъ плахтою, черезъ которую процѣживалось молоко (черниг. губ.), т. е. она ловитъ звѣзды, закрывая ихъ дождевою тучею. На разсвѣтѣ Иванова дня вѣдьмы бродятъ по полямъ, застѣаннымъ рожью, и выбираютъ изъ росы содержащееся въ ней молоко ⁴⁾. Малороссіане коровье молоко и масло называютъ божьей росой (I, 667). Въ кievской губ. существуетъ повѣрье, что вѣдьма моетъ и рьев-

¹⁾ Рядно, плахта. — ²⁾ Громанинъ, 131—2; Ганушъ, 143; Nag. zriewanku, I, 429; Иличъ, 291; Ч. О. В. и Д. 1865, IV, 290 —

³⁾ Сахаров., II, 24; Маягъ, XI, 16; Терещ., VI, 30. — ⁴⁾ Киевлян. 1865, 71.

скою росой цѣдилку (ситишко для процеживанія молока), а потомъ когда станетъ ее выдавливать, то вмѣсто росы потечетъ молоко, а сосѣдскія коровы останутся съ пустыми сосцами ¹⁾; въ Литвѣ, наканунѣ Иванова дня, хозяйки варятъ цѣдилку въ святой водѣ, взятой изъ трехъ костѣловъ, и это (по ихъ словамъ) заставляетъ чародѣекъ возвращать коровамъ выдоенное молоко: подобно тому, какъ изъ цѣдилки льется роса или св. вода, такъ изъ коровьяго вымени должно политься молоко ²⁾. Вѣдьма можетъ выдавливать чужихъ коровъ на далекомъ отъ нихъ разстоянн, употребляя для того и другіе чародѣйные способы: стѣбитъ только ей воткнуть ножъ въ соху, столбъ или дерево — и молоко тотчасъ-же потечетъ по острей ножа, между тѣмъ какъ въ ближайшемъ стадѣ начинаетъ ревѣть корова и остается съ пустымъ выменемъ ³⁾. Наканунѣ Юрьева дня, на Зеленые Святки и на Ивана Купалу вѣдьмы ходятъ по ночамъ голыя, отворяютъ въ крестьянскихъ дворахъ ворота и двери и срѣзываютъ съ нихъ по нѣскольку стружекъ; собранныя стружки онѣ варятъ въ пододвннкѣ и тѣмъ самымъ полищаютъ у сосѣдей молоко. Поэтому въ означенные дни каждая хозяйка считаетъ обязанностію осмотрѣть свои ворота и двери, и если замѣтитъ гдѣ новую нарѣзку, то немедленно замазываетъ ее грязью, послѣ чего, по мнѣнію поселянъ, вѣдьма лишается возможности отбирать у коровъ и овецъ молоко. Тогда-же влѣзаютъ вѣдьмы на деревянные кресты, что стоятъ по дорогамъ, и стесываютъ съ нихъ стружки, которыя употребляютъ также, какъ и срѣзанныя отъ воротъ; или берутъ деревянный клинъ (нерѣдко колоть отъ бороны), вбиваютъ его въ скотномъ хлѣ-

¹⁾ Киев. Г. В. 1851, 20. — ²⁾ Черты литов. нар., 94. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 81; Могилев. Г. В. 1851, 19; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 291.

ву въ столбъ и начинаютъ доить, словно коровіи сосокъ; молоко льется изъ этого клина, какъ изъ крана бочки, и наполняетъ большіе ушаты и вѣдра ¹⁾. Тѣже повѣрья встрѣчаемъ и въ Германіи: вѣдьмы стрясаютъ съ травы росу, чтобы повредить чужимъ коровамъ, и уносятъ ее на свои поля, чтобы собственнымъ стадамъ доставить болѣе сочный и обильный кормъ; въ Остерисландѣ колдунъ и вѣдьма называютъ *daustriker* (*thaustrreicher*). Нѣмецкія *hexen* втыкаютъ ножъ въ дубовый столъ или врубаютъ топоръ въ дверной косякъ — и тотчасъ-же изъ сдѣланнаго въ деревѣ разрѣза начинается струиться молоко; кромѣ того, онѣ умѣютъ доить молоко изъ веретена и повѣшеннаго полотенца. Когда коровы даютъ водянистое (синеватое) или смѣшанное съ кровью молоко—эту порчу приписываютъ вѣдьмѣ, которой, въ числѣ другихъ названій, присвоиваютъ и слѣдующія: *milchdiebin*, *milchzauberin*, *molkenstehlerin*, *molkenübersche*; въ лужицкомъ нарѣчій чаровница = *khodojta* отъ глагола доить, съ приставкой въ началѣ звукомъ *k* (сравни: *kosydlo* вмѣсто *osydlo*, *kedzba* вм. *dzba* и др.)²⁾ *Milchdieb* и *molkenübersche* означаютъ также мотылька, что служитъ новымъ указаніемъ на связь вѣдьмы съ эльфами; какъ молніеносные духи, эльфы летаютъ легкокрылыми бабочками и высасываютъ у коровъ молоко (II, 732 ³⁾). И по русскимъ, и по нѣмецкимъ рассказамъ, вѣдьмы часто показываются съ пододойниками на головахъ; въ ненастную погоду старая Hulda (*Huldra*) надѣваетъ на голову пододойникъ и гонитъ черезъ лѣсъ стадо чер-

¹⁾ Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1846, XI—XII, 150, *Zarysy do-powe*, III, 162. Когда вѣдьма доить коровъ и хозяинъ подкарауливаетъ ее, она силою своихъ заклятій заставляеть его сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ—до тѣхъ поръ, пока не окончитъ своего дѣла.—

²⁾ Учен. Зап. 2. отд. Ак. Н., VII, в. 2, 32; *D. Myth.*, 1025—6, *Beiträge zur D. Myth.*, I, 227; *German. Mythen*, 371.

ныхъ коровъ и овецъ: поэтическая картина дождевыхъ тучъ, гонимыхъ буйными вѣтрами ¹⁾). Ножъ и топоръ—символы Перуновой паллицы (donnerax), доящей небесныхъ коровъ; дубовое дерево (столбъ, двѣрной косякъ, деревянный крестъ), изъ котораго вѣдьмы съ помощію ножа или топора извлекаютъ молоко, знаменуетъ дерево-тучу; полотенце—облачная ткань, а веретено—орудіе, которымъ готовится для этой ткани пряжа; въ приведенномъ нами повѣрьи оно (наравнѣ съ клиномъ, вбиваемымъ въ дерево) принимается въ значеніи молніеносной стрѣлы (donnerkeile); наконецъ сохъ и боронъ дано участіе въ суевѣрныхъ сказаніяхъ о вѣдовскомъ доеніи—потому, что небесная гроза въ древнѣйшихъ мифахъ уподоблялась вспахиванію и заѣву полей.

Любопытно, что тѣже атрибуты, которыми вѣдуны и вѣдьмы творятъ свои волхованія, могутъ быть обращаемы и противъ нихъ самихъ, какъ предохранительныя средства отъ ихъ злаго вліянія. По своему демоническому характеру вѣдуны и вѣдьмы, подобно чертямъ и великанамъ, боятся разящихъ стрѣлъ молніи и потрясающихъ звуковъ грома; а потому всѣ орудія и обряды, какія изстари служили символическимъ знаменіемъ небесной грозы, заставляють ихъ поспѣшно удалаться. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увѣряютъ, будто вѣдьма боится ножей, воткнутыхъ подъ верхнюю доску стола; а если приставить къ дверямъ кочергу—загнутымъ (желѣзнымъ) концемъ вверхъ, то колдунъ до тѣхъ поръ не уйдетъ изъ хаты, пока не будетъ принята эта неодолимая для него преграда. По нѣмецкимъ повѣрьямъ, если бросить въ оборотня освященный ножъ или огниво, то сила превращенія мгновенно уничтожается, и колдунъ или вѣдьма предстаётъ въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. молнія снимаетъ съ оборотня звѣриную шкуру = облако. Въ хлѣвахъ дер-

¹⁾ D. Myth., 1032; Die Götterwelt, 306; Киевлян. 1865, 71.

жать огниво, чтобы предохранить домашній скотъ отъ болѣзни и норчи; огниво, положенное въ колыбель младенца, защищаетъ его отъ злаго очарованія — точно также, какъ и молотъ, завёрнутый въ пеленки ¹⁾, или крестъ, повѣшенный надъ дѣтскимъ изголовьемъ. Напомнимъ, что въ большинствѣ случаевъ, при которыхъ въ древности считался необходимымъ молотъ, — послѣ водворенія христіанства стали употреблять крестъ: такая замѣна, какъ извѣстно, условливалась крестообразною формою старинныхъ молотовъ. Побѣдоносное орудіе громовника, молотъ ограждаетъ человѣка отъ поѣдучей вѣдмы. Въ Германіи въ первую майскую ночь, а у насъ наканунѣ Крещенія на всѣхъ дверяхъ и окнахъ видны начертанные мѣломъ кресты. Въ Чехахъ, когда хозяинъ купитъ новую корову, онъ тотчасъ-же кладетъ на порогъ своего хлѣва топоръ или огниво, и затѣмъ уже вводитъ ее въ стойло. Другіе символы молніи: верба, осинный колъ, напоротникъ и плакунъ-трава также предотвращаютъ отъ человѣка и домашнихъ животныхъ пагубные замыслы вѣдуновъ и вѣдьмъ. Осина есть вѣрнѣйшая оборона отъ блуждающихъ упырей; осиннымъ коломъ поражаютъ змѣя-похитителя дождей, прогоняютъ Коровью Смерть (см. II, 305—8) и снимаютъ хлѣбный «зalomъ» или «закрутъ», совершаемый чародѣями на безплодіе нивы ²⁾. Туже предохранительную силу даетъ повѣрье и прутьями колючихъ растений (тернъ, шиповникъ и др.), и жгучихъ травамъ, какова наприм. крапива. У насъ употребительно выраженіе: крапива жжетъ, жалитъ; серб. коприва жаре, пол. rokzruwa ra rzu, чеш.

¹⁾ „Malleum, ubi puerpera decumbit, obvolvunt candido linteo.“

— ²⁾ Это на Свѣтло-Христово Воскресенье пойдеть къ заутраци съ осиновою палкою или вербою, и черезъ эту палку или вербу станеть смотреть на собравшійся народъ, тому всѣ колдуны и вѣдьмы покажутся стоящими головами внизъ, а ногами вверху (полтав. губ.).

korřiva řaha, řiha, pali; въ областныхъ говорахъ крапиву называютъ жижка, жигучка, хорут. же(и)гавица, чеш. řaha vka, řagavka; сравни лат. urtica, нѣм. bren-nessel и литов. poteges, patres отъ снк. path—ugere ¹⁾). Наканунѣ Иванова дня крестьяне собираютъ крапиву и кладутъ на окнахъ и порогахъ домовъ, чтобы удалить отъ себя вѣдьмъ, лѣшнихъ и нечистыхъ духовъ. При первомъ выгонѣ стада на пастбище чехи обязываютъ коровъ красными платками, а въ хлѣвахъ кладутъ терновыя вѣтки, что (по общему убѣжденію) предохраняетъ скотину отъ порчи. Если бы у кого заболѣла корова и стала доняться молокомъ, сѣшаннымъ съ кровью, тотъ долженъ срѣзать свѣжую вѣтку орѣшника или шиповника и бить ею испорченную корову по головѣ и вымени; другіе совѣтуютъ кипятить самое молоко и ударять по нѣмъ тою-же вѣткою. По народному повѣрью, вѣдьма-донтельница чужихъ коровъ чувствуетъ эти удары на своемъ собственномъ тѣлѣ и впадаетъ въ тяжкій недугъ. Подобныя-же мѣки испытываетъ вѣдьма и тогда, когда бочку, въ которой пахтается масло, начинаютъ бить терновымъ прутомъ, или когда завариваютъ въ горшкѣ подъ дымовою трубою вѣтви боярышника и терна. Лужичане думаютъ, что если у порога нѣбы положить вѣнникъ — туда уже не осмѣлится войти вѣдьма, а если вѣнникомъ ударить собаку (= оборотня) — эта послѣдняя непременно зачахнетъ. Корову, у которой опухнетъ вымя, нѣмцы лѣчатъ вѣнникомъ, связаннымъ на Рождественскіе Святки; тотъ-же вѣнникъ они кладутъ на порогѣ хлѣва, когда выгоняютъ свои стада въ поле. Зажженная свѣча и огонь домашняго очага служили знаменіями небеснаго пламени, возжигаемаго въ тучахъ богомъ-громовникомъ. Ничто такъ не устрашаетъ вѣдьмъ, какъ четверговая (страстная) свѣ-

¹⁾ Ч. О. И. в Д. 1865, IV, 306; Зап. Р. Ф. О. по отд. этногр., I, 571.

ча: гдѣ горитъ она, тамъ безсильны ихъ чары и волшебанія; хлѣбный замокъ поджигаютъ благовѣщенскою свѣчею; сложенные накрестъ восковыя свѣчи прогоняютъ вѣдьмъ отъ коровниковъ в конюшень. На Рюгенѣ соблюдался обычай бѣгать по полямъ съ зажженными лучинами, для предохраненія дойныхъ коровъ отъ злыхъ волшебницъ. Въ Германіи думаютъ, что горящая головня, кинутая въ колдуна или вѣдьму, разрушаетъ ихъ козни. У насъ съ цѣлію противо-дѣйствовать вѣдьмамъ, заговариваютъ дымовыя трубы, аа-бываютъ подъ князѣкъ заострѣнные колья и посы-паютъ на загнеткѣ золу, взятую изъ семи печей. По народному повѣрью, вѣдьмы боятся домового, который, какъ представитель очага и семейнаго благосостоянія, призванъ оберегать хозяйское добро ¹⁾. Звонъ — метафора грома, а св. вода, кровь и смола (варъ, деготь) — дождя. Звуки колоколовъ нестерпимы для вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ; они разгоняютъ ихъ сборище, мѣшаютъ ихъ неустовой пляскѣ и не даютъ совершиться ихъ злобнымъ намѣреніямъ. Нѣмецкія Hexen называютъ колокола «лающими псами» (bellende hunde). Шведы рассказываютъ, что вѣдьмы подтачиваютъ пере-кладныя, на которыхъ висятъ колокола, и сбрасывая ихъ съ высокихъ башенъ, восклицаютъ: «nie soll meine seele Gott näher kommen, als dieses erz wieder zur glocke werden!» Словенцы, во время грозы, звонятъ въ колокола и стрѣ-ляютъ на воздухъ, чтобы прогнать собравшихся вѣдьмъ ²⁾. Кто желаетъ исцѣлиться отъ «порчи», тотъ долженъ уда-

¹⁾ D. Myth., 1056—7; Beiträge zur D. Myth., I, 219, 226; II, 274; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 282, 304; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 342; Громаниъ, 133—9; Рус. прост. праздн., IV, 33; Сахаров., I, 44; II, 7; Ворон. Г. В. 1850, 20; Куляшъ, II, 37; Н. Р. Сх., VII, 36, b. — ²⁾ D. Myth., 1039—40, 1057; Рус. Бес. 1857, III, ст. Клауна, 112.

рить колдуна или вѣдьму правою рукою наотнашъ, прямо по переносицѣ — такъ, чтобы кровь брызнула; кровь эту собрать на полотенце и сжечь на огнѣ ¹⁾. Какъ ударъ молніи, проливая дождь, обезсиливаетъ облачнаго демона, такъ въ настоящемъ случаѣ съ пролитіемъ крови уничтожается губительная сила колдуна или вѣдьмы. Лужичане, оберегая дойныхъ коровъ, мажутъ на дверяхъ хлѣбовъ дегтарные кресты (сравни II, 97); и чортъ, и вѣдьма, какъ скоро будутъ достигнуты серебряною пулею (= молніей), тотчасъ-же разливаются смолою (I, 789 ²⁾). На всѣ исчисленныя предохранительныя средства суевѣрный народъ наложилъ христіанское клеймо: свѣча берется страстная или благовѣщенская, вода — святая или крещенская, верба и вожъ — освященные во храмѣ.

Когда богъ-громовникъ доить облачныхъ коровъ, онъ это дѣлаетъ, чтобы напоить дождемъ жаждущую землю и возрасити засѣянные нивы; наоборотъ вѣдьмы, согласно съ своимъ демоническимъ характеромъ, доить этихъ коровъ съ тою-же дѣлію, съ какою высасываютъ ихъ индѣйскіе змѣи, т. е. онѣ взушаютъ облака, скрадываютъ росу и дожди, и тѣмъ самымъ обрекаютъ землю на безплодіе. Имъ приписываются и лѣтнія засухи, и зимнее бездождіе. Вѣдьмы доить и высасываютъ коровъ не только лѣтомъ, но и зимою. По русскому повѣрью, вѣдьма, опиваясь молокомъ, обмираетъ (= впадаетъ въ зимнее оцѣпенѣніе), и для того, чтобы она очнулась, надо запалить солому и жечь ей паты ³⁾, т. е. необходимо развести грозвое пламя. Во все продолженіе зимы творческія силы природы, по выраженію сказочнаго эпоса, бы-

¹⁾ D. Myth., 1056; Могил. Г. В. 1851, 19; Памяти. книжка арханг. губ. 1864, 92; то же повѣрье слышали мы и въ воронежской губерніи. — ²⁾ Volkslieder der Wenden, II, 223; Этн. Сб., III, 90. — ³⁾ Припомнимъ выраженіе: „душа въ пятахъ ушла!“

вають заколдованы. Вѣдьмы щедры только въ безвременные и вредоносные ливни, сопровождаемые градомъ, въюгами и опустошеніемъ. Стада сгущенныхъ облаковъ, изливаясь въ дождевыхъ потокахъ, мало по малу разрѣшаются, становятся блѣднѣе, прозрачнѣе, и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ; явленіе это на старинномъ поэтическомъ языкѣ называлось пожираніемъ (= сожженіемъ, засушеніемъ) небесныхъ коровъ драконами или порчею ихъ вѣдьмами; и драконы, и вѣдьмы равно представляются въ народныхъ преданіяхъ существами голодными, жадными, любящими упиваться коровьимъ молокомъ до полного безчувствія. Низвода древне-индическія сказанія съ небесныхъ высотъ на землю, предки наши стали вѣрить, что вѣдьмы доятъ и сосутъ обыкновенныхъ коровъ, которыя вслѣдствіе этого лишаются молока, спадаетъ съ тѣла и въ скоромъ времени издыхаютъ — точно также, какъ чахнутъ и гибнутъ лошади, на которыхъ ѣздятъ вѣдьмы на своихъ буйныхъ сборища. Такимъ образомъ доеніе вѣдьмами коровъ признано было нечестивымъ дѣломъ, влекущимъ за собою скотскій падѣжъ, засыханіе дождевыхъ источниковъ и повсемѣстный неурожай. Въ духовной пѣснѣ грѣшная душа, обращающаяся къ своему тѣлу, говоритъ: «пойду я въ муку вѣчную, безконечную, въ горячи огни.» — Почему-жъ ты, душа, себя угадываешь? спрашиваетъ тѣло.

— Потому я, тѣло бѣлое, себя угадываю,
 Что какъ жили мы-были на вольномъ свѣту —
 Изъ чужихъ имъ короуъ молоко выдѣивали,
 Мы изъ хлѣба спорынью вынимали.
 Не ходили ни къ обѣднѣ, ни къ заутреннѣ.

Въ другомъ стихѣ читаемъ:

Часть-же души у Бога согрѣшили?
 А первая душа согрѣшила:
 Во ринъ злогоу заломала,
 Въ хлѣбушнѣ споры вынимала...

Четвертая душа согрѣшила:
 Въ чистомъ полѣ корову заклинала,
 У коровки молочко отымала,
 Во сырую землю выливала,
 Горькую осину забивала
 Горькую осину засушивала ¹⁾.

Сербская пословица: «ко се држи правице, тај не музе кравице» ²⁾ намекаетъ на тотъ-же грѣхъ. Приведенныя свидѣтельства духовныхъ пѣсень весьма знаменательны; сопоставленіе рядомъ отнятія у коровъ молока, а у хлѣба спорыньи звучитъ, какъ отголосокъ глубокой старины, которая подъ молокомъ разумѣла плодородящіе дожди. Выдаивать молоко = то же, что похищать росу и дождь или отымать у хлѣба спорынью, производить неурожай и голодъ. Такое дѣйствіе необходимо должно было казаться самымъ страшнымъ грѣхомъ. Закликая корову, вѣдьма (по указанію стиха) дотѣ ее, выливаетъ молоко нѣземь и забиваетъ въ то мѣсто осиновый колъ, съ которымъ связывается идея омертвѣнія ³⁾: какъ засыхаетъ срубленная осина, такъ у коровы должно изсохнуть вымя. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ градъ, бури, холодъ и засухи, дѣйствіемъ которыхъ истребляются зеленѣющія и созрѣвающія ливы, приписывались колдовству. Греческія эвмениды (названіе, объясняемое въ старинныхъ нѣмецкихъ глоссаріяхъ словомъ *hāza sa* = *hexe*) уничтожали своею слюною (= дождевыми ливнями) и градомъ жатвы и овощи. Въ XII таблицахъ опредѣлено наказаніе тому, «*qui fruges excantassit*» или «*alienam segetem pellegerit*» (кто околдовывалъ плоды и творилъ заклятіе на чужую ниву ⁴⁾). Агобардъ, ліонскій епископъ

¹⁾ Ч. О. И и Д., годъ 3, IX, 210, 221; Лѣт. рус. лит., кн. II, отд. 2, 155. — ²⁾ Переводъ: кто держится правды, тотъ не дотѣ коровъ — Срп. н. послов., 153. — ³⁾ Мертвецы, произведенные осиновымъ коломъ, уже не могутъ вставать изъ гробовъ. — ⁴⁾ D. Myth., 1040.

первой половины IX вѣка, записалъ слѣдующее любопытное преданіе: «plerosque autem vidimus et audivimus tanta dementia obrutos, tanta stultitia alienatos, ut credant et dicant quandam esse regionem quae dicatur Magonia, ex qua naves veniant in pubibus, in quibus fruges, quae grandinibus decidunt et tempestatibus pereunt, vehantur in eandem regionem, ipsis videlicet nautis aëreis dantibus pretia tempestiariis et accipientibus frumenta vel ceteras fruges» ¹⁾). По свидѣтельству буллы Иннокентія VIII, множество людей обоого пола не боялись вступать въ договоры съ адскихъ духами и посредствомъ колдовства дѣлали неплодныя брачныя союзы, губили дѣтей и молодой скотъ, истребляли хлѣбъ на нивахъ, виноградъ и древесные плоды въ садахъ и траву на пастбищахъ. Въ 1488 году, когда буря опустошила окрестности Констанца на четыре мили вокругъ, двѣ женщины, признанныя виновницами такого бѣдствія, были осуждены и преданы смерти ²⁾). И германцы, и славяне обвиняли вѣдьмъ въ похищеніи благопріятной погоды, дождей, изобилія, и въ насланіи болѣзней, скотскаго падежа и мора, всегда сопровождавшихъ голодные годы; съ этимъ согласно и старинное убѣжденіе, что затмѣнія, обыкновенно производимыя вѣдунами и вѣдьмами, бывають «къ гладу и мору». На Украинѣ до сихъ поръ вѣрятъ, что вѣдьмы задерживають дожди, визводятъ градъ и посылають неурожай. На всемъ пространствѣ, какое вѣдьма въ состояніи обнять своимъ взоромъ, она можетъ и произ-

¹⁾ Переводъ: „мы видѣли и слышали многихъ одержимыхъ такимъ безуміемъ, такою глупостью, что вѣрують и утверждаютъ, будто есть нѣкая страна именуемая Магонія, изъ которой приходитъ на облакахъ корабли; воздушные пловцы забирають зерновой хлѣбъ и другіе плоды, побитые градомъ и вихрями, уплываютъ за нихъ чародѣямъ, вызывающимъ бури, и увозять въ свое царство. —

²⁾ Germ. Mythen, 466; Моск. Наблюд. 1837, XI, кн. 2, 125—6.

вести голодъ, и отнять у коровъ молоко ¹⁾: сближеніе многозначительное! ²⁾ По нѣвнѣ болгаръ, вѣдьмы похищаютъ урожай съ чужихъ нивъ и передаютъ его своимъ любимцамъ; поэтому крестьяне выходятъ весной на поля и провозносятъ заклятіе: «вражья душа! бѣгай отъ насъ» ³⁾. Русскіе поселане также убѣждены, что колдунья скрываетъ у себя большіе запасы хлѣба ⁴⁾. Въ Германіи рассказываютъ, что вѣдьмы катаются голыя по нивамъ, засѣянныя льномъ и житомъ, что онѣ не только убійютъ вредитъ посѣвамъ, но и могутъ присвѣнать себѣ плоды чужихъ турдовъ, скрадывая съ сосѣднихъ полей зерновой хлѣбъ или овощи и наполняя ими свои закрома: повѣрье, извѣстное уже римлянамъ. Такъ, идучи виноградниками, вѣдьма потрясаетъ шесты, около которыхъ вьются виноградныя лозы, и тотчасъ-же зрѣлыя гроздія переносятся съ чужаго участка на ея собственный. (Однѣ старыя колдунъ далъ своей внучкѣ палку, которую она должна была воткнуть на указанномъ мѣстѣ посреди нивы; настигнутая на дорогѣ дождемъ, дѣвочка остановилась подъ вѣтвистымъ дубомъ и воткнула возлѣ него палку. Когда она воротилась домой, то нашла на поляхъ дѣла густыя кучи дубовыхъ листьенъ. Въ темныя ночи колдунъ раздѣвается догола, прививаетъ къ ногѣ серпъ, и твоя заклятія, направляетъ путь черезъ нивы своихъ сосѣдей; вслѣдъ затѣмъ на этихъ нивахъ не остается ни единого полного колоса; все зерно, какое только уродилось, попадаетъ въ закрома и овны заклятателя ⁵⁾). Старинная метафора, уподобившая молніи остринѣ

¹⁾ „На силнѣко забачила свѣту, стѣлько и вѣгнула голоду“ или „стѣлько и молока одобрала“. — ²⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 88; Жуаншъ, II, 37; Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 47; Кіевскіи. 1865, 69. — ³⁾ Сообщено Каравеловымъ. — ⁴⁾ Чародѣи могутъ допрашивать вихрь о будущемъ урожаѣ, а допросъ свой совершаютъ, ударяя крутящійся вихрь острыми ножемъ и держа въ рукахъ нѣт уха—Иллюстр. 1845, 505. — ⁵⁾ D. Myth., 443—4, 1043.

зубанъ мышей, придала этимъ звѣрванъ мнѣстическое значеніе. Аполлонъ, съ лука котораго слетали убійственныя стрѣлы заразы, въ гитѣвѣ своемъ творилъ все-истребляющихъ мышей (Apollo Smintheus — I, 776); нѣмецкая клятва: «dass dich das mäuschen beisse!» употребляется въ томъ-же смыслѣ, какъ славянская: «бодай ты асна стрѣла ранила!» или: «пусть тебѣ Перунъ покажетъ свои зубы!» Параллельный ударъ, наносимый по древному воззрѣнію карающей рукою бога-громовника, у чеховъ называется шуѣ (нѣм. hexenschuss). Поэтическія сказанія о небесныхъ мышахъ, являющихся во время бурныхъ, опустошительныхъ грозъ, впоследствии были перенесены на обыкновенныхъ полевыхъ мышей, которыя нередко цѣлыми стадами нападаютъ на хлѣбныя поля, скирды и житницы и поѣдаютъ зерно. Чрезвѣрное размноженіе полевыхъ мышей народная фантазія приписала злomu вліянію колдовства. Вѣдуны и вѣдьмы наречно разводять ихъ и напускаютъ въ домъ (стр. 451) и нивы, почему вѣдмы и называютъ вѣдуна mausschlägel, а вѣдму — mausschlägerin; старинныя вѣдовскія процессы упоминаютъ названіе mausesmacher (mausemaker) и сообщаютъ повѣрье, будто вѣдьмы, вивая волшебныя травы, причитываютъ: «maus, maus, heraus ins tenfels namen!» — и въ силу ея заклятія мыши выпрыгиваютъ изъ горшка одна за другою. Рассказываютъ еще, что вѣдьма свертываетъ платокъ на подобіе мыши и восклицаетъ: «lauf hin und komm wieder zu mir!» — и тотчасъ-же отъ нея убѣгаетъ живая мышь. По свидѣтельству нидерландской саги, чародѣйствъ стѣнитъ только подбросить нѣсколько глыбъ земли, чтобы въ тоже мгновеніе все поле закопошилось мышами ¹⁾. Чехи считаютъ мышъ созданиемъ чорта. При началѣ міра, когда выросла и созрѣла первая

¹⁾ D. Myth., 1044; Ганушъ: Дѣды и Баба, 59.

жата, чортъ сотворилъ этого хищнаго звѣрка и приказалъ ему истребить весь хлѣбъ; а Богъ, чтобы разрушить дьявольскія козни, тогда-же сотворилъ кошку (сравни I, 777). Въ чешской хроникѣ, по поводу многочисленныхъ мышей, явившихся въ 1380 году, замѣчено, что современники думали, будто мыши эти зародились отъ грозы («že by ty myši se zrodily z ro- vĕtří rogiše pého»). И донынѣ у чеховъ сохраняются слѣдующія любопытныя повѣрья: полевые мыши нвснадаетъ при началѣ весны съ мѣсяца (= съ неба) или зарождаются отъ дождя, выпадающаго на Петровъ день; если на Троицынъ день идетъ дождь, то въ продолженіи лѣта будетъ много мышей; полевые мыши взѣдаютъ у коровъ вымя, т. е. высасываютъ молоко-дождь; когда онѣ появляются въ большомъ числѣ — это предвѣщаетъ голодъ и болѣзни; свистъ, звонъ, барабанный бей, удары молотильнаго цѣпа и крикъ чернаго пѣтуха (словомъ все, что на поэтическомъ языкѣ служитъ обозначеніемъ грозовыхъ звуковъ) признаются за тѣ спасительныя средства, которыми можно разогнать крысъ и мышей; чтобы избавиться отъ этихъ хищниковъ, крестьяне обкуриваютъ свои дворы козлиною бородою, что стоитъ въ несомнѣнной связи съ древне-языческимъ посвященіемъ козла богу-громовнику ¹⁾). Кроме плодовъ земныхъ, вѣдьмы могутъ скрадывать и другіе припасы, необходимыя для благосостоянія чело-вѣка; такъ онѣ уносятъ медъ изъ ульевъ ²⁾, загоняютъ къ себѣ рыбу и забираютъ птицъ в звѣрей, за которыми ходятъ на промыселъ охотники. Скрадываніе меда объясняется уподобленіемъ дождя медовому напитку, а захватъ рыбы, птицъ и лѣснаго звѣря — мифическими представленіями грызы рыбною ловлею и дикою охотою. Между малоруссами в го-

¹⁾ Громанъ, 59—63, 75, 232; Beiträge zur D. Myth., I, 172. —

²⁾ Кулишъ, II, 41; D. Myth., 1026.

дѣть такой разсказъ: жили-были три брата, занимались рыболовствомъ и звѣриной охотой; и на ловѣ, и на охотѣ братья не знали неудачи: закинуть ли сѣти — а онѣ ужь полнѣхоньки рыбою, возьмутся ли за ружья — зайцы сами бѣгутъ на выстрѣлы. Дѣло въ томъ, что мать у нихъ была вѣдьма. Разъ братья рѣшились ее испытать; взяли тенета и ружья, пошли за зайцами, а матери сказали, что идутъ ловить рыбу. Что же? раскинули тенета — и вмѣсто зайцевъ полѣзли въ нихъ окуни, караси да щуки! ¹⁾ Еще отъ XI-го вѣка донеслись до насъ интересныя лѣтописныя свидѣтельства о подобныхъ обвиненіяхъ, взводимыхъ на тѣхъ женщинъ, въ которыхъ подозрѣвали вѣдьмъ. Въ 1024 году, говорить лѣтописецъ, возстали въ Суздадѣ волхвы, «избиваху старую чадь, по дьяволью наученью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать «гобино. Бѣ мятежъ великъ и голодъ повсей той странѣ. Слышавъ же Ярославъ... изымавъ волхвы, расточи, а «другыя показни, и рекъ сице: Богъ наводитъ по грѣхомъ на «куюждо землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ (засухой?), ли иною казнию, а человекъ не вѣсть ничтоже.» Подъ 1071 годомъ находимъ слѣдующее извѣстіе: «бывши бо «единою скудости въ ростовскѣй области, вѣташа два волхва отъ Ярослава, глаголюща, яко въ свѣтѣ (мы вѣдаемъ) — «кто обилье держитъ. И повдоста по Волзѣ; кдѣ придуть «въ погостъ, ту же нарицаху лучшіѣ (добрыя) жены, «глаголюща, яко си жито держать, а си медъ, а си рыбы, а си скору ²⁾. И привожаху къ нима сестры своя, мастере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за «плечемъ, вынимаеа любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, ишѣвѣ ихъ отыимашета собѣ». Наконецъ волхвы пришли на Бѣлоозеро; за ними слѣдовало до

¹⁾ Кулишъ, II, 36—37; Москв. 1846, XI—XII, критика, 150—1.

— ²⁾ Мягкую рухлядь, звѣринные мѣха.

трехъ сотъ человѣкъ. Въ это время Ягъ собиралъ на Бѣлозерѣ княжескую дань. «Повѣдоша ему бѣлозерци, яко два нудеснина избѣла уже многы жены не Волхвѣи и не Шекснѣ». Ягъ потребовалъ отъ нихъ выдачи волхвовъ; но бѣлозерци «сего не послушаша». Ягъ рѣшился дѣйствовать противъ волхвовъ собственными средствами, и когда они были схвачены, то спросилъ: «что ради погубиста только человѣкъ?» Волхвы отвѣчали: «яко ти держать обилье; да еще избіевѣ снхъ— «будеть гобнино; аще ли хоцеша, то передъ тобою выни- «невѣ жито, ли рыбу, ли ино что. Ягъ же рече: по истинѣ ажа то!»¹⁾ Игавъ, по словамъ лѣтописи, волхвы обвиняли старыхъ женщинъ въ томъ, что онѣ производили голодъ, скрадывали обилье (гобнино), т. е. урожай²⁾, и дѣлали безуспѣшными промыслы рыбаки и охотника. Вѣра въ возможность и дѣйствительность подобныхъ преступленій была такъ велика въ XI вѣкѣ, что родичи сами выдавали на побіеніе своихъ матерей, женъ и сестеръ; жители не только не хотѣли сопротивляться волхвамъ, но слѣдовали за ними большою толпою. Обвиненіе «старой чадн» въ бѣдствіяхъ голодныхъ годовъ вполне соответствовало грубому и суевѣрному взгляду тогдашняго человѣка на природу, и волхвы (даже допуская съ ихъ стороны обманъ и своеобразные расчеты) только потому и дѣйствовали такъ открыто и смѣло, что опирались на общее убѣжденіе своего вѣка³⁾. Всѣ фнзическія явленія

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 64, 75. — ²⁾ Каравз. И. Г. Р., II, прилѣч. 26; Обл. Сл., 132: обилье — въ архангельской губ. вслхій немолоченный хлѣбъ, въ псковск. губ. огородные овощи. — ³⁾ Г. Мельниковъ (Рус. Вѣст. 1867, IX, 245—7) описываетъ мордовскій обрядъ сбора принасовъ для общественаго жертвоприношенія и наголовъ видѣтъ въ немъ елхтъ, однородный съ тѣмъ, какой записанъ въ лѣтописное сказаніе о волхвахъ. Въ назначенный для сбора день замужнія мордовки обнажаютъ свои груди и плечи, и становаясь задомъ къ дверимъ избы, закидываютъ за спину холще-

предки наши объясняли себѣ, какъ дѣйствіа боговъ или демоновъ, вызванныя мольбами, заклятіями и чарами вѣщихъ людей. Позднѣе, послѣ принятія христіанства, таже сила властвовать и управлять природою была распространена и на представителей новаго вѣроученія. Бывали примѣры, что народъ обвинялъ духовныхъ лицъ въ засухахъ и другихъ физическихъ бѣдствіяхъ. Такъ въ 1228 году новгородцы, напуганные тѣмъ, что «тепло стоитъ долго», прогнали своего владыку, «аки злодѣя шхающе»¹⁾. Женщинъ, заподозрѣнныхъ въ чародѣйствѣ и обвиняемыхъ въ похищеніи дождей и земнаго плодородія, преслѣдовали въ старину жестокии казни: жгли, топили и зарывали живыми въ землю. Противъ этого обычая рѣзко протестовалъ Сераніонъ, епископъ владимирскій (XIII в.): «Малъ чась порадовахся о васъ, чада! вѣда вашу любовь и послушаніе... А ежъ еще поганскаго обычая держитесь, волхованію вѣруете, и пожигаете огнемъ невинныя челоувѣкы и наводите на весь мѣръ и градъ убійство. Аще кто и не причастися убійству, но въ соньми бывъ съвѣдникомъ мыслъ — убійца же бысть, или мога(и)и помощи, са не поможе — аки самъ убити повелѣлъ естъ. Отъ которыхъ книгъ или отъ кнхъ писаніи се слышасте, яко волхованіемъ глади бывають на земли, и пакы волхо-

вне нѣвши съ нукою, медошъ, наслошъ и яйцами; яибедъ (помощникъ главнаго жреца) колетъ ихъ слегка въ голыя плечи и спины жертвенными ноженъ, потомъ перерѣзываетъ тесемки, на которыхъ висять нѣшки, и забираетъ приготовленные припасы. Мы, съ своей стороны, не усматриваемъ въ этомъ описаніи ничего общаго съ летописнымъ рассказомъ: въ мордовскомъ обрядѣ уколъ ножа представляетъ не болѣе, какъ символическое дѣйствіе, а самій обрядъ этотъ имѣетъ цѣлю собрать припасы для общаго жертвоприношенія, какое совершается въ благодарность за дарованный богами урожай; летопись же говоритъ о действительномъ избиеніи женъ, заподозрѣнныхъ въ похищеніи гобинѣ. — ¹⁾ П. С. Р. Д., III, 44.

«ваніемъ жита умножаются? То же сему вѣруете, что чему пожигаете я? Молитесь и читаете я, и дары приносите имъ, ать (пусть) строить міръ, дождь пушаютъ, тепло приводить, земли плодотворять. Се нынѣ по три лѣт(а) жити рода нѣсть — не токмо въ Русь(и), но «(и) въ Латвіи: се вѣлхове ли створиша? аще не Богъ ли строите(ъ) свою тварь, якоже хоцеть, за грѣхъ насъ томи?... «Молю вы: отступите дѣлъ поганьскыхъ. Аще хоцете градъ оцѣстити отъ безаконныхъ человекъ, радуясь тому; оцѣщайте, яко Давидъ - пророкъ», который судилъ въ страхѣ божіемъ и по правдѣ; вы же осуждаете на смерть по враждѣ и ради прибытка, жадя пограбить. «Правила божественнаго(ыи) повелѣвають многими послухъ(н) осудити на смерть человека; вы же воду послухоны поставите, и глаголите: аще утопати начнетъ — неповинна есть, аще ли поплочеть — волховъ ¹⁾ есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати да не погрузится, дабы вѣрещи въ душъгубство; яко оставльше послушество «бо(го)творенаго человека, идосте къ бездушну естеству» ²⁾. По своимъ стихійнымъ свойствамъ, вѣдуны и вѣдьмы могутъ свободно носиться посреди облачныхъ источниковъ, и потому въ народѣ составилось убѣжденіе, будто они ходятъ по поверхности рѣкъ и озеръ и не тонутъ въ глубинѣ водъ. На Украинѣ до позднѣйшаго времени узнавали вѣдьмъ по ихъ способности держаться на водѣ. Когда случалось, что дождь долго не орошалъ полей, то поселяне, приписывая его задержаніе злымъ чарамъ, собирались міромъ, схватывали заподозрѣнныхъ бабъ и водили купать на рѣку или прудъ. Они скручивали ихъ веревками, привязывали имъ на шею тяжелые камни, и затѣмъ бросали несчастныхъ узницъ въ глубокіе

¹⁾ Женская форма отъ слова волхвъ; сравни: свекровь. — ²⁾ Ист. христом. Бусл., 496—7.

омуты: неповинныя въ чародѣйствѣ тотчасъ-же погружались на дно, а настоящая вѣдьма плавала поверхъ воды вмѣстѣ съ камнемъ. Первыхъ вытаскивали съ помощію веревокъ и отпускали на свободу; тѣхъ-же, которыя признаны были вѣдьмами, заколачивали на смерть и топили силою ¹⁾. Квитка въ письмѣ своемъ къ Плетневу (1839 года), по поводу разсказа: «Конотопская вѣдьма», замѣчаетъ: «топленіе вѣдьмъ при засухѣ — не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но къ удивленію и даже ужасу возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи» ²⁾. Гуцулы топили вѣдьмъ въ 1827 году ³⁾. Обычай этотъ извѣстенъ и между сербами: когда пронесется молва «на коју жену да је вјештица, онда је вежу и баце у воду да виде: може ли потонути; јер кажу да вјештица не може потонути. Ако жена потоне, а они је извуку на поље и пунте; ако ли не могбуде потонути, а они је убију, јер је вјештица» ⁴⁾. Подобное испытаніе водою («судъ божій») въ Германіи называлось *hexenbad* ⁵⁾. По увѣренію г. Дала ⁶⁾ на Украинѣ ходитъ разсказъ, заимствованный изъ судебныхъ актовъ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своей сосѣдкою, обвинила ее въ скрадываніи росы; обвиненную объявили вѣдьмою и предали сожженію. Въ половинѣ прошлаго столѣтія управляющій имѣніемъ графа Тышкевича, въ Литвѣ, писалъ къ нему: «ясневельможный пане! съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія сжегъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальные нѣтъ. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третьи тоже лѣтъ пятидесяти, да къ тому-же одиннадцать дней онѣ

¹⁾ Lud Ukrain., II, 82—83; Zarysu domowe, III, 166; Кулишъ, II, 37; Киевл. 1865, 71. — ²⁾ Основьяненко, соч. Г. Данилевскаго, 91. — ³⁾ Пантеонъ 1855, V 48. — ⁴⁾ Срп. рјечник, 67; Путешеств. въ Черногорію А. Поповъ, 223. — ⁵⁾ D. Myth., 1028. — ⁶⁾ Иллюстр. 1845, 415.

всѣ просидѣли у меня подъ чашомъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рожь въ двухъ мѣстахъ зломана. Я обираю теперь съ десяти постеломъ св. воду и буду на ней варить кисель; говорятъ, непременно всѣ колдуньи придѣдутъ просить киселя; тогда еще будетъ нѣтъ работа! Вотъ и г. Эпирети, по нашему прихѣру, сжегъ женщаву и мушину... зтотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина созналась во всемъ и съ великимъ отчаяньемъ пошла на тотъ свѣтъ¹⁾. Сожженіе колдуновъ и вѣдьмъ засвидѣтельствовано многими стиринскими памятниками (см. гл. XXVII). Въ Грузіи, при всякомъ общественномъ бѣдствіи, хватали подозрительныхъ старухъ, негатали въ присутствіи князей и духовенства и выпытывали у нихъ признаніе во мнимыхъ сношеніяхъ съ нечистою силою. Въ 1834 году, во время бывшего неурожая кукурузы и томія, въ нѣкоторыхъ грузинскихъ деревняхъ бросали колдуновъ въ воду, или вѣшали на деревьяхъ и прикладывали къ нимъ обожженному тѣлу раскаленное желѣзо²⁾. Поступая такъ, народъ не только думалъ удовлетворить чувству своего мнѣнія, но и былъ убѣжденъ, что камни эти суть единственные средства, какими можно отвратить засуху, вызвать дожди и плодородіе. Такое убѣжденіе возникло изъ древнеиндической основы. Облачные жоны, похищающія росу, дождь и уржан, только тогда возвращаютъ эти сокрытыя ими блага, когда сгораютъ въ небесномъ пламени молніи, или купаются и тонутъ въ разливѣ дождевыхъ потоковъ. Позднѣе, когда въ засухахъ и безплодіи почвы стали обвинять смертныхъ женъ, народъ утѣрявалъ, что сожженіе и потопленіе ихъ непременно должно возвратитъ землѣ дожди и плодородіе — точно также, какъ обливаніе водою «доколы» признается

¹⁾ Москов. Вѣдом. 1858, 60. — ²⁾ Сборникъ газеты „Кавказъ“ 1847, 1-ое полугодіе, 22.

сербами за лучшее средство противъ лѣтней засухи. Но съ другой стороны, такъ какъ гроза,жигающая тучи, нерѣдко сопровождается разрушительной бурей и градомъ; то отсюда родилось вѣрованіе, что вѣдьмы, желая произвести непогоду, градъ и буйные вихри, разсѣиваютъ по полямъ дьявольскій пепелъ (— пепелъ демона градовой тучи). Я. Гриммъ приводитъ изъ одного стариннаго памятника любопытное свидѣтельство о чародѣйкѣ, которая, показавшись передъ смертною казнью, просила снять ея трупъ съ висѣлицы, сжечь огнемъ и пепелъ высыпать въ воду, а не развѣивать по воздуху, дабы не постигла страну градъ и засуха ¹⁾).

Губительное вліяніе вѣдуновъ и вѣдьмъ распространяется на все, общающее приплодъ, народженіе. По народнымъ повѣртіямъ, они дѣлаютъ бабъ неплодными, отымаютъ у жениха мужскую силу; присаживаютъ ему килу, а у невѣсты скрываютъ половой органъ. При всякой свадьбѣ необходимо соблюдать особенныя предосторожности, для охраны новобрачныхъ и поѣзжанъ отъ злаго очарованія; въ нѣкоторыхъ деревняхъ тамъ, гдѣ празднуется свадьба, нарочно затворяютъ двери и затыкаютъ трубы, чтобы не влетѣла вѣдьма (арзамас. узда). Вѣдьмы глазятъ беременныхъ жевщицъ и выкрадываютъ изъ нихъ зачатыхъ младенцевъ. Существуетъ примѣта: если на дворѣ стрекочетъ сорока, то беременная баба не должна выходить изъ-подъ крова избы, оберегаемой священнымъ пламенемъ очага; иначе вѣдьма, которая любитъ превращаться сорокою, похититъ изъ ея утробы ребенка; самый ребенокъ, еще до появленія своего на свѣтъ, легко можетъ быть испорченъ колдуномъ или вѣдьмою. Народный стихъ, наряду съ другими вѣдовскими грѣхами: доеніемъ коровъ и отыманьемъ у хлѣба спорыньи, указываетъ и на

¹⁾ D. Myth., 1026, 1041.

порчу дѣтей въ утробѣ. Въ старину рожденіе уродовъ признавалось слѣдствіемъ волшебства или дьявольскаго навожденія ¹⁾. Выше (II, 399—405) указано нами, что древній метафорическій языкъ допускалъ выраженія: «замкнуть, завязать плодородіе». Вѣдьмы, истребительницы земныхъ урожаевъ, держатъ росу и дожди въ покрытыхъ и завязанныхъ сосудахъ, и пока сосуды эти не будутъ раввязаны — до тѣхъ поръ на едвая капля живительной влаги не упадетъ съ неба на жаждущія поля. Подобно тому, какъ зимніе холода и лѣтніа засухи запирають плодотворное сѣмя дождей, такъ точно съ помощію волшебства можно замкнуть силу плодородіа въ обвѣнчанной четѣ. Германцы приносятъ вѣдьмамъ такую чару надъ молодыми супругами: во время свадьбы вѣдьма запираетъ замокъ и забрасываетъ его въ воду, и пока замокъ не будетъ найденъ и отомкнутъ, супружеская чета дѣлается неспособною къ соитію. Чара эта называется *schloss-schliessen* и *nestelknüpfen* (nest — шурупокъ, ремешокъ, *knüpfen* — завязывать ²⁾). Въ Сербіи праги, желающіе, чтобы у новобрачныхъ не было дѣтей, украдкою завязываютъ одному изъ нихъ узлы на платѣ ³⁾; а лужицане съ тою-же цѣлью запирають, при совершеніи вѣнчальнаго обряда, замокъ — въ ту самую минуту, когда священникъ произноситъ слова: «плодитесь и множитесь» ⁴⁾. Интересна жалоба, занесенная въ протоколъ стародубскаго магистрата 1-го генваря 1690 года. Тимошка Матвѣевъ билъ челомъ на Чернобая, который во время свадьбы обвязывалъ его невѣдомо для чего ниткою-портняжкою, и съ того

¹⁾ Алев., 74; Иллюстр. 1045, 415; *Zarysy domowe*, III, 163; *Лѣт. рус. лит.*, кн. II, отд. 2, 155; *Поли. Собр. Зап.*, V, № 3159—60. — ²⁾ *D. Myth.*, 1027; *Beiträge zur D. Myth.*, I, 215: „nadeln, mit welchen ein todtenhemd genäht worden, dienen zum nestelknüpfen“; такая игла зашиваетъ и вмѣстѣ омертвляетъ силу чадородіа. — ³⁾ *Потебн.*, 139. — ⁴⁾ *Neues Lausitz. Magazin* 1843, III—IV, 316.

де часу онъ Тимошка уже два года не виѣтъ съ своею женою никакого сполкованя (spółkowanie — сонте), а портняжку Чернобай забросилъ и сказываетъ, что безъ нея пособить бѣдѣ не умѣтъ. Въ приведенныхъ чарахъ узлы производятъ плотское безсиліе — точно также, какъ закручиванье колосьевъ (ржи, овса, конопли и пр.) на нивѣ можетъ, по народному повѣрью, отнимать у хлѣба спорынью и виѣтъ съ тѣмъ производить гибель скота и людей — обычныя слѣдствія неурожая и голода въ старину, когда не знали благо-разумной расчетливости и не дѣлали запасовъ на будущіе года. Неурожай, голодъ и поварьныя болѣзни бывали, по свѣдѣтельству лѣтописей, всегда неразлучны. Закрутъ (заломъ, завитокъ), до сихъ поръ наводящій ужасъ на цѣлыя села, не должно смѣшивать съ завиваньемъ колосьевъ на бороду Волосу; это послѣднее возникло изъ уподобленія связанныхъ созрѣлыхъ колосьевъ завитой бородѣ древнаго бога, имѣло значеніе жертвеннаго приношенія и донимѣ совершается явно и съ добрыми пожеланіями — на урожай и обиліе. Напротивъ закрутъ завивается тайно изъ жажды мщенія, изъ желанія причинить хозяину нивы зло, и сопровождается заклятиемъ на гибель плодородія; онъ совершается такъ: злобный колдунъ беретъ на корню пучокъ колосьевъ, и загибая ихъ низу, перевязываетъ ихъ суровою ниткою, или заламываетъ колосья и крутитъ (свиваетъ) на западъ — сторона, съ которою соединяется понятіе смерти, нечистой силы и безплодія; въ узлѣ залама находятъ иногда распаренныя зерна и могильную землю: и то, и другое — символы омертвенія. Въ старинныхъ требникахъ встрѣчаются молитвы, которыя слѣдовало читать надъ такимъ очарованнымъ мѣстомъ: послѣ установленнаго молитвословія, священникъ выдергивалъ закрутъ церковнымъ крестомъ, и тѣмъ отстранялъ его зловредное вліявіе. Теперь для снятія закрута при-

глашаютъ знахаря, который вырубаетъ основной колъ, разщепливаетъ его надвое и этимъ орудіемъ выдергиваетъ зачарованныя колосья; затѣмъ закрутъ сожигается благо-вѣщенскою свѣчею, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, знахарь вбиваетъ въ землю основной колъ, что (по мнѣнію поселянъ) причиняетъ колдуну нестерпимыя муки ¹⁾. Донынѣ думаютъ, что узлы и поясъ замедляютъ роды; ибо съ ними нераздѣльно понятіе связыванія, замыканія, а въ настоящемъ случаѣ нужно, чтобы женщина разрѣшилась отъ бремени (нѣм. *entbunden werden*), чтобы ребенку былъ свободный, открытый путь. Вліяніе языка обнаружилось въ созданіи слѣдующихъ повѣрій: на родильницѣ не должно быть ни одного узла, даже расплетаютъ ей косу ²⁾. Но этого недостаточно: при трудныхъ родахъ призываютъ отца и заставляютъ его развязать или ослабить поясъ, отстегнуть воротникъ сорочки, распушить учкуръ (поясокъ у штановъ), и въ тоже время открываютъ у печи заслонку, отпираютъ сундуки и выдвигаютъ всѣ ящики ³⁾. Во многихъ мѣстахъ, во время трудныхъ родовъ, просятъ священника отворить царскія врата въ храмѣ, а повивальная бабка читаетъ при этомъ «Сонъ пресв. Богородицы» ⁴⁾. Въ курской губ. страждущую родильницу переводятъ троекратно черезъ порогъ избы, чтобы ребенокъ скорѣе переступилъ порогъ своего заключенія и явился на свѣтъ изъ утробы матери ⁵⁾. Въ Германіи увѣряютъ, что сложенные вмѣстѣ руки и поставленныя одна на другую ноги мѣшаютъ родильницѣ разродиться.

¹⁾ Сахаров., I, 53; Иллюстр. 1845, 538; Обл. Сл., 60, 95; Москв. 1844, XII, ст. Януш., 35—36. Въ курской губ. срѣзываютъ однолѣтніе основные прутья и кладутъ ихъ накрестъ ногамъ жены, на которой сдѣланъ заломъ. — ²⁾ Послов. Даля, 404; Гласникъ срдруштва, V, 155. — ³⁾ Черниг. Г. В. 1854, 25. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846, 649; Ворон. Г. В. 1851, 11. — ⁵⁾ Этн. Сб., V, 20.

Мѣтніе это раздѣляли и древніе греки. Когда Алкмена должна была родить Геркулеса, то Ἐλεῖθρα сѣла у дверей, скрестила руки и положила правую ногу на лѣвую, чтобы помѣшать родамъ. Но служанка Алкмены обманула богиню ложнымъ извѣстіемъ, что роды уже совершились; раздосадованная богиня вскочила, разъединивъ свои руки и колѣни, и въ тотъ самый мигъ разрѣшилась Алкмена прекраснымъ малюткою ¹⁾. Въ ново-греческой сказкѣ мужъ, покидая свою беременную жену, опоясываетъ ее поясомъ и говоритъ: «ты не прежде родишь дитя, пока я не разстегну тебѣ этого пояса!» — и она дѣйствительно не могла разрѣшиться до того часу, пока не обрѣла своего мужа и пока онъ не разрѣшилъ ей пояса. Въ албанской редакціи этой сказки мужъ, вмѣсто пояса, запираетъ чрево жены своей серебрянымъ ключемъ ²⁾. На Руси, чтобы помочь въ тяжелыхъ родахъ, читаютъ слѣдующій заговоръ: «пресвятая мати Богородица! соходи со престола господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы божьей (цнярекъ) мясныя ворота и выпускай младѣна на свѣтъ и на божью волю» ³⁾. Какъ обвязанный вокругъ тѣла поясъ замыкаетъ чадородіе женщины, такъ, по свидѣтельству норвежской сказки, королевскій садъ потому не приноситъ плодовъ, что вокругъ его зарыта трижды-обведенная золотая цѣпь ⁴⁾. Круговая — со всѣхъ сторонъ замкнутая линія получила въ народныхъ вѣрованіяхъ значеніе наузы, столь-же крѣпкой, какъ и завязанная веревка или запертая цѣпь. Начертанная ножомъ, зажженною лучиною или углемъ (— знаменія разящей молніи), линія эта защищаетъ человѣка отъ зловреднаго дѣйствія колдовства и покушеній нечистой силы. Черезъ круго-

¹⁾ D. Myth., 1128; Sonne, Mond u. Sterne, 254. — ²⁾ Гайъ, 71, 100. — ³⁾ Памятн. книжка арханг. губ. 1864 г., 18. — ⁴⁾ См. норв., II, 18; Germ. Mythen, 683.

вую черту не может переступить ни злой духъ, ни вѣдьма, ни самая Смерть; противъ чумы и другихъ повальныхъ болѣзней опахиваютъ кругомъ деревни и сѣла; при добываніи кладовъ и цѣвта папоротника, при совершеніи различныхъ чаръ и произнесеніи заклятій очерчиваютъ себя круговою линіей, для охраны отъ демонскаго навожденія ¹⁾. На Украинѣ дѣти, завидя полеть дикихъ гусей, причитываютъ: «гуси-гуси! завяжу вамъ дорогу, щобъ не втрапили до дому» или: «гуси-гуси! колесомъ, червоннимъ поясомъ» — и думаютъ, что отъ этихъ словъ гуси закружатся на одномъ мѣстѣ ²⁾. У лужичанъ, чеховъ и русскихъ передъ Рождествомъ даютъ курамъ кормъ, окружая его цѣпью или обручемъ, чтобы онѣ клали яйца дома: этотъ обрядъ замыкаетъ птицу въ границахъ хозяйскаго двора ³⁾. Въ ярославской губ. въ пламя пожара бросаютъ обручъ съ квасной шайки, чтобы огонь сосредоточился въ одномъ мѣстѣ и не распространялся дальше ⁴⁾. Въ моложскомъ уѣздѣ не обводятъ новобрачныхъ вокругъ стола, чтобы молодая не была бесплодна, т. е. чтобы не замкнуть ея плодородія круговою чертою ⁵⁾.

Содѣйствуя стихійнымъ демонамъ, насылая неурожай, безурмицу и голодъ, вѣдуны и вѣдьмы тѣмъ самымъ порождаютъ между людьми и животными различные недуги и усиленную смертность. Вслѣдствіе ихъ чаръ, виѣстѣ съ холодными

¹⁾ Этн. Сб., I, 53; Абев., 149—150; Зап. о Сибири, 64; Н. Р. Св., VIII, стр. 646. — ²⁾ Помис., 7. — ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 259; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 61; Новгород. Сборн. 1865, I, 287; тоже дѣлаютъ и въ Германіи — Beitrage zur D. Myth., I, 228. — ⁴⁾ Чтобы воръ не могъ убѣжать, должно взять нитку изъ савана, смѣрять мертвеца и обойти съ нею трижды около дома и анбаровъ, приговаривая: „какъ мертвецъ не встаетъ и не выходитъ изъ могилы, такъ бы не вышелъ и воръ изъ этого круга“ — Бябл. для Чт. 1848, IX, 56. — ⁵⁾ Этн. Сб., I, 50.

вьюгами и продолжительными ливнями, появляются простудныя болѣзни, а вмѣстѣ съ знойнымъ дыханіемъ лѣта и повсемѣстной засухою — поднимаются вредныя испаренія и настаётъ моровая язва. Въ тѣхъ-же кипучихъ котлахъ, въ которыхъ вѣдьмы завариваютъ бурныя грѣзы и градъ, приготавливаютъ онѣ и мучительные недуги, несущіеся въ удушливыхъ парахъ по направленію вѣтровъ (сравни стр. 69, 104). Въ финской Калевалѣ Kivutar, дочь олицетворенной болѣзни (Kiru, р. Kivun — болѣзнь), соответствующая нашимъ и нѣмецкимъ вѣдьмамъ, всходитъ на гору и варитъ въ котлѣ скорби, немощи и язву ¹⁾. По мнѣнію русскихъ посяланъ, колдуны и колдуньи напускаютъ на людей и домашній скотъ порчу, т. е. томятъ ихъ, сушатъ, изнуряютъ болѣзненными припадками. Испорченные колдовствомъ люди называются клякушами: это — несчастные, страдающіе падучею или другими тяжкими болѣзнями, соединенными съ бредомъ, пѣною у рта и корчами; они издаютъ дикіе вопли, и подъ влияніемъ господствующаго въ народѣ суевѣрія — утверждаютъ, будто злые вѣроги посадили въ нихъ бѣсовъ, которые и грызутъ ихъ внутренности. Силою страшныхъ заклятій колдуны и колдуньи насылаютъ нечистыхъ духовъ по воздуху: послушные имъ вѣтры несутъ и навѣваютъ на людей неисцѣлимые недуги, называемые стрѣлами, иктою, повѣтріемъ или заразою. По свидѣтельству Боплана, колтуны приписывали на Украинѣ чародѣйству старыхъ бабъ. Эту и всѣ прочія болѣзни, постигающія людей, домашнихъ птицъ и животныхъ, кашубы до сихъ поръ считаютъ слѣдствіемъ околдованія. Опасно принимать изъ рукъ вѣдуна какой-бы то ни было напитокъ: вмѣстѣ съ чаркою вина, предложенною на пиру, онъ можетъ поднести злую немочь. Выпивая это вино, человѣкъ проглатываетъ сестеръ-лихора-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 183.

докъ или иныхъ мучительныхъ демоновъ, которые превращаются въ его утробѣ въ разныхъ гадинъ: змѣй, жабъ, лягушекъ и мышей, сосутъ его кровь, терзаютъ кишки и печень, раздуваютъ животъ и наконецъ доводятъ свою жертву до преждевременной кончины ¹⁾. Несчастный, которымъ овладѣла болѣзнь, носить ее съ собою вездѣ, куда бы не направилъ свои стопы. Такая неотвязность болѣзни выразилась въ повѣрьи, что злобные духи (эльфы, мары) поселяются внутри больного (дѣлаютъ его бѣсноватымъ) или разъѣзжаютъ на его спинѣ; налегая на человѣка страшною тяжестью, они заставляютъ его возить себя, вѣнуряютъ, ломаютъ и трясутъ его. Тоже представленіе соединяется и съ вѣдьмами: въ ночные часы онѣ являются въ избы, садятся на сонныхъ людей, давятъ ихъ и принуждаютъ носить себя по окрестностямъ; нерѣдко вѣдьма оборачиваетъ добраго молодца конемъ и скачетъ на этомъ конѣ по горамъ и дѣламъ до тѣхъ поръ, пока онъ не потеряетъ силъ и не упадетъ отъ усталости ²⁾. Рассказываютъ еще, будто вѣдьма ѣздитъ ночью на думѣ спящаго человѣка, который хотя и не сознаетъ, что съ нимъ дѣлается, но тѣмъ не менѣе, пробуждаясь на слѣдующее утро, чувствуетъ во всемъ тѣлѣ полное изнеможеніе ³⁾. Колдуны и вѣдьмы собираютъ ядовитыя травы и коренья, готовятъ изъ нихъ отравное снадобье и употребляютъ его на пагубу людей;

¹⁾ Иллюстр. 1845, 184, 203; 1846, 345; Алев., 222, 270 — 1; Могилев. Г. В. 1851, 19; О. З. 1848, V, 17—18; Ч. О. И. и Д., годъ 3, III, словотолковн. Макарова, 106; Описаніе Уарайны Боллана, 83; Эти. Сб., V, 73 (стат. о кашубахъ); Памятн. кн. арханг. губ. 1864, 92; Громанъ, 199; Н. Р. Ск., V, 50: колдунъ подаетъ еядову пива, отъ котораго выскакиваютъ глаза и выпадаютъ всѣ зубы. — ²⁾ Н. Р. Ск., VII, 36, с; сб. Валаяца, 59, 245 — 6; Гальтрихъ, 29; Совр. 1856, XII, 197. — ³⁾ Москв. 1846, XI—XII, критика, 150. Подобныя повѣдки приписываютъ и нечистому; на Украинѣ говорятъ: „и на мудримъ дядько на лысу гору јивдять“ — Номис., 126.

въ областныхъ говорахъ «отрава» обозначается словами: порча, портѣжь, а колдуна и колдунью называютъ: порчельникъ (портѣжникъ) и порчельница; для всѣхъ одуряющихъ зелій существуетъ общее, собирательное имя бѣсиво¹⁾. Народныя пѣсни говорятъ о дѣвахъ - чаровницахъ, приготавливающихъ отравный напитокъ: по-край моря снiago, по зеленымъ лугамъ,

Тутъ ходила-гуляла душа-красная дѣвица,
А копала она коренья—зелье лютое;
Она мыла тѣ коренья въ синѣмъ морѣ,
А сушила коренья въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья въ серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ коренья меда сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ,
И хотѣла извести своего недруга...²⁾

По указанію другой пѣсни, задумала сестра избыть посылкаго брата:

Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала;
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.

Зелье было страшное: едва

Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорѣлася³⁾.

Колдуны и вѣдьмы могутъ причинить недуги прикосновеніемъ, дыханіемъ, словомъ, взглядомъ и самою мыслию; въ нихъ все исполнено губительной чародѣйной силы! Выше было объясне-

¹⁾ Обл. Сл., 19, 171—2. — ²⁾ Кирша Дан., 303; Сахаров., I, 206; Терещ., V, 172; О. З. 1840, II, смѣсь, 27. Варіантъ:

Натопила она коренья въ меду-въ патоку,
Натопила добра молодца допына.

³⁾ Сахаров., I, 202.

но, что подъ вліяніемъ древнѣйшаго метафорическаго языка, который уподоблялъ громъ—вѣщему слову, вѣяніе вѣтра—дыханію, блескъ молній—сверкающимъ очамъ, а всѣ душевныя движенія сблизилъ съ стихіями,—возникли суевѣрныя убѣжденія, заставившія нашихъ предковъ чувствовать страхъ передъ всякимъ проявленіемъ души человѣческой. Недобраныя мысль, затаенная зависть и неискренняя похвала уже влекутъ за собою несчастье для того, кто возбудитъ ихъ въ чародѣй; высказанное колдуномъ злое пожеланіе дѣйствуетъ также неотразимо, какъ заговоръ или клятвенная формула; своимъ взглядомъ онъ можетъ сглазить, а своимъ дыханіемъ озѣвать человѣка, т. е. наслать на него порчу (I, 411). Какъ небесныя стада теряютъ молоко и высыхаютъ отъ ударовъ молній, такъ точно отъ взгляда вѣдьмы пропадаетъ молоко въ грудяхъ матери и чахнетъ ея ребенокъ; сглазу приписываются и болѣзни домашняго скота. Какъ небесныя волки и змѣи (драконы) страшатся блестящей молній, такъ точно взоръ волшебника смиряетъ волковъ и змѣй, населяющихъ лѣса и пустыни ¹⁾. Что вѣдьмы были обвиняемы въ распространеніи повальныхъ, заразительныхъ болѣзней, это засвидѣтельствовано грамотою царя Михаила Федоровича, упоминающею о бабѣ вѣдунѣ, которая наговаривала на хмѣль, съ цѣлію навести на русскую землю моровое повѣтріе ²⁾. Крестьяне до сихъ поръ убѣждены, что колдуну стѣять только захотѣть, какъ тысячи народу падуть жертвами смерти ³⁾. Русская сказка возлагаетъ на вѣдьму ту же самую роль, какая обыкновенно исполняется Моровою дѣвою: въ глухую полночь она является въ бѣлой одеждѣ, просовываетъ руку въ окно избы, кропитъ волшебными совами и всю семью—отъ стараго и до малаго—усыпляетъ на вѣки смертельнымъ сномъ ⁴⁾. По уцѣ-

¹⁾ D. Myth., 1053. — ²⁾ Ак. Арх. Экз., III, 197. — ³⁾ Могилев. Г. В. 1851, 19. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., VII, 36, а.

лѣвшимъ на Руси преданіямъ, въ старину при всякой повальной болѣзни и скотскомъ падежѣ обрекали на смерть женщину, заподозрѣнную миромъ въ зломъ волшебствѣ. Женщину эту завязывали въ мѣшокъ, вмѣстѣ съ собакою, черною кошкою и пѣтухомъ, и зарывали въ землю или топили въ рѣкѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что послѣ этого моръ немедленно долженъ прекратиться ¹⁾. Еще недавно высказывалось поселянами мнѣніе, что если бы перваго заболѣвшаго холерою похоронить заживо, то означенная болѣзнь тотчасъ-бы приостановила свои губительныя дѣйствія (новгородъ-сѣверск. уѣзда). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ пала первая зачумленная скотина, готовятъ яму, и въ этой ямѣ зарываютъ падалъ, привязавъ къ ея хвосту живыхъ собаку, кошку и пѣтуха. Хозяина издохшей скотины община вознаграждаетъ за потерянную шкуру ²⁾. Въ нижегородской губ. отъ сибирской язвы вбиваютъ на перекресткахъ основные колы и посыпаютъ улицы пепломъ нарочно-сожженной собаки ³⁾. Иногда, для отвращенія заразы, крестьяне свечеру загоняютъ весь деревенскій скотъ въ одинъ дворъ, запираютъ ворота и караулятъ до утра, а съ разсвѣтомъ начинаютъ разбирать коровъ; если бы при этомъ оказалась лишняя, неизвѣстно кому принадлежащая корова, то ее принимаютъ за Коровью Смерть, сваливаютъ на полѣнницу и сожигаютъ живьемъ ⁴⁾. Тотъ, кто прежде всѣхъ заболѣваетъ эпидемическою болѣзною, рассматривается, какъ пособникъ нечистой силы и проводникъ Смерти; отъ него начинается зараза и быстро переходитъ на

¹⁾ Сахаров., II, 13; Малор. и червон. нар. думы и пѣсни, 100; Терещ., VI, 42; Рус. въ св. посл., III, 217. — ²⁾ Москв. 1852, XXII, 87—88; Рус. Вѣдом. 1866, № 91. — ³⁾ Сѣвер. Почта 1868, № 180. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846, 262; Терещ., VI, 42; сравни D. Myth., 1140.

все окрестное населеніе. Тотъ-же взглядъ прилагается и къ первой зачумленной скотинѣ. Вселяясь въ человека или корову, демонъ смерти заставляетъ ихъ носить себя по бѣлому свѣту и чрезъ нихъ посредствомъ распространяетъ свое тлетворное дыханіе между людьми и стадами (см. выше стр. 107-9). Поэтому первыя жертвы заразы подлежатъ такой-же очистительной кáрѣ, какъ и вѣдьмы, избалченныя въ напущеніи мора. Сожженіе, потопленіе или зарытіе вѣдьмы въ землю исторгаетъ изъ нея злаго демона (= нечестивую душу) и удаляетъ его изъ здѣшняго міра въ міръ загробный (= въ подземное царство Смерти); пѣтухъ, кошка и собака, какъ мнионческіе представители грозоваго пламени и вихрей, признавались необходимыми спутниками тѣни усопшаго, призванными сопровождать ее на тотъ свѣтъ. Въ образѣ коровы издревле олицетворялась черная молніеносная туча, а съ этою послѣднею были нераздѣльны представленія нечистой силы и смерти. Изъ свидѣтельствъ памятниковъ и народныхъ преданій извѣстно, что въ отдаленной языческой древности, вмѣстѣ съ трупомъ покойника, сжигались корова, собака и пѣтухъ. Впослѣдствіи этотъ погребальный обрядъ получаетъ характеръ уголовного возмездія и совершается только въ исключительныхъ случаяхъ, съ цѣлію увеличить позоръ смертной казни за особенно-важныя преступленія. Когда вайделотка, хранительница священнаго огня, теряла свое дѣвство, литовцы зашивали ее въ кожаный мѣшокъ съ кошкою, собакою и змѣею, вывозили на парѣ черныхъ коровъ на мѣсто казни и зарывали въ землю или топили въ водѣ ¹⁾. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику сказано: «кто убьетъ до смерти отца или мать, или кто хоти сродича своего убьетъ, и тому дати сыну муку: въ торгу его возити и тѣло его клещами рвати и по тому посадити на него

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск., 20.

собаку, кура и ужа и кота, и то все вмѣстѣ собравши съ шмѣ въ водѣ затопить. А которая дочь отца убьетъ или мать—и указъ тотъ-же.» Литовскій Статутъ за означенное преступленіе постановляетъ: «всадити въ мѣхъ скуранный съ псомъ, куремъ, ужомъ, кошкой и зашить»¹⁾. У германцевъ мать-дѣтоубійцу завязывали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, кошкою и змѣею и топили въ водѣ; таже кара у римлянъ постигала убійцу отца или матери, но кошка замѣнялась обезьяною²⁾.

Съ колдовствомъ нераздѣльно понятіе о превращеніяхъ. Вѣра въ превращенія или оборотничество принадлежитъ глубочайшей древности; источникъ ея таится въ метафорическомъ языкѣ первобытныхъ племенъ. Уподобляя явленія природы различнымъ животнымъ, называя тѣ и другія тождественными именами, древній человѣкъ долженъ былъ наконецъ увѣровать въ дѣйствительность своихъ поэтическихъ представленій, какъ скоро обозначающія ихъ слова и выраженія потеряли для него свою первичную прозрачность. Въ началѣ способность превращеній исключительно связывалась съ существами стихійными, принадлежащими міру фантазіи и мифа. Ходячія по небу, дышашія вѣтрами, дождевыя, градошныя и снѣжныя облака (какъ мы знаемъ) олицетворялись то легкокрылыми птицами, то быстроногими конями и оленями, борзыми собаками, рыскающими волками, медвѣдами, кошками, рысями, дойными коровами, козами, овцами и такъ далѣе. Рядомъ съ этимъ, облака, тучи и туманы, какъ темныя покровы, застилающіе собой ясное небо³⁾, представлялись ру-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, 83—84, 116—7. — ²⁾ Deutsche Rechtsalt., 697; сравни свидѣтельства о повѣшеніи преступниковъ съ волками и собаками — *ibid.*, 685—6. — ³⁾ До сихъ поръ о туманномъ, облачномъ небѣ говорится: занолело; въ областныхъ говорахъ облако называется: наволока — ср. Поэт. Вое., I, 542—3.

номъ или звѣринными шкурами, въ которыя облачаются — одѣваются безсмертные владыки надземныхъ странъ. Богъ-громовникъ и сопутствующіе ему духи бури, вихрей и дождей постоянно являются въ облачныхъ нарядахъ, и слѣдовательно переодѣтыми или превращенными въ птицъ и звѣрей. Языкъ и преданія ярко засвидѣтельствовали тождество понятій превращенія и переодѣванія: слова оборотиться, обернуться (об-воротиться, об-вернуться) означаютъ собственно: укутаться, покрыть себя платьемъ, а пре-вратиться — переодѣться, измѣнить свою одежду (=своей внѣшній видъ), надѣть ее наизуворотъ; въ позднѣйшемъ переносномъ смыслѣ малор. перевертень, серб. превртльнь, превршага —человѣкъ измѣнчивый, непостоянный. Созерцая въ полетѣ грозовыхъ тучъ толпы оборотней, т. е. демоновъ, облачившихся въ животненныя шкуры, и переводя это воззрѣніе въ символическій обрядъ, предки наши допустили въ своихъ религіозныхъ игрищахъ участіеокрутниковъ (I, 717-8). «Окрутниками» называются всѣ замаскированные, наряженные по святочному, одѣтые въ мехнатя шкуры или вывороченные тулупы, отъ слова крутить, которое отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести перешло къ опредѣленію понятій: одѣвать, наряжать (окрута — женское нарядное платье и вообще одежда, окрутить —одѣть, окручаться п окрутиться —наряжаться, маскироваться ¹⁾), и въ томъ смыслѣ явилось синонимомъ глаголамъ: облача(н)ть и оборотить (обворотить), точно также, какъ слово крута — одежда тождественно по значенію съ словомъ облако (облаченіе). Очевидно, что и колдуны; и вѣдьмы, по своей тѣсной связи съ облачнымъ міромъ, должны были усвоить себѣ чудесную способность превращеній. Одно изъ названій, знаменующихъ волшебныя чары: кудеса въ новгородской губ. служитъ для обозначенія обрядоваго ряженья,

¹⁾ Обл. сл., 140.

окручиванія въ мохнатыя шкуры: кудесъ — замаскированный человекъ (кудесникъ, кудесница), кудеситься — маскироваться ¹⁾; сравни лат. *lagvo* — околдовать, обворожить и *lagva* (нѣм. *lagve*) — личина, маска, привидѣніе; боги, духи, вѣщіе люди и сильномогучіе богатыри (= предста- вители стихійныхъ силъ природы, низведенные съ теченіемъ времени на степень народныхъ героев) превращаются въ различные образы, надѣвая на себя шапку-невидимку, т. е. окуты- ваясь облакомъ. ²⁾ Согласно съ демоническимъ характеромъ колдуновъ, одно изъ главнѣйшихъ ихъ превращеній есть превра- щеніе въ волка; ибо этотъ хищный, лукавый звѣрь выступаетъ въ старинныхъ мѣтахъ, какъ воплощеніе ирраціональныхъ буръ и зимней стужи, какъ демонъ, пожираю- щій небесныхъ коровъ (= дождевыя облака) и чрезъ то на- водающій на землю неурожай и морь. Рядясь въ волчьи шкуры, колдуны рыщутъ голодными, жадными волками, и получаютъ названіе вои улаковъ Славинская Коричная книга сохрани- ла драгоценное указаніе, что въ этихъ оборотняхъ народъ ви- дѣлъ нѣкогда стихійныхъ духовъ, нагоняющихъ на горизонтъ темныя тучи, а не простыхъ смертныхъ: «облакигонештен отъ селянь влѣ кодлаци нарицаются» (I, 736), что совпа- даетъ съ вышеприведеннымъ названіемъ вѣдуновъ и чародѣ- евъ облакопрогонниками. Волкодлакъ (малор. вои- нулакъ, вовкунъ, бѣлор. вавналакъ, пол. *wilkołak*, *wilkołek*, чеш. *wlkodlak*, серб. *vuodlak*, даи. *va- kudluk*, пагуз. *vukolak*, трансил. *vasodlac*; у болгаръ и словаковъ удержалась болѣе древняя форма: *vkodlak*; у леттовъ *wilkats* отъ *wilks—lupus*) — слово сложное изъ волиъ, снкр. *vk*а, и длава (*dлак*) — шерсть, руно, клонъ волосъ, и означаетъ существо, покрытое волчьей шерстью или шкурою. Преданія о волкахъ-оборотняхъ извѣстны у всѣхъ ин-

¹⁾ Ibid., 95; Доп. обл. сл., 94. — ²⁾ D. Myth., 903.

доевропейскихъ народовъ, и тѣмъ ясно указываютъ на свое незапамятно-давнее происхожденіе. У нѣмцевъ вовкулакъ—*veg-wolf* (англос. *vegevulf*, англ. *wegewolf*, гот. *vairgavulfs*), т. е. *stappwolf*, волколюдъ, греч. *λυχάνθρωπος*; первая часть слова *veg*—гот. *vairg*, англос. *veg*, лат. *vir*—мужъ, человѣкъ. Замѣчательно что въ Митленѣ и на прибрежьяхъ Малой Азіи греки до настоящаго времени называютъ волчьихъ оборотней именемъ, буквально-тождественнымъ съ нашимъ вовкулакомъ: *βρόχολαχος*, и самыя сказанія о нихъ существенно ничѣмъ не отличаются отъ преданій славянскихъ ¹⁾. Древнѣйшее свидѣтельство о вовкулакахъ находимъ у Геродота ²⁾, который упоминаетъ, что Нурь или Невры (народъ, признаваемый Шафарикомъ за славянское племя) почитались у грековъ и скивовъ чародѣями и что про нихъ рассказывали, будто бы каждый изъ неуровъ единожды въ году обращается на нѣсколько дней въ волка, а потомъ снова принимаетъ свой человѣческій обликъ ³⁾. Время такого превращенія, вѣроятно, совпадало съ колдскимъ праздникомъ, когда на лысой горѣ гуляютъ вѣдуны и вѣдьмы вмѣстѣ съ нечистыми духами и оборотнями, а въ деревняхъ и селахъ бѣгаютъ по улицамъ ряженые. Сербы утверждаютъ, что вуколаки преимущественно показываются въ зимнюю пору «од Божића до Спасова дне» ⁴⁾. У поляковъ встрѣчаемъ повѣрье, что оборотни превращаются въ волковъ два раза въ годъ: на Коляду и Иванову ночь, слѣдовательно въ тѣже сроки, въ которые бываютъ главныя вѣдовскія сборища. Жители Митлена и прибрежьявъ Малой Азіи особенно опасаются вовкулаковъ на Рождественскіе Святки и въ страстную недѣлю, т. е. при поворотѣ солнца на лѣто и при

¹⁾ Москв. 1853, V, 3; D. Myth., 1048; Zeitschr. für D. M., IV, 195. — ²⁾ Ев. IV, гл. 105. — ³⁾ Слав. Древности, т. I, кн. I, 323, 327; Повѣт. Воз., I, 741. — ⁴⁾ Срп. рјечник. 79.

началъ весны ¹⁾. Любопытны славянскія преданія о волчь-
 онъ пастырѣ: подъ этимъ именемъ разумѣется владыка
 бурныхъ грозъ, которому подвластны небесные волки, слѣду-
 ющіе за нимъ большими стадами и въ дикой (грозовой) охотѣ
 захватывающіе собою гончихъ псовъ. Въ германской мифологіи
 это — Одинъ, въ услугахъ котораго состоятъ два славные
 волки; на Руси волчьимъ пастыремъ считается Егорій Хра-
 брый, наследовавшій подвиги и заботы древняго громовника.
 Позабывъ о мифическихъ волкахъ-тучахъ, народъ отдалъ ему
 во власть волковъ обыкновенныхъ, лѣсныхъ. Такъ какъ богъ-
 громовникъ является очамъ смертныхъ въ облачномъ одѣяніи,
 то создалось представленіе, что онъ самъ рядится въ мохна-
 тую шкуру волка, принимаетъ на себя образъ этого звѣря и
 становится вовкулакомъ. Въ Бѣлоруссіи роль волчьего пас-
 тыря возлагается на мифическаго властелина лѣсовъ — По-
 лясуна, котораго народная фантазія изображаетъ мохна-
 тымъ и съ козлиными рогами (I, 711); древне-чешскій
 лексиконъ Вацерада толкуетъ слово *vilkodlak* — faunus,
 а въ Далмаціи *va k'ndluk* означаетъ великана, — каковыя дан-
 ныя указываютъ на связь волчьего пастыря съ исполинскимъ
 дикимъ охотникомъ, который во время бурной грозы говит-
 ся, въ сопровожденіи лающихъ собакъ, за лѣсными нимфа-
 ми ²⁾. По хорутанскимъ преданіямъ, вибѣји *pastir* выѣзжа-
 етъ верхомъ на волкѣ, имѣя въ рукахъ длинный бичъ, или
 шествуетъ впереди многочисленной стаи волковъ и усмиря-
 етъ ихъ дубинкою (громовою палицею). Онъ то показываетъ
 въ видѣ стараго дѣда, то самъ превращается въ
 волка, рыщетъ по лѣсамъ хищнымъ звѣремъ и нападаетъ на
 деревенскія стада. Народныя приповѣдки рассказываютъ, какъ
 этотъ оборотень, останавливаясь подъ тѣнистымъ деревомъ,
 превращается изъ звѣря въ старца, собираетъ вокругъ себя

¹⁾ Zeitsch. für D. M., IV, 196—7. — ²⁾ Ibidem.

волковъ, кормить ихъ ¹⁾ и каждому опредѣляетъ его добычу: одному волку приказываетъ зарѣзать корову, другому заѣсть овцу, овенку или жеребенка, третьему растерзать человѣка и такъ дал. Кого назначить онъ въ жертву волка, тотъ, не смотря на всѣ предосторожности, уже не избѣгнетъ своей судьбы: въ урочный часъ звѣрь настигнетъ и пожретъ его. Чтобы охранить стадо отъ хищничества волковъ, крестьяне приносятъ въ даръ ихъ пастырю молоко ²⁾. У французовъ ходятъ рассказы о волчьихъ жоатахъ — вѣщихъ людяхъ, обладающихъ тайною силою покорять волковъ, которые ласкаются къ нимъ, какъ смиренные собаки ³⁾. По русскимъ повѣрьямъ, вовкулаки бываютъ двухъ родовъ: это или колдуны, принимающіе звѣриный образъ, или простые люди, превращенные въ волковъ чарами колдовства. Колдуны рыщутъ волками обыкновенно по ночамъ (т. е. во мракѣ, наводимомъ черными тучами), днемъ же снова воспринимаютъ человѣческія формы; они состоятъ въ близкихъ сношеніяхъ съ нечистыми духами, и самое превращеніе ихъ въ волковъ совер-

¹⁾ По свидѣтельству одной приповѣдки, онъ раздавалъ волгамъ по небольшому куску хлѣба и сыра, и такую-же долю отдавалъ встрѣчному путнику, который, вкусивъ этой пищи, въ продолженіи двухъ недѣль не чувствовалъ ни малѣйшаго голода. — ²⁾ Сб. Валавца, 92—98. Согласно съ олицетвореніемъ тучъ то различными звѣрями, то птицами, то рыбами, хорутанская сказка (ibid., 103) упоминаетъ еще пастырей птячьего и рыбаьго, а сказки русскія говорятъ о трехъ вѣщихъ старухахъ, изъ которыхъ одна властвуетъ надъ лѣсными звѣрями, другая надъ воздушными птицами, а третья надъ морскими рыбами и гадами — Н. Р. Ск., VII, 4, 6, 7; Лѣт. рус. лѣт., кн. V, 11; сравни сб. Валавца, 104—6; Штиръ, 10—11. Валахская сказка даетъ власть надъ звѣрями и птицами св. Недѣлькѣ (= Фрей), которая играетъ въ свираль (= заводитъ грозовую пѣсню), и послушные могучіи звуки — бѣгутъ къ ней изъ лѣсовъ и полявъ звѣри и спускаются съ воздушныхъ высотъ птицы. — ³⁾ Совр. 1862, I, ст. Жоржъ-Занда, 74—75.

шается при помощи дьявольской ¹⁾). По словам барона Гакстаузена ²⁾, въ Арменіи существуетъ повѣрье, что нѣкоторыя женщины (вѣдьмы?) за тяжкіе грѣхи свои превращаются въ волчицъ на семь лѣтъ (т. е. на семь зимнихъ мѣсяцевъ); тоже число лѣтъ назначаютъ хорутанскія сказки для волчьяго пастыря: семь лѣтъ бѣгаетъ онъ волкомъ, а потомъ оборачивается человѣкомъ. Ночью является злой духъ къ нечестивой бабѣ, приноситъ волчью шкуру и приказываетъ надѣть ее; какъ скоро баба облечется въ этотъ нарядъ—въ ту же минуту совершается превращеніе, и вслѣдъ затѣмъ она получаетъ всѣ волчьи привычки и желанія. Съ той поры она всякую ночь рыщетъ прожорливой волчицею и наноситъ людямъ и животнымъ страшный вредъ, а съ туреннымъ разсвѣтомъ снимаетъ съ себя волчью шкуру, тщательно прачетъ ее и принимаетъ свой прежній человѣческій образъ. Разъ кто-то забрѣлъ въ пещеру, въ которой была спрятана волчья шкура; онъ тутъ же развелъ огонь и бросилъ въ него шкуру. Вдругъ съ жалобнымъ воплемъ прибѣгаетъ баба и бросается спасать свою звѣриную одежду; попытка ея не удается, волчья шкура сгораетъ и баба-оборотень исчезаетъ вѣстѣ съ клубящимся дымомъ. Такъ гибнетъ облачная жена въ грозовомъ пламени, пожигающемъ ея волчью «длаку», т. е. черную тучу. И по нѣмецкимъ повѣрьямъ превращеніе въ волка совершается чрезъ набрасываніе на себя волчьей сорочки (шкурры, *Alfahant* — *wolfhemd* или волчьяго пояса (*wolfgürtel*). Каждый, надѣвающій волчью сорочку, дѣлается оборотнемъ и въ теченіи девяти дней бѣгаетъ волкомъ; на десятый же день сбрасываетъ съ себя звѣриный кожухъ и возвращается въ прежнее свое состояніе. По указанію дру-

¹⁾ Москв. 1853, V, 11; Вост. Евр. 1828, V—VI, 90; Моск. Телеграфъ 1830, XIX, 416. — ²⁾ Закавказ. край, II, 61.

гнѣхъ сагъ, онъ пребываетъ въ волчьемъ образѣ три, семь или девять годовъ (= семь зимнихъ мѣсяцевъ, или во все продолженіе осени, зимы и дождливой весны — до наступленія ясныхъ дней лѣта, каковыя три времени года равняются девяти мѣсяцамъ). Оборачиваясь волкомъ, человѣкъ приобретаетъ голосъ и хищныя склонности этого звѣря: удаляется въ лѣса, нападаетъ на путниковъ и домашній скотъ, и томимый голодомъ дико воетъ и даже пожираетъ падала ¹⁾).

Вѣдуны и вѣдмы могутъ обращаться и во всѣхъ другихъ животныхъ, въ формахъ которыхъ фантазія младенческихъ народовъ любила живописать облака, тучи и туманы. Они или развѣвajúть по воздуху на мифическихъ звѣряхъ, птицахъ и гадахъ, или — что совершенно тождественно — сами принимаютъ ихъ образы и блуждаютъ по свѣту различными оборотнями. О вовкулакахъ великорусскіе поселяне, позабывъ коренной смыслъ означеннаго названія, рассказываютъ, что это — колдуны, одаренные способностью превращаться въ волковъ или медвѣдей ²⁾. Известный писатель прошлаго столѣтія Татищевъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей «Россійской Исторіи» ³⁾ говоритъ: «я невѣсьма давно отъ одного знатнаго, но неразумнаго дворянина слышалъ, яко-бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышавшіе довольно вѣрили». Скандинавская старина также допускала превращеніе въ медвѣжій образъ, и въ Норвегіи до сихъ поръ существуетъ убѣжденіе, что подобными чародѣйнымъ искусствомъ обладаютъ лапландцы; а датская пѣсня упоминаетъ о желѣзномъ ошейникѣ (eisenhalsband), надѣвая который — человѣкъ дѣлается медвѣдемъ. Вѣдмы часто превращаются въ коровъ и кобылицъ, а колдуны — въ быковъ и жеребцовъ, и отъ этихъ животненныхъ образовъ удержива-

¹⁾ D. Myth., 1048—9; Germ. Mythen, 691—2. — ²⁾ Обл. Сл., 27. — ³⁾ I, 110.

ють они нѣкоторыя особенности даже въ то время, когда являются въ члвоческомъ видѣ. Такъ вѣдьму народъ нашъ изображаетъ съ хвостомъ, котораго она не въ силахъ скрыть ни въ одномъ изъ своихъ превращеній а колдуна — съ рогами ¹⁾). Сходно съ этимъ, чловѣка-вовкулака легко узнать по шерсти, растущей у него подъ языкомъ ²⁾). Когда вѣдьма превращается въ кобылицу, чортъ подковываетъ ее и заставляетъ носить себя по воздуху. Народныя сказки повѣствуютъ о добрыхъ молодцахъ, которымъ удавалось накидывать на вѣдьму узду, и она тотчасъ-же оборачивалась кобылою; молодецъ подковывалъ эту кобылу, садился на нее верхомъ, и ударяя ее осиновымъ полѣномъ, скакалъ по горамъ и доламъ. На другой день на рукахъ и ногахъ у вѣдьмы оказывались прибитыя гвоздями подковы ³⁾). Пугая по ночамъ людей, вѣдуны и вѣдьмы бѣгаютъ въ видѣ свиней, собакъ и кошекъ. На Украинѣ ходятъ рассказы, будто вѣдьмы превращаются въ огромныхъ, чудовищныхъ сукъ съ длинными сосцами, которые волочутся по землѣ — «аж телепаютця»: эта послѣдняя черта объясняется изъ древняго представленія дождевыхъ тучъ материнскими грудями. Фантазія надѣляетъ облачныхъ женъ длинными, отвислыми грудями (см. выше стр. 119, 468), и сохраняетъ за ними эту особенность при всѣхъ животнепныхъ воплощеніяхъ. Рассказываютъ еще, что вѣдьмы, вмѣсто двухъ, имѣютъ три сосца ⁴⁾). Кошка — одно изъ любимыхъ воплощеній вѣдьмы,

¹⁾ По германскимъ сказаніямъ, богиня Freytha носить коровью шкуру, Nidga имѣть коровій хвостъ, а предводительница нестотоваго воинства надѣляется въ Норвегіи кобыльимъ хвостомъ и называется Ryssarofa (hryssa — лошадь, ofa — хвостъ) — Die Götterwelt, 27. — ²⁾ Терещ., VI, 102; Lud Ukrain., II, 80; Рус. Предан., II, 103 и дал.; Киев. Г. В. 1845, 16. — ³⁾ Н. Р. Ск., VII, 36, с; Ильячъ, 290; Germ. Mythen, 711. — ⁴⁾ Москв. 1844, XII, 40. Иллюстр. 1846, 134; Укр. мелодіи, 112; Полтав. Г. В. 1844, 20; Киев. Г. В. 1845, 13.

равно известное у славянъ и нѣмцевъ; въ Германіи вѣдьмы называютъ *wetterkatze*, *donnerkatze*, и тамъ существуютъ повѣрья, что кошка, когда проживетъ двадцать лѣтъ, становится вѣдьмою, и что чужимъ кошкамъ не слѣдуетъ причинять вреда, а то вѣдьмы будутъ за нихъ истить ¹⁾). Чехи убѣждены, что черная кошка черезъ семь лѣтъ дѣлается вѣдьмою, а черный котъ — дьяволомъ, что черезъ нихъ совершаются волшебныя чары и что колдуны постоянно держатъ съ ними совѣтъ ²⁾). По русскимъ повѣрьямъ, въ кошекъ и собакъ входятъ во время грозы нечистые духи; вѣдьмы же, превращаясь въ этихъ животныхъ, высасываютъ у коровъ молоко. Въ Мазовіи есть разсказъ о вѣдьмѣ, которая въ образѣ кошки отымала у коровъ молоко; разъ ночью захватили эту кошку на промыслѣ, и прежде, чѣмъ она успѣла скрыться, обрубили ей два пальца на передней лапѣ; а на утро оказалось, что именно двухъ пальцевъ не доставало на рукѣ у одной вражьей бабы ³⁾). Какъ превращеніе въ звѣриныя образы совершается при посредствѣ мохнатыхъ шкуръ, надѣваемыхъ на себя человѣкомъ; такъ точно превращеніе въ птицу условливается набрасываніемъ на человѣческое тѣло крыленной птичьей шкурки ⁴⁾, или такъ называемой пернатой сорочки. Народныя преданія нѣмецкія и славянскія рассказываютъ о прекрасныхъ нимфахъ, которыя, облакаясь въ лебединыя и голубиныя сорочки, летаютъ по воздуху бѣлыми лебедями и голубками, а снимая съ себя эти сорочки — становятся дѣвами (см. I, 540; II, 217; III, 187—193). Локи выпросилъ у Фрейя соколюю одежду (*vals-hamr* = *falkengewand*) и полетѣлъ быстрымъ соколомъ; а великанъ Тіасси, нарядившись въ одежду орлиную, преслѣдовалъ его, какъ орелъ; одна изъ валькирій, предаваясь воздушному

¹⁾ D. Myth., 1042, 1051. — ²⁾ Громанъ, 56—57, 201. — ³⁾ Zagusy domowe, III, 172—3. — ⁴⁾ Рыбникъ, IV, 229—230.

полету, набрасывала на себя *krähengewand* ¹⁾). Сказка, занесенная въ сборникъ Боричевского ²⁾, упоминаетъ о превращеніи вѣдьмы въ огромнаго сокола. Въ Германіи увѣряютъ, что колдуны оборачиваются въ ворововъ, а вѣдьмы — въ воронъ ³⁾; въ областныхъ русскихъ говорахъ каркунъ означаетъ и вѣдьма, и завистливаго человѣка, который можетъ сглазить, наурочить; каргá — ворона и бранное названіе злой бабы или вѣдьмы («ахъ, ты старая карга!»). Наконецъ вѣщица — не только вѣдьма, но и сорока ⁴⁾. Согласно съ своимъ демоническими наклонностями, вѣдьмы по преимуществу обращаются въ зловѣщихъ, темноперыхъ и ночныхъ птицъ: лат. *strix*, род. *strigis* (στρ(γξ) — ночная птица, сова, привидѣніе и колдунья, занимающаяся порчею дѣтей; чешск. *střiba*, словац. *struga*, пол. *strzyga* — вѣдьма, хорут. и хорв. *strigoi* — упырь ⁵⁾). Напротивъ о голубѣ существуетъ въ воронежской губ. повѣрье, что эта птица преисполнена такой чистоты и святости, что ни одна вѣдьма не въ силахъ воспринять ея образа ⁶⁾. Больше всего вѣдьмы любятъ превращаться въ сороку. О происхожденіи этихъ послѣднихъ рассказываютъ на Руси, что въ стародавніе годы обернулась вѣдьма сорокою, да такъ навсегда и осталась птицею; съ тѣхъ поръ и явились на бѣломъ свѣтѣ сороки ⁷⁾. По свидѣтельству народной пѣсни, Марина Миншекъ (признанная современниками за чародѣйку) въ ту самую ночь, когда разразилась московская смута, оборотилась сорокою и улетѣла изъ царскихъ теремовъ ⁸⁾. Въ олонецкой губ. сохраняется преданіе, будто одинъ старикъ поймалъ сороку за

¹⁾ Germ. Mythen, 691. — ²⁾ Пов. и пред., 107—111. — ³⁾ D. Myth., 1052. — ⁴⁾ Обл. Сл., 34, 80; Вятск. Г. В. 1847, 45. — ⁵⁾ D. Myth., 992, 1068; Диеенбахъ, II, 343. — ⁶⁾ Ворон. Г. В. 1850, 20. — ⁷⁾ Духъ Христіан. 1861—2, XII, 270. — ⁸⁾ Кирша Дан., 104.

хвостъ, но она вырвалась и улетѣла, а въ рукахъ старика осталась женская рубашка: пойманная имъ сорока была вѣдьма ¹⁾. Народная сказка говоритъ о вѣдьмѣ, которая прилетала къ своему любовнику птицею, и снимая съ себя перья—являлась передъ нимъ страстною женщиной ²⁾. Въ томской губ. думаютъ, что для такого превращенія вѣдьмѣ необходимо бучное корыто: намекъ на повѣстическое представленіе грозы стиркою облачныхъ тканей въ дождевомъ щелокѣ. Ложась подъ это корыто, она тотчасъ-же выпархиваетъ оттуда сорокою, при чемъ руки ея преобразуются въ крылья ³⁾. Любопытенъ разсказъ Татищева: «въ 1714 году (говоритъ онъ) заѣхалъ я въ Лубны къ фельдмаршалу графу Шереметеву и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и она съ пытки въ томъ винилась. Я хотя много представлялъ, что то неправда и баба на себя лжетъ, но фельдмаршалъ нисколько мнѣ не внималъ. Послѣ долгихъ увѣщаній баба призналась, что наклепала на себя, не стерпя мучительной пытки, и что, кромѣ лѣчебныхъ травъ, она ничего не вѣдаетъ; казнь была отмѣнена и несчастную знахарку сослали въ монастырь подъ начало ⁴⁾. По словамъ простолюдиновъ, въ Москвѣ потому не видно сорокъ, что въ былое время въ видѣ этихъ птицъ прилетали сюда вѣдьмы, и одна изъ нихъ похитила частицу св. причастія, а митрополитъ Алексѣй проклялъ за это сорокъ и запретилъ имъ приближаться къ первопрестольному граду ⁵⁾. Чтобы напугать вѣдьмъ, крестьяне убиваютъ сороку и вѣшаютъ ее возлѣ коровниковъ и конюшенъ. Кромѣ того, вѣдуны и вѣдьмы могутъ превращаться и въ нѣкоторые неодушевленные предме-

¹⁾ Описаніе олон. губ. Дашкова, 190—1. — ²⁾ Н. Р. Сж., VIII, 16, а. — ³⁾ Этн. Сб., VI, 148. — ⁴⁾ Истор. Росс., I, 110—1. — ⁵⁾ Иллюстр. 1845, 415.

ты: въ клубокъ нитокъ (о чемъ сказано выше, стр. 467), въ снѣжный комъ, камень и копну сѣна ¹⁾, что безъ сомнѣнiя стоятъ въ связи съ уподобленiемъ скученныхъ облаковъ пряжи, скаламъ, стогамъ и копнамъ.

Народный эносъ любитъ останавливаться на таинственной наукѣ оборотничества и нерѣдко заставляетъ своихъ героевъ

По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ вóрономъ,
По чисту полю славать сѣрымъ волкомъ,
По крутымъ горамъ тонкимъ, былымъ горностаемъ,
По синимъ морямъ плавать сѣрой утущою ²⁾.

Богатырь Волхъ Всеславъевичъ, имя и подвиги котораго указываютъ на его чародѣйное значенiе (когда онъ родился — сотряслось все царство индѣйское), съ дѣтства учился тремъ премудростямъ: оборачиваться яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ и гнѣдымъ туромъ — золотые рога; да дѣе былина рассказываетъ, что онъ оборачивался горностаемъ и мурашкою. Царь Афромей, по свидѣтельству былины объ Иванѣ Годиновицѣ,

Скоро в ражбу (ворожбу) чинилъ:
Чистыя поля туромъ перескакалъ,
Темныя лѣса сободемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ ³⁾.

Слово о полку замѣчаетъ о князѣ Всеславѣ, что у него вѣщая душа была въ тѣлѣ, что онъ «въ ночь влѣкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ (— до пѣтуховъ)

¹⁾ Абев., 79. — ²⁾ Рыбник., I, 434; IV, 95 — 96. — ³⁾ Кирша Дав., 47, 50—51, 142. Въ одной изъ великорусскихъ пѣсень (О. З. 1860, V, 110) дѣвица, отданная замужъ въ чужезадельную сторону, прилетаетъ оттуда на родину горемычною кукушкою, а въ другой сестры идутъ искать своего милаго брата:

Какъ и старшая сестра въ морѣ щукою,
А середняя сестра въ полѣ соколомъ,
А меньшая сестра въ небѣ звѣздочкою.

Тмуторокана, великому Хръсови ¹⁾ вълкомъ путь прерыскаше ²⁾, т. е. достигалъ Тмутаракани до разсвѣта, предупреждая восходъ Солнца.

Въ зимніе мѣсяцы небо и царствующія на немъ свѣтила помрачаются густыми туманами, богъ-громовникъ перестаетъ разить демоновъ и заключается въ окованныя стужей тучи; такимъ образомъ всѣ свѣтлые боги облакаются въ темные облачные покровы и теряютъ свою благодатную силу, или выражаясь мифически: надѣваютъ мохнатыя одежды, дѣлаются оборотнями и подчиняются злой чародѣйкѣ Зимѣ. Въ ту печальную пору колдуны, вѣдьмы и демоническіе духи овладѣваютъ небеснымъ царствомъ, набрасываютъ на боговъ волчьи и другія звѣриныя шкуры, превращаютъ ихъ въ мифическихкихъ животныхъ, въ образахъ которыхъ и пребываютъ они до начала весны. Такое невольное превращеніе въ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ называется околдованіемъ, зачарованіемъ, заклятіемъ. Въ разныхъ отдѣлахъ настоящаго сочиненія уже были приведены и объяснены нѣкоторыя изъ этихъ сказаній (см. I, 787-793 — о свиномъ челѣ и добромъ молодцѣ Незнайкѣ, который радится въ волчью шкуру); но эпосъ народный чрезвычайно богатъ подобными повѣстическими изображеніями, и мы позволяемъ себѣ указать еще нѣсколько примѣровъ. Остановимся на сказкѣ о

¹⁾ О значеніи Хорса см. статьи Бодянского — въ Ч. О. И. и Д., годъ 1-й, II, 8—11, Срезневскаго — въ Ж. М. Н. П. 1846, VII, 49—51, и Прейса—*ibid.* 1841, II, 31—37. Имя Хорсъ (Хъръсъ, Хръсъ) встрѣчается во многихъ старинныхъ памятникахъ (П. С. Р. Л., I, 34; Изв. Ак. Н. 1853, 118; Лѣт. рус. лит., кн. V, 5; т. IV, 89, 92—99, 104; Оп. Румян. Муз., 228; Пам. стар. рус. литер., III, 119; Щаповъ, 8); вслѣдствіемъ признають его тождественнымъ Дажьбогу: въ сикр. слова—*sûgъ* (веданч. *sûg, sûgъ*) = *svagъ* отъ *svagъ*—свѣтъ, небо: слову *svagъ* въ ведскомъ соответствуетъ *hvarê*, род. *hûgô*—солнце, перс. *chûg, hûg*, осс. *chug* (Пинте, II, 667). — ²⁾ Рус. Дост., III, 196—200.

заключенныхъ дѣтахъ. «Есавъ Иванъ-царевичъ взялъ меня за-
 нужь (говорить красная дѣвица), я бы родила ему сыновей—
 но колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сереб-
 рѣ, явл: во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтѣль
 мѣсяцъ, пѣ косицамъ частыя звѣзды». Иванъ-царев-
 вичъ взялъ за себя дѣвицу; пришло время, родила ему царев-
 на сыновей—такихъ ненаглядныхъ, какихъ общала; но злая
 вѣдьма (иногда ее замѣняютъ завистливыя сѣстры: пряха,
 что съ помощію одного веретена можетъ одѣть все царство,
 и искусная ткачиха, общающая выткать коверъ-самолѣтъ,
 т. е. вѣщія жены, изготовительницы облачныхъ тканей, и
 вмѣстѣ съ тѣмъ злыя царки) подмѣняетъ ихъ щенками и
 котятами, а настоящихъ дѣтей прячетъ въ подземелье
 возлѣ стараго дуба. Родила еще царевна сына-богатыря и
 успѣла скрыть его отъ вѣдьмы за пазухой; между тѣмъ ее осу-
 дили, посадили въ смоленую бочку, оковали желѣзными
 обручами и пустили въ океанъ-море глубокое,
 а Иванъ-царевичъ женится на дочери хитрой волшебницы.
 Долго носило бочку по морю и наконецъ пришло къ далекому
 берегу, а тѣмъ временемъ сынъ-богатырь растетъ не по
 днямъ, а по часамъ, какъ тѣсто на опарѣ всходитъ; выросъ,
 потянулся—и вмгъ бочку разорвало, желѣзные обру-
 чи поспадывали. Мать съ сыномъ выходитъ изъ бочки;
 богатырь съ помощію кремня и огнива, топора и дубин-
 ки (вмблемы молніи) строитъ славный дворецъ, добываетъ
 разныя диковинки (мельницу, которая сама мелетъ, сама
 вѣетъ, пылъ на сто верстъ мечетъ, ката-баюна, кото-
 рый пѣсни поетъ, сказки сказываетъ, и золотое дерево съ
 пѣвчими на немъ птицами) и освобождаетъ изъ подземелья
 братьевъ. Доходитъ о томъ слухъ до Ивана-царевича; онъ при-
 тѣжаетъ посмотрѣть на диковинки — тутъ все изобличается,
 вѣдьму предають казни, и царевичъ беретъ къ себѣ прежнюю

жену. Интересенъ вариантъ, записанный въ персикой губернии: молодая царица родила трехъ чудесныхъ младенцевъ; баба-яга вызвалась быть повитухою, оборотила царевичей волчатами, а взаи́мъ ихъ подложила простаго крестьянскаго мальчика. Царь разгнѣвался на жену, велѣлъ посадить ее вѣстѣ съ ребенкомъ въ бочку и пустить въ синѣ море. Бочка прѣвращается къ пустынному берегу и разваливается; царица и подкидышъ выходятъ на сухое мѣсто, молятъ Бога даровать имъ хлѣбъ насущный, и по ихъ молитвѣ прѣвращается вода въ молоко, а песокъ въ кисель. Проходили мимо нищіе и нима́ло дивилися, что вотъ живутъ себѣ люди — о хлѣбѣ не думаютъ: подъ руками рѣка молочная, берега кисельные; пришли къ царю и рассказали ему про то давнo неслыханное. А царь уже успѣлъ на другой жениться — на дочери бабы-яги. Услыхала тѣ рѣчи новая царица, выскочила и крикнула: «кое диво рассказываютъ! у моей матушки есть получше того: кувшинъ о семи рожкахъ — сколько ни ѣшь, сколько ни пей, все не убываетъ». Этими словами она отуманила царя: то хотѣлъ было ѣхать, на диво посмотреть, а то и думать пересталъ. Когда свѣдалъ про это подкидышъ, тотчасъ-же собрался въ путь и унесъ у бабы-яги заветный кувшинъ. Снова заходятъ къ царю нищіе, рассказываютъ про рѣку молочную, берега кисельные и кувшинъ о семи рожкахъ. Ягинишна выскочила: «нашли, говорятъ, чѣмъ хвастаться! у моей матушки получше того: зеленый садъ, въ томъ саду птицы райскія, поютъ пѣсни царскія». Подкидышъ отправился садъ добывать, обошелъ вокругъ него, и произнесъ заклятіе: «какъ дуетъ вѣтеръ, такъ лети за мною зеленый садъ!» заигралъ въ дудочку — и въ ту же минуту деревья двинулись съ мѣста и послѣдовали за своимъ вожатымъ. Тогда ягинишна стала похваляться зеркальцемъ: «у моей матушки есть почище того: чудное зеркальце — какъ взгля-

нешь въ него, такъ сразу весь свѣтъ увидишь!» Подвидышь заказалъ кузнецу сковать три прута желѣзные да щипцы, пришелъ къ бабѣ-ягѣ, поймалъ ее за языкъ щипцами, началъ бить прутьями желѣзными и заставилъ отдать себѣ зеркальце. Принесъ зеркало домой; царица глянула въ него и увидѣла своихъ дѣтокъ волчатами—на чистой полянѣ, промежъ густаго орѣшника, по травкѣ-муравкѣ валяются. Подкидышь вызвался на новое дѣло: онъ пришелъ на поляну, и пока волчата спали—развелъ костеръ и связалъ у нихъ хвосты въ одинъ крѣпкой узелъ, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ: «не пора спать, пора вставать!» Волчата вскочили и рванулись бѣжать въ разные стороны—волчьи шкуры съ нихъ мигомъ слетѣли, и явились три добрыхъ молодца, три родныхъ братца. Подкидышь схватилъ волчьи шкуры и бросилъ въ огонь; когда онѣ сгорѣли, братья воротились къ матери. Услыхалъ царь про царицу и царевичей, не вытерпѣлъ, поѣхалъ къ нимъ и узналъ все, что было; въ тотъ-же день онъ приказалъ разстрѣлять бабу-ягу вмѣстѣ съ ея дочкой. Сказка эта передается еще съ слѣдующими отиѣнами: царица породила двухъ сыновей и третью дочь-красавицу, которая когда улыбалась—розы сыпались, а когда плакала—вмѣсто слезъ алмазы съ брилліантами падали. При самомъ рожденіи дѣти подиѣются щенками да котятами; впоследствии царевичи были превращены въ камни, а царица добываетъ птицу-говорунью, ноющее дерево и живую воду; этою водою она возвращаетъ братьевъ къ жизни, колдовство рушится и правда торжествуетъ надъ злобою ¹⁾). Въ иѣмецкой редакціи поющее дерево названо сонненbaum, а живая вода—springende wasser; на солнечномъ деревѣ красуются золотые плоды и блескъ ихъ такъ силенъ, что прогоняетъ ночную тьму. Подоб-

¹⁾ Н. Р. Сл., VI, 68-69; VIII, 553-6.

ныя сказки составляютъ общее наслѣдіе индоевропейскихъ народовъ ¹⁾. Вниманіе наше прежде всего останавливается на тѣхъ чудесныхъ примѣтахъ, съ какими рождаются на свѣтъ царевичи: во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтѣль мѣсяць, по бокамъ (или косицамъ) часты звѣзды; по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѣребрѣ; волосы у нихъ золотые или на каждомъ волоскѣ по жемчужинѣ; сымая свои шапочки, они все вокругъ себя освѣщаютъ яркими лучами ²⁾. Такія примѣты указываютъ, что это—не простые смертные, а свѣтлые боги, представители высокаго неба и тѣхъ блестящихъ свѣтилъ, которыя присвоены имъ, какъ всегда-присущіе атрибуты. Красное солнце во лбу напоминаетъ глазъ Одина, мѣсяцъ на затылкѣ—лунный серпъ, вѣвчающій голову Діавы, частыя звѣзды по тѣлу—многоочитаго Аргуса; золотые волосы, руки и ноги суть поэтическія обозначенія солнечныхъ лучей. Сестрою этихъ сказочныхъ героевъ является прекрасная дѣва Зоря, рассыпающая по небу розовые цвѣты и роняющая алмазныя слезы въ утренней и вечерней росѣ. Въ соотвѣтственной новогреческой сказкѣ ³⁾ прямо указано, что царицею были рождены Солнце, Луна и Денница (о мифической связи денницы съ зорею см. I, 86-88). Рожденіе Солнца праздновалось на Коляду, когда оно поворачиваетъ на лѣво; но этотъ поворотъ совпадаетъ съ самыми сильными морозами, вьюгами, метелями и самымъ неистовымъ гульби-

¹⁾ Slov. pohad., 470—7; Пантеонъ 1854, V, смѣсь, 1—4; Mater. для изуч. вар. слов., 32—33, 57—72; Гагъ, 69; Рус. Вост. 1857, V, 32 (о древне-французской повѣ: „Le chevalier au Cygne); Вольеръ, 168—177; Zeitschr. für D. Myth., I, 453—8. — ²⁾ Н. Р. Сж., VI, 62; Худик., III, стр. 131; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853, 167; сб. Валавца, 124; Шлейхеръ, 10; Срп. припов., стр. 74: „чадо златоруке и златогосо“, стр. 128: дѣва съ звѣздою на правомъ колѣнѣ; D. Myth., 364; сказ. Грм., I, стр. 56; Шоттъ, 16, 23; Поэт. Воз., I, 699. — ³⁾ Гагъ, II, стр. 40.

щемъ нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ. Злая колдунья Зима тотчасъ же овладѣваетъ свѣтоноснымъ героемъ и его братьями и обращаетъ ихъ въ волчатъ (на языкѣ Эдды: зима — wolfzeit); подити новорожденныхъ щенками и котятами обозначаетъ ту же мысль: боги ли превращаются въ звѣрей, или звѣри заступаютъ ихъ мѣсто—это только различныя формы выраженія, суть же остается неизмѣнною. Сверхъ того, фантазія воспользовалась и другими метафорическими выраженіями: вѣдьма прячетъ новорожденныхъ въ темныя подземелья (—въ мрачныя вертепы тучъ) и даже подвергаетъ ихъ окаменѣнію. Но съ приходомъ весны владычество темныхъ силъ оканчивается: богъ-громовникъ, заключенный въ бочку-облако, несется по воздушному океану, разрываетъ свою темницу и творитъ молочныя рѣки и кисельные берега, т. е. пускаетъ на землю дождевыя потоки и производитъ грязи (II, 134-5); окаменѣнные герои оживаютъ, а превращенные сбрасываютъ съ себя чуждыя вмѣ звѣринныя шкуры и предстаютъ во всей своей неслезанной красотѣ. Такой актъ освобожденія совершается тотчасъ, какъ скоро добыта живая или «прыгающая» вода, т. е. какъ скоро прольется съ неба дождь и зимніе льды и снѣга претворятся въ журчащія, скачущія съ горъ потоки. Вотъ почему сказки заставляютъ богатыря - громовника или по другимъ вариантамъ: красавицу - Зорю (богиню весны) съ такою неустанною заботою отыскивать и отымать у вѣдьмы разныя диковинныя — знаменія творческихъ силъ природы. Невскерпаемый кувшинъ соответствуетъ тѣмъ урнамъ, изъ которыхъ небесныя богини слали на поля и нивы плодородящія дожди; дерево съ золотыми плодами есть дерево-туча, съ которымъ преданія связываютъ источники живой воды; оно названо пощимъ, потому что съ нимъ нераздѣльно представленіе о пѣсяхъ, заводимыхъ весеннею грозю; на томъ же основаніи птица-туча названа говоруньей, а миенче-

скому коту (donnerkatze) приданъ шитетъ баюна (отъ глагола баять). О чудесной мельницѣ и летучемъ садѣ сказано было выше (I, 295; II, 292). Въ числѣ другихъ диковинокъ богъ-громовникъ отымаеть у вѣдьмы славное зеркальце, въ которое можно видѣть весь ширь, т. е. выводить нѣзачь тучь все-озаряющее солнце, издревле уподобляемое зоркому глазу и блестящему металлическому щиту или зеркалу; щипцы, которыми тянетъ онъ за языкъ бабу-ягу, и желѣзные прутья, которыми бьетъ ее—символы разящихъ молній: тѣмъ-же орудіями побѣждаютъ богатыри и чертей, и драконовъ. Снятыя съ царевичей волчьи шкуры сожигаются на кострѣ, т. е. въ грозовомъ пламени.

Сила околдованія или заклятія превращаетъ сказочныхъ героевъ различными звѣрями (волкомъ, медвѣдемъ, рысью, конемъ, собакою, козломъ и бараномъ), чудовищными змѣями (см. II, 621-5) и гадами (жабою, лягушкою и пр. ¹⁾), и во всѣхъ этихъ метаморфозахъ главное значеніе принадлежатъ шкурѣ животнаго. Въ Бѣлорусси для тѣхъ оборотней, которые являются въ видѣ жабъ, лягушекъ и кошекъ, употребительны названія: жабалѣка и кошкалѣчень, названія, образовавшіяся на подобіе слова вовкулакъ и буквально означающія: жабью (лягушечью) и кошачью длаку ²⁾. По свидѣтельству народной сказки, царевна-лягушка освобождается отъ заклятія послѣ сожженія ея лягушечьей кожурины; точно также предаются огню змѣиная сорочка, свиной кожухъ и другія шкуры, въ которыя рядятся очарованные царевичи и царевны. На Руси хранится такое преданіе: красавица, превращенная мачихой - вѣдьмою въ рысь,

¹⁾ Н. Р. Св., II, 29; IV, 45; VI, 50; VII, 27, 43; VIII, 12; сказ. Грм., 11, 92, 141; Гаяъ, 14, 31, 100; Вольвъ, 9—15, 206—216, 304; Срп. припов., 9, 10. — ²⁾ Москв. 1853, V, 6.

прибѣгала къ своему осиротѣлому ребенку, сбрасывала съ себя звѣриную шкурку и кормила его материнскою грудью, а накормивъ — снова оборачивалась рысью и удалялась въ дремучій лѣсъ; мужъ красавицы, улучивъ удобную минуту, захватилъ звѣриную шкурку, спалилъ ее на огнѣ, и тѣмъ самымъ освободилъ свою подругу отъ волшебнаго очарованія. Въ норвежской сказкѣ ¹⁾ одинъ изъ королевичей, превращенныхъ въ жеребятъ, говоритъ своему извѣстителю: «возьми этотъ старый мечъ; въ день твоей свадьбы ты долженъ отрубить намъ головы и снять лошадиныя кожи; тогда мы опять сдѣлаемся людьми. Злой тролль набросилъ на насъ эти кожи — и мы стали жеребятами.» Подобное указаніе встрѣчается и въ сказкахъ нѣмецкихъ и славянскихъ ²⁾; мечъ—метафора молніи, которая, нанося ударъ обратню, совлекаетъ съ него облачный покровъ. Наряду съ этими преданіями существуютъ другія—о превращеніи зачарованныхъ царевичей въ птицъ. Такъ, по свидѣтельству русской сказки ³⁾, дѣти, рожденные по колѣна въ сѣребрѣ, по грудь въ золотѣ, съ мѣсяцемъ во лбу и звѣздами по бокамъ, были превращены въ голубей, и только тогда приняли человѣческіе образы, когда у нихъ вырвали изъ хвостовъ по перу, что равносильно снятію пернатой одежды. По другому указанію, возстановленіе человѣческихъ формъ условливается сожженіемъ птичьей шкурки и крыльевъ ⁴⁾. Норвежская сказка ⁵⁾ говоритъ о вѣдьмѣ (trollkone), которая оборотила двѣнадцать королевичей дикими утками; но королева родила еще дочь—бѣлую что снѣгъ и румяную что кровь. Новорожденная была названа Schneeweiss-Rosenroth; она является въ той-же роли извѣстельницы, какую въ выше-

¹⁾ II, 1. — ²⁾ Сб. Валавца, 136—141; сказ. Грим., 57; Вольфъ, 242. — ³⁾ Н. Р. Сл., VI, 68, d. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., IV, 46; VIII, 17 и стр. 141; сказ. Грим., 135. — ⁵⁾ II, 3.

приведенной сказкѣ исполняетъ богиня Зоря. Бѣлоснѣжка выросла и отправилась искать братьевъ; послѣ долгаго странствованіи, ей удалось достигнуть своей цѣли. «Для того, чтобы избавить насъ, сказали ей королевичи, ты должна набрать пуху съ цвѣтовъ одуванчика, расчесать этотъ пухъ, выпрестъ, выткать и сшить намъ двѣнадцать сорочекъ и столько-же шапочекъ и шейныхъ платочковъ; во все время этой работы ты обязана ни говорить, ни плакать, ни смѣяться.» Бѣлоснѣжка согласилась и братья повели ее на широкій лугъ, въ которомъ пестрѣли одуванчики. Всякій день она собирала мягкій пухъ и долго сидѣла за пряжею, дожидаясь братьевъ. Однажды, когда прекрасная королева собирала пухъ съ цвѣтовъ, вблизи того мѣста охотился молодой король. Онъ увидалъ Бѣлоснѣжку, и пораженный ея красотою, остановился и повелѣ было рѣчь; но дѣвица упорно молчала. Король посадилъ ее на коня и увезъ къ себѣ, вмѣстѣ съ мѣшкомъ, въ которомъ лежала начатая ею работа. Вскорѣ онъ задумалъ на ней жениться; но его мачиха была противъ этого брака: «смотри, говорила она, чтобъ не взять за себя вѣдьмы! вѣдь не даромъ же она все молчитъ, не плачетъ и не смѣется». Король не послушался и женился. Бѣлоснѣжка и послѣ свадьбы продолжала шить братнины сорочки. До истеченія года она родила сына; но злая мачиха вошла ночью въ спальню, унесла ребенка и бросила его въ змѣиную яму, потомъ разрѣзала свой палецъ, обрызгала кровью губы спящей матери и сказала королю: «ступай-посмотри: твоя жена съѣла свое собственное дитя!» Король сильно запечалился, но, любя жену, простилъ ее. На другой годъ Бѣлоснѣжка опять родила сына, а на третій—дочь; старая королева выкрала и этихъ дѣтей. Тогда раздраженный отецъ отдалъ приказъ сжечь свою жену на кострѣ. Приготовили кестёръ, зажгли и повели Бѣлоснѣжку; она захватила съ собой и свое рукодѣлье: только сорочка младшаго брата была не до-

шита, все остальное было готово. Вдруг послышался шумъ въ воздухѣ — прилетѣло двѣнадцать дикихъ утокъ, всякая ухватила свое платье въ носикъ и накинула на себя, и въ ту же минуту всѣ двѣнадцать превратились въ королевичей; только у меньшаго брата, вѣсто лѣвой руки, осталось утиное крыло. Срокъ испытанія кончился; Бѣлоснѣжка могла говорить, плакать и смѣяться; истина открылась и злоба мачихи была наказана ¹⁾). Съ перваго взгляда свидѣтельство этой сказки какъ-бы противорѣчитъ сдѣланнымъ нами выводамъ: не совлеченіе, а напротивъ накладываніе верхнихъ покрововъ возвращаетъ превращеннымъ королевичамъ ихъ настоящіе образы. Но взглянемъ ближе, и мы увидимъ, что никакого противорѣчія не существуетъ. По древнему представленію, тѣло есть одежда (*lik-ham*), въ которую облакается безсмертный духъ на извѣстное время; это — та жизненная сорочка, изготовляемая двумя судьбы, въ какой является на божій свѣтъ новорожденное дитя (см. стр. 359—360). Отсюда возникло вѣрованіе, что душа можетъ мѣнять свой тѣлесный покровъ, воплощаться то въ одну, то въ другую форму. Вотъ почему какъ набрасываніе мохнатой шкуры или пернатой сорочки (т. е. звѣриной или птичьей тѣлесной оболочки) превращаетъ человѣка звѣремъ и птицею, такъ точно набрасываніе людской одежды (= *körperhemd, fleischgewand*) должно возвращать оборотню образъ и подобіе человѣка ²⁾). По народному убѣжденію, если унести человѣческое платье оборотня, то онъ уже не въ силахъ будетъ заста-

¹⁾ См. подобныя-же сказки въ собраніи Грим., 9, 25, 49, 93; Вольфъ, 217—224; *Zeitsch. für D. M.*, I, 310—5; *Westsl. Märch.*, 112—6; *Slov. pohad.*, 275—295; сб. Валаца, 218—221: „*Mati zaklela sine na gavrane*“. — ²⁾ *Germ. Mythen*, 691: „*Da nannte man hamaz das Gewand umziehen, die Verwandlung hiess hamaz kipti*“.

новить свой прежній образ и останется навсегда звѣремъ; отъ того-то вѣдунъ, снимая одежду — съ цѣлю перекинуться въ звѣра, старается запрягать ее такъ, чтобы никто не могъ найти и овладѣть ею. Въ старинной французской повѣсти (*Lai du Bisclavaget*—XIII в.) рассказывается объ одномъ рыцарѣ, проживавшемъ въ Бретани; каждую недѣлю онъ уходилъ отъ своей молодой жены, раздѣвался донага, пряталъ снятое платье, и превращаясь въ волка, въ теченіи трехъ дней оставался въ лѣсу. Коварная жена выпытала отъ мужа тайну, и похитила его платье; съ тѣхъ поръ онъ рыскалъ волкомъ и не прежде сдѣлался человѣкомъ, какъ получивъ обратно свою похищенную одежду ¹⁾. Возвращаемся къ Бѣлоснѣжкѣ и ея братьямъ: возстановленіе человѣческаго образа совершается при посредствѣ тонкой, вытканной изъ пуха цвѣтовъ сорочки. Въ нѣмецкой редакціи героиня, чтобы избавить братьевъ, превращенныхъ вѣдьмою въ лебедей, приготовляетъ для нихъ сорочки изъ цвѣтовъ *sternenblumen* ²⁾; а въ хорутанской редакціи братья-водроны требуютъ отъ сестры рубашекъ *iz samih perlov i dragih kamenov, i da pod ovim časom dok bude ove rubače delala, z nikem se ne bi spominjala* ³⁾. Эти сорочки тождественны съ тѣми чудесными нарядами, блистающими какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, о которыхъ упоминаютъ другія народныя сказки (I, 787—8).

¹⁾ Кавъ-то охотился король; собаки наслѣдили Бисклаварета и страшно его искушали. Увидя короля, волкъ подбѣгаетъ къ нему, цѣлуетъ его ноги и проситъ внакиви о пощады. Король взялъ волка съ собою и держалъ въ своей опочивальнѣ; волкъ былъ кротокъ, какъ агненокъ, и только однажды обнаружилъ зѣвское башенство, росквашивъ на королевскомъ праздникѣ на свою бывшую жену и откусивъ у нея носъ. Это возбудило подозрѣніи; прозвезла допросъ, и виновная жена вынуждена была признаться и возвратитъ рыцарю его платье — О. З. 1860, X, 680—2; D. Myth., 1050. — ²⁾ Сказ. Грим., 49. — ³⁾ Сб. Валаица, 219.

Одѣты во время зимы въ животненныя шкуры, небесныя боги просвѣтляются съ возвратомъ весны — рядятся въ блестящія, свѣтозарныя одежды, и съ тѣмъ вмѣстѣ снова обрѣтаютъ тѣ прекрасныя человѣкоподобныя формы, въ какихъ обыкновенно олицетворяла ихъ фантазія. Этотъ счастливый исходъвозможенъ только подѣ условіемъ, чтобы сказочная героиня не плакала, не смѣялась и не говорила цѣлыя семь лѣтъ ¹⁾, т. е. освобожденіе наступаетъ не прежде, какъ по истеченіи семи зимнихъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ дѣва Зоря (= царевна Несмѣяна) не плачетъ — не роняетъ росы и не смѣется — не рассыпаетъ розовыхъ, золотистыхъ лучей; въ ту же печальную пору она, какъ богиня весеннихъ грозъ, пребываетъ безчувственной и немойю — не льетъ дождевыхъ слезъ и не вѣщаетъ громовыхъ глаголовъ.

Приписывая превращенія вліянію злаго колдовства и въ то же время признавая души человѣческія за существа стихійныя, способныя мѣнять свои тѣлесныя одежды (см. стр. 230, 301), предки наши пришли къ убѣжденію, что колдуны, вѣдьмы и нечистые духи, могутъ превращать людей въ различныхъ животныхъ. Убѣжденіе это глубоко вкоренилось у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и вызвало множество любопытныхъ сказаній. На Руси думаютъ, что колдунъ, зная имя человѣка, можетъ по собственному произволу сдѣлать его оборотнемъ; а потому имя, данное при крещеніи, необходимо утаивать и называться инымъ, вымышленнымъ. Въ пылу злобы и мщенія колдуны и вѣдьмы творятъ чары и оборачиваютъ своихъ недруговъ навсегда или на извѣстный срокъ звѣрями. На Украинѣ и въ Бѣлоруссіи такихъ невольныхъ оборотней называютъ вовкулаками, потому что всего чаще ихъ представляютъ въ видѣ волковъ. Это — болѣе страждущія, чѣмъ злоредныя существа; они живутъ въ берлогахъ, рыскаютъ по лѣ-

¹⁾ D Myth., 1052.

самъ, воютъ по волчьи, но сохраняютъ человѣческій смыслъ и почти никогда не нападаютъ на деревенскія стада; только нестерпимый голодъ можетъ понудить ихъ искать себѣ пищи. Нерѣдко бродятъ они возлѣ роднаго села, и когда заведутъ человѣка, смотрятъ на него такъ жалостливо, какъ будто умоляютъ о помощи; случалось замѣчать при этомъ, что изъ глазъ бѣднаго вовкулака струились въ три ручья слёзы; сыраго мяса, которое ему предлагаютъ, онъ не беретъ, а брошенный кусокъ хлѣба поѣдаетъ съ жадностью. Одинъ пригожій юноша презрѣлъ любовь вѣдьмы, и вскорѣ его постигло жестокое ищеніе: разъ поѣхалъ онъ за дровами, остановился въ лѣсу, взялся за топоръ и только что замаяхнулся на дерево — какъ руки его превратились въ волчьи лапы, а затѣмъ и весь онъ покрылся мохнатою шкурою; несчастный бросился къ своимъ воламъ, но тѣ въ испугѣ шарахнулись въ сторону; хотѣлъ было остановить ихъ своимъ голосомъ, но вмѣсто людской рѣчи раздавался протяжный дикій вой. Другая вѣдьма обратила волкомъ своего сосѣда, который впоследствии, когда освободился отъ заклятія, рассказывалъ, что, будучи оборотнемъ, онъ подружился съ настоящимъ волкомъ, ходилъ съ нимъ на добычу, и хотя чувствовалъ себя человѣкомъ, но не могъ выражать своихъ мыслей словами, а вылъ по-волчьи ¹⁾. Выше указано, что въ лѣтнихъ грозахъ древній человѣкъ созерцалъ свадебное торжество, брачный союзъ, въ который богъ громовникъ вступалъ съ облачными нимфами. Чтобы воспрепятствовать этому благодатному союзу, злая вѣдьма Зима накидывала на нихъ волчьи шкуры, т. е. оцѣпняла стужою и лишала плодотворящаго сѣмени дождя. Отсюда родилось повѣрье, что колдуны и вѣдьмы всего чаще оборачива-

¹⁾ Москв. 1846, XI—XII, 152; Кулишъ, II, 35—36; Приб. къ Ж. М. Н. II. 1846, 8—9; Рус. Вѣст. 1842, V—VI, 123; Свар. 1856, XII, 194; Пов. и пред., 91—96.

ють въ волковъ или собакъ новобрачную чету и свадебныхъ поѣзжанъ ¹⁾. Въ числѣ вѣдовскихъ грѣховъ народный стихъ ушонинаетъ:

По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрями оборачивала ²⁾.

У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что нѣкогда праздновалась свадьба, и вдругъ неожиданно-негаданно среди шумнаго веселья, женихъ и всѣ прочіе мужчины были превращены чародѣемъ въ волковъ, женщины — въ сорокъ, а невѣста — въ кукушку; съ той самой поры эта горемычная кукушка носитъ слѣдомъ за своимъ суженымъ и роняетъ несчетныя слезы; тамъ, гдѣ она пролетаетъ, текутъ ручьи и растетъ трава, известная подъ названіемъ «кукушечьихъ слѣзъ» ³⁾. Скандинавская миеологія заставляетъ волковъ сопутствовать богу побѣдъ; а потому шведы появленіе вовкулаковъ связываютъ съ военной грозой. Когда, во время послѣдней войны Швеціи съ Россіей, около Кальмара появилось множество волковъ, то между окрестными жителями пронесся слухъ, что эти волки суть шведскіе плѣнники, превращенные чарами непріятеля въ звѣрей и посланные опустошать свое собственное отечество ⁴⁾. По указанію старинной былины, чародѣйка Марина, полюбившица Змѣя Горынычъца, превратила девять богатырей быками, а десятого — Добрыню гнѣдымъ туромъ-золотые рога ⁵⁾.

Средства, употребляемыя колдунами и вѣдьмами для превращенія людей въ животненныя образы, сходятся съ тѣми, силою которыхъ они сами становятся оборотнями. Средства эти

¹⁾ Иллюстр. 1845, 183; Киев. Г. В. 1845, 16. — ²⁾ Лѣт. рус. лѣт., кн. II, 156. — ³⁾ Иллюстр. 1846, 149 — ⁴⁾ Zeitsch. für D. Myth., IV, 197. — ⁵⁾ При этомъ Марина похвалялася: «а и вѣтъ меня хитрѣе, мудрѣе». Но сыскалася волшебница похитрѣе ее: «я не хвастаю, сказала она, а хочешь — оберну тебя сукою!» — Кирша Дан., 66—69; Нар. Сказ. Сахарова, 30—36

слѣдующія: а) набрасываніе звѣриной шкуры. Крестьяне увѣряютъ, что въ старые годы случалось, снимая шкуру съ убитой волчицы или медвѣдицы, находить подъ нею бабу въ сарафанѣ. Есть разсказъ, что на охотничьей облавѣ убили трехъ волковъ, и когда стали снимать съ нихъ шкуры, то подъ первую нашли молодого жениха, подъ вторую — невѣсту въ ея вѣнчалномъ уборѣ, а подъ третьей — музыканта со скрипкою ¹⁾). Однажды пристала на дорогѣ къ извозчикамъ черная собака — такая умная, что всѣмъ на диво! что ни скажутъ ей — все понимаетъ, только говорить не умѣетъ. «Ужъ не оборотень ли это?» подумали извозчики и показали собаку знахарю. Тотъ сейчасъ узналъ, что собака — не простая, и говоритъ имъ: «истопите баню, какъ можно жарче, и тащите туда черного пса, положите на полокъ и парьте такъ, чтобы шкура долой слѣзла; слѣзетъ шкура — человѣкъ будетъ!» Извозчики такъ и слѣзали: ошпарили оборотня, шкура слѣзла — и сталъ передъ ними знакомый парень изъ соседней деревни; начали его спрашивать, и узнали, что его оборотила собакою старая колдунья ²⁾). Разсказъ этотъ любопытенъ, какъ отголосокъ древняго представленія, что облачныя шкуры исчезаютъ въ потокахъ дождя — въ грозовой банѣ. — б) Волшебная на уза. Чтобы превратить свадебное сборище въ стаю волковъ, колдуны берутъ столько ремней или мо-

¹⁾ Семеновск., 142; Абев., 80; Иллюстр. 1845, 415; Н. Р. Лег., стр. XI: медвѣдь, говорить поселяне, былъ прежде человѣкомъ. Когда-то встарину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, надѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли помедвѣжьи. Тогда апостолы сказали: „щобъ же вы рвали отныни и до века!“ Съ той самой поры и стали они медвѣдями. — ²⁾ Чудинск., 115—6; сравни Н. Р. Ск., VIII, стр. 678—9.

чалокъ, сколько нужно оборотить лицъ; нашептываютъ на нихъ заклятія, и потомъ этими ремнями или мочалами подпоясываютъ обреченныхъ, которые тотчасъ-же и становятся вовкулаками. Такой оборотень не иначе можетъ получить прежній человѣческій образъ, какъ развѣ въ томъ случаѣ, когда чародѣйный поясъ изотрется и лопнетъ; но и послѣ избавленія долгое время бываетъ дикъ, сумраченъ и нескоро навываетъ людской рѣчи ¹⁾. Въ подляшской Руси рассказываютъ, что вѣдьма, съ цѣлю обратити свадебный поѣздъ въ волковъ, скрутила свой поясъ и положила его подъ порогъ избы, гдѣ праздновалась свадьба, и всѣ, кто только переступилъ черезъ поясъ, оборотились волками. По другому разсказу, она крутила для этого липовыя лыки, варила ихъ и приготовленнымъ отваромъ обливала поѣзжанъ. Черезъ три года вѣдьма покрыла каждаго оборотня тулупомъ (человѣческой одеждою = libhашо), и въ ту же минуту всѣ они сдѣлались людьми; только у жениха уцѣлѣлъ волчій хвостъ, потому что случайно не попалъ подъ тулупъ, брошенный вѣдьмою. По указанію славянскихъ сказокъ, вѣдьма оборачиваетъ добраго молодца конемъ, накидывая на него узду. Нѣмецкія преданія говорятъ о волчьемъ поясѣ и медвѣжьемъ ошейникѣ, чрезъ посредство которыхъ совершается превращеніе въ волка и медвѣдя (см. выше стр. 531-2); на шведскихъ островахъ новобрачные, превращенные въ волковъ, узнаются по кольцамъ, надѣтымъ на ихъ шею. Въ «Мифологіи» Гримма, приведенъ разсказъ о гусѣ-оборотнѣ, который однажды покусаясь съ другою птицею, и та сорвала ему съ шеи волшебную повязку (tuchlein); едва повязка упала — какъ въ тоже мгновеніе гусь превратился въ человѣка. Наконецъ сами колдуны и вѣдьмы, желая преобразить-

¹⁾ Ворон. Бесѣда, 195: Пов. и пред., 178-9; Lud Ukrain., II, 229.

ся въ звѣрей, набрасываютъ на себя кольцо или кувыркаютъ черезъ обручи. Польск. *przedziergnąć* — перевязать узломъ, *przedziergnąć się* (*przedzierzgnąć się*) — преобразить, принять иной видъ. По древнѣйшему воззрѣнiю, душа, облакаясь въ тѣлесную одежду, соединяется съ нею таинственною связью; какъ скоро эта связь (веревка, цѣпь или кольцо) будетъ разорвана, душа покидаетъ тѣло и остается на свободѣ до новаго воплощенiя въ ту или другую матеріальную форму (стр. 357—8). Вотъ почему всякая метаморфоза чело-вѣка (= воплощенiе его души въ звѣриное или птичье тѣло) скрѣпляется наложенiемъ волшебной наузы, а возстановленiе чело-вѣческаго образа требуетъ ея снятiя. По другимъ же сказа-нiямъ, колдунъ или вѣдьма не прежде можетъ превратить чело-вѣка въ звѣря, какъ снявши съ него поясъ, т. е. разрѣшивъ ту связь, которая существуетъ между его душою и чело-вѣческимъ тѣломъ. Въ романской и нѣмецкой средневѣковой литературѣ встрѣчаемъ преданiе о рыцарѣ-лебедѣ. Молодой витязь женился на вѣщей красавицѣ (валькирин), и она родила ему шесть сыновей и одну дочь; у всѣхъ мальчиковъ на шеяхъ было по золотому ожерелью. Злая свекровь велѣла подмѣнить дѣтей щенятами. Обманутый мужъ зарываетъ невинную жену по поясъ среди двора; надъ головою ея поставили лоханъ, въ которой дворочья челядь мыла свои руки и отирала ихъ прекрасными волосами несчастной женщины. Такъ пребыла она цѣлыя семь лѣтъ. Между тѣмъ дѣтей ея прiютитъ нѣкій пустынный, а робкая лань вскормила ихъ своимъ молокомъ. Когда они выросли, злая свекровь послала слугу снять съ нихъ золотыя ожерелья; слуга пришелъ на рѣку: шестеро братьевъ, въ видѣ лебедей, плавали и рѣзвились по водѣ, а сестра сидѣла на берегу; тутъ-же лежали и золотыя цѣпи. Слуга захватилъ цѣпи и принёсъ въ замокъ; свекровь прика-зала сковать изъ нихъ кубокъ. Но кузнецъ употребилъ въ

дѣло только одну цѣпь, а прочія спрятали. Мальчики-лебеди, лишенные ожерельевъ, уже не могли возстановить свои человѣческія формы; они полетѣли на озеро, къ замку своего отца, а вслѣдъ за ними пошла и сестра. Обстоятельства слагаются такъ, что отецъ узнаетъ своихъ дѣтей, освобождаетъ красавицу-жену и караетъ преступную мать. Отданныя кузнецомъ ожерелья возвращаютъ пятерымъ сыновьямъ ихъ человѣческіе образы, и только шестой, ожерелье котораго было уничтожено, остался навсегда лебедемъ ¹⁾. — с) Народныя сказки свидѣлствуютъ еще, что колдуны и вѣдьмы превращаютъ людей различными звѣрами и птицами, ударяя ихъ зеленымъ прутикомъ, палкою или плетью (кнутомъ-самобоемъ ²⁾). Такое вѣрованіе раздѣлялось и греко-италійскимъ племенемъ. Знаменитая чародѣйка Цирцея быстрымъ ударомъ жезла оборотила въ свиней спутниковъ Одиссея; Пикъ былъ наказанъ превращеніемъ въ дятла: едва волшебница коснулась его тростью, какъ онъ тотчасъ-же сдѣлался пестрокрылою птицею ³⁾. Эта чудесная трость (wünschruthe) или плеть — эмблема молніи и указываетъ на тѣсную связь оборотничества съ грозowymi тучами; съ этой эмблемою (какъ объяснено выше — II, 423) сочетались протявоположныя представленія: съ одной стороны ударъ волшебнаго прута повергаетъ сказочныхъ героевъ въ окаменѣніе и непробудный сонъ (= зимнее оцѣпенѣніе), а съ другой — призываетъ ихъ къ жизни (= къ весеннему творчеству). Тоже двоякое значеніе придается удару волшебнаго прута и въ преданіяхъ о

¹⁾ Штеби, 140, Н. Р. Ск., VII, 36, с; Ильячъ, 290, Germ. Mythen, 693-6; D. Myth., 399-401, 1049-1052; Nord. Märchenbuch, 107; O. Z. 1860, X, 649 — ²⁾ Такъ колдунъ и его любовница превращаютъ мужа въ кобеля, дятла, воробья и чернаго ворона; тѣмъ-же способомъ самъ колдунъ былъ превращенъ въ жеребца, а его любовница — въ козу или кобылицу — Н. Р. Ск., VIII, 22, 26. — ³⁾ Одис., X; Пропвл., II, 113-4.

вовкулакахъ и оборотняхъ: имъ превращаются люди въ зѣриные образы и наоборотъ имъ-же разрушается сила заклѣтїа и превращенные возвращаются въ среду людей. На Украинѣ думаютъ, что если ударить вовкулака вилами или цѣпомъ, то онъ тотчасъ же дѣлается человѣкомъ ¹⁾, т. е. богъ-грозовникъ, ударяя своей палицей, срываетъ съ него волчью длаку (= разноситъ тучу). Оборотни, т. е. стихійные духи и тѣни усопшихъ, облеченные въ облачныя шкуры, появляются и исчезаютъ вмѣстѣ съ бурными грѣзами. Съ каждыиъ дуновенїемъ вѣтра, съ каждыиъ изввомъ молнїи и раскатомъ грома, облака и тучи мѣняютъ свои прихотливыя формы, или выражаясь метафорическимъ языкомъ: съ каждыиъ ударомъ грозовой палицы стихійные духи перекидываются, перебрасываются, кувьркаются, и тѣмъ самымъ какъ-бы переворачиваютъ или переиѣняютъ свои облачныя одежды и переходятъ изъ одного видимаго (тѣлеснаго) образа въ другой. Для того, чтобы обозначить актъ превращенїа, народныя сказки и пѣсни употребляютъ выраженїа, указывающїа на быстрое движенїе, стремительный ударъ и круговой поворотъ: «молодецъ ударился оземъ и оборотился собакою»; «колдунъ хлопнулся о сырую землю, сдѣлался сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню», «перекинулся медвѣдемъ, жеребцомъ, добрымъ молодцемъ», «перекинула ся въ свву зозуленьку»; «колдунъ можетъ окинуться и въ кошку, и въ собаку»; пол. *przewie rzgnąć* и *przerzucić* — перекинуть, перебросить, перевернуть, *przewie rzgnąć się*, *przerzucić się*, *przekinać się* — превратиться во что, измѣнить свой образъ; въ томъ-же смыслѣ употребительны серб. *проврћи* (провргнем) *се* и *прометнути се* (сравни: метать, переметчикъ, опрометвыя лица—стр. 301): «проврже се пријем жагѣтомъ», «ах да ми се бувои прометнути!» ²⁾

¹⁾ Lud Ukrain., II, 228; Семеньск., 142—3. — ²⁾ Н. Р. Ск., V, 22; VI, 45; Труды моск. археол. общ., I, в. 2, 241—2.

Въ ближайшемъ сродствѣ съ вѣдунами, вѣдьмами и оборотнями стоятъ упыри или вампиры. Названіе это, упоминаемое въ Павсевскомъ сборникѣ (-а переже того клали требу упиремъ и берегнннмъ), и донынѣ извѣстно почти во всемъ славянскомъ мірѣ. У насъ повѣрья о злобныхъ, блуждающихъ упыряхъ преимущественно уцѣлѣли на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи; это — мертвецы, бывшіе при жизни своей колдунами, вовкулаками и вообще людьми, отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями. Впрочемъ, и въ губерніяхъ великорусскихъ несовсѣмъ исчезло воспоминаніе объ этихъ загробныхъ выходцахъ. По указанію словарей, упырь — колдунъ, превращающійся волкомъ, челоуѣкъ съ хвостомъ ¹⁾. По мнѣнію малоруссовъ, упыри нарождаются отъ блудной связи вовкулака или чорта съ вѣдьмою ²⁾, и народная пословица утверждаетъ: «упиръ и неперній уснмъ видьмамъ родичъ кривнн» ³⁾. Въ глухую полночь выходя изъ могилъ, гдѣ лежать они нетлѣнными трупами, упыри принимаютъ различныя образы, летаютъ по воздуху (харьков. губ.), рыщутъ на коняхъ по окрестностямъ, поднимаютъ шумъ и гамъ и пугаютъ путниковъ, или проникаютъ въ избы и высасываютъ кровь изъ сонныхъ людей, которые вслѣдъ затѣмъ непременно умираютъ; особенно любятъ они сосать кровь младенцевъ. Если сложенные накрестъ руки упыря околѣтели конь не въ состояніи ихъ развести, то прибѣгаетъ къ помощи зубовъ; а зубы у него — словно стальные клыки и сокрушаютъ всякія преграды ⁴⁾. Прогрызая двери, онъ прежде всего бросается къ зыбкѣ, высасываетъ кровь ребенка, и потомъ уже нападаетъ на взрослыхъ. Предразсвѣтныи крикъ

¹⁾ Обл. Сл., 239; Труды общ. любит. рос. слов., III, 320. —

²⁾ Маркович., 78 - 79. — ³⁾ Номис., 4. — ⁴⁾ Иличь, 294: у вуходазковъ желѣзные зубы.

пѣтуховъ заставляетъ упыря мгновенно исчезать, или повергаетъ его окровавленнаго наземь — въ совершенномъ безчувствіи. Посыпая полъ около постелей мелкою солью, замѣчаютъ поутру слѣды ногъ, оставляемые ночнымъ гостемъ; а раскапывая его могилу, находятъ въ ней мертвеца съ свѣжимъ румянцемъ на щекахъ и съ запекшеюся на устахъ кровью¹⁾. Въ тамбовской губ. ²⁾ можно услышать слѣдующій рассказъ: ѣхалъ мужикъ мимо кладбища, а ужъ стемнѣло. Нагоняетъ его незнакомецъ въ красной рубахѣ и новомъ полушубкѣ; «остановись! говоритъ, возьми меня въ попутчики». — Изволь, садись! Приѣзжаютъ они въ село, подходятъ къ тому-къ другому дому: хотъ ворота и настежь, а незнакомый говоритъ: «заперто!» — потому что на тѣхъ воротахъ кресты выжжены. Подходятъ къ крайнему дому, ворота на запорѣ и замкъ въ полпуда висить, но креста нѣту — и ворота сами собой отворяются. Вошли въ избу; тамъ на лавкѣ спятъ двое: старикъ да молодой парень. Незнакомецъ взялъ ведро, поставилъ позади парня, ударилъ его по спинѣ — и тотчасъ спина открылась и полилась алая кровь; нацѣдилъ полное ведро и выпилъ. Затѣмъ другое ведро крови нацѣдилъ онъ изъ старика, утолилъ свою звѣрскую жажду, и говоритъ мужику: «ужъ свѣтаетъ! пойдѣмъ теперь ко мнѣ.» Въ одинъ мигъ очутились они на кладбищѣ. Упырь обхватилъ было мужика руками, да на его счастье пѣтухи зацѣли — и мертвецъ сгинулъ. Наутро смотрятъ: и молодой парень, и старикъ — оба померли. По другому рассказу ³⁾ колдунъ-мертвецъ является на свадьбу, вынимаетъ два пузырька, ранитъ шильцемъ руки жениха и невесты и точитъ изъ нихъ горячую кровь. Болгары убѣждены, что, по смерти злодѣевъ, грабителей и

¹⁾ Маркевич., 78 - 79; О. З. 1848, IV, 146; Москв. 1853, V, 14; Zeitschr. für D. Myth., IV, ст. Маннгардта, 264. — ²⁾ Тамб. Г. В. 1857, 4 — ³⁾ Н. Р. Св., V, 30, d.

вообще людей съ порочными -наклонностями, въ тѣлѣ ихъ. вселяются нечистые духи, и они становятся вампирами. Увѣряютъ еще, что если кошка перепрыгнетъ черезъ покойника, когда онъ лежитъ въ избѣ, то умершій непременно сдѣлается вампиромъ; поэтому во все время, пока не похоронятъ покойника, при немъ находится одинъ изъ родичей и заботливо оберегаетъ его отъ такого несчастья. Спустя сорокъ дней послѣ кончины человѣка, злой духъ, поселившійся въ его трупѣ, начинаетъ выходить изъ могилы, бродитъ по домамъ и сосетъ кровь изъ ушей младенцевъ и взрослыхъ. Какъ только пронесется молва о загробномъ выходцѣ, поселяне собираются на вочь по нѣскольку семействъ въ одну избу, и двое изъ мужчинъ поочередно караулятъ до самаго разсвѣта; если кто-нибудь во снѣ станетъ сильно храпѣть или стонать отъ удушья, то стоящіе на стражѣ немедленно будятъ всѣхъ и принимаются искать вампира. Этотъ злой жертвецъ нерѣдко появляется въ образѣ варколака, бросается на женщинъ и вступаетъ съ ними въ блудную связь; рожденные отъ него дѣти бываютъ безъ хряща въ носу (отличительный признакъ и самаго варколака—сравни стр. 239) и обладаютъ способностью видѣть духовъ. Чтобы избавитися отъ вампира, его заклинаютъ войти въ кувшинъ; послѣ закланія горло кувшина затыкаютъ пробкою, и затѣмъ отправляются на избранное мѣсто; тамъ зажигаютъ нѣсколько воевъ дровъ и дѣрну и бросаютъ кувшинъ въ средину пламени: когда сосудъ раскалится и лопнетъ съ сильнымъ трескомъ, «народъ успокоиваетъ себя мыслию, что вампиръ уже сгорѣлъ»¹⁾). Точно также и сербы отождествляютъ вампира съ вукодлакомъ. По словамъ Караджича, вукодлаккомъ называется человѣкъ, въ котораго спустя сорокъ дней послѣ его кончины входитъ дьявольскій духъ и оживляетъ его безчувствен-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 206 . 8

ное тѣло («повампиря се»). Вставая изъ гроба, онъ бродить по ночамъ одѣтый въ саванъ («с покровом на рамену»), прокрадывается въ избы, давить спящихъ людей и пьетъ възъ нихъ кровь, отчего эти несчастные не только умираютъ, но и самъ становятся вампиромъ (кровососами). Каждый покойникъ можетъ «повампириться», если черезъ него перелетитъ птица или перескочитъ какое-нибудь животное ¹⁾; потому сербы и считаютъ священной обязанностью наблюдать, чтобы ничего подобнаго не случилось съ ихъ усопшимъ родичемъ. Упитанный человѣческой кровью, вукодлакъ лежитъ въ могильной ямѣ — тучный, раздутый и румяный. Иногда вукодлакъ является къ своей овдовѣвшей женѣ (особенно если она молода и красива) и спитъ вмѣстѣ съ нею; говорить, «да оно дижете нема костину ²⁾», које се роди с вукодлакомъ». Вампиръ можетъ проникать въ домъ сквозь всякую щель, и потому запираеть отъ него двери также бесполезно, какъ и отъ вѣдьмы ³⁾. Словенцы и кашубы называютъ упырей вѣщми и (vieszy), т. е. признають ихъ вѣдунами и вѣдьмами; а сосѣдніе съ кашубами нѣмцы даютъ имъ прозванія begierig, unbegier и blutsauger. «Вѣщій» — это человѣкъ, рождающійся на свѣтъ съ зубами в или въ сорочкѣ; когда онъ умираетъ, лицо его сохраняетъ яркой румянецъ, а лѣвый глазъ остается открытымъ. Къ покойникамъ, у которыхъ замѣтны эти признаки, простолюдины относятся съ чувствами невольнаго страха и озлобленія. На Руси и въ Германіи существуетъ примѣта, по которой открытыя очи мертвеца высматриваютъ какъ бы увлечь кого-нибудь въ могилу

¹⁾ „...ako да преко њега мѣрта прелети каква тица или друго какво живинче пријеће“; по указанію Илича (стр. 294), надо заботиться, чтобы черезъ мертваго не перескочили kokoй, mačka и рњето. — ²⁾ Не имѣеть костей. — ³⁾ Срп. рјечникъ, 79; Вѣст. Евр. 1829, ХХІV, 254—5.

(I, 42—43); оскаленные зубы мертвеца и румянецъ на его щекахъ указываютъ въ немъ вампира. По рассказамъ кашубовъ, зарытый въ землю вампиръ, пробуждаясь отъ могильнаго сна, начинаетъ грызть свои руки и ноги, и покуда онъ грызётъ — одинъ за другимъ заболѣваютъ и умираютъ сперва его родственники, а потомъ и другіе обыватели. Когда вампиръ изглохнетъ свое собственное тѣло, онъ встаетъ въ полуночный часъ изъ гроба, отправляется въ стадо и губитъ крестьянской скотъ, или взбирается на колокольню и принимается звонить: всякой, кто услышитъ этотъ звонъ, дѣлается добычею смерти. Но чаще всего вѣщія мертвецы являются ночью въ домъ, подстузаютъ къ соннымъ людямъ и высасываютъ изъ нихъ кровь, а насытившись, возвращаются въ могилы. Тотъ, кого сосалъ «вѣщій», уже не пробудится больше: поутру находятъ его въ постели мертвымъ, съ маленькою, едва замѣтною ранкою на лѣвой сторонѣ груди, прямо противъ сердца, или съ очевидными знаками укушенія на лѣвомъ грудномъ соскѣ. Если разрыть могилу вампира (хотя бы черезъ годъ послѣ его погребенія), то легко убѣдиться, что заключенный въ ней мертвецъ не подвергается тлѣнію, что руки и ноги его страшно-изгрызены, а губы обгарены свѣжею кровью ¹⁾. Подобныя басни обращаются и между поляками, чехами и другими славянскими племенами (пол. *upior*, *upig* и *upierzusa*, чеш. *upig* и *uprčice*); марлаки и далматинцы рассказываютъ о вакодлакахъ, сосущихъ кровь младенцевъ ²⁾; истриане называютъ упыря *střígon*; по лужицкому повѣрью, когда мертвецъ принимается жевать свой саванъ или сосать собственную грудь, то вслѣдъ за нимъ сходятъ въ могилу и всѣ его родственники;

¹⁾ Zeitsch. für D. Myth., IV, 259—264, 274; Этн. Сб., V, ст. Гильс-сертинга, 69—70; 133. — ²⁾ Вѣст. Евр. 1823, XXIII—IV, 200; Москва. 1853, V, 14.

поляки также приписывают упырям пожирание погребальных одежд и покровов¹⁾. Преданія о вампирах не составляют исключительной принадлежности славянъ; они распространены почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и должны быть возведены къ древнѣйшей эпохѣ племеннаго единства. Валахи знаютъ вампировъ подъ именами *шпгопу* и *priscolitsch*. *Migony*, по ихъ мнѣнію, — духъ умерщвленнаго вампиромъ, или существо, рожденное отъ любовѣйной связи; днемъ покоится онъ въ могилѣ, а ночью прилетаетъ къ людямъ, питается ихъ кровью и принимаетъ различные образы, превращаясь въ собаку, кошку, жабу, лягушку или кровососныхъ насекомыхъ (вошь, блоху, клопа, паука). Разрывая его могилу, находятъ въ ней цѣльный, неистлѣвшій трупъ, изъ глазъ, ушей, носа и рта котораго струится свѣжая кровь, а на рукахъ и ногахъ видны недавно-выросшіе ногти. *Priscolitsch* — оборотень, являющійся въ образѣ собаки; въ ночное время онъ рыщетъ по лѣсамъ, пастбищамъ и селамъ, умерщвляетъ своимъ прикосновеніемъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней, и упивается ихъ кровью. Новые греки смѣшиваютъ вампировъ съ *вокулаками*. Злые демоны, овладѣвая трупами усопшихъ подъ церковнымъ проклятіемъ, одушевляютъ этихъ мертвецовъ, дѣлаютъ ихъ оборотнями (*βουρχβλαχες*), и чрезъ нихъ посредствомъ распространяютъ повсюду свое губительное вліяніе. *Βουρχβλαχες* бѣгаютъ ночью по улицамъ, стучатся въ двери домовъ и выкликаютъ имена мѣстныхъ жителей; кто отзовется на ихъ окликъ — тотъ немедленно умираетъ, подобно тому, какъ, по славянскимъ преданіямъ, всѣ отозвавшіеся на голосъ Моровой дѣвы гибнутъ отъ заразы. Въ Германіи существуетъ повѣрье, что съ кончиною *ребевка*, рожденнаго съ зубами во рту, начи-

¹⁾ Zeitsch. für D. M., IV, 265—9.

вается всеобщая, повальная смертность; существуют также сказанія о мертвецахъ, которые, лёжа въ могилахъ, грызутъ свое собственное тѣло и одежды, а по ночамъ выходятъ изъ гробовъ, давятъ сонныхъ и наохлаютъ на окрестное населеніе морь ¹⁾. Чудовищный Грендель, о которомъ упоминаетъ поэма о Беовульфѣ и который приходилъ ночью сосать кровь изъ жила спящихъ воиновъ, вполне соответствуетъ жаднымъ вампирамъ и вовкулакамъ; мать Гренделя носила прозваніе волчицы (II, 696). Як. Гриммъ указываетъ подобное-же свѣдѣтельство въ одной изъ древне-сѣверныхъ сагъ ²⁾.

Слово ваѣ-пиръ — упырь (упиръ, впиръ, женск. ваѣ-пѣра, упирѣца, упирѣна, уѣпирѣ) доселѣ не объяснено надлежащимъ образомъ; изслѣдователи сближаютъ его съ литовскимъ *wešpti* — пить (*ašti wešpti* — потягивать брагу, *wešpti*, *wašpiti* — ворчать, бурлить, бормотать), или производятъ отъ корня *pi* (пить), съ приставкою *u—av*, *va*. Если принять это производство, то вампиръ будетъ означать опойцу, существо, которое впивается въ живое тѣло и сосетъ изъ него кровь, какъ пьявка. Хорутане именуютъ вампира *rija wisa*; о человекѣ съ краснымъ отъ опьяненія лицомъ сербы выражаются: «дрвен као вампир»; и сербы, и словаки горькаго пьяницу обзываютъ *vlkodlak*'омъ ³⁾. Это, существенное, характеристическое свойство упыря роднитъ его съ змѣемъ (смокомъ), высасывающимъ изъ своихъ жертвъ молоко и кровь, и съ великаномъ Опивалою. Первоначально модъ именемъ упыря предки наши должны были разумѣть грозоваго демона, который сосетъ тучи и упивается дождевою влагою; ибо въ древнѣйшихъ мненческихъ сказаніяхъ дождь

¹⁾ Ibid., 270 - 6 279 - 282; Шоттъ, 297 - 8. — ²⁾ D. Myth., 969. — ³⁾ Изв. Ах. Н., I, ст. Милуцк., 113; Zeitsch. für D. M., IV, 197- 201; Часопись чешск. музея 1840, III, 242; Москв. 1853, V, 6.

уподоблялся крови, текущей въ жилахъ облачныхъ духовъ и животныхъ. Очевидно, высасываніе крови вампирами есть тоже самое, что высасываніе вѣдьмами и вовкулаками молока изъ небесныхъ кобылицъ и коровъ; мѣняются только поэтическія краски, основная же мысль в тамъ, и здѣсь — одна. Зимній холодъ, оцѣняющій дождевыя тучи, повергаетъ творческія силы природы усыпленію, смерти, проклятію; богъ-громовникъ и молніеносные духи — сосуны дождей скрываются въ облачныхъ подземельяхъ и засыпаютъ въ гробахъ-тучахъ (I, 579; II, 440). Но эта смерть — временная; съ возвратомъ весны они пробуждаются, встаютъ изъ гробовъ и начинаютъ сосать молоко или кровь, т. е. живительный дождь, изъ облаковъ, усыпленныхъ чарами Зимы. Сосутъ они по ночамъ, т. е. во мракъ грозныхъ тучъ, которыя, облекая со всѣхъ сторонъ небо, претворяютъ свѣтлый день въ темную ночь; съ возгласомъ пѣтуха (= знаменіе утренняго разсвѣта и громовыхъ ударовъ, разсѣивающихъ тучъ) духи эти немедленно исчезаютъ. Вампиръ можетъ высасывать жизненные соки (читается кровью), не только являясь въ домъ и нападая на сонныхъ; той-же цѣлѣмъ достигаетъ онъ, терзая собственное тѣло острыми, желѣзными зубами, или принимаясь жевать свой саванъ, а по кашубскому повѣрью — и тогда, когда ударяетъ въ колоколъ. Саванъ въ данномъ случаѣ есть туманный, облачный покровъ, облекающій молніеноснаго духа — та тѣлесная риза, въ которой пребываетъ пламенная душа усопшаго; желѣзный зубъ есть метафора молніи, а звонъ — громовыхъ раскатовъ. Такимъ образомъ пробужденная молнія начинаетъ грызть облако, какъ свое тѣло или свой саванъ, и точитъ изъ него живую воду дождя, или выражаясь поэтически: упивается горячею кровью. Замирая на зиму, духи-вампиры лежатъ въ гробахъ-тучахъ негнѣнными мертвецами, — подобно тому.

какъ въ дѣйствительности трупы усопшихъ, покоясь въ землѣ, охваченной зимнею стужею, не разлагаются до наступленія теплой весны. Въ русскомъ народѣ донинѣ удерживается суевѣрное убѣжденіе, что колдуны, вѣдьмы, опойцы и вообще люди, предавшіеся злему духу, проклятые или отлученные отъ церкви, по смерти своей, не гніютъ, что мать-сыра земля не принимаетъ ихъ, что они выходятъ по ночамъ изъ гробовъ, бродятъ возлѣ прежняго своего жилища и являються къ роднымъ и сосѣдямъ; поэтому и называютъ ихъ погуночниками. Существуетъ разсказъ о матери, которая прокляла своего сына, и трупъ его оставался нетлѣннымъ цѣлыя сто лѣтъ; наконецъ его откопали, старуха-мать, которая еще продолжала жить, изрекла прощевіе — и въ тоже мгновеніе мертвецъ рассыпался прахомъ ¹⁾. Болгары черезъ каждыя три года разрываютъ могилы, и если найдутъ нестлѣвшіе трупы, то, признавая этихъ мертвецовъ состоящими подъ родительскимъ или священническимъ проклятіемъ, снова отпѣваютъ ихъ и возносятъ за нихъ заупокойныя молитвы ²⁾. По древнему воззрѣнію, въ шумѣ весенней грозы праздновался брачный союзъ дьявола или вовкулака съ вѣдьмою; плодомъ этого союза была летучая молнія — упырь, существо эльфическое, воздушное, всюду свободно-проникающее, и потому, по мнѣнію народа, рождаемое безъ костей ³⁾. Отсюда возникли сказанія: во 1-хъ — о плотскомъ смѣшеніи вовкулаковъ съ женщинами, и во 2-хъ — о появленіи упырей на свадьбахъ и высасываніи ими изъ жениха и невесты крови. Рядомъ съ этими мифическими представленіями необходимо поставить сербское преданіе о духѣ, излетающемъ изъ вѣдь-

¹⁾ Статист. описаніе саратов. губ. I, 59—60; Тульск. Г. В. 1852, 26; О. З. 1848, IV, 148; Маякъ, VII, 72. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 80—84. — ³⁾ Плячь, 294; Часопись чешск. музея 1863, I, 12; въ „*Mater verborum*“ vltkodlaci истолковано: incubi.

ны: «вѣштица, говоритъ Караджичъ, има у себи некакав ђаволски дух, који у сну из ње изиђе и створи се у лепира, у кокош или у ћурку, па лети по кућама и једе људе, а особито малу дјецу; кад нађе човјека гдје спава, а она га удари некаквом шишком преко лијеве сисе то му се отворе прси док извади срце и изједе, па се онда прси опет срасту. Неки тако изједени људи одмах умру, а неки живе више времена, пошто је она одсудила кад је срце једа, и онаковом смрти умру, на какovu она буде намијенила... Кад у каквом селу помре много дјеце или људи, и кад сви повичу на коју жену да је вѣштица и да их је она појела» — ту связываютъ и вѣдутъ на публичную расправу ¹⁾. Этотъ кровососный духъ называется једогоња и признается существомъ, тождественнымъ вампиру ²⁾. Когда въ семьѣ умирають дѣти, то вновь-народившагоси ребенка мать нарицаетъ Вукомъ (волкомъ): нима это даеть она подъ влїанїемъ мысли, что дѣтей у нея поѣла злая вѣщица, «а на вука да не ће смјети ударити» ³⁾. Въ одной изъ сербскихъ пѣсень спящїй мальчикъ, котораго будить сестра, отвѣчаетъ ей:

„Нека м, сејо, не могу;
Вѣштице су ме изеле;
Мајка ми срце вадила,
Стрина јој лучем светлила“ ⁴⁾.

¹⁾ Срп. рјечникъ, 66—67. Переводъ: вѣщица имѣетъ въ себѣ вѣщїй дьявольскїй духъ, который выходитъ изъ нея во время сна, превращается въ бабочку, курицу или нѣдѣйку, летаетъ по домамъ и поѣдаетъ людей, особенно младенцевъ. Находя спящаго человека, вѣщица ударяетъ его прутомъ въ лѣвый сосокъ, отрываяетъ ему грудь, достаетъ и съѣдаетъ сердце, послѣ чего грудь опять еростается. Нѣкоторые изъ этихъ лашенныхъ сердца людей тотчасъ же умирають, а другїе продолжаютъ жить столько времени, сколько присудила имъ поѣдая вѣдьма, и потомъ погибають казначебною отъ нея смертїю. — ²⁾ Ibid., 251. — ³⁾ Ibid., 78. — ⁴⁾ Срп. в. пѣсеме, I, 162; Иличь, 291—3. Переводъ: не могу, сестрица! вѣщица меня изѣла: мать вывела мое сердце, тетка ея лучиной светила.

Итакъ упырь есть порожденіе вѣдьмы, плодъ ея чрева (=—облака), или, по другому представленію, онъ — вѣчно-живая, бодрствующая душа, исходящая изъ тѣла вѣщей жены во время ея глубокаго, непробуднаго сна. Но сонъ — эмблема смерти, и въ русскомъ народѣ существуетъ убѣжденіе, что когда человѣкъ обмираетъ (лежитъ въ летаргическомъ снѣ), то душа его, вылетая на свободу, странствуетъ на томъ свѣтѣ, созерцаетъ рай и адъ, и потомъ снова возвращается въ свое покинутое, бездыханное тѣло (см. выше стр. 37 ¹). Отсюда очевидно тѣсное сродство упырей и вѣдьмъ съ душами-эльфами или марами; подобно этимъ стихійнымъ карликамъ, они незамѣтно проскользаютъ сквозь щели и замочныя скважины, налегаютъ на сонныхъ людей и причиняютъ имъ удушье (см. стр. 234-5, 476-7). Падающія звѣзды и метеоры, связь которыхъ съ представленіемъ души человѣческой достаточно объяснена выше, въ харьковской губ. принимаются за вѣдьмъ, посѣщающихъ на бѣсовскія игрища. Малоруссы вѣдму называютъ марою (стр. 446); чехи упырямъ и волкодлакамъ даютъ названія: *mógu*, *múgu*, *mogúsi*, *múgasi* (сравни волошск. *шигопу*). Появляясь ночью, *múgu* нападаютъ на спящихъ, давятъ ихъ и сосутъ кровь изъ сердца и молоко изъ женскихъ грудей; родильницы должны тщательно оберегать и себя, и своихъ дѣтей отъ злой мары, заклиная ее не приближаться къ своему ложу: «*múgo, múrol ne pristupuj k temu loži, rokad nespočítáš pisek v moři, hvězdu na nebi, sestu na zemi*». По свидѣтельству Илича, *мога*—старая баба, которая по ночамъ превращается въ муху или бабочку, прилетаетъ въ избы и душитъ людей ²). Эльфическія существа, извѣстныя въ Малороссіи подъ именемъ *мавокъ*, защековываютъ парубковъ для того, чтобы упиваться ихъ

¹) Иллюстр. 1846. 262 — ²) Часопись чешск. музея 1863, I, 11—12; Громанъ, 25—26; Иличъ, 298.

кровью ¹⁾; о навах лѣтовисъ сохранила любопытное извѣстіе, что они избивали народъ — губили его моровою язвою. Излетающій изъ вѣдмы кровососный духъ принимаетъ образъ птицы, ночного мотылька или мухи и открываетъ грудь обреченнаго на смерть челоуѣка ударомъ прута, т. е. молніи, что вполне согласуется съ русскимъ повѣрьемъ, будто упырь прокалываетъ свою жертву острымъ шильцемъ, и съ повѣрьемъ кашубскимъ, будто умерщвленный вампиромъ нѣтъ на груди маленькую рану. По нѣмецкимъ и славянскимъ повѣрьямъ, колдуны и вѣдмы выпускаютъ эльфа-бабочку изъ-подъ своихъ густыхъ, сросшихся вѣстъ бровей, т. е. молніи разитъ, какъ пламенный взоръ, сверкающій изъ-подъ нависшихъ облаковъ. О вовкулакѣ рассказываютъ, что когда онъ показывается въ челоуѣческомъ образѣ, то отличительною его примѣтою бывають сросшіяся вѣстъ брови ²⁾. Птица, мотылекъ и муха — общезвѣстная у арійскихъ племенъ представленія души, разлучившейся съ челоуѣческимъ тѣломъ. Тоже значеніе придавалъ имъ и летучей мыши (см. стр. 301); замѣчательно, что слово «вампиръ» употребляется не только въ смыслѣ загробнаго выходца, полуночника, но и въ смыслѣ летучей мыши ³⁾, которая обыкновенно прячется днемъ и показывается уже по закатѣ солнца, почему и была названа нетопыремъ *vухтє рѣс, vesperilio* (II, 385). Сверхъ того, какъ существо стихійное, душа наравнѣ съ дуоющими вѣтрами и грозвымъ пламенемъ олицетворялась собакою и кошкою. Отсюда создалось повѣрье, что мертвецъ тотчасъ-же оживаетъ и дѣлается вампиромъ, какъ скоро черезъ трупъ его перепрыгнетъ собака, кошка, или перелетитъ птица; на Украинѣ же думаютъ, что челоуѣкъ, котораго овѣтъ (= одушевить)

¹⁾ Семенск., 124; Маякъ, XV, 31—35. — ²⁾ D. Myth., 1050. — ³⁾ Москв. 1851, V, ст. Срезнев., 62.

степенной вѣтеръ, становится ушреть ¹⁾). Подобно сербскимъ вѣщицамъ, греко-италійскія стриги, нападаая на сонныхъ; вынимають трепещущее сердце, жарятъ его и съѣдаютъ, а въ-замѣнъ кладутъ въ раскрытую грудь солону или полѣно, послѣ чего человѣкъ продолжаетъ жить безъ сердца ²⁾). Румыны вѣрятъ, что чародѣи могутъ обвить сердце человеческое клубкомъ ужей или змѣй, которыя не перестаютъ сосать его до тѣхъ поръ, пока не высосутъ всю кровь до послѣдней капли ³⁾). Могучій двигатель крови и необходимое условіе жизни—сердце издревле принималось за вмѣститель души и ея способностей: мысли, чувства и воли ⁴⁾). Поэтому выраженіе: вѣдьма съѣдаетъ сердце слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что она похищаетъ у человѣка жизнь, извлекаетъ изъ него душу, обращаетъ его въ безкровный трупъ. Такое объясненіе вполне оправдывается повѣрьюми, отождествляющими вѣдьмъ съ нечистыми духами повальныхъ болѣзней и съ богиней смерти (Моровою дѣвою). Но, сверхъ этого, указанное выраженіе могло примѣняться и къ стихійнымъ явленіямъ природы: какъ «высасываніе крови» относилось первоначально къ пролтію дождя, такъ «съѣданіе сердца» могло обозначать мысль о молніеносномъ духѣ, терзающемъ внутренности, сердцевины ⁵⁾ дождевой тучи. Въ этомъ отношеніи народныя сказанія о вѣдьмахъ и вампирѣхъ сближаются съ древне-нѣмецкимъ преданіемъ о драконѣ Фаенирѣ и греческимъ мѣомъ о Прометей. Зигурдъ, побѣдитель Фаенира, вынимаетъ изъ него сердце, жаритъ на

¹⁾ Часопись чешск. музея, йгнпасту гошпук, в. III, ст. Вагнлевича: «о upřech a wid'mach», 238. — ²⁾ D. Myth., 1035. — ³⁾ Телескопъ 1833, VIII, 504. — ⁴⁾ У насъ говорится: человекъ съ сердцемъ, съ душою, съ чувствомъ, сердечный; это ему по сердцу (по желанію); Богъ проникаетъ въ глубину сердца, онъ знаетъ: у кого что на сердцѣ; сердчать — гнѣваться, и т. дал. — ⁵⁾ Срьдце, срѣдл, середина.

огнь и съѣдаетъ, и чрезъ то самое обрѣтаетъ высокій даръ предвидѣнiя, т. е. герой-громовникъ разводитъ грозовое пламя, пожигаетъ дракона-тучу или (что тоже) пожираетъ его внутренности и уливается вѣщнымъ, вдохновительнымъ напиткомъ дождя. Мнѣ о Прометѣѣ изображаетъ этого титана похитителемъ небеснаго огня; разгнѣванные боги приковали его къ скалѣ (см. I, 756-7) и послали орла, носителя Зевсовыхъ молнiй, клевать его печень ¹⁾. Та любопытная черта, что вѣдьма, пожирая сердце, замѣняетъ его обрубокѣмъ дерева или пучкомъ соломы, можетъ быть легко объяснена повѣстическимъ уподобленiемъ грозоваго пламени — во первыхъ, живому огню, добываемому изъ дерева, и во вторыхъ, костру горящей соломы; самая молнiя, какъ известно, представлялась волшебнымъ прутомъ, вѣткою и стеблемъ разрывъ-травы. Мазовецкое преданiе рассказываетъ о рыцарѣ, который долгое время славился своимъ мужествомъ и отвагою; но вотъ однажды, пользуясь его сномъ, явилась

¹⁾ Шварцъ (Sonne, Mond u. Sterne, 14—22), объясня эти преданiя, принимаетъ „сердце“ за повѣстическое обозначенiе солнца, закрытаго тучами, такъ какъ у древнихъ писателей оно называлось „сердцемъ вселенной“. Что вѣдьмамъ приписывалось пожирание солнца — объ этомъ сказаво выше. Здѣсь прибавимъ, что ребенокъ, родившiйся съ зубами, признается у венгровъ существомъ чародѣйнымъ (по мнѣнiю чеховъ, это — мѣра); когда онъ умираетъ, то въ ротъ ему кладутъ камень; въ противномъ-же случаѣ онъ проглотитъ и солнце, и мѣсяцъ. Точно также славяне кладутъ камень въ ротъ вампира, дабы онъ не могъ высасывать кровь — Zeitschr. für D. M., IV, 273. Слово упырь перешло отъ русскихъ къ татарамъ и чувашамъ; у первыхъ убыръ — колдунья, вѣдьма, у послѣднихъ забуръ — чародѣй, поводящiй луноу — Сбоева: Исслѣдов. объ инородц. казан. губ., 115. Въ яркихъ краскахъ зоря и въ преломленныхъ лучахъ солнца предки наши видѣли потоки крови, а солнечныя затмѣнiя приписывали демону, который въ образѣ волка грызетъ дневное свѣтло и точитъ изъ него горячую кровь.

вѣдьма, ударила его въ грудь осяноюю вѣткою, и когда грудь раскрылась — вынула изъ нея трепещущее сердце, а на мѣсто похищеннаго положила другое — заячье сердце. Храбрый рыцарь проснулся боязливымъ трусомъ и оставался такимъ до самой смерти. Въ Польшѣ ходилъ разсказъ о вѣдьмѣ, которая выкрала у одного крестьянина сердце и посадила ему въ грудь пѣтуха; съ тѣхъ поръ несчастный постоянно кричалъ пѣтухомъ. Основа этихъ преданій — чисто-миончская; ибо и заяцъ, и пѣтухъ принимались символами огня и сверкающихъ молній. Позднѣе, переработывая старинныя мионы, фантазія налагаетъ на нихъ печать нравственныхъ воззрѣній, и пользуется для этого всякимъ готовымъ намекомъ; такъ какъ заяцъ возбуждаетъ представленіе трусости, то отсюда въ разсказѣ о рыцарѣ съ заячьимъ сердцемъ главный интересъ сосредоточился на тѣхъ душевныхъ страданіяхъ, какія долженъ испытывать воинъ съ утратою мужества и доброй славы. Съ похищеніемъ сердца связываются и чары на любовь. По народному воззрѣнію, чувство любви охватываетъ человѣка какъ внутреннее пламя, возжигаемое въ его сердцѣ стрѣлою громовника и раздуваемое буйными вихрями (I, 448-455). Желая пробудить это страстное чувство, волшебницы вынимаютъ изъ груди юноши или дѣвicy сердце, жарятъ его и наговариваютъ любовную тоску. По справедливому замѣчанію Я. Гримма, въ связи съ этимъ повѣрьемъ должны быть поставлены и слѣдующія доселѣ-употребительныя выраженія: «она похитила мое сердце» — заставляла полюбить себя, «онъ отдалъ ей сердце» «онъ очарованъ, обворожѣнъ ею»¹⁾.

Мы знаемъ, что вѣдуны и вѣдьмы, вылавывая облачныхъ коровъ, производятъ засухи, неурожай, голодъ и моровую язву; тѣже гибельныя послѣдствія соединяетъ народъ и съ выса-

¹⁾ Пов. и пред., 29—33, 172—3. D. Myth., 1035.

сылавіемъ крови вампирами. Злому влінію упырей и вѣдьмъ приписываются какъ зимнее оцѣпенѣніе дождевыхъ тучъ, такъ и лѣтній всё-пожигающій зной. Русскіе поселяне убѣждены, что упыри и вовкулаки могутъ творить бездождіе, насылать бури, неурожай, скотскіе падежи и различныя болѣзни; тамъ, гдѣ они бродятъ, одна бѣда слѣдуетъ за другою ¹⁾. По сербскому повѣрью, вукодлакъ преимущественно показывается змюю и въ голодные годы: «У врїеме гладн често га привиѣају око воденица ²⁾, око амбара житнијех и око чардака и кошева кукурузнијех», гдѣ и поѣдаетъ заготовленный хлѣбъ и кукурузу ³⁾. Въ такихъ общественныхъ бѣдствіяхъ встарь и донныѣ обвиняются блуждающіе мертвецы. Еще въ XIII вѣкѣ Серапіонъ обращался съ укоромъ къ современникамъ, которые воспрещали погребать тѣла удавленниковъ и утопленниковъ и вырывали ихъ изъ могилъ, какъ виновниковъ засухи и неурожаевъ. Обычай этотъ въ XVI вѣкѣ настолько былъ силенъ, что Максимъ Грекъ призналъ необходимымъ вооружиться противъ него особымъ посланіемъ: «кїй отвѣтъ сотворимъ (говоритъ онъ) въ день судный, тѣлеса утопленныхъ или убиенныхъ и поверженныхъ не сподобляюще я погребанію, но на поле взвлекше ихъ, отыняешъ коліемъ, и еже беззаконнѣйше и богомерско есть, яко аще случится въ веснѣ студенымъ вѣтромъ вѣвти и сими садимая и сѣмая нами не преспѣвають на лучшее, оставивше молантися содѣтелю и строителю всѣхъ... аще увѣмы нѣкоего утопленого или убитаго неиздавна погребена... раскопаемъ окаяннаго и извержемъ его нѣгдѣ далѣ и непогребена покнемъ... по нашему по премногу безумію виновно стужи мнѣше быти погребеніе его» ⁴⁾. Дмитрія Са-

¹⁾ Иллюстр. 1846, 134. — ²⁾ Водяная мельница. — ³⁾ Спр. рѣчьны, 79; Иличь, 295. — ⁴⁾ Изв. Ак. Н., III, 95; Котляревскаго: О погр. бальн. обычаяхъ, 34—35.

нозавца народная молва обвиняла въ чародѣйствѣ ¹⁾; когда онъ погубъ насильственной смертію, трупъ его былъ выставленъ на Красной площади, и въ продолженіи трехъ дней лежалъ на столѣ съ дудкой, волынкою и маскою — атрибутами окрутниковъ и скомороховъ, а затѣмъ погребенъ въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами. Это было въ половинѣ мая 1606 года; какъ нарочно, настали тогда сильные морозы, вредные для полей, садовъ и огородовъ. Столь поздніе холода носквичи приписали самозванцу; они вырыли его трупъ, сожгли на Котлахъ, и смѣшавши пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки ²⁾. Запрещеніе хоронить утопленниковъ, удавленниковъ, чародѣевъ существовало и у другихъ славянскихъ племенъ; самоубійцы и донынѣ лишаются христіанскаго погребенія. Всякое физическое бѣдствіе (бездождіе, буря, градъ, чрезвычайный зной или стужа) приписывается народомъ вліянію мертвецовъ, погибшихъ насильственнымъ образомъ: въ стихійныя души блуждаютъ въ воздушныхъ сферахъ, носятся буйными вихрями и грозой, и нарушая порядки природы, какъ-бы мстятъ людямъ за свою неестественную разлуку съ жизнью. Предубѣжденіе противъ такихъ мертвецовъ до сихъ поръ не истребилось между русскими поселянами; особенно боятся они опойцевъ. Еще недавно бывали случаи, что крестьяне во время долгихъ засухъ, по общему мірскому приговору, выкапывали изъ могилы трупъ опойцы и топили его въ ближайшемъ болотѣ или озерѣ, твердо вѣруя, что послѣ того непременно пойдетъ дождь ³⁾. Засуха нынѣшняго лѣта и опасеніе неурожая заставили крестьянъ Тихаго Хутора

¹⁾ Въ современныхъ грамотахъ говорится, что Отрепьевъ — еретикъ, впалъ въ черновѣшіе и ободѣстлялъ народъ бясовскими кечтани — *Ак. Арх. Эксп.*, II, 28; *Доп. къ Ак. Ист.*, I, 151. — ²⁾ *Ист. Росс. Солов.*, VIII, 154. — ³⁾ *Иличь*, 312; *Духъ Христіанна* 1861—2, XII, 271; *С. Петерб. Вѣдом.* 1865, 47, 129.

(въ тарашанскомъ уѣздѣ) прибѣгнуть къ слѣдующему средству: они разрыли могилу скончавшагося въ декабрѣ прошлаго года и похороненнаго на сельскомъ кладбищѣ раскольника, приподняли его изъ гроба, и между тѣмъ, какъ одинъ изъ нихъ билъ мертвеца по черепу, приговаривая: «давай дождя!» — другіе лили на усопшего воду сквоаъ рѣшето; затѣмъ снова уложили его въ гробъ и закопали на прежнемъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, съ цѣлю вызвать дождь, въ могилу заподозрѣннаго мертвеца лили воду цѣлыми бочками ¹⁾. Эти представленія о вампирахъ, сосущихъ кровь, т. е. скрадывающихъ дожди и насылающихъ неурожай заставляли фантазію сроднить ихъ съ богиней смерти, во первыхъ — потому, что вслѣдъ за неурожаями начинаются повальные болѣзни, а во вторыхъ — потому, что самая Смерть, нападая на людей и животныхъ, высасываетъ изъ нихъ кровь и оставляетъ одни холодные и безжизненные трупы (см. стр. 43). Обитатели загробнаго царства, вампиры являлись слугами и помощниками Смерти, и каждая отшедшая изъ сего міра душа разсматривалась, какъ-бы увлеченная ими въ свое сообщество. Поселяне наши убѣждены, что Коровья Смерть (чума рогатаго скота) есть оборотень, который принимаетъ на себя образъ черной коровы, гуляетъ вмѣстѣ съ деревенскими стадами и напускаетъ на нихъ порчу. Всюду въ славянскихъ земляхъ гибельное дѣйствіе моровой язвы объясняется злобою вампировъ, и не только преданія, но и положительныя свидѣтельства памятниковъ утверждаютъ, что для отвращенія повальной смертности народъ прибѣгалъ къ разрытію могилъ, извлеченію труповъ и различнымъ надъ ними истязаніямъ. Такъ какъ отъ зачумленнаго покойника прежде всего заражаются тѣ, посреди которыхъ онъ скончался, то отсюда возникло повѣрье, что вампиры сначала умерщвляютъ своихъ роди-

¹⁾ Рус. Вѣдомости 1868, 139; Москва 1867, 98.

чей, а потомъ уже сосѣдей и другихъ обывателей. На Руси главнѣйшимъ средствомъ противъ смертоносной силы упырей считается заострённый осиновый колъ, который вбиваютъ въ грудь или въ спину мертвеца, между лопатокъ, а иногда въ могильную насыпь ¹⁾. Въ кievской губ. рассказываютъ, что въ мѣгилахъ колдуновъ и вѣдьмъ всегда есть отверстіе, въ которое вытѣзаютъ они ночью въ видѣ мышей и ящерицъ; отверстіе это совѣтуютъ затыкать осиновымъ коломъ, а самые гробѣ, въ которыхъ покоятся ихъ трупы, заколачиваютъ осиновыми гвоздями. Если и затѣмъ мертвецъ продолжаетъ тревожить населеніе, то необходимо предать его сожженію. «Привезли (говоритъ сказка) осиновыя дрова на кладбище, свалили въ кучу, вытащили колдуна изъ могилы, положили на костеръ и зажгли; а кругомъ народъ обступилъ — всѣ съ метлами, лопатами, кочергами. Костеръ облился пламенемъ, началъ и колдунъ горѣть; утроба его лопнула, и полѣзли оттуда змѣи, черви и разные гады, и полетѣли оттуда вѣроны, сороки и галки; мужики бьютъ ихъ да въ огонь бросаютъ», чтобы и въ червякѣ не могъ ускользнуть волшебникъ отъ заслуженной имъ кары ²⁾. Вбивать осиновый колъ въ тѣло упыря должно съ размаху за одинъ разъ, и притомъ остерегаться, чтобы кровь, которая брызгнетъ изъ него въ разныя стороны, не омочила кого-нибудь изъ присутствующихъ; повторенный ударъ оживляетъ жертвеца и сообщаетъ ему способность превращеній. Тотъ-же совѣтъ не ударять дважды дается и сказочнымъ героямъ, вступающимъ на борьбу съ Вихремъ, бабой-ягою, великанами и змѣями. Отъ огненнаго змѣя можно отдѣлаться, поразивъ его, во время сна, единымъ богатырскимъ ударомъ; если же

¹⁾ Абев., 74; Терещ., VI. 101; Москв. 1844, XII, 40. — ²⁾ Елевянинъ 1865, 52, 71; Н. Р. Св., V, 30, b, d; Тамбов. Г. В. 1857, 4.

ударить его въ другой разъ — то зѣи немедленно оживаетъ (см. II, 419 ¹). Сверхъ того, упырямъ подрѣзываютъ пятки, связываютъ лыками руки, а на грудь кладутъ осиновые кресты ²). Тѣже средства употребляются противъ вампировъ и прочими славянами. По свидѣтельству Караджича: «како почну људи много умиратъ по селу, онда (сербы) почну говорити да је вукодлак у гробљу, и стану погаћати ко се повампирно. Кашто узму врана ждријепца без биљега, па га одведу на гробље и преводе преко гробова, у којима се боје да није вукодлак: јер кажу да такви ждријепци не ће, нити смије пријећи преко вукодлака. Ако се о ком увјере и догоди се да га ископавају, онда се скупе сви сељаци с глоговијем кољем, па раскопају гроб, и ако у њему нађу човјека да се није распао, а они га избоду онијем кољем, па га баце на ватру те изгорн ³). «Кад умре човјек, за којег се мисли да је једогоња, ударе му глогово трње под нокте и ножем испресијецају жиле испод кољена, да не би могао излазити из гроба, као вам-

¹) Н. Р. Ск., I, 14: VII, 9; VIII, 6 и стр. 402—3; Могилев. Г. В. 1851, 19. — ²) Часописъ чешск. муз., 1840, III, ст. Вагилевича, 236. — ³) Срп. рјечник, 79; см. также Путешествіе въ Черногорію А. Попова, 221; Иличъ, 294; Вѣст. Евр. 1829, XXIУ, 254—5. Переводъ: Когда начнетъ на селѣ умирать много людей, то стануть говорить, будто на кладбищѣ есть вукодлакъ, и приѣмутся гадать, кто это повампирился? Для этого берутъ воронаго жеребца безъ отиѣтня, ведутъ на кладбище и переводятъ черезъ тѣ могилы, въ которыхъ можно опасаться присутствія вукодлака. Говорятъ, что такой жеребецъ не захочетъ и не посмѣетъ переступить черезъ вукодлака. Когда убьдятся въ вампирствѣ покойника и задумаютъ выкопать его, то всѣ поселане собираются вмѣстѣ, разрываютъ могилу, и если найдутъ въ ней неистлѣвшій трупъ — прободаютъ его глоговинымъ коломъ (глогъ — *weissdorn*, *scataegus* Linn., боярышникъ), а потомъ бросаютъ въ огонь и предають сожженію.

пир» ¹⁾. Болгары, какъ скоро заподозрятъ усопшаго вампиромъ, немедленно приготавливаютъ заострённые терновые или глоговые колья, идутъ съ ними на кладбище, разрываютъ могилу, и скипятивши нѣсколько ведеръ винограднаго вина, пробиваютъ мертвеца кольями и обливаютъ его кипящимъ виномъ, думая, что такимъ образомъ они истребляютъ вселившагося въ трупъ злаго демона ²⁾. Въ Червоной Руси, во время засухъ и холеры, жгли упырей и вѣдьмъ на терновомъ огнѣ ³⁾. Маннгардтъ собралъ много интересныхъ указаній на подобныя расправы съ мертвецами, засвидѣтельствованныя памятниками различныхъ народовъ. Въ одной чешской деревнѣ въ 1337 году умеръ пастухъ и сталъ являться вампиромъ; когда его откопали и вонзили ему колъ въ тѣло, то изъ него брызнула кровь, а самъ онъ промолвилъ: «съ этою палкою мнѣ еще лучше будетъ отъ собакъ отбиваться!» После того онъ былъ преданъ сожженію, и сгорая, ревѣлъ какъ быкъ или оселъ. Въ 1345 году скончалась женщина, ославленная промежъ чеховъ вѣдьмою и была погребена на перекресткѣ; выходя изъ могилы, она оборачивалась звѣремъ и пожирала попадавшіяся ей жертвы. Дубовый колъ, который въ нее пронзили, она извлекла вонъ и стала еще больше умерщвлять народу, чѣмъ прежде. Напуганные жители сожгли ея трупъ, а оставшіяся пепель зарыли въ могилу; замѣчательно, что на мѣстѣ, гдѣ совершилась эта посмертная казнь, нѣсколько дней сряду кружился сильный вихрь. Въ 1567 году въ Трутнау (въ Богеміи) отрубилн вампиру голову. Нѣсколько позже (въ 1572 г.), когда появилась въ Польшѣ чу-

¹⁾ Срп. рѣчникъ, 251; Вѣст. Евр. 1823, XXIII—IV, 200. Переводъ: Когда умереть человекъ, о которомъ думаютъ, что онъ — вѣдогоня, то забиваютъ ему подъ ногти глоговые иглы и подрывають ножемъ жилы подъ ногтями, чтобы онъ не могъ выхлѣпть изъ гроба, какъ вампиръ. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 207. — ³⁾ Пантесенъ 1855, V, 48.

ма, обвиненіе въ этомъ бѣдствіи пало на умершую бабу, которую народъ признавалъ за вѣдму. Въ могилѣ она покаялась совершенно-голая, потому что пожрала всѣ свои одежды; рѣшено было отрубить ей голову могильнымъ заступомъ и потомъ снова закопать въ землю; когда это сдѣлали — чума тотчасъ-же прекратила свой губительный набѣгъ. Венды считаютъ необходимымъ ударить вампира заступомъ по затылку и увѣряютъ, будто при этомъ ударѣ онъ визжитъ, какъ поросенокъ. Въ 1672 году, недалеко отъ Лайбаха, умеръ человекъ по прозванью Giure Grando; по смерти своей онъ показывался ночью, стучался въ двери домовъ и цѣлыя семьи увлекалъ за собою на тотъ свѣтъ. Староста Miho Radetich приказалъ разрыть его могилу; колдунъ (strigop) лежалъ нетлѣнный, съ багровымъ, усмѣхающимся лицомъ и открытою пастью. Ударили его въ животъ терновымъ коломъ (hagedorn) — онъ выдернулъ колъ обратно; отрубили ему голову киркою — онъ вскрикнулъ, словно живой, а могильная яма наполнилась свѣжею кровью. По мѣтѣ кашубовъ, чуму и другія повальные болѣзни производятъ «вѣщіе»; первый, кто падаетъ жертвою холеры, вслѣдъ за которымъ начинаютъ умирать и другіе, признается вампиромъ. Разрывая могилу «вѣщаго», кашубы отсѣкаютъ ему голову желѣзнымъ заступомъ и промежъ ею и туловищемъ насыпаютъ нѣсколько земли, или кладутъ отрубленную голову къ ногамъ мертвеца; иногда-же влагаютъ ему въ ротъ камень, набиваютъ ему глотку землею, поворачиваютъ трупъ лицомъ къ-низу, бросаютъ въ гробъ что-нибудь сплетенное или связанное (напр. чулокъ), насыпаютъ могилу макомъ, и думаютъ, что пока мертвецъ не распутаетъ всѣхъ петель и не сочтетъ всѣхъ маковыхъ зѣренъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ удалиться съ кладбища. Въ южной Россіи есть повѣрье,

что путь, которымъ приходитъ мертвецъ къ живымъ людямъ, должно посыпать макомъ: тогда онъ не прежде можетъ повторить свое посѣщеніе, какъ подобравши всё до единого разбросанныя зёрна (сравни примѣчаніе на стр. 330). Волохи вбиваютъ въ сердце упыря деревянный колъ, вгоняютъ ему въ черепъ гвоздь, кладутъ возлѣ него лозу шиповника, иглы котораго, цѣпляясь за саванъ, должны задержать мертвеца въ могилѣ, или наконецъ сожигаютъ его. Въ Силезіи въ 1592 году разнеслась молва объ одномъ умершемъ сапожникѣ, что онъ является по ночамъ и давить сонныхъ людей — съ такою силою, что оставляетъ на нихъ тѣлѣ синія пятна; мертвеца вынули изъ могилы, отсѣкли ему голову, туловище сожгли, а голову зарыли въ позорномъ мѣстѣ. Въ Гессенѣ еще въ недавнее время, какъ только наставала моровая язва, крестьяне разрывали могилы, и если находили неистлѣвшіе трупы, то отсѣкали у нихъ головы. У скандинавовъ былъ обычай — тѣла заподозрѣнныхъ мертвецовъ сожигать на кострѣ, а пепелъ бросать въ море ¹⁾. Всѣ неисчисленные нами обряды имѣютъ цѣлю воспрепятствовать вампиру выходить изъ могилы, высасывать кровь и губить населеніе. Они направлены: а) противъ ногъ, съ помощію которыхъ вампиръ посѣщаетъ людскія жилища; чтобы лишить его возможности двигаться, ему подрѣзываютъ подкожные жилы и пятки; б) противъ рукъ, которыми онъ схватываетъ и давить свою жертву: ихъ связываютъ лыками; с) противъ подбородочей части мертвеца: ему стараются забить глотку, зажать ротъ камнемъ или землею; пока онъ не разжуетъ этого камня, не съѣстъ этой земли, до тѣхъ поръ уста его и зубы не свободны и не въ

¹⁾ Zeitsch. für D. Myth., IV, 260—282; Часопись чешск. муз. 1863, I, 13—15; Громанъ, 191; Этв. Сб., V, ст. Гильфердинга, 69—70, Шоттъ, стр. 297—8.

состояніи ни сосать, ни грызть живаго челоуѣка. d) Маѣкъ, какъ снотворное зелье, долженъ усыпить могильнаго обитателя. e) Словацкая сказка повѣствуетъ о вовкулакѣ, у котораго было девять дочерей; восемь старшихъ онъ умертвилъ, а когда погнался за девятою — догадливая дѣвица сбросила съ себя платокъ и сказала: «не догнать тебѣ, пока не взорвешь этого платка въ лоскутья, пока не разщиплешь его на тонкія нити, и потомъ не выпрядешь и не соткнешь снова!» Вовкулакъ исполнилъ эту трудную задачу и погнался за дѣвицей; съ тѣмъ-же словамъ она сбрасываетъ съ себя платье, оплечье, кофту, рубашку, и голая спасается отъ страшной смерти ¹⁾. Согласно съ стариннымъ уподобленіемъ облаковъ прядеву, тканямъ и одеждамъ, вампиръ только тогда и можетъ ушиться кровью (=дождевою влагою), когда прядетъ туманы, тклетъ облачныя покровы или разрываетъ ихъ въ бурной грозѣ. Это мпощеское представленіе, вмѣстѣ съ вѣрою въ предохранительную силу на узы (узла, петли), привело къ убѣжденію, что пока вампиръ или вообще нечистый духъ не распутаетъ всѣхъ узловъ и петель—онъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не можетъ повредить челоуѣку. f) Вѣрнѣйшимъ же средствомъ противъ блуждающихъ мертвецовъ признается совершенное уничтоженіе ихъ труповъ. По древнему воззрѣнію, душа усопшаго только тогда дѣлается вполне-свободною, когда оставленное ею тѣло разсыпается прахомъ, и наоборотъ пока оно не истлѣетъ, между нмъ и душою не перестаетъ существовать таинственная связь. Замѣчая, что нѣкоторые трупы долгое время остаются нетлѣнными, что у покойниковъ даже отрастаютъ волосы и ногти, предки наши видѣли въ этомъ несомнѣнные признаки продолжающейся жизни, и вѣрили, что душа невдругъ покидаетъ бренную оболочку, что и по смерти она

¹⁾ Zeitsch. für D. M., IV, 224—8.

сохраняетъ къ своему тѣлу прежнюю привязанность, прилетаетъ къ нему въ могилу, входитъ въ него, какъ въ знакомое ей обиталище, и такимъ образомъ временно оживляетъ мертвеца и подымаетъ его изъ гроба. Чтобы порвать эту посмертную связь души съ тѣломъ, чтобы окончательно удалить ее изъ здѣшняго міра, необходимо было предать трупъ сожженію. Только въ пламени погребальнаго костра отрѣшалась она отъ всего матеріальнаго, влекущаго долу, очищалась отъ земнаго праха и содѣянныхъ грѣховъ, сопричиталась къ стихійнымъ духамъ и вмѣстѣ съ ними восходила въ свѣтлое царство боговъ. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существовало глубоко-вкорененное убѣжденіе, что пока надъ тѣломъ усопшаго не будетъ совершень погребальный обрядъ — пока оно не будетъ разрушено огнемъ, до тѣхъ поръ душа его не обрѣтаетъ покоя, томится, мучится, и блуждая въ семъ мірѣ, жститъ за себя своимъ безопаснымъ родичамъ и землякамъ неурожаями, голодомъ и болезнями (см. стр. 249). Въ паше время думаютъ, что такая страдальческая участь по смерти ожидаетъ всѣхъ лишенныхъ христіанскаго погребенія. Въ сплу этихъ вѣрованій сожженіе вампировъ первоначально было не столько казнію, направленною противъ злыхъ демоновъ, сколько благочестивою заботою объ успокоеніи душъ, очищеніи ихъ огнемъ и водвореніи въ райскихъ обителяхъ. Вся обрядовая обстановка такого сожженія служитъ знаменіемъ небесной грозы, въ бурномъ полетѣ которой (по мнѣнію нашихъ праотцевъ) возносились на тотъ свѣтъ легкія тѣни усопшихъ. Основной или дубовый колъ, вбиваемый въ грудь мертвеца, — символъ громовой палицы; въ погребальномъ обрядѣ ему соотвѣтствуетъ молотъ Индры или Тора, которымъ издревле освящали покойника и приуготовленный для него костеръ. Тоже значеніе соединялось и съ колючей лозою терна, боярышника или шиповника; сербы называютъ терновый кустъ: вукодржица (дер-

жацій волка—вовкулака ¹⁾. Острый гвоздь и могильный заступъ суть позднѣйшія замѣны этихъ древнѣйшихъ символовъ. Огонь, на которомъ сожигаютъ вампировъ, стараются добывать изъ дерева посредствомъ тренія, такъ какъ именно этотъ огонь и признавался равносильнымъ «живому» пламени грозы ²⁾; въ другихъ же мѣстностяхъ ихъ сожигаютъ на терновомъ кострѣ. Пепель, остающійся послѣ сожженія вампира, бросаютъ въ воду; самый трупъ его окачиваютъ вскипяченнымъ виномъ или обливаютъ сквозъ рѣшето водою, что символически означаетъ омовеніе усопшаго въ дождевомъ ливнѣ, погруженіе его души въ небесный потокъ, переплывая который можно достигнуть царства блаженныхъ (вино—метафора дождя; о символическомъ значеніи рѣшета или сита см. I, 571). Въ народной памяти уцѣлѣли суевѣрные представленія, что прозвѣнный коломъ и пожигаемый пламенемъ вампиръ реветъ, какъ раненый звѣрь (=завыванье грозовой бури) и истекаетъ кровью (=дождемъ); изъ его тѣла выползаютъ гады (=змѣи-молніи), а вокругъ пылающаго костра подымаются вихри.

Какъ производители неурожаевъ, голода и повальныхъ болѣзней, упыри и вѣдьмы отождествлялись съ поѣдучею Смертію, и наравнѣ съ этою злобною богинею и другими демоническими существами (великанами, змѣями и чертами) являются въ народныхъ сказаніяхъ пожирающими человѣческое

¹⁾ Književnik, годъ 3, III—IV, 450; Срп. рјечникъ, 79. — ²⁾ Часопись чешск. муз. 1840, III, ст. Вагилевича, 236—7. Такъ какъ вампиры умерщвляютъ людей чрезъ высасываніе изъ нихъ крови, то наоборотъ: умерщвленные вампирами тотчасъ-же оживаютъ, какъ скоро будетъ возвращена имъ высосанная кровь (Н. Р. Сж., V, 30, d); кто заболѣваетъ вслѣдствіе укушенія мертвеца, тому совѣтуютъ давать хлѣбъ или питье, съ примѣсью крови, добытой изъ вампира, или тою-же кровью предлагаютъ ему натирать недужное тѣло — Zeitsch. für D. M., IV, 261; Пузанъ, 128.

мясо. Когда человекъ умираетъ, душа его увлекается въ общество загробныхъ духовъ, а тѣло дѣлается сѣдью червей, глѣбеть и разрушается; отсюда родилось убѣжденіе, что души эти, призывая къ себѣ смертныхъ (=отымая у нихъ жизнь), питаются ихъ мясомъ. Manducus—оборотень, чудовище съ большою пастью, Я. Гриммъ производитъ отъ *mandere*, *manducare*—ѣсть, жевать; а *masca* (=лава, привидѣніе, оборотень, личина), итал. *maschera*, сближаетъ съ словами *mascher*, *mascher* и *masticare* (значение тоже, что и глагола «mandere»). Вѣдьмамъ нерѣдко давались названія *lagve*, *maske*, и начиная съ индусовъ, у всѣхъ племенъ арійскаго происхожденія онѣ представляются жадными на человѣческое мясо ¹⁾. На Украинѣ увѣряютъ, будто упыри гоняются по ночамъ за путниками съ громкимъ возгласомъ: «ой, мяса хочу, ой, мяса хочу!» ²⁾ По свидѣтельству народныхъ преданій, колдуны являются по смерти въ ночное время, бродятъ по деревнѣ, морятъ и поѣдаютъ живыхъ людей ³⁾. Въ одной сказкѣ ⁴⁾ повѣствуется о мертвецѣ, который пришелъ на свадьбу, умертвилъ жениха и невѣсту, пожралъ всѣ приготовленныя яства, вмѣстѣ съ посудю, ложками и ножами; а затѣмъ закричалъ: «ѣсть хочу! голоденъ!» и бросился было на солдата, но тотъ отбѣлался отъ него, благодаря осиновою полѣтну и раздававшемуся крику пѣтуха. Выше (стр. 271—3) мы привели любопытное преданіе о человекѣ, ищущемъ безсмертія; оно известно въ двухъ вариантахъ, и та роль, которую въ одномъ вариантѣ исполняетъ Смерть, въ другомъ приписывается вѣдьмѣ: эта послѣдняя пожираетъ людей и точитъ на нихъ свои страшные зубы. И славяне, и нѣмцы надѣляютъ вѣдьмъ огромными зубами ⁵⁾. По народнымъ рассказамъ, когда

¹⁾ D. Myth., 1036. — ²⁾ Lud Ukrain., II, 56—57. — ³⁾ Н. Р. Сл., VI, 65, а, е, 66; сб. Вазявца, 237—9; Slov. pohad., 29. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., V, 30, е. — ⁵⁾ D. Myth., 247.

умираетъ вѣдма или «заклятая» царевна (=та, которою овладѣлъ нечистый духъ), тѣло усопшей заключаютъ въ гробъ, окованный желѣзными обручами, выносятъ въ церковь и заставляютъ кого-нибудь «отчитывать» ее ¹⁾; ночью, ровно въ двѣнадцать часовъ, вдругъ подымается сильный вихрь, желѣзные обручи лопаются съ оглушительнымъ трескомъ, гробовая крышка спадаетъ долой—и вслѣдъ затѣмъ вѣдма или заклятая царевна встаетъ изъ гроба, летитъ по воздуху, бросается на испуганнаго чтеца и пожираетъ его—такъ, что къ утру остаются отъ него однѣ голыя кости ²⁾). Только тотъ можетъ избѣгнуть опасности, кто очертится круговою чертою и станетъ держать передъ собой молотъ, это священное орудіе бога-громовника. Рассказываютъ еще, что некогда, въ старые годы, умеръ отчаянный безбожникъ; тѣло его вынесли въ церковь и приказали дьячку читать надъ нимъ псалтырь. Этотъ догадался захватить съ собою пѣтуха. Въ полночь, когда мертвецъ всталъ изъ гроба, разинулъ пасть и устремился на свою жертву, дьячокъ спелнулъ пѣтуха; пѣтухъ издалъ обычный крикъ—и въ ту же минуту мертвецъ повалился навзничъ оцѣпенѣлымъ и неподвижнымъ трупомъ (харьков. губ.). Какъ глубоко запала въ нашихъ предковъ суевѣрная боязнь мертвецовъ, лучше всего свидѣтельствуетъ любопытное посланіе царя Алексѣя Михайловича къ знаменитому Никону о кончинѣ патріарха Іосифа ³⁾. Ввечеру, пишетъ царь, пошелъ я въ соборную церковь проститься съ покойникомъ, «а надъ нимъ одинъ священникъ говорить псалтырь, и тотъ.... во всю голову кри-

¹⁾ Отчитыванье, т. е. чтеніе въ слухъ священнаго писанія надъ «заклятыми» и усопшими, считается вѣрнѣйшимъ средствомъ для избавленія ихъ отъ демонской власти. — ²⁾ Н. Р. Сл., VII, 35, 36, b, c; Н. Р. Лег., стр. 143—5; Пермск. Сб., II, 173—4; Худяк., 11; Штиръ, 10; Вольфъ, 258—262 («Die Leichenfresserin»). — ³⁾ Ак. Арх. Элеп., IV, 57.

«читать, а двери всё отворилъ; п я почалъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь? «Прости де, государь, страхъ нашелъ великой, а во утробѣ де, государь, у него святителя «безмѣрно шумѣло... Часы де въ отдачу вдругъ внесло животъ у него государя (усопшаго патріарха) и лицо въ тужъ «пору почало пухнуть: то-то де меня и страхъ взялъ! я де «чаялъ—ожпль, для того де я и двери отворилъ, «хотѣлъ бѣжать». И меня прости, владыко святой! отъ «его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; «а се и при мнѣ грыжа-то ходитъ прытко добръ въ животѣ, «какъ есть у живого, да п мнѣ приде помышленіе такое отъ «врага: побѣгп де ты вонъ. тотчасъ де тебя вскоча «у давить .. да поостоялся, такъ мнѣ полегчѣло отъ страху».

Такъ какъ души представлялись маляутками и эльфами, марамы, то отсюда родилось повѣрье, что ушеры и вѣдьмы крадутъ и поѣдаютъ младенцевъ, т. е. по первоначальному смыслу: исторгаютъ у людей души, уничтожаютъ ихъ жизненные силы. Стриги и ламіи классическихъ народовъ и нѣмецкія hexen, являясь въ дома, похищаютъ изъ колыбелей младенцевъ, терзаютъ ихъ и жарятъ на огнѣ; на своихъ нечестивыхъ сборищахъ вѣдьмы убиваютъ дѣтей, добытую изъ нихъ кровь смѣшиваютъ съ мукою и пшломъ, а жиръ употребляютъ на изготовленіе волшебной мази ¹⁾. Памятники XV—XVII столѣтій сохранили намъ свидѣтельства о тѣхъ несчастныхъ жертвахъ народнаго суевѣрія, которыхъ обвиняли, будто они превращаются въ волковъ, пьютъ младенческую кровь, пожираютъ дѣтей, и вслѣдствіе этихъ обвиненій подвергали суду и предавали сожженію. По словамъ барона Гакстгаузена ²⁾, въ Арменіи рассказываютъ, что когда волчій оборотень приблизится къ людскому жилищу—окна и двери сами

¹⁾ D. Myth., 1012, 1018, 1027, 1035. — ²⁾ Закавказ. край, II, 61.

собою отворяются, вовкулакъ входитъ внутрь дома, бросается на дѣтей и утоляетъ свой голодь ихъ бровью и мясомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи поселяне убѣждены, что вѣщицы выкрадываютъ взъ утробы спящей матери ребенка, разводятъ на шесткѣ огонь, жарать и съѣдаютъ его, а взамятъ похищеннаго дитяти кладутъ ей въ утробу голкѣ, головню или краюшку хлѣба: повѣрье, напоминающее вышеприведенные рассказы о похищеніи вѣдьмою сердца, на мѣсто котораго она влагаетъ обрубокъ дерева или связку соломы. Поэтому беременныя женщины, въ отсутствіе мужей своихъ, не иначе ложатся спать, какъ надѣвая на себя что-нибудь изъ мужниной одежды, или по крайней мѣрѣ опоясываясь мужнинымъ поясомъ; эта одежда служитъ знаменіемъ, что онѣ продолжаютъ состоять подъ покровомъ (=защитою) главы семейства, а поясъ преграждаетъ (=завязываетъ) къ нимъ доступъ злой чародѣйкѣ ¹⁾. Въ народныхъ сказкахъ вѣдьмы уносятъ тайкомъ или заманиваютъ къ себѣ маленькихъ дѣтей, жарятъ ихъ въ печи, и пресытившись этою яствою, катаются по землѣ и причитываютъ: «покачуся, повалюся, Ивашкина мяса наѣвшись!» ²⁾ Бѣлоруссы увѣряютъ, что Смерть передаетъ усопшихъ бабѣ-ягѣ, вмѣстѣ съ которою разѣзжаетъ она по бѣлому свѣту, и что баба-яга и подвластныя ей вѣдьмы питаются душами покойниковъ, и отъ того дѣлаются столь-же легкими, какъ самыя души ³⁾: преданіе въ высшей степени знаменательное! Раз-

¹⁾ Этн. Сб., VI, 147—8; Совр. 1856, XII, 196; Lud Polski Gołębiowskiego, 155. — ²⁾ Въ образѣ альба (какъ указано выше) представленіе души сочеталось съ представленіемъ грозоваго гения, и потому сказка о вѣдьмѣ и хитромъ мальчикѣ, котораго она хочетъ пожрать, живописуетъ: во 1-хъ, черную тучу, поглощающую молніи (Поэт. Вок., II, 481), и во 2-хъ, Смерть (Моровую дѣву), похитительницу душъ человѣческихъ. — ³⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 19—20, 110.

сказывают также, что баба-яга крадетъ дѣтей, подымаетъ ихъ на воздухъ и бросаетъ оттуда мертвыми на кровлю дома ¹⁾. У валаховъ, когда въ семьѣ народится младенецъ, одинъ изъ присутствующихъ при этомъ перекидываетъ черезъ себя камень; а прочіе восклицаютъ: «вотъ тебѣ, стрига, въ глотку! ²⁾ Во Франціи существуетъ повѣрье, что въ глухую полночь вѣдьмы собираются возлѣ источниковъ и занимаются стиркою, но вмѣсто бѣлья—моютъ, крутятъ и бьютъ вальками младенческіе трупы (сравни выше стр. 363 ³⁾).

Бабѣ-ягѣ принадлежитъ весьма важная и многознаменательная роль въ народномъ эпосѣ и преданіяхъ славянскаго племени. Въ разныхъ отдѣлахъ настоящаго сочиненія мы не разъ останавливались на этихъ преданіяхъ, и объясняя ихъ первоначальный смыслъ, указывали на сродство бабы-яги съ вѣщими облачными женами. Она живетъ у дремучаго лѣса въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, которая поворачивается къ лѣсу задомъ, а къ пришельцу передомъ; летаетъ по воздуху и ѣздитъ на шабашу вѣдьмъ въ желѣзной ступѣ, погоняя толкачемъ или клюкою и заметая слѣдъ помеломъ. Бѣлоруссы утверждаютъ, что баба-яга ѣздитъ по поднебесью въ огненной ступѣ и погоняетъ огненною метлою, что во время ея поѣзда воютъ вѣтры, стонетъ земля, трещать и гнутся вѣковыя деревья. Какъ эта ступа, такъ и подвижная избушка (=домашній очагъ)—метафоры грозовой тучи, а толкачъ или клюка—Перунова палица (I, 291; II, 530-1). Сверхъ того, баба-яга обладаетъ волшебными, огнедышащими конями, сапогами-скороходами, ковромъ-самолетомъ, гуслями-самогудами и ме-

¹⁾ Галушъ: Дѣдъ и Баба, 61 — ²⁾ Шоттъ, 297. По греческому сказанію, новорожденный Зевсъ обязанъ своимъ спасеніемъ камню, который дали проглотить Кроносу. — ³⁾ Сопр. 1852, I, ст. Жоржъ-Зянда, 78.

чемъ-самостѣкомъ ¹⁾, т. е. въ ея власти состоятъ и быстро-
лѣтныя облака, и бурныя напѣвы грозы, и разящая молнія.
Преслѣдуя сказочныхъ героевъ, убѣгающихъ отъ ея злобы и
мщенія, она гонится за ними черною тучею ²⁾. У чеховъ в
донынѣ дождевыя облака называются баба ми (см. выше стр.
120). Чтѣ-же касается слова яга (ега, пол. *jedza, ja dza,*
jedži-baba, словац. *jenži, jenzi, ježi-baba*, чеш. *jezinka*,
галлц. *язя*), то оно соответствуетъ снкр.-му *ahī*—змѣѣ (ко-
рень *ah* и съ носовымъ пазвукомъ *ah̄*—II, 512 ³⁾). Тамъ,
гдѣ въ славянскихъ сказкахъ дѣйствующимъ лицомъ является
баба-яга, параллельныя мѣста новогреческихъ и албанскихъ
сказокъ выставляютъ ламію и дракониду ⁴⁾: лат. *lamia*—
колдунья, вѣдьма, и болг. *ламья, ламя*—баснословная змѣя.
Скажемъ болѣе: у самыхъ славянъ баба яга и мионическая змѣя-
ха выступаютъ въ преданіяхъ, какъ личности тождественныя;
что въ одномъ вариантѣ приписывается змѣѣ, то нерѣдко въ дру-
гомъ исполняется ягою, и наоборотъ; на Украинѣ поѣдучую вѣль-
му обыкновенно называютъ змѣею ⁵⁾. Замѣчательно, что тѣже
эпическія выраженія, какими обрисовывается избушка бабы-яги,
прилагаются и къ змѣиному дворцу. Словацкая сказка наобра-

¹⁾ Терещ., VII, 162; Иллюстр. 1845, 298; Ч. О. И. и Д., годъ
3, III, ст. Мьяковъ., 106; Пов. а пред., 185; Абев., 324—5; Рус.
Преданія, I, 60—63; II, 17—25; Н. Р. Ск., I, 3, а; IV, 44; VII,
30; VIII, 8; Галлск., II, 23. — ²⁾ Škultety a Dobsínsky: Slov
povesti, I, 45; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 270. — ³⁾ Звукъ *h*. со-
кращенный въ русскомъ. въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ смяг-
чается въ *hd*—*zd* (пол. *dz*), *ж* и *з*. Чешск. *jedu-baba*, по мнѣнію
г. Лавровскаго (Ч. О. И. и Д. 1866, II, 24—25), образовалась
позднѣе изъ *лждзати, ъздзти, ъдѣ*. Согласно съ сварливимъ, ве-
угомоннымъ характеромъ бабы-яги, областныя русс. *ягати, яжить*
стали употребляться въ значеніи: кричать, шумѣть (что ты *яжишь*,
какъ *яга-яжиби?*) *яганъ—буянъ, грубиянъ—Обл. Сл., 273; Дов. обл.*
сл., 313. — ⁴⁾ Ганъ, I, стр. 40; II, 178—182, и Н. Р. Ск., VII, 30.
— ⁵⁾ Худак., 46; Н. Р. Ск., I-II, стр. 36; VI, стр. 283.

жасть сыновей ежи-бабы лютыми змѣями ¹⁾. Очевидно, что подъ этимъ именемъ, смыслъ котораго давнымъ-давно утраченъ народною памятью, предки наши разумѣли мать змѣя-Вритры, дѣмона, похищающаго дожди и солнечный свѣтъ (сравни II, 534; III, 14). Подобно змѣю, баба-яга любитъ сосать бѣлыя груди красавицъ, т. е. извлекать молоко (= дождь) изъ груди облачныхъ нимфъ; подобно змѣю, она ревниво сторожитъ источники живой воды и заботливо прячетъ въ своихъ кладовыхъ мѣдь, серебро и золото, т. е. сокровища солнечныхъ лучей ²⁾. Такъ, по свидѣтельству одной сказки, жилъ-былъ два богатыря, взяли къ себѣ названную сестру, и повадился къ ней ходить и сосать груди баба-яга ³⁾. Богатыри замѣтили, что сестра ихъ стала хирѣть и сохнуть; подстерегли ягу, изловили и заставили указать себѣ источникъ съ живою водою. Приводить ихъ яга въ лѣсную трущобу, указываетъ на колодець и говоритъ: «вотъ цѣлющая и живущая вода!» Тогда богатырь, по имени Катома, сломилъ съ дерева зеленую вѣтку и бросилъ въ колодець; не успѣла вѣтка до воды долетѣть, какъ вся огнемъ вспыхнула. Разгнѣвались добрые молодцы, вздумали за такой обманъ бросить бабу-ягу въ огненный колодець (= метафора грозовой тучи); но она упростила-умолила пошадить ее и привела къ другому колодецу. Катома отломилъ отъ дерева сухой прутикъ и только что кинулъ въ воду — какъ онъ тотчасъ-же пустилъ ростки, зазеленѣлъ и развѣлъ ⁴⁾. Словаки вѣрятъ, что баба-яга можетъ по собственному произволу насылать ненастье и ясную погоду ⁵⁾. Такъ какъ наводимый

¹⁾ Slov. robnal., 338 и дал. — ²⁾ Гангуль: Двѣ и Баба, 63. —

³⁾ По другому варианту это дѣлаетъ змѣя. — ⁴⁾ Н. Р. Ск., V, 35; VIII, 23; Lud Ukrain., I, 325. Наравнѣ съ драконами (I, 586-8), вѣдуны и вѣдьмы тотчасъ-же разрываютъ иложенныя на нихъ оковы и пропадаютъ изъ темницы, какъ скоро добудутъ воды и утолятъ свою жажду. — ⁵⁾ Пов. и пред., 124-5; Nag. zrievanku Kollara, I, 420-1.

тучами мракъ уподоблялся ночи, а слѣдующее за грозой проявленіе солнца напоминало утренній разсвѣтъ, то русская сказка ¹⁾ отдастъ вѣвласть яги трѣхъ таинственныхъ всадниковъ — бѣлаго, красваго и чернаго, олицетворяющихъ собою день, солнце и ночь. Наконецъ подобно змѣю, баба-яга пожираетъ человѣческое мясо. Вокругъ избы, въ которой живетъ она, тянется заборъ изъ человѣческихъ костей или высокій тынъ съ воткнутыми на немъ черепами; изъ тѣхъ-же костей устроены и ворота: веревки служатъ ноги, засовомъ—рука, а замкомъ—челюсть съ острыми зубами ²⁾). Баба-яга и вѣдмы чуютъ присутствіе скрытаго человѣка, и при всякой встрѣчѣ съ странствующими героями восклицаютъ: «фу-фу! доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ русской духъ въ очью проявляется!» или: «что это русскимъ духомъ пахнетъ!» Тѣже слова произносятъ при встрѣчѣ съ людьми и всѣ другія мнѣшескія лица, которымъ приписывается пожираніе человѣческаго мяса: Чудо Морское, Вихрь, драконы, великаны, черти. Въ нѣмецкихъ сказкахъ означенныя восклицанія замѣняются выраженіемъ: «у-у-у! я чую—здѣсь пахнетъ человѣческимъ мясомъ!» На ряду съ вѣдмами, баба-яга воруетъ дѣтей, жаритъ и поѣдаетъ ихъ; на ряду съ вѣдмами, она питается душами усопшихъ ³⁾). Какъ олицетвореніе черной тучи, какъ существо, равносиль-

¹⁾ Н. Р. Сл., IV, 44. — ²⁾ Ibidem; Маякъ, XV, смѣсь, 21—22. — ³⁾ Н. Р. Сл., I. 3. 4. 13. Пов. и пред., 181; сказ. Грим., I, стр. 180; *Norweg. Volksmärch.*, I, 5, 24, 27; II, 6. У финновъ баба-яга соответствуетъ Сибетеръ=пожируха (Зап. Ар. Н. 1862, I, ст. Шпенера, 136); въ чувашской сказкѣ старая вѣдма какъ только вошла въ избу, такъ и закричала: „что это человѣческимъ духомъ пахнетъ?“—Матушка, возразила ей дочь, да развѣ ты не каждый день употребляешь въ пищу человѣческое мясо; такъ какому-же запаху быть въ нашей избушкѣ! (Чуваш. разговоры и сказки, 36—37.)

вое змѣю, производителю засухъ, безплодія и жороваго повѣтрія, баба-яга въ средѣ вѣщихъ облачныхъ женъ является съ значеніемъ третьей парки и родится съ богиней смерти (см. выше стр. 355, и II томъ на стр. 780-3 — преданія, сближающія бабу-ягу съ литовской лаумой ¹⁾). Народная фантазія представляетъ ее злою, безобразною съ длиннымъ носомъ, растрепанными волосами, огромнаго роста старухою. Именемъ «яги» — точно также, какъ именемъ «вѣдьмы» — поселяне называютъ въ брань старыхъ, сварливыхъ и некрасивыхъ женщинъ. Слѣдуя эпическому описанію сказокъ, баба-яга, костяная нога, голова пестомъ, лежитъ въ своей избушкѣ изъ угла въ уголь, носъ въ потолокъ вросъ, груди черезъ грядку повисли. Замѣчательно, что Лихо (Недоля, злая парка) олицетворяется въ нашихъ сказаніяхъ бабой-великанкою, жадно-пожирающею людей; по выраженію южнорусскаго варианта: Лихо поконится на ложѣ изъ человѣческихъ костей, голова его лежитъ на покути, а ноги упираются въ печку (II, 698-9). Бабу-ягу называютъ на Руси: а) ярою, бурюю, дикою ²⁾, что указываетъ на связь ея съ бурными, грозowymi тучами и съ неистовой породою великановъ (I, 616; II, 618), и б) желѣзною. Малороссіане, не позволяя дѣтямъ щипать гороха, говорятъ: «нейди въ горохъ, бо тамъ зализна баба сидитъ!» Тою-же угрозою останавливаютъ они ребятишекъ, чтобы не бѣгали въ лѣса и сады ³⁾. Въ пошехонскомъ уѣздѣ крестьяне съ цѣлю удерживать дѣтей отъ своевольнаго бѣганья по огородамъ и нивамъ, запугиваютъ ихъ полевымъ дѣдомъ или бабой-ягою,

¹⁾ Желая навести дождь, яга выставляетъ на дворъ мертвую голову (= Морану=черную тучу—сравни II, 157). — ²⁾ Украински принази, 70, 285: „чортъ ярой баби!“ „чортъ бурой (или дикою) баби!“ Н. Р. Св., II (изд. 3), 34, в: яга-бура. — ³⁾ Номяс., 274.

костяной ногою, съ большими грудями и сопливымъ носомъ. Въ другихъ славянскихъ земляхъ увѣряютъ дѣтей, что въ колосистомъ хлѣбѣ сидитъ *baba jedza*, *žitnematka*, *ssegrashija*, ловить шалуновъ и давить ихъ своими желѣзными грудями. По мнѣнію чеховъ, житная баба является на поляхъ и нивахъ по преимуществу въ то время, когда хлѣбъ начинаетъ цвѣсти и наливаться. Сербы пугаютъ шаловливыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ гвоздензубою—бабою съ желѣзными зубами ¹⁾. Тѣже самыя повѣрья и эпитеты вѣмцы соединяютъ съ Бертою—Гольдою. Свѣтлая богиня рай, кроткая владычица эльфовъ (блаженныхъ душъ), она, въ силу пресвоенныхъ ей обязанностей неутомимой Смерти, получаетъ демоническій характеръ и преобразуется въ дикую или желѣзную Берту (*wilde Bertha*, *Eisenbertha*), отличительными признаками которой считаются: страшное лице, включенные волосы, длинный носъ, вѣивкѣ въ рукахъ и коровья шкура, наброшенная вмѣсто верхней одежды. Гольда (*Hulda*, *Huldra*) представляется то молодою красавицею, то сгорбленной, длинноносою и косматою старухою, съ большими зубами ²⁾. У кого вырятся волосы, о томъ принято выражаться: *er ist mit der Hölle gefahren!* Страшая капризныхъ дѣтей, говорятъ: *«schweig! die eiserne Bertha (или: Percht mit der eisernen nas) kommt!»*. Въ Альтмаркѣ и Бранденбургѣ плачущаго ребенка заставляютъ умолять слѣдующими словами: *«halts maul! sonst kommt roggenmöhme (kornweib ³⁾ mit schwarzen langen (или: mit eisernen) zitzen und schleppt dich hinweg!»*. Эта *roggenmöhme* представляется женщиной огромнаго роста; ее считаютъ матерью блуждающихъ по нивамъ волчьихъ оборот-

¹⁾ Ганушь, 160, Срп рѣчникъ, 84; Громанъ, 15. — ²⁾ По свѣдѣтельству некоторыхъ саянъ, она прекрасна спереди и безобразназади. — ³⁾ *Möhme* = *muhme*, mutter.

ней (roggenwolfen). Чтобы дѣти не трогали сноповъ, ихъ пугаютъ вовкулакомъ: «der vögwolf sitzt im korn!» «der wolf ist im kornе; wenn er euch frisst, müssen eure seelen von baum zu baum fliegen, bis das korn eingefahren ist.» Когншуттер имѣетъ огненные пальцы и съ горячими желѣзными сосками груди, которыя заставляетъ сосать заблудившихся дѣтей; груди ея такъ длинны, что она можетъ закидывать ихъ за плечи. Когда вѣтеръ волнуетъ ниву — это она гоняется за малютками, и пойманныхъ толчетъ въ желѣзной маслѣбойнѣ или, подобно Бертѣ (I, 165), отнимаетъ у нихъ зрѣніе. Во время жатвы нѣмцы, славяне и литовцы послѣдній связанный снопъ посвящаютъ «житной бабѣ»; его наряжаютъ въ женское платье, украшаютъ цвѣтами и зеленью, и торжественно, съ пѣснями, несутъ въ деревню; снопъ этотъ называютъ бабою, когнпрурре, grosze шуттер, die alte ¹⁾). Такимъ образомъ народныя повѣрья сближаютъ бабу-ягу съ царицею эльфовъ; истребляя родъ людской, она забираетъ къ себѣ прекрасныхъ малютокъ, т. е. эльфоподобныя души, и вмѣстѣ съ ними скрывается въ колосистыхъ нивахъ; сравни съ вышеприведенными сказаніями о мавкахъ, русалкахъ и полудницахъ (стр. 137-8, 242). Острые желѣзные зубы бабы-яги (первоначально: метафора разящихъ молній) отождествляютъ ее съ поѣдучею Смертію; длинныя желѣзныя груди, которыми она удушаетъ дѣтей, указываютъ на ея сродство съ дивоженами; у послѣднихъ груди такъ велики, что онѣ упогребляютъ ихъ вмѣсто вальковъ (II, 343). Эти груди—дождевыя облака, а смертельные удары, наносимые ими, знаменуютъ громъ. Замѣчательно, что бабѣ-ягѣ приписывается обладаніе волшебнымъ прутомъ ²⁾), которымъ стѣбитъ только махнуть, какъ тотчасъ-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 422; D. Myth., 247—9, 255—6; Die Götterwelt, 293—5; Roggenwolf und roggenhund, 26, 29—32; Korn-dämonen, 20; Гауша: Дядь и Баба, 9. — ²⁾ Lud Ukrain., I,

же все живое превращается въ камень: это—тотъ молниеносный жезлъ, прикосновеніемъ котораго Гермесъ (=проводникъ усопшихъ въ загробное царство) погружалъ людей въ непробудный, вѣчный сонъ. Длинный сопливый носъ бабы-яги—черта нелишенная значенія и столь-же древняя, какъ и спутанныя, растрепанныя ея косы. Напомнимъ, что, по свидѣтельству сказокъ, прекрасный герой (=богъ свѣтлаго неба) на семь зимнихъ мѣсцевъ дѣлается неопытнымъ замарашков (Неумойкою): во все это время онъ не чешется, не стрижется, не моется и не сморкается, т. е. покрывается облаками и туманами, которые изстари уподоблялись косматымъ волосамъ, и не проливаетъ дождей (II, 773). Г. Потѣбня слово сопля производить отъ глагола сыпать, который въ малорусскомъ нарѣчій употребляется въ смыслѣ: лить; старо-слав. сачити, сакнѣти, пол. sączyć — испускать жидкость («источникъ из-сякъ») и малорос. сякати, высыкати-ся — сморкать, высморкаться. По другому преданію, сказочный герой превращается въ сопливаго козла; но вотъ наступаетъ пора освобожденія: онъ берется за гусли и начинаетъ (грозовую) пѣсню; наносимые ему удары (=удары грома) превращаютъ силу чароудійнаго заклятія, козлиная шкура спадаетъ и передается сожженію ¹⁾. Бѣлоруссы рассказываютъ, что во время жатвы ходитъ по нивамъ Бѣлунъ, заставляетъ встрѣчныхъ утирать себѣ носъ и за эту услугу разсыпаетъ передъ ними деньги (I, 93—94), т. е. золото солнечныхъ лучей. Тождество бабы-яги съ Бертою и Гольдою подтверждается еще тѣмъ, что всѣ онѣ равно представляются пряхами. По указанію народныхъ преданій, баба-яга прядетъ кудель, тклетъ холсты и гоняется за своими жертвами съ желѣзнымъ грѣбнемъ въ рукахъ ²⁾; сербская гвоздензуба носитъ

321—4; сб. Валявца, 120—7; Срп. припов., 29. — ¹⁾ Н. Р. Сж. VI, 50. — ²⁾ Ibid., I, 3; Галиск., I, 88; Slov. pohad., 250.

въ горшкѣ горячіе уголья, и встрѣчая нерадивыхъ пряхъ, жжетъ имъ пальцы. Выше (стр. 345, 349, 357) мы указали, что изъ понятія смерти возникла мысль о могучей судьбѣ, представительницами которой явились три мойры, норны или моровыя дѣвы. Согласно съ этимъ, сказки нерѣдко упоминаютъ о трехъ вѣщнихъ сестрахъ—бабахъ-ягахъ, изображая ихъ хотя и сварливыми, но добрыми и услужливыми старухами: онѣ предвѣщаютъ страннику что ожидаетъ его впереди, помогаютъ ему мудрыми совѣтами, даютъ ему богатырскаго коня, клубокъ, указывающій дорогу въ невѣдомыя страны, коверъ-самолетъ и другія диковинки. Изъ святочныхъ игръ ¹⁾ можно заключать, что баба-яга мастерица загадывать загадки и разрѣшать ихъ таинственный смыслъ.

¹⁾ Терещ., VII, 162.

XXVII.

ПРОЦЕССЫ О КОЛДУНАХЪ И ВѢДЬМАХЪ.

Въ предыдущей главѣ указано нами, что обвиненія волхвовъ и женъ-чародѣекъ въ сношеніяхъ съ нечистыми духами, въ похищеніи дождей и земнаго плодородія, въ насланія болѣзней, голода и моровой язвы возникли изъ древнѣйшихъ основъ языческаго міросозерцанія. Подобныя обвиненія всякой разъ, какъ только страну постигало общественное бѣдствіе, возбуждали противъ нихъ народную месть и вызывали суровыя казни сожженія, потопленія и зарыванія въ землю. Впослѣдствіи, когда водворилось христіанство, высшія духовныя власти рѣдко и безусловно возвышали свой голосъ противъ несправедливости и жестокости такихъ казней. Мы знаемъ только протестъ епископа Серапіона (XIII в.), который впрочемъ не отвергаетъ возможности колдовства, а осуждаетъ произволъ народной мести и требуетъ для обвиняемыхъ правильнаго суда. По необходимому закону всякаго историческаго развитія, новая религія должна была стать во враждебныя отношенія къ старымъ народнымъ вѣрованіямъ, и главнымъ образомъ противодѣйствіе свое направить на лицъ, которые были предста-

вителями и хранителями языческаго культа: умѣли гадать, предвѣщать, дѣлать недуги, обладали тайной молитвенныхъ заклинаній и священныхъ обрядовъ. Такими лицами были волхвы, кудесники, чаровницы, мужи и жены вѣщіе. Христіанская іерархія не могла относиться къ нимъ индеферентно; по ея выраженію, это—были «бѣсовскіе сосуды», пособники сатаны, черезъ посредство которыхъ онъ разсѣваетъ въ народѣ злое сѣмя невѣрія. Съ своей стороны волхвы и кудесники также не могли оставаться равнодушными при видѣ тѣхъ успѣховъ, какіе дѣлала религія, чуждая ихъ интересамъ, недоступная ихъ пониманію, направленная противъ «старожизненныхъ» боговъ и праотческихъ завѣтовъ.

При самомъ введеніи христіанства св. Владиміромъ, дѣло не обошлось безъ борьбы. Іоакимовская лѣтопись сохранила намъ свидѣтельство о возстаніи новгородцевъ, которые, не желая измѣнять вѣру и отказываясь креститься, взяли за оружіе; по словамъ этой лѣтописи: «Богомилъ, вышій надъ жрецы словянъ, вельми претя люду покоритися» ¹⁾. Феодоръ и Иларіонъ, первые епископы Ростова, принуждены были бѣжать отъ озлобленія тамошнихъ язычниковъ, а св. Леонтій пострадалъ отъ нихъ смертію; въ посланіи Симона о немъ сказано: «первыи ростовскій Леонтій священномученикъ... его-же невѣрніи, много мучивше, убиша; и се третій гражданинъ небесный бысть руськаго міра съ онѣма варягома (убитыми при в. кн. Владимірѣ), вѣнчався отъ Христа». Событіе это изслѣдователи относятъ ко времени около 1070 года. Такая-же мученическая кончина постигла и препод. Кукшу, который въ половинѣ XII в. проповѣдывалъ вятичамъ: всѣ свѣдаютъ (писалъ про него Симонъ), «како вятичи крести... и по многихъ мукахъ усъченъ бысть съ своимъ ученикомъ Никономъ» ²⁾.

¹⁾ Рос. Ист. Татищева, I, 39. — ²⁾ Истор. рус. церкви Филарета, еписк. рижскаго, изд. 1848 г., I, 30—34.

По свѣдѣніямъ, занесеннымъ въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», въ XI-мъ столѣтіи волхвы громко, всенародно хулили христіанство, и пользуясь своимъ вліяніемъ на массу населенія, старались возбуждать ее къ открытому сопротивленію. Такъ въ 1071 году въ Кіевѣ явился волхвъ, который предсказывалъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ назадъ, земля греческая станетъ на мѣстѣ русской, а русская на мѣстѣ греческой; тогда-же переставятся и прочія земли. Въ народѣ нашлись невѣгласи, которые охотно слушали волхва и вѣрили его предсказаніямъ; но «вѣрные» посмѣялись ему, говоря: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ»—и дѣйствительно волхвъ пропалъ въ одну ночь, безъ вѣсти. Переяславскій лѣтописецъ дополняетъ, что, по словамъ волхва, ему предстали пять боговъ и велѣли повѣдать людямъ о будущихъ измѣненіяхъ странъ, и что самъ онъ погибъ, вринутый въ ровъ («и вринуса его бѣси въ ровъ»). Также и волхвъ, явившійся въ Ростовѣ въ 1091 году, погибъ вскорѣ. Можно догадываться, что волхвы гибли не безъ участія ревностныхъ приверженцовъ христіанской стороны. На это имѣется и нѣсколько положительныхъ указаній. Посланный въ Белоозеро для сбора княжеской дани Янъ, вмѣстѣ съ священникомъ и двѣнадцатью вооруженныхъ отроковъ, выходилъ на волхвовъ, которыхъ не хотѣли выдать ему мѣстные жители. Волхвовъ было двое, но у нихъ были свои сторонники; эти люди ринулись на Яна, одинъ изъ нихъ уже замахнулся на него топоромъ, но по старинному выраженію—огрѣшился, не попалъ; тогда Янъ, оборотя топоръ, ударилъ своего противника тульемъ, а остальныхъ приказалъ рубить отрокамъ. Мятежная толпа не устояла и побѣжала въ лѣсъ. Въ этой схваткѣ убитъ и священникъ. Наконецъ настоянія и угрозы Яна заставили белозерцевъ схватить и выдать ему волхвовъ. Начался допросъ. Волхвы требовали поставить ихъ передъ княземъ Святославомъ; «самъ ты

ничего не можешь намъ сдѣлать, говорили они Яву: такъ повѣдаютъ наши боги!» — Агутъ ваши боги! возразилъ Янъ и велѣлъ ихъ бить и рвать за бороды; потомъ связалъ ихъ, посадилъ въ ладью и вмѣстѣ съ нѣмн поплылъ по Шеконѣ. Остановясь на устьѣ этой рѣки, онъ спросилъ: «что вамъ повѣдаютъ боги?» — Боги повѣдаютъ, отвѣчали волхвы, что не быть вамъ въ живыхъ. «Правду говорить!» — Но если отпустишь насъ — много будетъ тебѣ добра; а погубишь — многую печаль и зло приѣмешь. Янъ не повѣрилъ предсказанію; оба волхва были убиты и повѣшены на дубъ; трупы ихъ достались въ пищу лѣснымъ звѣрямъ. Больше значительное возстаніе волхва было въ Новгородѣ при князѣ Глѣбѣ, о чемъ лѣтопись повѣствуетъ такъ: «веталъ волхвъ... творяся акы Богъ, многы прелѣсти, мало не всего града; глаголашеть бо, яко все вѣдаю, и хула вѣру хрестыанскую, глаголашеть бо, ако перейду по Волхону предъ всѣми. И бысть мятежь въ градѣ, и вся яша ему вѣру и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекься въ ризы, ста рекъ: иже хощеть вѣру яти волхву, то да влеть за нь; аще лв вѣруеть кто, то ко кресту да влеть. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а люде вси идоша за волхва, и бысть мятежь великъ межн ими.» Тогда князь, скрывши подъ верхнею одеждою топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ: «знаешь ли, что будетъ утромъ и что будетъ къ вечеру?» — Все знаю! отвѣчалъ волхвъ. «Знаешь ли, что теперъ должно совершиться?» — Я сотворю великія чудеса! При этихъ словахъ князь выхватилъ топоръ и ударилъ волхва съ такою силою, что онъ тотчасъ-же палъ мертвый; смерть его поразила народное воображеніе, толпа разувѣрилась въ его пророческомъ призваніи и тихо разошлась по домамъ ¹⁾.

1) П. С. Р. Л., I, 75—78, 92; Лѣтоп. Переяслав., 47.

Хотя народъ и принялъ христіанство, но уставы и преданія предковъ не вдругъ утратили для него свою обаятельную силу; втайнѣ еще продолжали жить старыя вѣрованія и соблюдаться старыя обряды. «Невѣгласи» (а танини слѣдуетъ признать цѣлыя массы населенія) еще долгое время совершали мольбы и требы языческимъ богамъ, и во всѣхъ сомнительныхъ и тревожныхъ случаяхъ прибѣгали къ помощи колдуновъ и чародѣевъ. Завѣты древней религіи и культа сохранялись въ семьяхъ, передавались по наследству отъ отцовъ дѣтямъ, и потому легко укрывались отъ посторонняго вѣшательства и преслѣдованій. Сверхъ того, при всеобщей грубости нравовъ и отсутствіи образовательныхъ началъ, предки наши и не въ состояніи были возвыситься до воспринятія христіанства во всей его чистотѣ; мысль ихъ, опутанная сѣтью мнѣческихъ представленій, на всякое новое приобрѣтеніе налагала свои обманчивыя краски и во всякомъ новомъ образѣ силлася угадывать уже знакомыя ей черты. Результатомъ этого было странное, исполненное противорѣчій смѣшеніе естественной религіи съ откровенною: преданія и мѣны о древнихъ богахъ переносятся на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ; суевѣрные обряды и чары обставляются предметами, освященными въ церкви, каковы: ладонъ, пепелъ кадила, св. вода, свѣчи страстная, богоявленская, срѣтенская и вѣничальная, верба, сбереженная отъ недѣли Ваиѣ, соль «четверговая»¹⁾, которую, по свидѣтельству Стоглава, клали подъ престолъ, и проч.; заговоры сливаются съ христіанскими молитвами, и рвдомъ съ воззваніями къ стихійнымъ силамъ природы народъ призываетъ ангеловъ, апостоловъ и Пречистую Дѣву; языческія празднества приурочиваются къ христіанскому календарю; священниковъ заставляють кататься по нивамъ—на плодородіе почвы,

¹⁾ Пережженная на чистый четвергъ.

выдергивать хлѣбные заломы, принимать не установленными церковными правилами приношенія. Старинные моралисты называли нашихъ предковъ людьми двоевѣрными, и нельзя не признаться, что эпитетъ этотъ вѣрно и мѣтко обоначалъ самую существенную сторону ихъ нравственнаго характера.

Духовенство, въ высшихъ своихъ представителяхъ, сознавало вредъ и незаконность такого положенія дѣлъ, и въ поученіяхъ своихъ постоянно возвышало голосъ какъ противъ басней и обрядовъ, наслѣдованныхъ отъ языческой старины, такъ и противъ народнаго довѣрія къ волхвамъ, вѣдунамъ и вѣдуньямъ. Кириллъ Туровскій возстаеъ на скоморошество, игры, волхованіе, потворы, и запрещаетъ искать и посѣщать волховъ. Въ правилахъ митрополита Іоанна (XII в.) предписывается: кто будетъ творить волхованіе и чары, тому не давать св. причастія ¹⁾. Въ Кормчей книгѣ, по списку 1282 года, велѣно всѣхъ, «иже въслѣдоуе(ю)тъ поганымъ обычае(я)мъ и къ волхвомъ или обавникомъ ходять, или въ домъ свой призываютъ, хотяще увидѣти отъ нихъ нѣкая неизрѣченная — отлучать на шесть лѣтъ отъ церкви ²⁾. Подобные же запреты встрѣчаемъ въ грамотахъ игумена Памфила (1505 года), митрополитовъ Фотія и Даніила, въ Домостроѣ, Стоглавѣ и другихъ памятникахъ, направленныхъ противъ народнаго суевѣрія. Въ поученіи священнослужителямъ 1499 года сказано, чтобы они не принимали приношеній отъ волхва, потворника, игреца (скомороха); а въ дополнительномъ указѣ (1552 г.) къ Судебнику повелѣно было клякаты по торгамъ, чтобы къ волхвамъ, чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили, подъ опасеніемъ опалы и духовнаго запрещенія ³⁾. Въ патріаршей грамотѣ на основаніе Львовскаго братства 1586 года читаемъ: «а еслбы

¹⁾ Памят. XII в., 90, 121; Рус. Достоп., I, 91. — ²⁾ Ист. Христом. Бусл., 381—2. — ³⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 22; Памят. стар. рус. литер., IV, 202; Ак. Ист., I, 109, 154.

въ которомъ жѣстѣ или селѣ будетъ чаровница или ворожка—сосуды діавольскія, или волшебница... да истребится отъ церкви, и тѣхъ, которые діаволомъ прельстившися до чаровницъ и до ворожокъ ходять, отлучайтеса» ¹⁾). Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVI вѣка ²⁾ мы нашли слѣдующее правило: «грѣхъ есть стрячи (встрѣчи) вѣровавши—опитемъ 6 недѣль, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть въ чохъ вѣрова(ти) или въ полазъ—опитемъ 15 дней, по 100 поклоновъ на день... грѣхъ есть къ волхвамъ ходити, вопрошать или въ домъ приводити, или чары дѣяше—опитемъ 40 дней, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть пивши зеліе молока дѣля или дѣтей дѣля—опитемъ 3 недѣли, поклоновъ по 60... грѣхъ есть дѣяше чары каковы-любо въ пьтви—опитемъ 5 лѣтъ, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть восивше наузы какіе-любо—опитемъ 40 дней, поклоновъ по 60 на день», и т. дал.

Къ волхвамъ и чаровницамъ чаще всего обращались съ просьбами объ исцѣленіи недуговъ. Духовенство старалось искоренить этотъ обычай; оне убѣждало, что чародѣи служатъ сатанѣ и врачуютъ его силою, а потому если и спасаютъ тѣло, то губятъ душу. Изъ вопросовъ Кирика и отвѣтовъ Нифонта узнаемъ, что всякой, кто приходилъ къ волхвамъ лѣчиться или приносилъ къ нимъ дѣтей для навязки предохранительныхъ наузъ, подлежалъ опитемъ ³⁾). Въ словѣ «о злыхъ дусѣхъ», приписанномъ св. Кириллу ⁴⁾, высказаны сильные упреки тѣмъ, которые въ случаѣ болѣзни обращались къ женамъ-чародѣйкамъ: «о горе намъ прельщеннымъ бѣсомъ и скверными бабами... идемъ во дно адово съ проклятыми бабами!» Проповѣдникъ совѣтуетъ недужнымъ приглашать поповъ, «да творять молитвы врачевныя, Бога призывающе». Митрополитъ Фотій

¹⁾ Памятн., изд. Врем. Киевск. Комис., III, 18. — ²⁾ Рукопись, принадлеж. купцу Болотову. — ³⁾ Памят. XII в., 202. —

⁴⁾ Иосиф. 1844, I, 243—5.

въ пославіи своемъ новгородцамъ (1410 года) предписываетъ священникамъ: «такожь учите ихъ (паству), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примовленья, ни зелья, ни вороженья и елика такова; занеже съ того гнѣвъ божій приходитъ, и гдѣ таковыя бабы находятся— учите ихъ, чтобы престади и каялись бы, а не нмутъ слушати— не благословляйте ихъ; христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ не дрѣжали между себѣ нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ отъ церкви отлучайте» ¹⁾. Тѣже требованія заявляютъ царская грамота 1649 года, различныя назидательныя статьи и «Домострой». Изъ послѣдняго памятника видно, что бабы-колдуньи ходили по боярскимъ домамъ, лѣчили недуги, гадали, переносили вѣсти, и особенно-охотно были принимаемы на женской половинѣ. Слѣдующее свидѣтельство, занесенное въ прѣтчу о женской злобѣ, не смотря на общій тонъ этого сочиненія, явно-враждебный женщинѣ, кажется, указываетъ на дѣйствительныя бытовыя черты: «издѣтка начнетъ она у проклятыхъ бабъ обавничества навкаты и еретичества искати, и вопрошати будетъ многихъ, како-бъ ей замужь выйтити и какъ-бы ей мужа обавити на первомъ ложѣ и въ первой банѣ; и възышетъ обавниковъ и обавницъ, и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою будетъ шепты ухищрати и подъ нозѣ подсыпати, и въ възглавіе и въ постелю вшивати, и въ порты рѣзаючи, и надъ челомъ втыкаючи, и всякія прилучившіася къ тому промысляти, и кореніемъ и травами приѣшати, и вѣсмъ надъ мужемъ чаруетъ» ²⁾. Когда приключится болѣзнь, «Домострой» совѣтуетъ возлагать надежду на Бога, а съ волхвами и тѣми, кто промышляетъ зельемъ, отнюдь не знать-

¹⁾ Ак. Арх. Эксп., I, 369; сравни поученіе Петра-митрополита въ Пам. стар. рус. лит., IV, 187. — ²⁾ Пам. стар. рус. лит., II, 463—4.

ся и на дворъ ихъ къ себѣ не приводитъ ¹⁾. Троицко Сергіевскій монастырь, въ приговорной грамотѣ 1555 года, запрещалъ въ своихъ волостяхъ держать скомороховъ, волхвовъ и бабъ-ворожеекъ; за нарушеніе этого указа назначалась пѣня въ десять рублей съ каждой сотни, а скомороха, волхва или бабъ-ворожейку, «бивъ да ограбивъ, выбити изъ волости вонъ» ²⁾.

Другою заботою духовенства было уничтоженіе народныхъ игръ; вмѣстѣ съ музыкой, пѣснями, плясками и ряженьемъ въ мохнатыя шкуры и личины, играющіе эти вызывали строгія запретительныя мѣры, какъ дѣло нечестивое, бѣсовское, принадлежавшее нѣкогда къ религиознымъ обрядамъ язычества. Свидѣтельства памятниковъ были приведены нами выше (I, 339-345), а потому, избѣгая повтореній, считаемъ достаточнымъ указать на царскую окружную грамоту 1648 года. «Многіе люди (сказано въ этой грамотѣ), забывъ Бога и православную хрестіанскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ—скоморохомъ послѣдуютъ, на безчинное ихъ прел(ь)щеніе сходятся по вечерамъ на позорища, и на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ... да въ городѣхъ же и въ уѣздахъ отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужского и женского полу по зорямъ и въ ночи чародѣйствуютъ... и чинятъ безчинное скаканіе и плясаніе», поютъ пѣсни, вграютъ во всякія бѣсовскія игры и накладываютъ на себя личины и платье скоморошеское. Запрещая все это подѣ страхомъ наказанія батогами и ссылкой, грамота предписываетъ: скомороховъ никуда не принимать, а буде гдѣ объявятся домры, сурны, волынки, гудки, гусли и хари—такое вы немедленно отбирать, ломать и огнемъ жечь ³⁾.

¹⁾ Времеш., I, 33, 38, 40—44, 57. — ²⁾ Ак. Арх. Эксп., I, 244. — ³⁾ Ак. Ист., IV, 35.

Съ особенною ревностью были преслѣдуемы такъ называемыя «отреченныя» или «отметныя» книги, принесенныя къ намъ, вмѣстѣ съ грамотностію, изъ Византіи и отчасти съ запада; къ нимъ причислялись и тѣ листы и тетрадки, въ которыхъ записывались народные заговоры, примѣты и суевѣрныя наставленія. Слѣдуя церковному индексу, запретными книгами признавались: а) Острологъ (другія названія: Мартолой, Острономія, Звѣздочетецъ и Зодій). Въ статьѣ о ложныхъ книгахъ сказано: «Звѣздочетецъ—12 звѣздъ; другій Звѣздочетецъ, ему же имя Шестодневецъ: въ нихъ же безумніи люди вѣрующе волхвуютъ, ищуще дней роженія своего, сановъ полученія и урока житію». Это—сборникъ астрологическихъ замѣчаній о вступленіи солнца въ различные знаки зодіака, о вліяніи планетъ на счастье новорожденныхъ младенцевъ (—тоже, что Рожденникъ, Родословіе), а также на судьбы цѣлыхъ народовъ и общественное благоденствіе; отсюда почерпались предсказанія о грядущихъ событіяхъ: будетъ ли миръ или война, урожай или голодъ, повсемѣстное здравіе или моровая язва. б) Рафли — греч. *ραμφλιον* — астрологическая книга, раздѣленная на двѣнадцать схемъ (*σχηματα*), въ которой трактуется о вліяніи звѣздъ на ходъ человеческой жизни ¹⁾). Стоглавъ ²⁾ замѣчаетъ, что тяжущіеся, какъ скоро доходило до судебного поединка, призывали на помощь волхвовъ—и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять, кудесы бьютъ, и въ Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрять, и по планетамъ глядають и смотрять дней и часовъ... и на тѣ чарованія надѣяся, поклепча и ябедникъ не мирятся и крестъ цѣлуютъ и на поли бьютца, и поклепавъ побиваютъ». Вслѣдствіе этого современный Стоглаву указъ требуетъ, подъ опасеніемъ опа-

¹⁾ Правосл. Собесѣд. 1860, XI, 250. — ²⁾ Глава 40, вопр. 17.

лы я духовнаго запрещенія, чтобы къ чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили и у поля бы чародѣи не были ¹⁾). Одна изъ грамотъ 1628 года называетъ Рафли «гадальными тетрадами». Кромѣ того, о Рафляхъ упоминаетъ еще Домострой; но въ статьѣ о ложныхъ книгахъ, тщательно перечислившей запретныя тетрадки, этого имени не встрѣчаемъ—вѣроятно, потому, что въ сущности оно обозначало тоже самое, что «Острологъ» или «Зодій» ²⁾). с) Аристотелевы Врата—переводъ средневѣковаго сочиненія: «*Secreta secretorum*», составленіе котораго приписывалось Аристотелю. Книга эта, сверхъ нравственныхъ наставленій, содержитъ свѣдѣнія по астрологіи, медицинѣ и физиогномикѣ; она состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, называемыхъ вратами. d) Громникъ или Громовникъ—греч. *βροντολόγια*: въ рукописи императорской вѣнской библіотеки означенъ «твореніемъ премудраго Ираклія, царя перскаго». Книга эта извѣстна по спискамъ XV—XVI столѣтій, сербскаго письма, и заключаетъ въ себѣ различныя, расположенныя по мѣсяцамъ, предзнаменованія (о состояніи погоды, о будущихъ урожаяхъ, болѣзняхъ, ратахъ и пр.), соединяемая съ громомъ и землетрясеніемъ; къ этому присоединяются иногда и замѣтки «о состояніи луны право или полого», съ указаніемъ на значеніе такнхъ признаковъ въ разные времена года ³⁾). е) Молникъ (Молніянникъ), сохра-

¹⁾ Ак. Ист., I, 154. — ²⁾ Словохъ *gaffli* на западѣ означалось: метаніе жребіи, азартная игра въ кости. Поэтому г. Пыпинъ приписываетъ «Рафлямъ» западное происхожденіе и думаетъ, что гадательными тетрадами названы они въ смыслѣ известной книжки «Соломона», которая и донныи съ успѣхомъ расходится въ народѣ чрезъ посредство дешевыхъ (лубочныхъ) изданій. Въ этой книжкѣ изображенъ кругъ съ цифрами и впечатаны различныя краткія изреченія, долженствующія служить отвѣтами на вопросы гадающихъ; на какой цифрѣ остановится брошенный шарикъ или зерно (=зернѣ), та цифра и указываетъ гадающему вумерь отвѣтъ. — ³⁾ Въ числѣ отреченныхъ книгъ упоминаются

нашедшійся въ сербской рукописи XV столѣтія: здѣсь собраны свѣдѣнія, въ какіе дни мѣсяцевъ что предвѣщаетъ ударъ молніи. f) Коле(я)дникъ — *καλανδολόγια* содержитъ въ себѣ примѣты, опредѣляемыя по днямъ, на какіе приходится Рождество Христово (праздникъ Коляды); напримѣръ: «еще будетъ Рождество Христово въ среду — зима велика и тепла, весна дождева, жатва добра, пшеницы помалу, вина много, женамъ морь, старымъ пагуба» (по списку XV стол.). g) Записка о дняхъ и часахъ добрыхъ и злыхъ. h) Мысленникъ — вѣроятно, тоже самое, что Разумникъ, содержащій апокрифическія сказанія о созданіи міра и человѣка. i) Волхovníкъ — сборникъ суевѣрныхъ примѣтъ, «еже есть се: храмъ трещить, ухозвонъ, вороноградъ, курокликъ, окомигъ, огонь буцять, песь выеть», и проч. Нѣкоторыя статьи Волхovníка переписывались отдѣльно, и занесены въ индексъ подъ своими частными названіями, каковы: Вороноградъ (примѣты и гаданія по крику вороновъ), Куроглашенникъ (— по крику пѣтуховъ), Птичникъ или Птичьи чарове (— по крику и полету птицъ вообще) и Трепетникъ — истолкователь примѣтъ, основанныхъ на трепетѣ различныхъ частей человѣческаго тѣла: «еще верхъ главы (члѣсть, бровь, око и т. дал.) потрепешеть, лицо или уши горять, во ухо десное и лѣвое пошумитъ (или позвонитъ), длань посвербитъ, подошвы отерпнутъ...» Подлинникъ Трепетника найденъ въ одной изъ греческихъ рукописей вѣнской бібліотеки. k) Сносудецъ (Сновидецъ, Сонникъ). l) Путникъ — «книга, въ ней-же есть написано о стрѣчахъ добрыхъ или злыхъ. ш) Зелейникъ — описаніе волшебныхъ и цѣлебныхъ травъ (зелій), съ указаніемъ на заговоры и другія суевѣрныя средства,

также: «мѣсяць окружится» и «ствѣмъ (луннымъ и солнечнымъ затмѣніемъ) знаменье».

употребительныя въ народной медицинѣ; подобныя тетради и донынѣ обращаются между простолюдинами—подъ названіемъ «травниковъ», «цвѣтниковъ» и «лѣчебниковъ». п) Чаровникъ, состоящій изъ 12-ти главъ, «въ нихъ-же суть двенадцать опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичійхъ» (см. выше, стр. 301), т. е. сказанія о блуждающихъ оборотняхъ. о) Метаніе (Метанъеимецъ или Розгомечець)—книга гаданій посредствомъ жребія (см. выше, стр. 383). У г. Пыпина описана подобная тетрадка конца XVII или начала прошлаго вѣка, названная «Книгой пророка и царя Давида». Желające допросить Судьбу метали жребіа, т. е. прутики (розги) съ нарѣзанными на нихъ чертами; вмѣсто этихъ прутиковъ могли употребляться и помѣченныя точками игральныя кости; по числу выпавшихъ нарѣзокъ или точекъ опредѣлялся номеръ того изрѣченія гадательной книги, которое должно было служить отвѣтомъ на задуманный вопросъ. Такія изрѣченія въ «Давидовой книгѣ» скрѣпляются ссылкой на псалмы и другіе отдѣлы священнаго писанія; напримѣръ: «что во умѣ держишь и жадаешь, возрадуешься и сердце весело будетъ; о томъ царь Давидъ рече: взми мя, Господи, отъ челоуѣка лукава, и отъ мужа неправедна избави мя. Аще мечеши о болѣзни, и та болѣзнь минется; аще о дому, въ домѣ твоємъ здраво, и путь тебѣ доброй, и пропажа твоя сыщется». При нѣкоторыхъ отвѣтахъ добавлено: «эта метъ добрая», или: «берегись—метъ злая!» Наконецъ р) альманахи. Максимъ Грекъ, который неразъ протестовалъ противъ заблужденій современниковъ, въ одномъ обличительномъ словѣ коснулся и альманачовъ, обыкновенно наполнявшихся разными астрологическими предсказаніями. Къ намъ они занесены съ запада ¹⁾). Такимъ

¹⁾ Стоглавъ, гл. 40, вопр. 22; Лѣтопись занят. Археогр. Ком. I, 29—32, 42—49, 53; Времен., I, 38 («Домострой»); Иоаннъ, еврархъ болгар., 211—2; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, предислов

образомъ календарныя прогностики, напечатанныя въ 1710-мъ и послѣдующихъ годахъ, ¹⁾ уже имѣли своихъ предшественниковъ въ рукописныхъ сборникахъ допетровскаго времени. Отреченныя книги ясно свидѣтельствуютъ, что научныя познанія о природѣ были смѣшиваемы съ языческими вѣровапіями и волшебствомъ ²⁾. Духовная власть устанавливаетъ бѣгатыя этихъ книгъ, аки Содома и Гомора, и если онѣ попадутся въ руки, то немедленно истреблять ихъ огнемъ: «ще кто заповѣдь божію преступитъ, а иметъ еретическія писанія у себя держати, еже есть врагъ божій, и волхованію ихъ вѣровати иметъ кто, съ тѣми со всіми еретики да будетъ проклятъ. Аще который отецъ духовный, вѣдая у есебе такового въ сынѣхъ, а вѣдая то... иметъ ему въ томъ постоковы (потачку) дѣяти, и приѣмля его на частое покаяніе

стр. XXII, XXV; статьи г. Пыпина—въ Архивѣ истор. и практич. свѣд. 1860—1 г., I, 8—12; II, 15—27; Рус. Сл. 1862, I, 94, 100; О. З. 1857, XI, 344—6; Археолог. Вѣстникъ 1867, III, 113—8; Памят. отреч.н. рус. лит., II, 361—444. — ¹⁾ Магазиныя землевѣд. и путешеств. Фролова, стат. Перевощикова, 507—604; Свѣд. Архивъ 1828, XI, 132. — ²⁾ Олеарій говоритъ, что русскіе признавали астрологию и астрологию за науки волшебныя, что умѣнье вычислять и предсказывать солнечныя и лунныя затмѣнія казались для нихъ сверхъестественнымъ даромъ. Когда въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что царь желаетъ принять Олеарія на службу въ званіи придворнаго астронома, то въ народѣ пошла молва, что въ скоромъ времени долженъ явиться волшебникъ. Эта молва и была причиною, почему ученый иностранецъ отказался отъ сдѣланнаго ему царемъ предложенія—Архивъ ист. и практ. свѣд. 1859, кн. III, 25—26. Въ началѣ XVIII в. извѣстный Брюсъ, составитель календаря, дополненнаго астрологическими предсказаніями, считался въ народѣ колдуномъ и червокижникомъ. По рассказамъ простолюдиновъ волшебники обладаютъ черною книгою, и съ ея помощію вызываютъ чертей, узнаютъ тайное и творятъ злыя чары. Кто случайно найдетъ такую книгу и ставетъ читать ее, къ тому немедленно явятся черти и потребуютъ отъ него работы—Иллюстр. 1845, 183—4; Абев., 73.

«безъ опытеи и безъ отлученія церковнаго, или иметъ (и) самъ тоже творити... да извержется сана своего по праву». «омъ св. отецъ, и съ прежеречеными еретики съ тѣми со всѣми да будетъ проклятъ, и написанная та на тѣлѣ его да сожгутся». Осужденія, высказанныя статьею о ложныхъ книгахъ и другими памятниками (Стоглавомъ, Домостроемъ), были для своего времени какъ-бы официальной ценсурой. Предостерегая паству отъ чтенія запретныхъ сочиненій, духовенство называло ихъ «болгарскими баснями»: знакъ, что сочиненія эти явились къ намъ чрезъ посредство южнославянской письменности, которая уже прежде заимствовала ихъ изъ Византіи; уцѣлѣвшіе донынѣ списки особенностями языка и правописанія прямо обнаруживаютъ свое болгаро-сербское происхождение. Бѣольшая часть отреченныхъ книгъ проникла въ Россію именно этимъ путемъ, и только нѣкоторыя должно считать занесенными съ запада ¹⁾. Не смотря на то, народъ принималъ ихъ съ постоянно-возбужденнымъ любопытствомъ и довѣріемъ; потому что основы сообщаемыхъ ими свѣдѣній были тѣже самыя, на какихъ держались и національныя, наслѣдованныя отъ предковъ повѣрья. Книги эти были въ уровень съ умственнымъ развитіемъ общества; онѣ не противорѣчили его заветнымъ убѣжденіямъ и обращали его къ тѣмъ-же вопросамъ, какими издавна интересовалась народная мысль.

Христіанскіе пастыри не ограничились только поученіями и запретами; они требовали преданія обличаемыхъ строгому суду и казнямъ. Тотчасъ послѣ крещенія Русской земли, дѣла о волшебствѣ уже подлежали разсмотрѣнію духовной власти. Въ церковномъ уставѣ св. Владиміра къ вѣдомству духовнаго суда отнесены: «вѣтство, зелейничество, потворы, чаро-

¹⁾ Кромѣ альманаховъ и книги: „Аристотелевы Врата“, можно указать еще на „Луцидаріусъ“, напечатанный въ 1-й кн. Лѣтописей г. Тихонравова, и отчасти на „плавидники“.

дѣнія, волхованья» ¹⁾). Обычною карою за эти преступленія было сожженіе; какъ сожигались музыкальные инструменты и волшебныя книги, такъ подобную-же участь испытывали и колдуны, и вѣдьмы. Въ 1227 году, по сказанію лѣтописца, въ-Новгородѣ «изъжгоша волхвовъ четыре, творяхуть ѿ потворы дѣуща, а Богъ вѣсть, и сожгоша на Ярославѣ дворѣ». По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, волхвы были приведены сперва на архіепископскій дворъ, а потомъ уже преданы сожженію на Ярославовомъ дворѣ, не смотря на заступничество боярь ²⁾). Въ началѣ XV столѣтія (въ 1411 году) псковичи сожгли двѣнадцать вѣщихъ жонокъ ³⁾); замѣтимъ, что около этого времени дѣйствовала на Руси страшная моровая язва, которая и могла послужить поводомъ къ ихъ обвиненію. О князѣ Иванѣ Андреевичѣ Можайскомъ сохранилось извѣстіе, что онъ сжегъ за волшебство мать Григорія Мамона ⁴⁾). Повѣсть о волхованіи, написанная для Ивана Грознаго, доказываетъ необходимость строгихъ наказаній для чародѣевъ, и въ примѣръ выставляетъ царя, который, вмѣстѣ съ епископомъ, «написать книги повелѣи и утверди, и проклятъ чародѣяніе, и въ всѣхъ заповѣда такихъ огнемъ пожечи» ⁵⁾). Котошихинъ говоритъ, что въ его время мушкетеры за богохульство, церковную татьбу, волховство, чернокнижество и ереси сожигали живыхъ,

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 1. — ²⁾ П. С. Р. Л., III, 42; IV, 29; Никонов. лѣт., II, 357: «явившася въ Новѣграда волхвы, вѣдуны, потворницы, и многая волхованія и потворы и ложная знаменья творяху, и много зла сотворяху, многихъ прельщающе. И собравшеся новгородцы изымаша ихъ, и ведоша ихъ на архіепископовъ дворъ. И се мужи княже(и) Ярославли вступишася о нихъ; новгородцы же ведоша волхвовъ на Ярославль дворъ, и складше огонь велий на дворѣ Ярославли, и связавше волхвовъ всѣхъ и вринуша во огонь, и ту згорѣша вси». — ³⁾ П. С. Р. Л., V, 22. — ⁴⁾ Лѣтописецъ русск. Н. Львова, III, 167; И. Г. Рос., V, 356 (изд. Сленина). — ⁵⁾ Москв. 1844, I, 246—9.

а женщинамъ за тѣже преступленія отсѣкали головы ¹⁾. Изъ слѣдственныхъ-же дѣлъ XVII-го столѣтія видно, что за ворожбу и чародѣйство большею частію наказывали ссылкой въ дальнія мѣста и заключеніемъ въ монастырь; слѣдовательно, кромѣ сожженія, употреблялись и другія болѣе легкія наказанія. Впрочемъ, при назначеніи мѣры взысканія, принимались въ расчетъ какъ замыслы обвиняемыхъ лицъ, такъ и степень причиненнаго ими вреда. Въ грамотѣ, данной царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ на учрежденіе въ Москвѣ Славеногреко-латинской академіи, сказано: «а отъ церкви возбраняемыхъ наукъ, наипаче-же магіи естественной и иныхъ, такимъ не учить и учителей таковыхъ не имѣти. Аще же таковыя учителя гдѣ обрящутся, и оны со учениками, яко чародѣи, безъ всякаго милосердія да сожгутся». Блюстителю и учителямъ академіи предписывалось имѣть тщательное наблюденіе, чтобы никто изъ духовныхъ и мірскихъ людей не держалъ у себя «волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всякихъ отъ церкви возбраняемыхъ книгъ и писаній, и по онымъ не дѣйствовалъ, и нныхъ тому не училъ.» У кого-же объявятся такія богопротивныя книги, тотъ, вмѣстѣ съ ними, «безъ всякаго милосердія да сожжется» ²⁾. Колдовство поставлялось на ряду съ богохульствомъ, безбожіемъ и ересями и подлежало тому-же вознездію, какъ и эти послѣднія ³⁾. Сожженіе чародѣевъ на кострахъ согласовалось съ общимъ народнымъ убѣжденіемъ, которое, обвиняя колдуновъ и вѣдьмъ въ засухахъ, неурожаяхъ и повальныхъ болѣзняхъ, почитало такую казнь за единственное средство противъ постигшихъ бѣдствій. Выше (стр. 509—

¹⁾ По первому изд., стр. 91—92. — ²⁾ Др. Рос. Вивліюе., изд. 2, VI, 408, 415—6. — ³⁾ Такъ были преданы сожженію жидовствующіе, обвиняемые между прочимъ и въ занятіяхъ астрологію; такъ въ 1689 году сожженъ за ересь иезодецъ Кузьманъ —Собр. Гос. Гр. и Дог., IV, 204.

512) мы указали на любопытные примѣры народнаго самоуправления съ этими мнимыми виновниками неурожаевъ и моровой язвы; очень можетъ быть, что и засвидѣтельствованное лѣтописцами сожженіе волхвовъ и вѣщихъ жонокъ въ Новгородѣ и Псковѣ было совершено вольницею этихъ городовъ. По словамъ пѣсни, дѣвица-чародѣйка напекла змѣй, сварила зелье, и приготовила снадобье на гибель роднаго брата; но братъ смѣтилъ ее злой умыселъ:

Снималъ онъ съ сестры буйну голову...
И онъ бралъ со костра дрова,
Онъ клалъ дрова среди двора;
Какъ сжегъ ее тѣло бжлое
Что до самаго до пепелу,
Онъ развѣялъ прахъ по чисту полю,
Завазалъ всемъ тужить, плакати ¹⁾.

Тому-же наказанію подвергаются колдуны и вѣдьмы и по свидѣтельству народныхъ сказокъ ²⁾. Христіанскіе пастыри не только скрѣпили своимъ авторитетомъ старинное мнѣніе о связи чародѣйства съ нечистою силою, но и придали этому мнѣнію болѣе-рѣшительный характеръ. Какъ на сообщниковъ злыхъ демоновъ, народъ возставалъ на колдуновъ и вѣдьмъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ общественныхъ бѣдствій; въ обыкновенное же время онъ довѣрчиво и съ уваженіемъ относился къ ихъ вѣщимъ дарованіямъ и охотно пользовался ихъ помощью. Напротивъ христіанство на всѣ проявленія колдовства смотрѣло безразлично; на его строгой взглядъ равно были грѣховны: и похитители дождей, напускатели града, вихрей, болѣзней, и составители цѣлебныхъ снадобій, наузники, ворожеи, гадатели. Отсюда возникли многія столкновения, которыя живо рисуютъ передъ нами прошлую жизнь съ ее внутренней стороны.

¹⁾ Терещ., I, 107; Сахаров., I, 202. — ²⁾ Н. Р. Ск., II, 29; VI, 27; сказ. Грим., 11, 60 и др.

Вѣра въ колдовство, составляющая теперь исключительную принадлежность простонародья, въ допетровское время была общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ общества. По незначительной степени доступнаго тогда образованія, высшіе сословные разряды въ умственномъ и нравственномъ отношеніи почти не разнились отъ низшихъ: черта, существенно-отличающая древнюю нашу исторію отъ новѣйшей. Старинные обычаи равно соблюдались и во дворцѣ, и въ боярскихъ палатахъ, и въ избѣ крестьянина, на что указываетъ весь строй домашняго быта и въ особенности свадебный обрядъ; духъ суевѣрія одинаково властвовалъ надъ всѣми, начиная отъ поселянъ и до царя. Въ 1467 году скончалась супруга Ивана III-го Марія ¹⁾, тѣло усопшей «разошлось» (распухло, отекло), и смерть ея приписана была дѣйствию отравнаго зелья. Подозрѣніе пало на жену Алексѣя Полуектова Наталью, которую обвиняли въ томъ, будто она посылала поясъ великой княгини къ какой-то бабѣ (ворожеѣ); тогда, замѣчаетъ летописецъ, восполѣся князь на Алексѣя и его жену, и шесть лѣтъ не допускалъ его на свои пресвѣтлыя очи ²⁾. Отъ брака съ Маріей в. князь имѣлъ сына, который умеръ еще при жизни отца и оставилъ ему внука Дмитрія—отъ Елены, дочери молдавскаго господаря. Во время спора, возникшаго за наследство престола между внукомъ Ивана III и сыномъ его отъ новаго брака съ греческою царевною Софіей, сторонники Елены оговорили великую княгиню въ злыхъ умыслахъ и съ сношеніяхъ съ бабами-чародѣйками, «и въ то время (1497 г.) опалу положилъ князь великій на жену свою на вел. княгиню Софію о томъ, что къ ней приходиша бабы съ зелиемъ; обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнити—потопити въ Москвѣ-рѣкѣ ноцію, а съ нею съ тѣхъ мѣстъ нача

¹⁾ Дочь в. кн. тверскаго. — ²⁾ П. С. Р. Л., VI, 186.

жита въ бреженіи» ¹⁾. Димитрій былъ вѣнчанъ на царство; во торжество его партіи было непродолжительно и—какъ извѣстно—окончилось заключеніемъ въ темницу этого несчастнаго царевича. Софія побѣдила, но за нею осталось названіе «чародѣйки греческой»: такъ обзываетъ ее Курбской въ исторіи Ивана Грознаго ²⁾. Великая княгиня Соломонія, супруга Василія Ивановича, вѣрная воззрѣніямъ своего вѣка, прибѣгала къ чарамъ и ворожбѣ, чтобы излѣчиться отъ неплодія. Изъ розыскаго дѣла узнаемъ, что она развѣдывала о колдуньяхъ и приказывала приводить ихъ къ себѣ Ивану Юрьевичу Сабурову. «Есть, говорила ему вел. княгиня, на Москвѣ жонка — Стефанидою зовутъ, рязанка, и ты ее добудь и коня пришли.» Сабуровъ исполнилъ просьбу, и съ помощію своей жены привелъ Стефаниду къ вел. княгинѣ; ворожея смотрѣла ей брюхо и сказывала, что дѣтей у нея не будетъ; потомъ наговаривала въ рукомойникъ воду и совѣтовала вел. княгинѣ тою водою умываться, чтобы любилъ ее мужъ, а когда понесутъ къ вел. князю сорочку, чехолъ или порты, и въ то время она бы, омочивъ свои пальцы въ рукомойникъ, охватывала ими бѣлье. Соломонія послѣдовала наставленію и дѣйствительно смачивала наговорной водою мужнино бѣлье и платье. Въ другой разъ она говорила Сабурову: «сказали мнѣ черницу, что она дѣти знаетъ (т. е. можетъ отвращать неплодіе), а сама безноса, и ты ту черницу добудь.» Черница была найдена, приведена къ Сабурову въ подворье, и тамъ наговаривала не то масло, не то медъ прѣсный, и «посылала къ вел. княгинѣ съ Настею (женою Сабурова), а велѣла ей тѣмъ тертиса отъ того-жъ, чтобъ ее князь великій любилъ, да и дѣтей дѣла» ³⁾—и вел. княгиня тѣмъ снадобьемъ терлась. Въ

¹⁾ Бережно, остерегаюсь—*ibid.*, 279. — ²⁾ Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2, 128. — ³⁾ Въ старые годы чары на любовь мужей были въ большомъ ходу. Когда кн. Курбской женился въ Литвѣ

заключеніе своихъ показаній Сабуровъ добавилъ: «а что ми говорити? того мнѣ не испаятовати, сколько ко мнѣ о тѣхъ дѣлѣхъ жонокъ и мужиковъ прижаживало!» ¹⁾ Но все было напрасно: чары не помогали, Соломонія не рождала дѣтей, а безъ нихъ исчезала и любовь вел. князя, который страстно желалъ имѣть наслѣдника, и однажды, по словамъ лѣтописца, увидя на деревѣ птичье гнѣздо, зарыдалъ и въ этихъ поэтическихъ выраженіяхъ жаловался на свою судьбу: «лютѣ мнѣ! кому уподоблюся азъ? не уподобихся ни птицамъ небеснымъ, яко птицы небесніи плодовиы суть, ни звѣремъ земнымъ, яко звѣри земніи плодовиы же суть; не уподобихся азъ никому-же — ни водамъ, яко воды сія плодовиы суть, волны бо ихъ утѣшающе и рыбы ихъ глумящеса! ни земли сей, яко и земля приноситъ плоды своя на всяко время!» Бояре отвѣчали ему: «государь! неплодную смоковницу постѣкають и измещуть изъ вертограда.» И вел. князь, послѣ двадцати лѣтъ супружества съ Соломоніей, повелѣлъ постричь ее въ монахини: несчастную княгиню вывели изъ дворца, насильно постригли и заключили въ женской обители въ Суздали ²⁾. Князь Курбскій обвиняетъ и самого Василія въ такой-же заботливости помочь себѣ чарами: женившись снова на молодой женѣ, «самъ «старъ будучи, онъ искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, «да помогутъ ему ко плодотворенію. О чаровникахъ оныхъ «такъ печашеса, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до «Норелы, и оттуду провожаху ихъ къ нему... совѣтниковъ «сатанинскихъ, и за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣмень,

на Марьѣ Юрьевнѣ Ковинской, довольно-пожилой вдовѣ, то она подобными-же средствами хотѣла упрочить расположевіе своего мужа. При обыскѣ въ сундукъ ея найденъ былъ ившочень съ пескомъ, волосами и другими свадебными, котерыи (по свидѣтельству служанки) дала княгинѣ одна старуха—для того, чтобы ее любилъ князь—Жизнь кн. Курбскаго, I, 98. — ¹⁾ Ак. Ист., I, 130. — ²⁾ П. С. Р. Л., IV, 295—6; Карамз. И. Г. Р., изд. 2, VII, 137.

«по произволенію презлomu, а не по естеству отъ Бога вложенному, уродишеся ему два сына: единъ таковый прелютый и кровонійца..., а другій былъ безъ ума и безъ памяти и безъ словесенъ. Ту ми зрите и прилежно созерцайте, христіанскіе «родове! яже дерзають непреподобнѣ приводити себѣ на по-
 «мощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и «бабъ, смывателей и шептуней, и иными различными чарами «чарующихъ, общую со діаволомъ и призывающе его, на по-
 «мощь, что за полезную и яковую помощь отъ того имѣете!» ¹⁾
 Въ 1547 году Москву постигла страшная кара: великій пожаръ испечелилъ всѣ зданія, ни огороды, ни сады не уцѣлѣли, около 2000 народу сдѣлалось добычею пламени; народная молва приписала это бѣдствіе чародѣйству и обвинила въ немъ Глинскихъ, родственниковъ молодого царя по матери; были они, говоритъ лѣтописецъ, у государя въ приближеніи и жалованіи, допускали грабежъ и насильство, и чрезъ то возбудили противъ себя общую ненависть черныхъ людей. Царскій духовникъ Благовѣщенскій протопопъ Ѳеодоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳеодоръ Скопинъ-Шуйскій да Иванъ Ѳеодоровъ довели о томъ до свѣдѣнія государя, и онъ приказалъ розыскать боярамъ. Бояре пріѣхали въ Кремль на площадь, къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и стали спрашивать: кто зажигалъ Москву? Толпа закричала: «бнягиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми волховала, вынимала сердца человѣческія, клала ихъ въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила — и отъ того Москва выгорѣла!» На площадь явился и Юрій Глинскій, родной дядя государя; но, слыша такое ужасное обвиненіе, посѣвшилъ укрыться въ Успенскомъ соборѣ. Озлобленная чернь бросилась за нимъ, убила его въ самой церкви и поволокла

¹⁾ Сказанія кн. Курб., изд. 2, 101—2.

трупъ на торговое мѣсто, гдѣ обыкновенно совершались казни; побили и многихъ людей его, а имущество разграбили. На третій день послѣ этого толпа приходила къ царю въ село Воробьево и требовала выдачи Анны Глинской и кн. Михаила Глинскаго, и только строгія мѣры, принятыя Иваномъ IV, заставили ее разбѣжаться ¹⁾. Какъ въ смерти Маріи Тверской подозрѣвали участіе волшебства, такъ къ тому-же обычному обвиненію прибѣгли и противники Адашева и Сильвестра, при кончинѣ царицы Анастасіи (1560 г.); по свидѣтельству Курбскаго ²⁾, они говорили, «аки бы счаровали ее оные мужи» ³⁾, и совѣтовали царю не допускать ихъ передъ свое лице: «аще припустишь ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ... обяжутъ ты паки и покорятъ аки въ неволю себѣ»; и до сихъ поръ держали тебя, великаго государя, словно въ оковахъ, «а то творили они своими чаровства, аки очи твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами царствовать и надъ всѣмъ владѣти». Внушенія эти должны были производить сильное вліяніе на воспріимчивую и подозрительную душу Ивана Грознаго, который относительно вѣры въ колдовство стоялъ невыше своихъ современниковъ. Такъ знаменитый воевода князь Михаилъ Воротынскій, обвиненный въ тайныхъ сношеніяхъ съ вѣдьмами, былъ преданъ имъ жесточайшимъ пыткамъ. Связаннаго князя привели и поставили передъ царемъ, который сказалъ ему: «се на ты свидѣтельствуешь слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровати и добывалъ еси на меня бабъ шепчущихъ». Воротынскій отвѣчалъ: «не научихся, о царю! и не навыкохъ отъ прародителей сво-

¹⁾ Царств. книга (СПБ., 1769), 137—143. — ²⁾ Сказан. кн. Курб., 76. — ³⁾ Испрашивая церковнаго разрѣшенія на четвертый бракъ, Иванъ IV говорилъ, что первая жена его изведена «вражїимъ навѣтомъ и злымъ людей чародѣйствомъ и отравимъ» — Др. Рос. Вѣдѣиов., XIII, 104.

ихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрять, но Бога единого хвалити... А сей клеветникъ — мой есть рабъ и утече отъ меня, окравши мя: не подобаеъ ти сему вѣрять и ни свидѣтельства отъ такового приимати, яко отъ злодѣя и отъ предатели моего, лжеклеветущаго на мя!» По царскому повелѣнію, Воротынскаго положили на бревно между двухъ огней и начали медленно поджаривать, при чемъ самъ Грозный жезломъ своимъ подгребалъ къ его обнаженному тѣлу горячіе уголья. Послѣ пытки еле-живаго князя повезли въ ссылку на Бѣлоозеро, но на дорогѣ туда онъ скончался ¹⁾. Если вѣрить Горсею, Иванъ IV въ послѣдніе годы жизни вполне отдался предрасудкамъ своего вѣка. Зимой 1584 года явилась комета; большой царь вышелъ на Красное крыльцо, долго смотрѣлъ на нее и потомъ, измѣнившись въ лицѣ, сказалъ окружающимъ: «вотъ знаменіе моей смерти!» Встревоженный этой мыслью, онъ рѣшился прибѣгнуть къ волшебству: по его указу, на сѣверѣ Россіи ²⁾ было собрано до шестидесяти чародѣекъ; привезенныя въ Москву, онѣ содержались здѣсь подъ стражею, и царскій любимецъ Богданъ Бѣльскій ежедневно посѣщалъ ихъ, выслушивалъ и передавалъ царю ихъ предвѣщанія. Колдуньи утверждали, что свѣтила небесныя враждебны для государя и что онъ умретъ 18-го марта. Царь пришелъ въ бѣшенство и высказалъ желаніе, чтобы въ этотъ самый день живыя колдуньи были преданы сожженію. Утромъ 18-го марта онъ почувствовалъ себя лучше и послалъ Бѣльскаго объявить чародѣйкамъ: какая ожидаетъ ихъ казнь за ложное предсказаніе. «Не гнѣвайся, бояринъ! отвѣчали онѣ, день начался съ восходомъ солнца, а кончится только съ его закатомъ.» Между тѣмъ царь собирався играть въ шахматы, началъ было разставлять шашки,

¹⁾ Сказ. ви. Курб., 99—100. — ²⁾ Между Холмогорами и Лапландіей.

но вдругъ упалъ въ обморокъ, и вскорѣ затѣмъ испустилъ послѣднее дыханіе ¹⁾. Подъ 1570 годомъ Псковской лѣтописи находимъ интересное свидѣтельство, что Иванъ Грозный, по возвращеніи изъ ливонскаго похода, приблизилъ къ себѣ «нѣмчина лютаго волхва, нарицаемаго Елисѣя, и бысть ему любимъ». Это былъ медикъ Бомелій, родомъ голландецъ. Онъ навелъ на царя «страхованіе» (боязливое недовѣріе къ своимъ), «на русскихъ людей царю возложи свирѣпство, а къ нѣмцамъ на любовь преложи». Это вліяніе иноземца лѣтописецъ объясняетъ такъ: узнали безбожные нѣмцы посредствомъ гаданій, что быть имъ отъ русскаго государя разореннымъ до конца, и того ради прислали къ нему такого злаго еретика, «понеже русскіе люди прелестни и падки на волхованіе» ²⁾.

Изъ крестоцѣловальныхъ записей на вѣрность царямъ Борису Годунову, Василию Шуйскому и Михаилу Фёдоровичу видно, до какой степени сильна была въ ту эпоху вѣра въ возможность и могущество волшебныхъ чаръ; по всѣмъ городамъ и селеніямъ подданные обязаны были клясться: «а лиха смѣ государю, царицѣ и ихъ дѣтямъ не хотѣти, не мыслити «и не дѣлати некоторою хитростію — ни въ ѣствѣ, ни въ «питьѣ, ни въ платѣ, ни въ иномъ чемъ никакого лиха «не учинити, и зелья лихаго и коренья не давати и не «испортити; да и людей своихъ съ вѣдовствомъ да со «всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не по«сылати, а вѣдуновъ и вѣдуней не добывати на госуда«рево лихо, и ихъ, государей, на слѣду всякимъ вѣдов«скимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ «по вѣтру никакого лиха не посылати и слѣду «ще вынимати». Всякой, кто узнаетъ о подобныхъ злыхъ

¹⁾ О. З. 1859, IX, 113—5; Библия для Чтен. 1865, V, 63—65; Карамз. И. Г. Р., IX, 433. — ²⁾ П. С. Р. Л., IV, 318.

умыслахъ другаго челоѣка, долженъ схватить его или сдѣлать на него извѣтъ ¹⁾. О Борисѣ Годуновѣ, еще правителѣ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, разсказывается въ одной современной повѣсти, что онъ по разнымъ городамъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ, и ихъ «волшебствомъ и прелестію сотвори, яко и самъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ вельми любляше его.» Въ Морозовскую лѣтопись занесено любопытное извѣстіе, будто волхвы предсказали Борису, что ему суждено царствовать, но что царствованіе его будетъ недолгое: «призвавъ къ себѣ волхвовъ и волшебницъ, и вопросы ихъ: возможно ли вамъ сіе дѣло усмотрѣти... буду ли я царемъ? Врагоугодницы же ему «сказаша: истинно тебѣ возвышаемъ, что получиши желаніе свое—будеши на царствіи московскомъ; только на насъ не «прогнѣвайся... недолго твоего царствія будетъ, только семь лѣтъ. Онъ же рече имъ съ радостію великою и лобызавъ «ихъ: хотя бы семь дней, только бы имя царское положити «и желаніе свое совершити!» ²⁾ Въ старину ни одно важное дѣло не обходилось безъ обвиненій въ чародѣйствѣ, и вотъ когда началось слѣдствіе объ убіеніи царевича Димитрія, то въ числѣ показаній, отобранныхъ отъ различныхъ лицъ, встречаемъ и такія: была у Михайла Битяговскаго юродивая жончка и хаживала къ царицѣ Марьѣ ³⁾ «для потѣхи», и какъ царевичу приключилась смерть, царица Марья приказала ту жонку отыскать и убить—за то, что она царевича портитъ; а Михайло Нагой велѣлъ убить Битяговскаго, который съ нимъ почасту бранивался и уличалъ, будто онъ добываетъ на государя и государыню вѣдуновъ и хочетъ ихъ портить. Между этими вѣдунами названъ былъ Андрюшка Мочаловъ, котораго предписано было сыскать и въ оковахъ (по рукамъ и ногамъ)

¹⁾ Ак. Арх. Эвеп., II, 10, 44; Доп. къ Ак. Ист., II, 1; Юрид. Ак., 333. — ²⁾ Карамз. И. Г. Р., X, прилѣч. 221. — ³⁾ Мать Димитрия.

привезти въ Москву съ великимъ береженьемъ; что было потомъ съ Мочаловымъ? — неизвестно ¹⁾. Ко времени царя Ѳедора Ивановича относится розыскъ надъ вѣдунами, которые сгубили въ Астрахани крымскаго царевича Мурать-Гирен. Въ 1591 г., рассказываетъ лѣтопись, басурмане прислали изъ Крыму вѣдуновъ, и тѣ испортили царевича. Воеводы, вида его болѣзнь, привели къ нему лѣкари-арапа. Лѣкаръ отозвался, что «его излѣчить не можно, покамѣста сыщеть вѣдуновъ, кои его портили; и взя съ собою людей русскихъ и пошелъ «въ юрты, и въ юртахъ перенмалъ вѣдуновъ, и приведе къ «нему и муча ихъ.. Вѣдуны ему рекоша: буде де кровь ихъ «не замерзла ²⁾, инъ де можно пособить. Тотъ-же арапъ, «многий знатець, повелѣ имъ вѣдунамъ изъ себя метати «кровь въ лохань. Они же изъ себя выметали всю кровь, «кои татарове и татарки перепорчены съ царевичемъ». Лѣкаръ спросилъ: «коево чья кровь? И они начаша сказывати все по «ряду; коя де кровь не замерзла, и тою кровью помажутъ ко- «торого татарина или татарку, и онъ живъ стаетъ; царевича «же кровь и царицына всѣ замерзли, и они сказали, что инъ «живымъ не быть.» Воеводы дали знать о томъ въ Москву; царь Ѳедоръ послалъ въ Астрахань Астафья Пушкина и велѣлъ ему учинить розыскъ и «тѣхъ вѣдуновъ пытать накрѣ- ко, по чьему умышленію царевича и царицу и татаръ испорти- ли? и пытавъ ихъ, государь велѣлъ пережечь». По пріѣздѣ въ Астрахань, Пушкинъ принялся за пытки, но ничего не могъ донскается. Тогда пришелъ арапъ и посовѣтовалъ вложить кодунамъ въ зубы конскія удила, повѣсить ихъ за руки и бить не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ, «и они все почали «сказывати. Воеводы же, пытавъ ихъ, велѣли жечь; а жегъ

¹⁾ Собр. Гос. Грам. и Дог., II, стр. 107, 118, 123. — ²⁾ Т. е. не сгустилась. У Карамзина (И. Г. Р., X, примѣч. 254), вмѣсто этого слова, стоитъ: „не умерла“.

«тотъ-же арапъ своимъ мастерствомъ. А какъ стали ихъ жечь, и туто слетѣлися сорѸкъ и воронъ многое множество... и какъ ихъ пережгли — и онѣ (птицы) всѣ исчезли. А на пыткахъ тѣ вѣдуны сказывали, что порѸтили царевича и царицу и татаръ—пили изъ нихъ изъ «сонныхъ кровь»¹⁾. Вѣроятно, смерть татарскаго царевича, его женъ и людей произошла отъ тайной отравы, но была приписана вѣдунамъ, ва которыхъ (какъ мы знаемъ) нѣрѣдко падало обвиненіе въ томъ, что они высасываютъ человѣческую кровь. Лѣтописецъ передаетъ это событіе по тѣмъ слухамъ, какіе ходили о немъ въ народѣ, и потому обставилъ свой рассказъ суевѣрными подробностями, очевидно-заимствованными изъ народныхъ преданій о колдунахъ и вампирахъ. Приведенные на пытку, вѣдуны «морочили» своихъ палачей, отводили имъ глаза и до тѣхъ поръ оставались нечувствительными къ мукамъ, пока хитрый лѣкарь не научилъ ударять по стѣнѣ (сравни стр. 446, 557, 575, 582). По vaporеніи Бориса Годунова, онъ подозрительно смотрѣлъ на окружающихъ его бояръ, изъ которыхъ многіе вели свой родъ отъ Рюрика, а другіе были въ свойствѣ съ вымершимъ царскимъ домомъ. Опасаясь крамолъ, онъ охотно выслушивалъ донощиковъ, награждалъ ихъ помѣстьями и деньгами, и тѣмъ самымъ поощрялъ боярскихъ холопей къ шпіонству и ложнымъ извѣстямъ на своихъ господъ. Наиболѣе легкій способъ обнести кого-бы то ни было въ государственной измѣнѣ и заставить вѣрить своему доносу — было обвиненіе въ чарахъ противъ государева здоровья. Таковъ извѣтъ сдѣланъ былъ на Романовыхъ. Лѣтописецъ рассказываетъ объ этомъ такъ: дворовый челоѣкъ и казначей боярина Александра Никитича Романова, Второй Бартеневъ, пришелъ тайно къ дворецкому Семену Годунову и объявилъ ему:

¹⁾ Лѣтоп. о многихъ матажахъ, 15—16.

«что ми царь поведитъ сдѣлать надъ государи мои, то и сотворю!» Дворецкій обрадовался и возвѣстилъ царю Борису; а «Борисъ велѣлъ ему сказать многое свое жалованье. Семень же умысли со Вторымъ и наклаша всякого коренья въ иѣшки, и повелѣлъ ему положить въ казну Александра Никитича. Той-же Второй, сотворя тако, приде доводить на государя своего.» Послѣдовалъ обыскъ, коренье было вынуто, привели Романовыхъ Федора Никитича съ братьями, отдали ихъ подъ стражу, пытали и потомъ сослали въ отдаленныя мѣста ¹⁾. О Василіи Шуйскомъ въ хронографѣ Кубасова сказано, что онъ «къ волхвованію прилѣжаше» ²⁾; а по свидѣтельству Петрея ³⁾, онъ, желая поддержать себя на престолѣ, собиралъ отовсюду колдуновъ и колдуней, и для ихъ вѣдовскихъ дѣлъ, приказывалъ вынимать изъ живыхъ коней сердца и вырѣзывать плодъ изъ беременныхъ женщинъ: когда колдуны чаровали и творили заклятія—царскія войска одерживали верхъ надъ непріателемъ, а когда чары прекращались—въ то время одолѣвали поляки.

При царѣ Михаилѣ Федоровичѣ въ 1632 г. была отправлена во Псковъ грамота съ запрещеніемъ, подъ смертною казнію, покупать у литовцевъ хмѣль; потому что посланные за рубежъ лазутчики объявили, что есть въ Литвѣ баба-вѣдунья и наговариваетъ она на хмѣль, вывозимый въ русскіе города, съ цѣлію навести чрезъ то на Русь моровое повѣтріе ⁴⁾. Въ то же царствованіе 1625 года велѣво было вы-

¹⁾ Лвт. о мног. мятеж., 56—60. Федоръ Никитичъ былъ постриженъ и сосланъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь, а Александръ Никитичъ въ Усолье-Луду къ Бѣлому морю. Есть еще извѣстіе, что Михайло Молчановъ „за воровство (въ древнемъ значеніи этого слова) и чернокнижество былъ на пыткѣ кнутомъ битъ“—Карама. И. Г. Р., XII, примѣч. 49. — ²⁾ Рус. Дост., I, 175. — ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1866, II, 627. — ⁴⁾ Ав. Арх. Эксп., III, 197. Патриархъ константинопольскій извѣщалъ однажды Михаила, чтобы

слать въ Москву изъ Верхотурья протопопа Якова, вмѣстѣ съ «воровскимъ кореньемъ», такъ какъ во время обыска у него найдены были въ коробья: трава багрова, три кореня да «комѣкъ перхчевать бѣлъ», а въ допросѣ онъ самъ показалъ, что снадобья эти далъ ему казакъ Степанко Козьи Ноги ¹⁾). Подобный-же случай взвѣстенъ намъ отъ XIV столѣтія, когда на берегахъ Вожи схваченъ былъ попъ, пробиравшійся изъ орды съ мѣшкомъ «злыхъ и лютыхъ зелій»; «истязавше много», отправили его въ заточеніе на Лачь-озеро ²⁾). Въ 1628 г., по доносу архимандрита нижегородскаго Печерскаго монастыря и по указу патріаршему, былъ розыскъ надъ дьячкомъ Семейкою, который держалъ у себя «недобрыя ересныя» тетради да приговору нѣсколько строкъ. Семейко показалъ, что тетради онъ поднялъ въ одной каменной башнѣ, а заговоръ далъ ему стрѣлецъ и писанъ онъ «къ борьбѣ» (т. е. на охрану въ бою). По осмотру, тетради оказались гадательныя, называемыя Рафли, по которымъ (какъ извѣстно) ворожили во время судебныхъ поединковъ («поля»). Тетради эти были сожжены, а дьячокъ сосланъ въ монастырь, гдѣ велѣно было сковать его по ногамъ въ желѣза и приставить къ чернымъ работамъ, а причастія не давать ему впередъ до патріаршаго разрѣшенія, исключая только смертнаго часу ³⁾). Въ 1660 г. подана была челобитная на другаго дьячка Ивана Харитонова въ томъ, что онъ травы рветъ и коренья копаетъ по лугамъ, и свадьбы отпускаетъ, и жены съ младенцами къ нему часто приходятъ. При челобитной приложены въ улику два заговора, писанные Харитоновымъ: одинъ на

онъ остерегалъ свое здоровье отъ грамотъ турскаго царя и его подарковъ, потому что султанъ имѣетъ на него досаду за миръ съ Польшею: такъ не было бы такого «часылочнаго дѣла» — Истор. Рос. Соловьева, IX, 449. — ¹⁾ Ак. Ист., III, 137. — ²⁾ П. С. Р. Л., VIII; 33. — ³⁾ Ак. Арх. Эксп., III, 176.

заживленіе ранъ, а другой на умиленіе «сердца сердитыхъ людей» ¹⁾. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что до начала XVIII-го столѣтія бѣлое духовенство немного чѣмъ превосходило въ умственномъ развитіи другіе классы общества и раздѣляло съ ними одинаковые предрасудки. Статья о ложныхъ книгахъ говоритъ: «суть же между божественными писан(ь)ми ложная писанія—насъяно отъ еретикъ на пакость невѣжамъ попомъ и діакonomъ: льстивые зборники сельскіе и худые маноканонцы (номоканонцы) по молитвеникомъ — у сельскихъ, у неразумныхъ поповъ, лживые молитвы, врачевал(ь)ныя, о трясавицахъ и со нежитѣхъ и о недузѣхъ, и грамоты трясавскыя пишутъ на просфирахъ ²⁾ и на яблоцѣхъ, болѣзти ради; все убо то невѣжди дѣють и держатъ у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ томъ безумніи гинуть» ³⁾. Въ грамотѣ на основаніе Львовскаго братства (1586 г.) сказано: «а если бы былъ который попъ чаровникъ или ворожить книжный, или ворожку и волшебницу, або чаровницу при церкви держалъ, или въ мѣстѣ, или въ селѣ, или бы самъ до ворожекъ ходилъ или кого посылалъ... оповѣдати его епископу, да приметъ судъ по правиломъ св. отецъ» ⁴⁾. Здѣсь, конечно, указаны случаи—не только возможные, но и бывавые въ жизни. Процессы о вынутыхъ травахъ, кореньяхъ, заговорныхъ письмахъ и другихъ волшебныхъ снадобьяхъ составляли въ XVII вѣкѣ весьма обыкновенное явленіе. Въ 1666 году посланъ былъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, на исправленіе, посадскій челоувѣкъ Аничка Громниковъ за то, что учился «заговорнымъ словамъ»—съ цѣлю отомстить недругу; велѣно было

¹⁾ Волог. Г. В. 1843, 23 — ²⁾ О томъ-же упоминаетъ и грамота 1551 года—Ак. Арх. Эксп., I, 232. — ³⁾ Летопись занятій Археогр. Ком., I, 41. — ⁴⁾ Памятн., изд. Киев. Врем. Комис., III, 17—18.

везти его скованнымъ и бережно, а въ монастырѣ держать подъ началомъ до государева указа ¹⁾. Въ тревожное время возстанія Стеньки Разина извѣстны два случая сожженія за чародѣйство (1671—2 годовъ). Когда Юрій Долгорукой двинулся съ войскомъ къ Темникову, то жители вышли къ нему на встрѣчу съ крестами и иконами, молили о прощеніи и выдали двухъ поповъ, какъ главныхъ заводчиковъ смуты, и старицу, которая «войско себѣ сбирала и съ ворами вмѣстѣ воровала, да съ нею-же принесли воровскіе заговорныя письма и коренья». Воевода приказалъ ихъ пытать и огнемъ жечь, и «воръ-старица въ распросѣ и съ пытки сказала: зовутъ ее Аленю, родиною де она города Арзамаса Выѣздныя слободы крестьянская дочь и была замужемъ тое-жъ слободы за крестьяниномъ, и какъ де мужъ ее умеръ—и она постриглась и была во многихъ мѣstechъ на воровствѣ и людей портила; а въ нынѣшнемъ 1671 году пришедъ она изъ Арзамаса въ Темниковъ и сбирала съ собою на воровство многихъ людей... и стояла въ Темниковѣ на воеводкомъ дворѣ съ атаманомъ съ Ѳедькою Сидоровымъ и его учила вѣдовству». Поповъ повѣсили, а «вора-старицу за ее воровство и съ нею воровскіе письма и коренья» сожгли въ срубѣ ²⁾. Точно также въ Астрахани былъ живо сожженъ бунтовщикъ Кормушка Семеновъ — за то, что у него найдена тетрадка съ заговорами ³⁾. Въ 1674 году въ Тотмѣ сожжена въ срубѣ, при многочисленном стеченіи народа, женка Ѳедосья, оговоренная въ порчѣ; передъ самою казнію она заявила, что никого не портила, а поклепала себя при допросѣ, не стерпя пытки ⁴⁾. Судебный розыскъ сопровождался въ эту эпоху страшными истязаніями; жестокость пытокъ была такова, что съ одной стороны она

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., V, 12. — ²⁾ Матер. для исторіи воамущ. Ст. Разина, 107—8. — ³⁾ Ак. Ист., IV, 202, LXXV. — ⁴⁾ Истор. Рос. Соловьева, XIII, 167.

дѣйствительно вынуждала обвиняемыхъ въ оговариванію себя въ небывалыхъ преступленіяхъ, а съ другой заставляла ихъ прибѣгать къ помощи чаръ и заклятій, дабы тѣло свое сдѣлать нечувствительнымъ къ боли. Такъ въ 1648 г. устюжанинъ Ивашка, прозвищемъ Солдатъ, когда во время розыска вынули у него изъ-подъ пяты какой-то камень, повинился, что сидѣлъ съ нимъ въ тюрьмѣ разбойникъ Бубень и училъ его вѣдовству — какъ отъ пытки оттерпѣться; надо де наговаривать на воскъ эти слова: «небо лубяно и земля лубяна, и какъ въ землѣ мертвые не слышатъ ничего, такъ бы и мырекъ не слышалъ жесточи и пытки!»¹⁾ Въ разрядной книгѣ 1675 года записаны два краткія извѣстія: одно — о Григоріи Косаговѣ, на котораго духовникъ его подалъ извѣтъ, будто онъ держитъ у себя еретическія книги, и по тому извѣту царь приказалъ Косагова послать къ патриарху для изслѣдованія и очной ставки съ обвинителемъ; другое — о бояринѣ князѣ Федорѣ Куракинѣ, которому велѣно было не сѣзжать съ своего двора до государева указу — за то, что онъ держалъ у себя въ домѣ «вѣдомую вориху дѣвку Оеньку, слѣпую и ворожею»; самую Оеньку, вмѣстѣ съ дворовыми людьми Куракина, велѣно было пытать жестокою пыткой комнатнымъ боярамъ да дяку тайныхъ дѣлъ, и которыхъ людей станетъ она оговаривать — тѣмъ давать съ нею очныя ставки и пытать ихъ накрѣпко²⁾. Въ 1677 году приведенъ былъ въ сѣзжую избу бобыль оловецкаго уѣзда Калинка Ортемьевъ, и вынуты у него изъ узловъ: травы, коренье, табакъ, кость жженая съ воскомъ, зѣба и лѣтучія мыши; а въ распросѣ и съ пытки показалъ, что всѣ эти снадобья далъ ему коноваль Симонъ-нѣмчинъ. Велѣно было пытать его вторично и допрашивать съ великимъ пристрастіемъ, и что онъ покажетъ — о томъ донес-

¹⁾ Ibid., X, 164. — ²⁾ Дворц. Разряды, III. 1288, 1428

ти государю. Чемъ кончилось это дѣло? — неизвестно ¹⁾. Другой подобный-же процессъ, вызванный волшебными «узлами» (наузами), былъ въ 1680 году. Иноземецъ Зинка Ларионовъ сдѣлалъ доносъ на нѣсколькихъ крестьянъ въ лихихъ кореньяхъ и подалъ въ приказную избу полицнаго «крестъ иѣдный да корешокъ невеликъ, да травки немного — завязано въ узлишки у креста». Изъ числа обвиняемыхъ Игнашка Васильевъ призналъ крестъ своимъ и на распросѣ показывалъ: корень тотъ «девесилной, а травка де растетъ въ огородахъ, а какъ зовуть ее — того онъ не вѣдаетъ; а держитъ онъ тотъ корешекъ и травку отъ лихорадки, а лихихъ де травъ и кореня онъ не знаетъ и за дурномъ не ходитъ». По осмотру посадскаго человѣка Якушки Паутова оказалось, что корень именуется «девятины — отъ сердечные скорби держать, а травишко держать отъ гнетеншныя скорби (лихорадки), а лихаго де въ томъ ничего нѣтъ». Другой подсудимый объявилъ, что ему положили въ зепь ²⁾ травы въ то время, какъ онъ былъ на кружечномъ дворѣ пьяный, въ безпамятствѣ. Крестьянъ, оговоренныхъ иноземцемъ Зинкою, пытали, а потомъ били батогами, чтобъ впередъ не повадно было наиваться до безпамятства и носить при себѣ коренья ³⁾.

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., VIII, 29. — ²⁾ Карявнъ. — ³⁾ Ак. Юрид., 30; см. также въ Лѣтоп. занятій Археогр. Ком., I, 17 — указаніе на оговоръ одной черемиски въ порчахъ отравнымъ зельемъ. Замѣчательно, что рядомъ съ этими преслѣдованіями за держаніе при себѣ травъ и кореній — самъ благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ стольнику Матюшкину высылать крестьянъ въ кушальскую ночь для сбора серебряничаго цвѣту, антериановой и мятійой травъ и дягильнаго корня, а сибирскимъ воеводамъ предписывалъ развѣдывать про лѣкарственные травы и присылать ихъ въ Москву — Доп. къ Ак. Ист., III, 71; VI, 127. Такое противорѣчіе легко уживалось; потому что зелья бываютъ разными: и лихія, и добрыя, а недостатокъ научныхъ свѣденій и духъ важнаго недовѣрія заставляли всякой разъ, когда находили у кого-нибудь невѣдомый корень или траву, подозревать злой умыселъ.

Обвиненія въ чародѣйствѣ нерѣдко возникали изъ чувства личнаго недоброжелательства, ненависти и мести; при этомъ хватались за первое неосторожное слово, сказанное въ раздраженіи, запальчивости, съ-пьяну или ради шутки. Отъ временъ царя Алексѣя Михайловича дошло до насъ судное дѣло между Никитою Арцыбашевымъ и Иваномъ Колобовымъ. Сначала Арцыбашевъ, въ поданной вмѣ челобитной, обзываетъ Колобова кудесникомъ и утверждаетъ, будто видѣлъ у него «волшебныя заговорныя письма», которыми тотъ испортилъ его жену и околдовалъ бояръ и воеводъ; а потомъ противники помирились и подали заявленіе, что желаютъ прекратить это дѣло, что Никита возбудилъ его затѣйкою, исполняя свою недружбу, такъ какъ между ними и допрежъ сего были многія тяжбы въ помѣстномъ приказѣ и взаимныя искы о безчестьи¹⁾. Въ 1636 году въ ошмянскую гродскую книгу записана жалоба арендатора еврея Гошка Ескевича на крестьянина Юрка Войтюлевича: былъ Юрко у него въ домѣ, пилъ горѣлку съ своими знакомыми и задумалъ сдѣлать ему зло—«здоровья позбавити». Какъ только вошелъ Гошко въ свѣтлицу, то Юрко «съ чародѣйскою приправою» подалъ ему изъ своихъ рукъ стаканъ водки, молвя: «привитайте!» Жидъ взялся за стаканъ, но съ великаго страху руки у него затряслись и онъ пролилъ горѣлку. Тогда Юрко погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ: «это тебѣ не пройдетъ даромъ!» а Гошко, припомнивъ, что на него Войтюлевича «отъ многихъ людей поголопка идетъ, же чарами своими шkodитъ», началъ протестовать передъ людьми на тотъ случай, если бы ему, его женѣ или дѣткамъ учинился какой ущербъ въ здоровьи.—Чтожь съ того? отвѣчалъ Юрко; «на мнѣ не все угонишь!» На ту пору вошелъ въ свѣтлицу сынъ хозяина, четырехъ-лѣтній мальчикъ; люди же называютъ: «кгда чаровникъ при своихъ дѣлахъ будетъ уда-

¹⁾ Новгор. Сборн. 1865, II.

ренный», то его чары будутъ недействительны, и потому Гошка бросился на Юрка и сталъ его бить; ихъ тотчасъ-же развели, и Юрко отправился домой. Какъ нарочно, къ вечеру того-же дня сынъ еврея Гошка впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая (какъ свидѣтельствуесть сдѣланный осмотръ) такъ изсушила его, что только и остались кожа да кости. Винови-комъ этой болѣзни отецъ призналъ Юрка Войтюлевича и подалъ на него жалобу; какъ велось это дѣло и чѣмъ оно окончилось? — мы не знаемъ. Въ книгу полоцкой ратуши 1643 года занесенъ процессъ по обвиненію въ чародѣйствѣ Василя Брыкуна. Обвинителями его были полоцкіе мѣщане: а) Янушъ, сынъ Толстаго, жаловался, будто Василій Брыкунъ, прійдя на Великъ день съ улицы, дѣлалъ на стѣнахъ нарѣзки и похва-лкою своею чаровникою молвилъ женѣ Якова Толстаго: «конеч-не згинешь! не того зацѣпила!» Такъ и случилось: «мусела она на тотъ свѣтъ итти, нарекаючи на Брыкуна». б) Яско Пав-ловичъ доносилъ: поссорился онъ съ Брыкуномъ, и тотъ молвилъ ему въ очи: «ты, Яско, сгинешь съ маетностью своею, также и домъ твой; будешь волочиться — гдѣ день, гдѣ ночь!» И чтоже? — слова эти сбылись въ теченіи одного года. в) Иванъ Быкъ подалъ заявленіе, что Брыкунъ похвалялся передъ нимъ, его женою и дѣтьми: «будете одинъ отъ другаго, увадѣвшись з' собою, бѣгать з' дому своего!» — и вслѣдъ затѣмъ двое сыновей его ушли невѣдомо куда, да и съ женой таже бѣда: «бѣжить на лѣсъ, дѣтей своихъ не любить!» Какъ-то Быкъ сталъ усовѣщевать Брыкуна: «незбожнйй человекче! покуль я того маю терпѣть отъ тебе, што мои дѣти и жона будутъ бѣгать?» а случилось то у воротъ, гдѣ были складены дрова. — Не только жена и дѣти, отвѣчалъ Брыкунъ, но если «скажу на тые дрова, которые склалъ ты подъ моею стѣною, заразомъ и в' грунту выверну ихъ вон!» — и въ ту же минуту дрова дѣйствительно полетѣли сажени на три отъ земли. д) Исаку

Кондратовичу молвилъ однажды Брыкунъ: «ты конечно за два года все твое добро з' дому якъ метлою выметешь, и самъ вазенья натерпишься!» Такъ и случилось: въ тотъ-же день вечеромъ издохла у него корова, а въ продолженіи года погибло до тридцати лошадей, коровъ и свиней, и самъ онъ попалъ въ тюрьму. А лиходѣй еще насмѣхается: «знай, говоритъ, Брыкуна! не сварься со мною; ото-жь тобѣ за тое!» е) Мѣщане слободы Бѣлчицкой Хома Гуца в Петръ Демидовичъ заявили, будто покойный Аникей Кожемяка хворалъ цѣлый годъ, а умирая — говорилъ: «ни отъ кого иду на тотъ свѣтъ въ той моей хоробѣ, только отъ Брыкуна!» Когда они передали эти слова Брыкуну, то онъ «витагъ Демидовича пивомъ по полу-дню, а до вечера трохе не разорвало его, ажъ мусили люди Брыкуну кланяться, абы одходзилъ». Обвинители подтвердили свои извѣты присягою. Выставленные ими свидѣтели показали: а) Павелъ Ивановичъ — что восемь лѣтъ тому назадъ умеръ у него отецъ и при последнемъ своемъ издыханіи нарекалъ на Брыкуна: пилъ онъ съ Брыкуномъ горѣлку, и съ того приключилась ему болѣзнь, а когда скончался — тѣло его распухло. б) Игпатья Семеновичъ: «готовили у насъ на дому пиво; на ту пору пришелъ Брыкунъ — и пиво испортилось (się zepsowało, że przez pięć dni jak braha chodziło); вылили его свиньямъ, но и свиньи подохли! Сталъ я на Брыкуна сердиться, а онъ пригрозилъ мнѣ: ты и самъ высохнешь!» с) Василій Хараковичъ: «позвали меня въ гости на медъ; былъ тамъ и Брыкунъ съ женою; я обнялъ его жену, а онъ закричалъ: область ты лучше печку! — и въ ту же минуту (самъ не вѣдаю для чего) полѣзъ я въ печь, прямо въ дымовую трубу, и пробылъ тамъ часа три». Изъ прочихъ свидѣтелей одни показали, что во время попойекъ отъ «привитанья» Брыкуна бросало ихъ ѓземъ; другіе, что дѣйствіемъ его чаръ они заблудились въ лѣсу и едва не погубили своихъ коней; наконецъ третьи,

что хотя лично они не видали отъ Брыкуна ничего злаго, но слышали отъ людей, будто онъ — чаровникъ и *wiedźma*. Панъ Саковскій прислалъ письменное удостовѣреніе (аттестацию), что Брыкунъ просилъ у него въ-займы денегъ, и получивши отказъ, молвилъ ему: «раздашь свои деньги людямъ, да назадъ не сыщешь!» Такъ и сдѣлалось: съ той самой поры ни одинъ должникъ ему не платитъ! Адвокатъ со стороны обвиняемаго произнесъ въ его защиту рѣчь, въ которой между прочимъ высказалъ слѣдующія возраженія: «говорятъ, что Брыкунъ — чаровникъ, что молва объ этомъ существуетъ уже десятки лѣтъ; но почему-же никто не доносилъ на него прежде? Почему въ тотъ самый годъ, какъ умерла жена Якова Тѣстаго, не было сдѣлано никакого протеста? мужъ ея не жаловался. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно Кожемяки; когда онъ скончался, ни жена, ни дѣти его не протестовали. Яско Павловичъ считаетъ Брыкуна виновникомъ своей бѣдности; но спросите его: когда онъ былъ богатъ? Лѣтъ пять, какъ появился онъ въ Полоцкѣ, а до того возилъ дрова на продажу — тѣмъ только и кормился, и съ какимъ состояніемъ пришелъ сюда, съ такимъ и остался. Да и мало ли на свѣтѣ людей обѣдняло и за долги сидятъ въ тюрьмахъ? Что-же, во всемъ этомъ виноватъ Брыкунъ? Вотъ и Кондратовичъ позабиралъ денегъ въ долгъ, растратилъ ихъ и за неплатежъ попалъ въ тюрьму; такъ неужели-жъ Брыкунъ этому причиною? Иванъ Быкъ жалуется, что у него въ дому несогласіе и ссоры; и не диво: самъ онъ человѣкъ упрямый, а жена его и дѣти — тоже! Что-же касается разсказа о дровахъ, то это — просто вымыселъ». Показаніе Хараковича защитникъ объяснилъ опьяненіемъ, а не чарами: «мало ли чего пьянымъ не грезится!» Также критически отнесся онъ и къ прочимъ пунктамъ обвиненія. При обыскѣ найдены были у Брыкуна узелки съ пескомъ и перцемъ, и когда ихъ представили на судъ, то несчастный

поблѣдилъ и затрясся отъ страху. Его пытали огнемъ и встряскою (сіагніеніемъ па драбіне), но онъ ни въ чемъ не сознался. Судъ приговорилъ Брыкуна къ сожженію, вмѣстѣ съ найденными у него волшебными наузами, и назначилъ день казни. Брыкунъ не дожидъ до этого дня; онъ перерѣзалъ себѣ ножомъ горло. Трупъ его вывезли въ поле и сожгли рукою палача ¹⁾).

Въ 1606 году поданы были въ Пермь двѣ любопытныя жалобы; оба челобитчика сдѣлали извѣтъ — одинъ на крестьянина Тренку Талева, что тотъ напустилъ икоту на его жену, а другой на посадскаго Семейку Ведерника, который будто бы напустилъ икоту на его товарища по торговлѣ; обвиняемыхъ пытали и вкинули въ тюрьму. Тренку жгли на розыскѣ огнемъ и были ему три встраски, а Семейку приводили къ пыткѣ два раза. Мнимыя преступники жаловались въ Москву государю — на поклепъ и несправедливое истязаніе, почему велѣно было произвести повальный обыскъ; попы по священству, а посадскіе люди и волостные крестьяне подъ присягою должны были показать: пускаютъ ли порчѣ Тренка Талевъ и Семейка Ведерникъ? и буде обысквые люди очистятъ ихъ, скажутъ, что они тѣмъ не промышляютъ, то немедленно отпустить ихъ на свободу ²⁾). Томительная икота и донынѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи считается нечистымъ духомъ, котораго чародѣи насылаютъ по вѣтру на

¹⁾ Археограф. Сборн. документовъ, относящ. къ вст. сѣверо-запади. Руси, I, 295—7, 338—346. Здѣсь-же напечатаны: а) завленіе полоцкаго мѣщанина Василія Паука (1638 г.) объ очарованіи его дома: кто-то, явившись ночью, облилъ у него неведомо чьимъ ворота и стѣны, въ чемъ Паукъ усматриваетъ чару на свое собственное здоровье и на здоровье своей жены и дѣтей; б) протестъ пана Лисовскаго (1640 г.) на мѣщанина Старымовича, который напустилъ „своей радюю и намовою“ въ его домъ таракановъ (ibid., 307, 323). — ²⁾ Ак. Ист., II, 66.

своихъ враговъ и супротивниковъ; бѣсъ поселяется въ чело-
вѣка и мучитъ его. Обвиненія въ насланіи нкоты продолжаютъ
волновать сельское населеніе и еще недавно вызывали вмѣша-
тельство мѣстныхъ судовъ (см. стр. 66). Тоже воззрѣніе
распространяется и на болѣзни, сопровождаемыя конвульсі-
ями, каковы: паучая и витова пляска. Страдающіе этими неду-
гами извѣстны въ народѣ подъ общимъ названіемъ «кликущъ».
Подъ вліяніемъ глубоко-коренящагося суевѣрія, кликуши
выкрикиваютъ проклятія и жалобы на тѣхъ, кого подозрѣва-
ютъ въ своей порчѣ. Въ старину появленіе кликушъ было ве-
личайшимъ несчастіемъ для всей общины; ихъ болѣзненный
бредъ принимался съ полнымъ довѣріемъ и вызывалъ судеб-
ныя преслѣдованія. По одному оклику бѣснующейся бабы бра-
ли оговореннаго ею челоѣка къ допросу, подвергали пыткамъ
и вымучивали у него признаніе въ небываломъ преступленіи.
Кликушество сдѣлалось наконецъ самымъ обыкновеннымъ и
вѣрнымъ способомъ мстить за обиды и недружбу: стоило толь-
ко прикинуться кликушею, чтобы подвергнуть своего врага
страшнымъ истязаніямъ и даже смертной казни. Сверхъ того,
кликущи служили орудіемъ корыстолюбивыхъ дьяковъ и вое-
водъ, которые нарочно подушала ихъ оговаривать богатыхъ
людей, и потомъ, пользуясь обвиненіемъ, обирали чужое добро.
Въ 1669 г. предписано было дознаться въ Шуѣ, какия и отъ
кого именно бываютъ порчи посадскимъ людямъ, ихъ женамъ
и дѣтямъ, да накрѣпко распросить Микишку, какое воровство
овъ вѣдаетъ за Григорьемъ Трофимовымъ, что его де надо
«въ срубѣ сжечь»? Въ слѣдующемъ году ото всего посаду го-
рода Шуя подано было такое явочное челобитье: «въ прошлыхъ
«и въ нынѣшнемъ годѣхъ пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному
«образу пресв. Богородицы Смоленскія со многихъ городовъ и
«судовъ всякихъ чиновъ люди молитися — мужескій и жен-
«ескій полъ и дѣвичь; а привозятъ съ собою всякихъ чиновъ

«людей, различными скорбями (одержимых)... и которые при-
 «ѣзжіе люди и шуяны посацкихъ людей жены и дѣти одержи-
 «ми отъ нечистыхъ духовъ, страждущіе, въ божественную
 «лтургію и въ молебное время мечтаются всякими различны-
 «ми кознодѣйствы в кличуть въ порчѣ своей стороны на уѣзд-
 «ныхъ людей, что де ихъ портятъ тотъ и тотъ человекъ. И
 «въ прошломъ году страдала отъ нечистаго духа шуявина по-
 «сацкаго человекъ Ивашкова жена Маурина, Ирника Федоро-
 «ва, а кликала въ порчѣ своей на шуявина посацкаго человекъ
 «ка, на Федьку Якимова; и по твоему великаго государя указа-
 «зу, по тое Ивашковы жены Маурина выклички; тотъ Федька
 «Якимовъ взятъ въ Суздаль и кончился злою смертію
 «(конечно, на пыткѣ). А нынѣ та Ирника и уѣздные люди,
 «страждущіе отъ нечистыхъ духовъ, кличуть въ порчахъ на
 «линыхъ шуянъ посацкихъ людей» — на Ивашку Телегина съ
 товарищи ¹⁾ Заявление это сдѣлали шуяне въ съѣзжей взбѣ
 воеводѣ—для того, какъ они выразились, «чтобы намъ всѣмъ
 шуяномъ посацкимъ людишкамъ въ томъ не погибнуть, и въ
 пѣнѣ и въ опалѣ не быть; а кто тѣхъ страждущихъ, скорб-
 ныхъ людей портить, про то мы не вѣдаемъ». Въ 1671 году
 заявилъ въ шуйской земской взбѣ посадской человекъ Федька
 Саратовцовъ: «была де у нихъ свадьба, женился братъ его
 Степка, и на той де свадьбѣ учинилась надъ матерью ихъ Фе-
 доркою и надъ снохою Овдотьицею скорбь—почали быть безъ
 ума и безъ памяти, стали кликать въ порчѣ; а отпускалъ де
 ту свадьбу отъ всякаго лиха Гришка Трофимовъ сынъ Па-
 нинъ». Въ 1674 г. поступило явочное челобитье отъ шуяни-
 на Гришки Юешина на Федосью, жену Степана Иконника, ко-

¹⁾ Въ другой челобитной сказано: „а послѣ того Орника въ
 порчѣ кличетъ на Федькину жону на Овтонидку, Федьеву дочь,
 будто она Овтонидка ея Орнику портила и послѣ мужа своего Федь-
 ки Якимова“.

торая бранила его всякою бранью в поносных словах, да звела на него злохитрымъ своимъ умысломъ, будто онъ ее испортилъ ¹⁾). Чтобы противодѣйствовать этой нравственной заразе, Петръ Великій указомъ своимъ 1715 года повелѣлъ хватать кликушъ обоюга пола и приводить въ приказы для розыска, дѣйствительно ли они больны, или нарочно накидываютъ на себя порчу? Въ указѣ приведенъ слѣдующій примѣръ притворнаго кликушества: въ 1714 г. въ Петербургѣ плотничья жена Варвара Логинава стала кричать, что она испорчена. Взятая къ допросу, она повинилась, что кричала нарочно: случилось ей быть въ гостяхъ, вмѣстѣ съ своимъ деверемъ; тамъ произошла ссора, и деверя ея прибили. Желая отомстить за родича, Варвара умыслила обвинить своихъ недруговъ въ порчѣ, и спустя нѣсколько дней послѣ драки стала выкрикивать дома и въ церкви, раза по два и по три въ недѣлю, какъ-бы въ совершенномъ безпамятїи ²⁾). Въ 1770 году, въ яренскомъ уѣздѣ, вологодской губерніи, нѣсколько бабъ и дѣвокъ притворились кликушами и по злобѣ на разныхъ лицъ стали оговаривать ихъ въ порчѣ. Оговоренные были схвачены, привезены въ городъ, и тамъ подъ плетьми вынуждены были признать себя чародѣями и чародѣйками. Одна изъ этихъ шальныхъ преступницъ (по ея собственному сознанию) напускала порчу по вѣтру посредствомъ червей, полученныхъ ею отъ дьявола; она доставила судьямъ и самымъ червей, а тѣ препроводили ихъ въ сенатъ; оказалось, что это—личинки обыкновенныхъ мухъ. Сенатъ отрѣшилъ за такое невѣжество городскія власти отъ шѣсть, а кликушъ, за ихъ ложныя обвиненія, присудилъ къ наказанію плетьми; да и впредь подобныхъ кликальщицъ предписалъ наказывать и оговорахъ ихъ не вѣрить ³⁾).

¹⁾ Опис. гор. Шуй Борисова, 338—340, 345, 456; Старин. акты, служащ. дополненіемъ въ Описанію г. Шуй, 193—5, 199. — ²⁾ Полн. Собр. Зак., V, 2906. — ³⁾ Библи. для Чит. 1859, VIII, 9—10.

Вѣяніемъ колдовства объяснялись не только болѣзни, но и всякія житейскія неудачи. Въ 1660 г. заявилъ въ сѣзжей избѣ на Тюмени кречатій помощникъ Дмитрій Головинъ: «въ прошломъ де году онъ Митька не добылъ кречета, потому что де на него хвалили кречатія помощники Федька Онохинъ съ братомъ съ Ивашкомъ съ Меншимъ, и говорили ему, что де тебѣ не добыть кречета, и надъ нимъ де Митькою Федька съ братью вѣдовалъ; да кто подлѣ нихъ и рыбу ловить, ино де ничего не добудуть... Да пашенной же крестьянинъ Ивашко Букинъ сказывалъ ему Митькѣ: за то де надъ тобою Ивашко Онохинъ и похлостилъ (поколдовалъ ¹⁾), что де ты его бранилъ; а онъ де Митька его Ивашка не бранивалъ ²⁾).

Царскія свадьбы въ старину также рѣдко обходились безъ подозрѣній въ зломъ чародѣйствѣ, какъ теперь не обходатся безъ нихъ свадьбы поселянъ. В. кн. Симеонъ Гордый, по кончинѣ первой жены своей въ 1345 г., сочетался бракомъ съ Евпраксіей, дочерью одного изъ князей смоленскихъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу — для того, что «великую княгиню на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ, и она ему покажется мертвецъ ³⁾).

Третья жена Ивана Грознаго Марѳа Васильевна Собакина, дочь новгородскаго купца, занемогла еще невѣстою, стала сохнуть и черезъ двѣ недѣли послѣ брака скончалась, что также приписано порчѣ злыхъ людей ⁴⁾). И первыя заботы о семейномъ счастіи царя Михаила Федоровича были неудачны: когда не состоялась его свадьба на Марью Ивановнѣ Хлоповой ⁵⁾, онъ взялъ за себя княжну Марью Владиміровну

¹⁾ Обл. Сл., 174, 247. — ²⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, отдѣл. 6, 57. — ³⁾ Родословн. книга, II, 207. — ⁴⁾ Карамз. И. Г. Р., IX, 187 (изд. 2-е). — ⁵⁾ По мысли царя взята была ко двору «въ верхъ» дѣвица Марья Ивановна Хлопова и объявлена царскою невѣстою; вскорѣ она заболѣла, обкушавшись сластями. Михайло Салтыковъ донесъ государю, что болѣзнь у Хлопо-

Долгорукову; но она вскорѣ умерла, и лѣтопись утверждаетъ, что царица была испорчена: «грѣхъ же нашихъ ради отъ начала врагъ нашъ дѣволъ, не хотяй добра роду хрестыянскому, научи врага челоувѣка своимъ дьявольскимъ ухищреніемъ испортиша (-ти) царицу Марью Володимировну, и бысть государыня больна отъ радости (т. е. со дня свадьбы, которая совершилась 18-го сентября) до Крещенія Господня», а въ

ной великая и нельзя чаать долгаго живота ей, вслѣдствіе чего ова была сослана, вмѣстѣ съ своими родичами, въ Тобольскъ, откуда послѣ переведена въ Нижній. Въ 1623 г. дѣло это было поднято снова, такъ какъ до царя дошли слухи, что невѣста его, со времени отсылки ей, находится въ вождѣвенномъ здравіи. Врачи, лѣчившіе невѣсту, сказали, что болѣзнь ея была ничтожная и легко-излѣчива; а Хлоповы обвиняли во всемъ окольныхъ Михайлу да Бориса Салтыковыхъ. Дѣда невѣсты, Гаврило Хлоповъ показалъ: „ходилъ государь въ Оружейную палату и смотрилъ оружейными казны, и поднесли де къ государю турецкую саблю и почали хвалить, и Михайло де Салтыковъ учалъ говорить, что и на Москвѣ государевы мастера такую саблю сдѣлають. И государь де пожаловалъ, тое саблю далъ въ руки ему Гаврилъ и говорилъ ему: часть ли онъ, что такую саблю сдѣлають на Москвѣ? и онъ де говорилъ, что сдѣлають, только, чаю, не такову, какова та. И Михайло де тое саблю у него изъ рукъ вырвалъ и молвилъ, что онъ говорить не знаючи. И онъ де за то съ Михайломъ побранился и поговорилъ съ Салтыковыми гораздо въ разговоръ, и съ тѣхъ де мѣсть Борисъ да Михайло Салтыковы любити ихъ не учали. А послѣ того, недѣли съ двѣ спустя, учала Марья Иванова дочь Хлопова понемогати и почала блевати часто, и четь де отъ сладкихъ ядей, потому что ѣдала сласти“. Марья Хлопова показала, что рвало и ломало ее, и опухоль была, а думаетъ, что то учинилось отъ супостатъ ея. Результатомъ слѣдствія была ссылка Салтыковыхъ съ ихъ женами въ Галичъ и Вологду, такъ какъ они для своей недружбы съ Хлоповыми „любити ихъ не почали—для того, чтобы однимъ быть при государѣ, и ихнею смутю почала быти Марья Хлопова больна“. Больной невѣстѣ (какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла) давали пить св. воду съ мощей да камень безуй—Собр. Гос. Гр. и Док., III, 63—65, 98. Въ 1655 г. доставлены были въ аптекарской приказъ три рога нироговые, и докторъ Граманъ

Крещенье предала душу свою Богу ¹⁾. Известна печальная судьба первой невесты царя Алексѣя Михайловича, дочери Рафа Всеволожскаго. Котошихинъ говоритъ, что избранную невесту испортили жившія во дворцѣ матери и сестры знатныхъ дѣвицъ, уповѣе ее изъ-зависти отравили; а по свидѣтельству Коллинса, когда, по принятому свадебному обряду, расчесывали и окучивали невестѣ волосы, то назначенныя къ тому женщины нарочно завязали ей косу такъ крѣпко, что бѣдная дѣвушка упала въ обморокъ. Тогда ее огласили страдающею падучей болѣзней; отца ея выскли кнутомъ, и вмѣстѣ съ дочерью сослали въ Сибирь; но послѣ царь узналъ истину и назначилъ своей бывшей невестѣ двойное содержаніе ²⁾. Разсказъ Коллинса подтверждается отчасти и нашими оффиціальными актами: въ 1647 году царь Алексѣй указалъ послать въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь подъ крѣпкое начало крестьянина Мишку Иванова «за чародѣйство и косныи разводъ и за наговоръ, что объявился въ Рафовѣ дѣлѣ Всеволожскаго» ³⁾. Изъ челобитной боярина Матвѣева, на которую укажемъ ниже подробнѣе, видно, что враждебная ему

осмотря ихъ, сказала, что тѣ рога—прямые (настоящіе) и помогаютъ въ лихорадкѣ, огневой (горячкѣ), отъ мороваго повѣтрія, въ черной немочи и когда укусить змѣя, а принимать того рога противъ двенадцати зеренъ съ камеемъ безуемъ—съ теплымъ ренскимъ или въ романей⁴⁾; рога оцѣнены: два большихъ въ 5000 р., а меньшей около 1000 руб. — Доп. къ Ак. Ист., IV, 9. Встрѣчается еще упоминаніе о камѣ безваръ: въ 1587 г. эрцгерцогъ австрійскій Максимилианъ прислалъ въ даръ Федору Ивановичу этотъ камень, «взявъ изъ казны отца своего, а имѣетъ силу и лѣчбу великую отъ порчи» — Памяти. дипломат. снош., I, 972, 980. —

¹⁾ Никон. лѣт., VIII, 247—8. — ²⁾ Съ 1653 года двѣдцѣ Всеволожской дозволено было проживать въ касимовской деревнѣ. —

³⁾ Котоших., 5; Ч. О. И. и Д., годъ 1-й I (Коллинсъ), 4—5; Свѣд. Архивъ 1822, II, 152—3 (письмо шведск. повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ 1647 года); Ак. Арх. Эксп., IV, 18; Ак. Ист., IV, 59; Собр. Гос. Гр. и Док., III, 155.

боярская партія, стараясь помѣшать браку царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кириловною Нарышкиною, прибѣгнула для этого къ обычному оговору въ волшебствѣ. Понятно теперь, почему такъ заботливо старались оберегать на царскихъ свадьбахъ и жениха, и невѣсту, и ихъ платье («стряпню»), и шѣста для сидѣнья, и подаваемые ѣсты и напитки. Ежедневная жизнь царской семьи обставлялась тѣми-же заботами; зорко слѣдили за всякими попытками къ чародѣйству и порчѣ, и непрерывно возникали дѣла о волшебствѣ. Отъ XVII-го вѣка сохранились въ архивахъ нѣкоторые изъ этихъ любопытныхъ дѣлъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что на Москвѣ, въ разныхъ концахъ города, жили бабы-ворожейки или колдуньи, къ которымъ прѣзжали боярскія и иныхъ сословія жены просить помощи противъ супружеской ревности, совѣтоваться о своихъ любовныхъ интригахъ и о средствахъ, какъ умирять мужнинъ гнѣвъ или изводить недруговъ. Въ 1635 г. одна «золотная» мастерица выронила во дворцѣ платокъ, въ которомъ былъ завернуть корень. По этому поводу произвели розыскъ. Мастерица — на вопросъ: гдѣ она взяла корень и зачѣмъ ходить съ нимъ къ государю?—отвѣчала, что корень нелихой, а носить его при себѣ «отъ сердечной боли, что сердцемъ больна». Жаловалась она одной жонкѣ, что до нея мужъ лихъ, и та жонка дала ей корень обратимъ (т. е. обращающій на любовь), а велѣла класть его на зеркальное стекло, и глядась въ то зеркало, приговаривать: «какъ люди въ зеркало смотрятся, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не насмотрѣлся!» Тогда мужъ будетъ къ ней ласковъ и милостивъ ¹⁾. На цар-

¹⁾ Такова была вѣра въ силу «приворотныхъ кореньевъ». Изъ розыскныхъ дѣлъ видно, что и любовь Петра Великаго къ Екатеривѣ, и расположеніе его къ Мевшикову объяснились въ народѣ тѣмъ, будто бы она и Меншиковъ обвели государя кореньемъ—
Зремя 1862, IV, стат. Семейскаго: «Семейство Монсовъ», 316.

скожь же дворѣ она никого портить не хотѣла и съ иными корешницами не знается. Золотную мастерицу и ту жонку, на которую она сослалась, пытали и потомъ отправили въ ссылку въ дальніе города. Другое подобное дѣло было въ 1638 году; оно возникло вслѣдствіе ссоры нѣсколькихъ мастерицъ изъ-за какой-то пропажи. Подъ вліяніемъ личнаго озлобленія, сдѣланъ былъ извѣтъ на мастерицу Дарью Ламанову, что она сыпала порошокъ на слѣдъ государыни царицы и говорила: «только-бъ мнѣ умилишь царское и царицыно сердце, а другіе мнѣ дешевы!» Ее допрашивали, и она, обливаясь слезами, призналась: ходила она къ бабѣ-ворожейкѣ, что людей приворачиваетъ и у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаешь; баба эта наговаривала ей на соль и мыло и приказывала соль давать мужу въ ѣствѣ, а мыломъ умываться самой, и увѣряла, что послѣ того мужъ станетъ молчать — что-бъ она не дѣлала, хотябъ воронала (любилась) съ другимъ. Наговоры были слѣдующіе: «какъ де соль въ ѣствѣ любятъ, такъ (бы) мужъ жену любилъ!» «сколь де мыло борзо смоеся, столь бы (скоро) мужъ полюбилъ; а какова рубашка ва тѣлѣ бѣла, столь бы мужъ былъ свѣтелъ!» И другой мастерицѣ таже колдунья давала наговоренную соль — для того, чтобы мужъ ея былъ добръ до дѣтей. Кромѣ того, дознались, что Дарья Ламанова приносила къ бабѣ-ворожейкѣ оторванный воротъ отъ своей рубашки ворожея сожгла воротъ на шесткѣ, и спросивъ: прямое ли имя Авдотья? ¹⁾ — наговорила и велѣла тотъ пепель сыпать на государскій слѣдъ, чтобы царь, царица и ихъ ближніе люди были милостивы къ Дарьѣ и ко всѣмъ ея челобитьямъ. Привлеченная къ дѣлу колдунья объявила, что зовутъ ее Настасьицею, родомъ черниговка, замужемъ за литинномъ Янкою, а учила ее вѣдов-

¹⁾ Царицу звали Евдокіей Лузьиной; это была вторая жена Михаила Федоровича.

ству другая баба. Привели эту послѣднюю, и на допросъ она показала, что умываетъ малыхъ дѣтей, уговариваетъ болѣзнь жабу и намечиваетъ на животъ горшки, а ворожбу эту оставила ей покойная мать; да и не одна она промышляетъ такимъ ремесломъ: есть на Москвѣ многія ворожейки — Ульяна слѣпая и другія, къ которымъ ходятъ всякіе люди. Собрали и остальныхъ ворожеекъ, допрашивали, грозили, пытали огнемъ, и вотъ все, что узнали изъ ихъ показаній: если кто страдаетъ лихорадкою или сердечной тоскою, тому онѣ наговариваютъ на вино, чеснокъ и уксусъ; отъ грыжи наговариваютъ на громовую стрѣлку и медвѣжьей ноготь, и съ той стрѣлки и ногтя заставляютъ больныхъ пить воду, причитывая слѣдующія слова: «какъ де старой жонкѣ дѣтей не раживать, такъ бы у раба (ниарекъ) грыжи не было!» Если у кого пропадетъ что-нибудь, тому ворожейки гадаютъ по сердцу, какъ оно трепещетъ; у которыхъ торговыхъ людей залежится товаръ, тѣмъ приказываютъ умываться наговорнымъ медомъ, а за медъ онѣ наговариваютъ: «какъ де пчелы ярыя роются да слетаются, такъ бы къ торговымъ людямъ покупатели сходились!» Мастерницу Дарью и вѣдунью Настасьицу допрашивали съ пытокъ: не было-ль къ нимъ подсылу отъ польскаго короля, чтобъ они портили царя и царицу? не даромъ де въ послѣдніе годы великая государыня стала немогать и печалиться, царевичи Иванъ и Василій Михайловичи померли, а пронежь царя и царицы въ любви стало не по прежнему; не дѣлала-ль чего Дарья къ отвращенію ихъ государей между собою? Ни мастерница, ни вѣдунья въ этихъ умыслахъ не сознались. Отъ жестокихъ истязаній Настасьица и Ульяна слѣпая померли во время производства розыска; прочія ворожейки разсланы были по дальнимъ мѣстамъ: Дарью Ламанову съ мужемъ сослали въ Пелымъ, а прикосновенныхъ къ дѣлу мастерницъ велѣно было отставить отъ двора и впредь въ царицыномъ чину имъ

не числятся ¹⁾. Въ одномъ сыскномъ дѣлѣ, хранящемся въ архивѣ Оружейной палаты, постельница Домна Борисова дала показаніе, будто царица Евдокія Лукьяновна какъ скоро найдетъ гдѣ людскіе волосы — тотчасъ сучить изъ нихъ свѣчки и сжечь, а потомъ жалуется, что ее портятъ постельницы ²⁾. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1648 г. дворницы золотной мастерицы Ульяны Яхонинной: вдова Аленка Федотова да иноземцева жена Марьца, обѣ напившись пьяны, стали промежь себя драться, попрекать одна другую коревьемъ, и Марьца говорила Аленкѣ: «ты де мнѣ сказывала, что видѣла золотную мастерицу Анну Коробанову, какъ она сквозь перстень проволакивала полотенце тонкое, и съ тѣмъ де полотенцемъ та Анна всходила въ верхъ (во дворецъ) — въ свѣтлицу». Случившійся при этомъ боярскій сынъ Федоръ Яхонинъ отдалъ Аленку и Марьцу рѣшоточнымъ сторожамъ, за пристава, и донесъ о слышанной имъ побранкѣ царицыну дворецкому да дяку. Аленка и Марьца потребованы были къ допросу, но обѣ заперлись, что такихъ словъ говорено не было. Послѣ нѣсколькихъ очныхъ ставокъ, послѣдняя показала: «сказывала ей Аленка Федотова, будто де мастерица Анна Коробанова сквозь перстень проволакивала полотенце, а тѣ де рѣчи слышала она у ней Аленки у пьяной, какъ она Ман(ь)ку бранила, рнясь тому, что де еѣ Манкинъ братъ родной жветъ у мастерицы у Анны Коробановой». Къ сожалѣнію, конецъ этого розыскаго дѣла утратился, и къ какимъ открытіямъ

¹⁾ Комета, альманахъ Н. Щепкина, стат. Забѣлина: „Сыскныя дѣла о ворожеяхъ и колдуньяхъ“, 477—492. — ²⁾ Сообщено И. Е. Забѣлинымъ. Въ книгу полочкой ратуши за 1643 г. занесено заявленіе служки Петра Мартиновича, что невдомымъ чело-вѣкъ, чаруя надъ его домою, подбросилъ къ нему въ калку съ водою пучокъ женскихъ волосъ.—Археогр. сбор. документ. съверозап. Русс, I, 324.

оно привело — остается неизвестным¹⁾. Из старинных актов, уцѣлѣвшихъ въ сибирскихъ архивахъ, видно, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ссылались въ Якутскъ и Енисейскъ люди, обличенные въ чернокнижіе и въ «тайномъ богомерзскомъ общеніи съ нечистою силою»; мѣстнымъ властямъ наказывали содержать подобныхъ преступниковъ, какъ можно, строже, сажать ихъ въ тюремныя каюты отдѣльно, приковывать къ стѣнѣ на цѣпь и отнюдь не допускать къ нимъ никого посторонняго. Встрѣчается еще любопытное извѣстіе, что чародѣевъ истомляли жаждою; такъ въ одной грамотѣ предписано было не давать воды Максиму-мельнику, сосланному въ Сибирь за волшебство, потому что «онъ, Максимъ, многожды уходилъ въ воду» (сравни выше стр. 589²⁾).

Знаменитый Никонъ, низверженный съ патріаршаго престола и заточенный въ бѣлозерскомъ Терапонттовомъ монастырѣ, задумалъ отомстить своимъ врагамъ, возбудивъ въ Алексѣѣ Михайловичѣ опасеніе волшебныхъ чаръ и недоувѣріе къ ближнимъ боярамъ. Въ октябрѣ 1668 года явился отъ него въ Москву монахъ Флавіанъ и подалъ письмо, въ которомъ говорилось: отпущень де Флавіанъ къ государю объявить про великое дѣло, что на Москвѣ измѣнники царскіе хотять очаровать его государя. Бояре, въ присутствіи самого Алексѣя Михайловича, спрашивали старца Флавіана, въ чемъ состоитъ великое дѣло? Тотъ отвѣчалъ: на Петровъ постъ пришелъ въ Терапонттову обитель Воскресенскаго монастыря чернецъ Палладій и объявилъ Никону, что былъ онъ въ Москвѣ на Кирилловскомъ подворьи, и сказывалъ ему черный попъ Іоиль про окольного Федора Ртищева; просилъ де его Ртищевъ: «сдѣлай то, чтобъ мнѣ у великаго государя быть первымъ бояриномъ.»

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд.; II, отд. 6, 58—61. — ²⁾ Рус. Сл. 1861, VIII, ст. И. Сельскаго („Ссылка въ восточн. Сибирь за жьчат. лицъ“), 6.

Юль возразилъ: «миѣ этого сдѣлать нельзя, а есть у тебя во дворѣ жонка-цыганка, которая умѣетъ эти дѣла дѣлать лучше меня!»—Жонкѣ говорить про то нельзя, сказалъ Ртищевъ, потому что она хочеть за меня замужъ. Вслѣдъ затѣмъ Никонъ прислалъ письмо, въ которомъ излагалъ рѣчи Палладія, но вмѣсто Ртищева и цыганки указывалъ на боярина Богдана Матвѣевича Хитрово и жонку-литовку. По свидѣтельству этого письма, Юль говорилъ Палладію: «Никонъ меня не любитъ, называетъ «колдуномъ и чернокнижникомъ; а жъ мною ничего нѣтъ, только «я умѣю звѣздочетіе — то у меня гораздо твердо учено! Меня «и въ верхъ государь бралъ, какъ болѣла царевна Анна, и я «сказалъ, что ей не встать, чтò и сбылось; и миѣ государь «указалъ жить въ Чудовѣ, чтобъ (быть) поближе. Миѣ и Богданъ Хитрой — другъ и говорилъ миѣ, чтобъ я государя очаровалъ, чтобъ государь больше всѣхъ его Богдана любилъ «и жаловалъ, и я, помни государеву милость къ себѣ, ему «отказалъ; и онъ миѣ сказалъ: нишкни-же! И я ему молвилъ: «да у тебя литовка то умѣетъ; здѣсь на Москвѣ нѣтъ ея «силънѣе. И Богданъ говорилъ: это такъ, да лихо запросы «велики — хочеть, чтобъ я на ней женился; и я бы взялъ ее, «да государь не велитъ.» Призваны были къ допросу Юль и Палладій; первый объявилъ, что приходилъ къ Палладію лѣчить его и, кромѣ болѣзни, ни о чемъ другомъ съ нимъ не разговаривалъ, а у Хитрова никогда и на дворѣ не бывалъ; Палладій подтвердилъ тоже, и добавилъ, что приписанныхъ ему рѣчей Никону вовсе не сказывалъ: «вольно старцу Никону меня поклепать, онъ затѣвать умѣетъ!» Юля подвергли обыску и нашли у него книгу «счету звѣздарскаго», напечатанную въ 1586 г. въ Вильнѣ, книгу письменную лунамъ и днямъ, планитамъ и рожденіямъ человѣческимъ, тетрадку о пусканіи крови жильной и рожечной и записку — кого Юль выгнчалъ. Разнорѣчіе между показаніемъ Флавіана и

письмомъ Никона и разными обвиненіями, которыя въ то же время паля на бывшего патріарха, заставили извѣтъ его оставить безъ вниманія ¹⁾).

Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича замѣчательно дѣло о заточеніи ближняго боярина Артамона Сергѣича Матвѣева, любимца покойнаго государя. Враги не могли придумать лучшаго средства для отдаленія Матвѣева отъ двора и правительства, какъ обвинивъ его въ чародѣйствѣ. Это тѣмъ легче было исполнить, что бояринъ Артамонъ Сергѣичъ любилъ сближаться съ иностранцами и цѣнилъ научныя знанія; десятилѣтній сынъ его, Андрей, учился языкамъ греческому и латинскому подъ руководствомъ переводчика посольскаго приказа Спафари; а въ тотъ вѣкъ достаточно было имѣть при себѣ какую-нибудь иностранную книгу и медицинскія пособія, чтобы возбудить подозрѣніе въ волшебствѣ. По свидѣтельству Олеарія, во время пожара, бывшего въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, у одного итѣнца-живописца нашли черепъ и только по этому хотѣли сжечь его, какъ волшебника; при стрѣleckихъ смутахъ докторъ фонъ Гаденъ заплатилъ жизнь за то, что у него въ домѣ нашлись сушенныя змѣи. Вслѣдствіе подговора, Давыдко Берловъ, лѣкарь, и карло Захарка, проживавшій въ домѣ Матвѣева, донесли на него, будто-бы онъ виѣстѣ съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ Спафари, запершись въ палатѣ, читали черную книгу, и въ то время являлось къ нимъ множество нечистыхъ духовъ. По этому доносу Матвѣевъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Пустозерскій острогъ; боярство у него отнято, а имѣнія отобраны въ казну. Матвѣевъ нѣсколько разъ писалъ въ Москву къ государю, патріарху и боярамъ, стараясь оправдаться во взведенномъ на него преступленіи; но попытки эти не имѣли успѣха. Въ одной челобитной его, писанной на имя царя, интересны слѣдую-

¹⁾ Исторія Рос. Соловьева, XI, 379—383.

ція строки, изъ которыхъ видно, что подобныя доносы въ старей, допетровской Руси были самымъ обыкновеннымъ явлєніемъ, характеристической чертою тогдашняго быта: «При великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, говоритъ Матвѣевъ, также ненависти ради подкинули письмо воровское на боярина И. Д. Милославскаго (будущаго тестя царя Алексѣя), будто онъ имѣеть у себя перстень волшебной думнаго дьяка Грамотина, и по тому воровскому письму немного не пришелъ въ конечное разореніе: былъ за приставомъ много время, животы пересмотриваны и запечатаны были и ничего не найдено... и за свою невинность освобожденъ... А при великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ также завистию и ненавистию извѣтъ былъ составной-же и наученой о волшебствѣ на боярина С. Л. Стрѣшнева, и за тотъ извѣтъ страдалъ невиннѣ, честь (т. е. боярство) была отнята и сосланъ былъ на Вологду, а животы и помѣстья и отчины и дворы не отняты. Да и на многихъ, великій государь, такихъ воровскихъ писемъ было, а на нихъ и въ смертномъ страху были... А и я, холопъ твой, отъ ненавидящихъ и завидящихъ при отцѣ же твоємъ государевѣ великомъ государѣ немного не пострадалъ: таже воры, составя письмо воровское подметное, кинули въ грановитыхъ стѣнѣхъ и въ проходныхъ, и хотѣли учинить божеіей волѣ и отца твоего государева намѣренію и къ супружеству — второму браку препону, а написали въ письмѣ «кореня» ¹⁾.

Князь М. Щербатовъ замѣтилъ, что «наипросвѣщеннѣйшій мужъ въ Россіи князь Василій Васильевичъ Голицынъ (извѣстный наперсникъ царевны Софіи) гадателей призывалъ и на мѣсяцъ смотрѣлъ о познаніи судьбы своей» ²⁾. Отзывъ

¹⁾ Исторія о невинн. заточеніи ближн. боярина А. С. Матвѣева (1785 г.), 11, 161—3. — ²⁾ О. З. 1858, III, 240.

этотъ подтверждается официальными документами. Во время крымскаго похода, кн. Голицынъ, извѣщая Шакловитаго о безъимянномъ письмѣ, въ которомъ писано было къ малоруссамъ, чтобъ пребывали съ крымцами въ миру: «Москва де вамъ не вѣрить, и большаго вашего хотять убить», — прибавляетъ: «и то, чаю, вѣдали они по чарованью нѣкому». Въ 1689 году, по его челобитью, пытанъ былъ въ земскомъ приказѣ Иванъ Бунаковъ за то, что вынималъ княжой слядъ. Изъ дѣловыхъ бумагъ розыскаго приказа узнаемъ, что кн. Голицынъ совѣщался съ колдунами, и опасаясь, чтобы не остыла къ нему любовь Софїи, прибѣгалъ къ чарамъ: какой-то знахарь давалъ ему травы, и князь сыпалъ ихъ для «прядлюбленїя» въ ѣствы, подносимыя царевнѣ, а потомъ того знахаря велѣлъ сечь въ банѣ, дабы не было отъ него проносу. Такое показаніе далъ Сильвестръ Медвѣдевъ, а ему про то сказывалъ иконникъ Васька Владиміровъ. Ваську взяли къ допросу, пытали, и онъ повторилъ тѣже самыя рѣчи. Обращалась къ колдунамъ и прорицателямъ и царевна Софїя; для предварительнаго испытанїя, она обыкновенно посылала ихъ къ Медвѣдеву, который и самъ занимался астрологіей, гадалъ по звѣздамъ и предсказывалъ будущее. Между волхвами особеннымъ довѣріемъ ея пользовался Димитрій Силинъ, вызванный царевною изъ Польши лѣчить болѣзненныя очи царю Ивану Алексѣевичу; года съ три жилъ онъ въ кельѣ Медвѣдева, увѣрялъ, что умѣетъ глядѣть въ солнце и угадывать: что кому будетъ, зналъ заговаривать грыжу, пособлять женѣ и мужу и вылѣчивать отъ болѣзней живота. Силинъ врачевалъ на Москвѣ многихъ, въ томъ числѣ и князя Голицына: щупалъ ему животъ и нашелъ, что князь «любитъ чужбину, а жены своей не любитъ». Этому пришелицу Медвѣдевъ открылъ, что царевна хочетъ выйдти замужъ за Голицына, Шакловитаго намѣрена сдѣлать первымъ у себя правителемъ, а

его Медвѣдева патриархомъ, и просклъ посмотрѣть въ солнце: сбудется ли это? Силниъ два раза всходилъ на Ивановскую колокольню и будто-бы видѣлъ, что «у государей вѣнцы на главахъ, у Голицына вѣнецъ мотался на груди и на спинѣ, самъ онъ стоялъ тѣмень и ходилъ колесомъ, царевна была печальна и смутна, Медвѣдевъ былъ тѣмень, а Шакловитый повѣсилъ голову». Когда Петръ началъ торжествовать надъ своею сестрою, Медвѣдевъ бѣжалъ въ монастырское сельцо Микулино съ тремя стрѣльцами; тамъ они видѣлись съ волхвомъ Ваською Иконникомъ и совѣтовались, что дѣлать. Волхвъ увѣрялъ ихъ, что онъ владѣеть сатаню, и если царевна дастъ ему 5000 р. то все останется по прежнему; но ему уже не повѣрили ¹⁾. Въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шакловитымъ и въ волшебныхъ чарахъ на царское здоровье былъ обвиненъ и стольникъ Андрей Безобразовъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ былъ онъ отправленъ (въ 1689 г.) воеводою въ крѣпость Терки; мѣсяца полтора плылъ онъ рѣками Москвою в Окою до Нижняго Новгорода, гдѣ застигнутый морозами остановился и послалъ челобитную къ государямъ и письма къ разнымъ влiятельнымъ лицамъ, умоляя освободить его отъ такой дальней службы и воротить въ столицу. Изъ Нижняго бѣжали отъ него крѣпостные люди Петрушка Персидской да Якимка Семеновъ, обокравши напередъ своего господина, какъ это видно въ поданныхъ имъ явочныхъ прошеній. Они явились въ Москвѣ въ розыскной приказъ и сдѣлали на Безобразова извѣтъ, что онъ сносился съ Шакловитымъ, и на пути къ Нижнему посылалъ по городамъ и селамъ людей своихъ отыскивать ворожей и волхвовъ — версть за двадцать и далѣе: посланные приводили къ нему разныхъ колдуновъ: въ Москвѣ — мельника Сеньку Антонова, въ Коломнѣ — волхва

¹⁾ Исторія Петра В., соч. Устрялова, I, 354; II, 48—49, 68—69, 90, 344; Запiсьскiй Желябужск., изд. Ямкова, 21.

Ганьку, въ Касимовѣ — жонку-татарку и бабу Аксютку, въ Нижнемъ — коновала Дорошку Кабанова, портнаго Ивашка Матвѣева и дворника Оську Охашкина, и тѣ колдуны и колдуньи ворожили на костяхъ, деньгахъ и на водѣ о здравіи царя Петра Алексѣевича и матери его Наталіи Кирилловны, умышляючи злое дѣло, и о бунтѣ и побѣдѣ на боярѣ. Волхвъ Дорошка «накупился у Безобразова напустить по вѣтру тоску на царя и царьцу, чтобы они сдѣлались къ нему добры и воротили бы его къ Москвѣ»; для этого, снабдивъ Дорошку запасомъ и виномъ, Безобразовъ отправилъ его къ Москвѣ съ человекомъ своимъ Ивашкомъ Щербачовымъ, и велѣлъ этому послѣднему указать ему государя Петра Алексѣевича и царьцу мать его. А жена Безобразова заставляла писать царскія имена: Петръ и Наталія на семи старыхъ полотняныхъ лоскуткахъ, и вставивъ лоскутки въ восковыя свѣчи, на мѣсто фитилей, посылала тѣ свѣчи по церквамъ и приказывала, затепля, ставить ихъ передъ иконами да смотрѣть, пока онѣ догорятъ ¹⁾. По этому извѣсту послали за обвиняемымъ въ Нижній Новгородъ; жену его призывали къ допросу; коновальъ Дорошка былъ взятъ на ея дворѣ, гдѣ укрывался онъ отъ розыска, а Щербачовъ пойманъ въ подмосковной деревнѣ Безобразова; захвачены были и другія оговоренныя лица. Жена Безобразова сначала запералась и отвергала всѣ обвиненія; но потомъ на очныхъ ставкахъ вынуждена была сознаться, что получала отъ мужа письма къ Шаковитому и что вѣдала, съ какою именно цѣлью присланъ былъ на Москву коновальъ Дорошка. Кабановъ объявилъ, что онъ заговариваетъ руду и лѣчитъ всякія болѣзни тайными заговорными словами — шоптами; что учился этому мастерству у другаго нижегородскаго коновала Федора Бобыля; что привезъ съ собою бобы для ворожбы, росной ладонъ для охраны новобрачныхъ отъ

¹⁾ О значеніи этой чары см. выше, стр. 201.

вѣдуновъ, богородицкую траву отъ сердечной болѣзни и кориичную — для лѣченья лошадей; что въ Москву прѣхалъ онъ вслѣдствіе даннаго Безобразову общанія—сдѣлать царя Петра добрымъ къ нему и милостивымъ. Въ то время, какъ шли вел. государи изъ саввинскаго походу, Щербачовъ возилъ его въ село Хорошево, в онъ, Дорошка, на царя Петра заговорными словами напускалъ по вѣтру; да и въ село Преображенское для того-же вражескаго дѣла они ходили, но не дошедъ того села — воротились назадъ. Тоже подтвердилъ и Щербачовъ. Мельникъ Семенъ Антоновъ, сысканный въ московскомъ уѣздѣ, повинился въ ворожбѣ у Безобразова только послѣ двоекратной пытки. Наконецъ привезли самого Безобразова съ тремя колдунами: коноваломъ Бобылемъ, дворникомъ Охапкинымъ и портнымъ Матвѣевымъ. Очныя ставки съ пыткой вынудили у него признаніе въ справедливости всѣхъ сдѣланныхъ извѣтовъ; вмѣстѣ съ нимъ пытаны Кабановъ (дано 17 ударовъ), Бобыль (35 ударовъ), Охапкинъ (10 ударовъ); прочіе вѣдуны подыманы только для страху. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ объявили и свои шопты (заговоры) а другіе показывали, что никакой ворожбы не знаютъ, а ворожили «издѣваясь». Очевидно, все преступленіе состояло въ суевѣрныхъ попыткахъ помощію чаръ и заговоровъ призвать царскую милость на опальнаго боярина. Бояре приговорили: Безобразову отсѣчь голову, жену его сослать въ Тихвинскій Введенскій монастырь, а дворъ ихъ, помѣстья и вотчины отобрать безповоротно; коноваловъ Дороея Кабанова и Федора Бобыля сжечь въ срубѣ; остальныхъ колдуновъ и Щербачова бить вешально кнутомъ на козлѣ и сослать въ Сибирь, вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. Казнь совершилась 8-го января 1690 года. Донощики были награждены: имъ выдано изъ описной казны Безобразова по сто рублей на человѣка, оба они освобождены отъ крѣпостной зависимости и взяты въ задворные конюхи.

Но дѣло этимъ не кончилось; оно тянулось еще около двухъ лѣтъ; розыски производились воеводами — въ Коломнѣ, Касимовѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ и Нижнемъ-Новгородѣ. Одинъ вѣдунъ оговаривалъ другаго, другой — третьяго, и такъ далѣе. Воеводскіе розыски были ужасны: привлеченныхъ къ дѣлу ворожей и колдуновъ пытали по нѣскольку разъ со встряскою. Нѣкоторые изъ нихъ винились въ ворожбѣ на бобахъ, водѣ и деньгахъ; другіе же, не смотря на истязанія, ни въ чемъ не сознавались и умирали подъ пыткой или въ тюрьмѣ до окончанія слѣдствія ¹⁾.

Реформа Петра Великаго не могла поколебать вѣковаго предубѣжденія противъ колдуновъ и вѣдьмъ. Въ ту эпоху, когда она совершалась, — во всей западной Европѣ, служившей для насъ образцомъ и примѣромъ, вѣра въ колдовство составляла общее дѣяніе умовъ и подчиняла своимъ темнымъ внушеніямъ не только простолюдиновъ, но и духовенство, ученыхъ и самыя правительства. Между тѣмъ, какъ у славянъ, соответственно простотѣ ихъ быта, далекаго отъ строгихъ юридическихъ опредѣленій, книжной учености и богословской схоластики, преданія о волшебствѣ удерживались въ устныхъ, отрывочныхъ и безыскусственныхъ разказахъ, — на западѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ учено-богословскихъ трактатовъ о духахъ злобы и ихъ связяхъ съ людьми, трактатовъ, обработанныхъ систематически и доведенныхъ до изумительнаго анализа всѣхъ мелочныхъ подробностей. Эта средневѣковая литература дополняла и формулировала народное суевѣріе, скрѣпляла его своимъ авторитетомъ и имѣла огромное вліяніе на общественные нравы, судебные процессы и законодательныя установленія. Уполномоченные отъ высшихъ правительственныхъ властей, инквизиторы ѣздили по различ-

¹⁾ Исторія Петра В., соч. Устрялова, II, 347—350; Записки Желябужскаго, 23

нымъ областямъ Италіи, Франціи, Германіи и другихъ земель, гдѣ только проносилась молва о чародѣйствѣ; слѣдственные комиссіи приступали къ дѣлу со всѣми ужасами пытокъ и вынуждали самыя чудовищныя признанія. Число жертвъ, погибавшихъ отъ руки палача, превосходитъ всякое вѣроятіе. Отъ изданія буллы Иннокентія VIII (1484 г.), направленной противъ колдуновъ и вѣдьмъ, до окончанія казней за волшебство — въ одной Германіи насчитываютъ болѣе ста тысячъ человекъ, осужденныхъ на смерть, въ Англіи за все время, пока продолжались тамъ подобныя преслѣдованія, погибло болѣе 30,000 человекъ ¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что не однѣ пытки заставляли признаваться въ небывалыхъ сношеніяхъ съ чертами; что бывали и добровольныя самообвиненія, исходящія изъ того болѣзненно-суевѣрнаго настроенія, отдаваясь которому — человекъ всякое непонятное ему дѣйствіе и всякую тревожившую его мечту готовъ былъ приписать сверхъестественнымъ, демоническимъ силамъ. Съ особенною наглядностію раскрывается это въ тѣхъ процессахъ, гдѣ были замѣшаны дѣти. Подъ обаяніемъ предразсудковъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, впечатлительная фантазія дѣтей принимала свовидѣнія, горячешный бредъ и мечты напуганнаго воображенія за живую дѣйствительность. Въ знаменитомъ процессѣ 1669 года, въ шведской деревнѣ Мора, малолѣтныя дѣти смѣ-

¹⁾ Въ продолженіе 1485 г. Кужонъ, въ граствѣ Вурліа, смегъ за колдовство 41 женщину; въ слѣдующемъ году онъ продолжалъ дѣйствовать съ тою-же ревностію, такъ что болѣшая часть народа разбѣжалась. Алціастъ говоритъ, что въ это-же время инквизиторъ смегъ въ Піемонтѣ 100 колдуновъ и своими преслѣдованіями вывелъ наконецъ изъ терпѣнія жителей. Въ 1515 г. въ Женевѣ казнено 500 чел. подъ именемъ протестантскихъ колдуновъ; въ Равенсбургѣ въ четыре года было сожжено 48 чел. по рѣшенію Менго, автора известнаго сочиненія *Malleus maleficarum*; ученый инквизиторъ Реми хвалился, что онъ въ продолженіе 15 лѣтъ казнилъ 900 человекъ.

ло и настойчиво утверждали, что они околдованы и были въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Такое гибельное заблужденіе дѣйствовало нерѣдко, какъ нравственная зараза, и зародившись въ умахъ нѣкоторыхъ мальчиковъ или дѣвочекъ, немедленно сообщалось отъ нихъ всему дѣтскому населенію. Во Франціи въ одномъ благотворительномъ заведеніи, въ продолженіи полугода, почти всѣ воспитанницы объявили себя вѣдьмами, рассказывали о сообщеніи своемъ съ чертами, о своихъ полуночныхъ сборищахъ, пирахъ и пляскахъ. Несчастныхъ дѣтей также безжалостно пытали, какъ и взрослыхъ. Сожженіе и казни вѣдьмъ продолжались почти до конца XVIII-го столѣтія. Въ исторіи Англіи извѣстенъ процессъ 1716 года, когда Гиксъ и его девятилѣтняя дочь были повѣшены за то, что предалися дьяволу и прозводили бури; въ 1728 году въ венгерскомъ городѣ Сигединѣ сожгли тринадцать колдуней; въ 1749 г. въ Вирцбургѣ сожжена, какъ волшебница, Марія Рената; въ католическомъ кантонѣ Гларусѣ подобная-же казнь совершена надъ вѣдьмою въ 1786 году ¹⁾. Ясно, что при Петрѣ Великомъ вліяніе западной Европы не могло подѣйствовать смягчительно на духъ нашего законодательства. Въ артикулахъ Воннскаго устава 1716-го года предписывается: если кто изъ вонновъ будетъ чернокнижникъ, ружья заговорщикъ и богохульный чародѣй, такого наказывать шпицрутеномъ и заключеніемъ въ оковы, или сожженіемъ. Въ толкованіи къ этой статьѣ прибавлено, что сожженіе опредѣляется чернокнижникамъ, входящимъ въ обязательство съ дьяволомъ ²⁾. Лицъ, пойманныхъ съ волшебными заговорами и гадательными тетрадами, или уличенныхъ въ ихъ перепискѣ,

¹⁾ Моск. Телеграфъ 1830, XIX—XXI, статья по поводу изданія Горста: „Zauber-Bibliothek“; Моск. Наблюдат. 1837, XI, 117—139 („Судъ надъ вѣдьмами“). — ²⁾ П. С. Зап., V, 3006, гл. I, артн. 1 и 2.

продолжали подвергать тѣлеснымъ истязаніямъ; самые заговоры и тетрадки (на основаніи указа царя Федора Алексѣевича) посылались на просмотръ къ ректору славяно-греко-латинской академіи. Въ 1726 году были представлены къ ректору Гедееву для увѣщанія и вразумленія іеродиаконъ прилуцкаго монастыря Аверкій, у котораго найдены волшебныя письма, и дворовый человекъ Василій Даниловъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, по наущенію котораго похищена имъ золотая риза съ образа Богородицы. По образцу западныхъ теорій, въ курсъ богословія внесено было объясненіе различныхъ видовъ волшебства; такъ въ лекціяхъ, читанныхъ въ академіи въ 1706 году, встрѣчаемъ цѣлый отдѣлъ de contractibus diabolicis. «Contractus diabolicus (сказано въ этихъ лекціяхъ, est pactum cum diabolo initum, et dividitur in magiam, divinationem superstitiosam, vanam observantiam et maleficium»; колдуны, по словамъ ученаго профессора, могутъ съ корнемъ вырывать крѣпчайшія деревья, переставлять застѣянные поля съ одного мѣста на другое, дѣлаться невидимками, превращаться въ различные образы и совершать многія другія чары ¹⁾. Судныя дѣла XVIII-го столѣтія до сихъ поръ остаются неизданными и малодоступными для изслѣдователя; но даже изъ тѣхъ немногихъ матеріаловъ, на которые можно сослаться въ настоящее время, нетрудно убѣдиться, какъ сильно-живучіи народныя суевѣрія и какъ долго еще послѣ реформы Петра В. продолжались преслѣдованія мнимаго чародѣйства. Въ 1750 году возникло, напримѣръ, дѣло о сержантѣ Тулубьевѣ, который обвинялся въ совершеніи любовныхъ чаръ. Обстоятельства этого дѣла такъ изложены въ промеморіи тобольской консисторіи: ширванскаго пѣхотнаго полка сержантъ Василій Тулубьевъ, квартируя въ городѣ Тю-

¹⁾ Исторія моск. славяно-греко-лат. академіи, соч. Смирнова, 129—130, 135, 150.

меня у жены разночинца Екатерины Тверитиной, вступилъ въ блудную связь съ ея дочерью Ириною; а потомъ ее, Ирину, насильно обвѣнчалъ съ своимъ дворовымъ человѣкомъ Родиономъ Дунаевымъ, но жить съ нимъ не позволялъ. Чтобы закрѣпить любовь и вѣрность Ирины, онъ на третій день послѣ вѣнца бралъ ее съ собой въ баню и творилъ надъ нею разныя чары: взявъ два ломтя печенаго хлѣба, Тулубьевъ обтиралъ ими съ себя и съ своей любовницы потъ; затѣмъ хлѣбъ этотъ емѣшалъ съ воскомъ, печинною, солью и волосами, сдѣлалъ два колобка и шепталъ надъ ними невѣдомо-какія слова, смотря въ волшебную книгу. Онъ-же, Тулубьевъ, срѣзывалъ съ хорошихъ угловъ стружки, собиралъ грязь съ тележнаго колеса, клалъ тѣ стружки и грязь въ теплую банную воду и приготовленнымъ настоемъ помылъ Ирину; помылъ ее и виномъ, смѣшаннымъ съ порохомъ и роснымъ ладономъ; наговаривалъ еще на воскъ и сѣру, и тѣ снадобья заставлялъ ее носить, прилѣпивъ къ шейному кресту, а самъ онъ постоянно носилъ при себѣ ея волосы, надъ которыми также нашептывалъ. Подобными чарами Тулубьевъ такъ приворожилъ Ирину, что она безъ него жить не могла, и когда ему случалось уходить со двора—бѣгала за нимъ слѣдомъ, тосковала и драла на себѣ платье и волосы. Консвсторія опредѣлила: лишить Тулубьева сержантскаго званія и сослать его на покаяніе въ енисейскій монастырь, а бракъ Ирины съ Дунаевымъ расторгнуть; какъ блудница, Ирина должна бы подлежать монастырскому заключенію, «но понеже она навращена къ тому по злодѣянію того Тулубьева, чародѣйствомъ его и присушкою, а не по свободной волѣ, — для такихъ резоновъ отъ посылки въ монастырь ее освободить»¹⁾.

¹⁾ Этн. Сб., VI, 141—3; см. также Памят. книжку арханг. губ. 1864 г., 79—90 (судныя дѣла 1729 и 1785 годовъ, возникшія по обвиненію въ наущеніи икоты).

Но рано или поздно — духъ суевѣрiя долженъ былъ уступить передъ успѣхами ума и общественнаго просвѣщенiя. Философское движенiе второй половины XVIII-го вѣка вызвало болѣе свѣтлыя взгляды на природу и челоуѣка, потрясло вѣковыя предрасудки, заставило сознаться въ бесполезной жестокости пытокъ и утвердило великую идею вѣротерпимости; вмѣстѣ съ этимъ оно погасило костры инквизицiи и остановило преслѣдованiя мнимыхъ колдуновъ и вѣдьмъ во всей Европѣ. У насъ, на Руси, это благотворное влiянiе европейской науки выразилось въ законодательныхъ памятникахъ Екатерины II-й.

XXVIII.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Дѣленіе года у древнихъ славянъ опредѣлялось тѣми естественными, для всѣхъ наглядными знаменіями, какія даются самою природою. Годъ распадался на двѣ половины: лѣтнюю и зимнюю, и начинался съ перваго весенняго мѣсяца—марта, такъ какъ именно съ этой поры природа пробуждается отъ мертвеннаго сна къ жизни и свѣтлые боги приступаютъ къ созданию своего благодатнаго царства. Апокрифы и народныя повѣрья относятъ сотвореніе міра и перваго человѣка къ марту-мѣсяцу ¹⁾). Водвореніе христіанства на Руси нескоро измѣ-

¹⁾ Въ житіи св. Стефана Пермскаго читаемъ: „мартъ мѣсяць — начало всѣмъ мѣсяцемъ, иже и первый наречется въ мѣсяцѣхъ, ему-же свидѣтельствуеть Моисій законодавецъ, глаголя: мѣсяць же вамъ первый въ мѣсяцѣхъ да будетъ мартъ... Марта бо мѣсяца начало бытіа—вся тварь Богомъ сотворена бысть отъ небытіа въ бытѣе, марта же мѣсяца въ 21 (25?) день и первозданный человѣкъ, родоначальникъ Адамъ, рукою божіею создавъ бысть“—Пам. стар. рус. лит., IV, 130. Съ марта мѣсяца начинали годъ и евреи, египтяне, мавры, персы, древніе греки и римляне; латянскія названія мѣсяцевъ: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь (=седьмой, восьмой,

нило старинный обычай начинать новолѣтіе мартомъ. Церковь, руководствуясь византійскимъ календаремъ и светцами, приняла годичный кругъ индиктовый — сентябрьскій; народъ же и князья оставались при своемъ мартовскомъ годѣ и продолжали обозначать мѣсяцы древле-славянскими именами. И Несторъ, и его продолжатели держались мартовскаго года; въ сентябрьскому счисленію лѣтописцы перешли уже въ позднѣйшее время: такъ въ Троицкой лѣтописи сентябрьское счисленіе начинается съ 1407 года, а въ новгородскихъ — не прежде покоренія Новгорода Иваномъ III. Въ дѣлахъ житейскихъ и гражданскихъ мартовскій счетъ, вѣроятно, продолжался до конца XV-го вѣка. Въ 1492 г. созданный въ Москвѣ соборъ, установивъ церковную пасхалию на осьмое тысячелѣтіе, перенесъ начало гражданского года съ 1-го марта на 1-ое сентября; январскій же годъ введенъ уже Петромъ Великимъ ¹⁾.

Изъ четырехъ временъ года весна разсматривалась, какъ предверіе лѣта, а осень, какъ первая пора зимы; у сербовъ, чеховъ и другихъ славянъ весна называется пролѣтье (про-лѣће), подлѣтье, налѣтній часъ, младо лѣто (proslad), а осень — przedzima, podzim, podzimek (podzimak), назимній часъ ²⁾. Дѣлить годичный періодъ на мѣсяцы подали поводъ постоянно-повторяющіяся фазы луны; поэтому основаніемъ древнѣйшаго лѣтосчисленія принимался годъ лунный. Времена года и мѣсяцы получили свои названія отъ тѣхъ характеристическихъ признаковъ, какіе усвоивались за ними періодическими измѣненіями погоды и ея вліяніемъ на возрожденіе и увяданіе природы, плодородіе земли и

девятый и десятый) ясно указываютъ, что первоначально счетъ велся съ марта—Ж. М. Н. П. 1849, т. LXI, отд. VI, 145; Времен., XV, 14 („О ходу въ персидск. царство“). — ¹⁾ Ж. М. Н. П. 1849, II, 146; Ч. О. И. и Д., годъ 2-й, II, стат. Буллева, 1—33. — ²⁾ Труды Росс. Академ., III, 66—68.

трудъ чловѣка. Веда жизнь пастуховъ, звѣролововъ и пахарей, первобытныя племена по своимъ обиходнымъ занятіямъ должны были обнаруживать самое усиленное вниманіе ко всѣмъ явленіямъ природы, и дѣйствительно наблюденія ихъ отличались необыкновенной живостью и закрѣплялись мѣткими, живописующимъ словомъ. Весна (пол. wiosna, чеш. весно) отъ санскр. vas—lucere, откуда образовались также: санскр. vasu—radius, ignis, vāsara—dies, vāstar—shane, vāsanta—весна, литов. wasara—лѣто (pa-wasaris—предлѣтье, весна), сканд. vār—frühling, лат. ver и греч. ἔρ, ἔαρ, εἶαρ (=Féαρ, Féсар); слѣдовательно весна означаетъ собственно: свѣтлое, ясное, теплое время года ¹⁾, что подтверждается и другимъ присвоеннымъ ей названіемъ: ярь (iar, iago—I, 439). Лѣто обозначается въ санскритѣ словами, заключающими въ себѣ понятіе теплой, жаркой поры: uṣhna, uṣhna отъ uṣh (=vas)—ugere, grīshna и gharṣa—жаръ, тепло, tara, tarana отъ tar—calefacere, откуда происходятъ и лат. tempus, терео. Очевидно, что слова tempus, нѣм. jahr (=ярь, iar) и слав. время (отъ врьти) первоначально служили только для опредѣленія лѣтней поры, а потомъ уже перешли въ общее понятіе года и времени (II, 287). Точно также и лѣто (пол. lato, нл. lito, нѣм. le p z—весна) соединяетъ въ себѣ оба указанные понятія; мы говоримъ: «лѣта измѣняютъ чловѣка», «онъ прожилъ столько-то лѣтъ», возрастъ двухлѣтній, трехлѣтній и т. дал. Пикте сближаетъ это слово съ санскр. ṛti, зенд. gati—tempus. Такимъ образомъ лѣто почиталось славянами за время по-преимуществу, а самый счетъ годовъ они вели по лѣтамъ,

¹⁾ Курциусъ, 355—6; Диеенбахъ, I. 120—1; D. Myth., 741. По мнѣнію другихъ весна отъ санскр. vas—одѣвать (vasana—vestis), потому что она одѣваетъ лѣса листовою, а землю травой—Записка Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 565.

т. е. по числу истекшихъ лѣтнихъ періодовъ ¹⁾. Зима у арійцевъ называлась временемъ падающихъ (разбрасываемыхъ) вѣтговъ: санскр. hiṁsa — какъ существительное: снѣгъ, какъ прилагательное: холодный, hēṁanta — зима, греч. χιὼν — снѣгъ, χαίμα — буря, непогода, χειμῶν — зима, лат. hiem̄s — зима, зенд. zjāo (zjāṁ), осет. zim a g, литов. žiema, слав. зима отъ hi (hinōti) — ясаете, проясаете. Въ Острошировицъ евангеліи слово «зима» употребляется въ смыслѣ стужи, холоднаго вѣянія, и замѣняетъ собою греч. ψυχός; въ старинныхъ актахъ съ этимъ названіемъ соединяется мысль о сѣверѣ, какъ о той странѣ, откуда дуютъ суровые вѣтры ²⁾; въ областныхъ говорахъ зимно значить холодно. Нѣм. winter (др.-в.-нѣм. wintar, сканд. vetr, готск. vintrus) = hvintrus отъ санскритскаго çvind — album esse и frigere; çvindra — зима, т. е. бѣлая — устилающая землю снѣгами. Осени каждый изъ индоевропейскихъ народовъ далъ свое особенное названіе: анакъ, что названія эти явились уже позднѣе, послѣ раздѣленія арійскаго племени на различныя вѣтви ³⁾. Въ санскритѣ одни и тѣже слова служатъ для обозначенія дождя, дождливой погоды и осенней поры. По мнѣнію г. Микучкаго, слово осень (церковно-слав. есень, серб. јесен, польск. jesień, нл. jessen) можетъ быть возведено къ санскрит. корню as — lucere, отъ котораго произошли и санскр. aśan, латыш. asins — жровь (собственно: красная), и готск. asan — жатва (зрѣлые, золотистые колосья); подобно тому у литовцевъ осень — guduo (летт. guddens) отъ gudas — красноватый, рыжий,

¹⁾ Миклошичъ (Radices linguae slov., 47) и Ганушъ (Bajeslowin. kalendar, 126—7) производятъ лѣто отъ санскр. It — лить; лат. latus — pluvia; по ихъ объясненію, лѣто будетъ означать: время дождей.

²⁾ Взиму — на сѣверѣ, зимняя сторона — сѣверная; наоборотъ, лѣто въ архангел. г. употребляется въ смыслѣ юга — Radices linguae, slov., 31; О вл. христ. на слав. яз., 17; Обл. Сл., 107. — ³⁾ Плате I, 90—93, 98—102, 107; Курциусъ, 169; Диевенбахъ, I, 158—9.

руды и, т. е. та часть года, когда листья деревь становятся желтыми и красными ¹⁾. Ниже будет указано, что въ падающихъ и гниющихъ листьяхъ славянинъ усматривалъ главный, отличительный признакъ осенняго времени.

Древле-славянскія названія мѣсяцевъ частью занесены въ «церковный сборникъ», приложенный къ Остромирову евангелію (1056 г.), въ харатейное евангеліе 1144 года и въ нѣкоторыя другія старинныя рукописи; частью и донынѣ удерживаются между болгарами, поляками ²⁾ и иными славянскими племенами: 1) январь — древ. просинець (болг. просиньць, карніол. провенз, кроат. proszinescz), малор. сѣчень (нл. sieban, szeben), пол. styczень, чеш. и словац. leden, болг. студени-ятъ и лов' заецъ. Первое названіе производятъ отъ про-синѣти (синуть—совершенный видъ отъ глагола сѣяти) и видятъ въ немъ указаніе на возрождающееся солнце. 12-го декабря у насъ слыветъ солоноворотъ: солнце поворачиваетъ на лѣто, и въ январѣ дни уже начинаютъ замѣтно увеличиваться (проясняться), а ночи сокращаются. У болгаръ декабрь называется коложегъ, т. е. мѣсяць возженія солнечнаго колеса; сравни готск. jūleis (ноябрь и декабрь) и англос. geola (декабрь и январь)—названія, указывающія на поворотъ солнца (h vël —колесо, I, 212 ³⁾). Сѣчень (отъ глагола сѣчь) вполне соответствуетъ польскому styczень (отъ s-tykać, тыкать,

¹⁾ Изв. Ак. Н., IV, 48, 413. — ²⁾ Малорусскія названія мѣсяцевъ тождественны съ польскими и вѣроятно—уцѣлѣли въ народной памяти, благодаря вліянію польскихъ календарей. — ³⁾ Линде ставитъ имъ просинець въ связь съ польск. prosić, чешск. ргаге, рус. поросѣ—на томъ основаніи, что ко времени зимняго поворота солнца относятся мѣны о рожденіи золотаго поросенка и вызвѣдъ Фрейра на золотощетинистомъ вепрѣ (I, 778). Въ декабрѣ приносились въ жертву свиньи, и люнебургскіе славяне давали этому мѣсяцу названіе trebetón (отъ треба—жертва).

ткнуть, тнуть и старин. тяти или тети — съчь, бить); съ этимъ именемъ предки наша могли соединить мысль о «переломѣ зимы» (въ генварѣ половина зимы оканчивается, а половина остается), или еще итроатитѣ — мысль о трескучихъ, всё-поражающихъ морозахъ. Декабрь, генварь и февраль-мѣсяцы издревле называлась волчьимъ временемъ, потому что Зима, въ образѣ волка, нападала тогда на божій миръ и мертвца его своими острыми зубами. Для обозначенія февраля также употреблялось названіе съчень; сверхъ того, его называли лютымъ — эпитетъ, постоянно прилагавшійся къ волку. 2) Февраль — др. съчень (болг. съчень или съчко) и снѣженъ, пол. luty (малор. лютый), чеш. и словац. urog (аи ро҃г¹), словен. svečan (карн. svičan, венд. svičnik, кroat. szvečen, летт. swetschu-mehness) и hromsečnjk (въ Силезіи, около Фрейштата). Имена «свѣчанъ» и «громечникъ» стоятъ въ связи съ подобными-же названіями праздника Срѣтенья (2-го февраля, когда, по народному повѣрью, Зима встрѣчается съ Лѣтомъ): svečkovnica Maria, svečnica, свѣтло, den sviček, hromnice (I, 483), у нѣмцевъ kerz-wihe, kerz-(licht-)messe, и указываютъ на февраль, какъ на мѣсяцъ, удлиняющій дни, ведущій за собою весну и богиню благодатныхъ грозъ. У литовцевъ февраль слыветъ «весеннимъ» — wassaris. Лужичане называютъ генварь wulki góžk, а февраль — ма҃у гóžk — литов. didijs ragutis и ма҃as ragutis (большой рожокъ и малый рожокъ), что должно обозначать время, когда нѣкоторые животныя мѣняютъ рога. 3) Мартъ — др. и болг. сухы(i)и

¹) Ганушъ (Вајесл. kal., 127) сближаетъ это слово съ сивр. пага — вода, серб. норити — погружать въ воду, чеш. ро-погити, малор. поринати (шырять); если принять такое производство, то urog будетъ означать время начинающейся растопели, талыя льдовъ и снѣгу.

(карн., кроат. и венд. suszeб), малор. березозоль, чеш. и словац. březen (венд. brezen, лит. birželis) отъ bříza — береза, рус. област. свистунъ (=пора вѣтровъ) и пролѣтье. 4) Апрель — др. березозоръ и березозоль, пол. kwiecień (малор. цвѣтень, нѣм. blumenmonath), чеш. и словац. duben (время, въ которое начинаетъ распускаться дубъ), нл. travap (кроат. traven или mali traven, нѣм. grasmond, швед. gräs-shapad), рус. простонарод. зангай-овражки, т. е. пора весеннихъ потоковъ, скачущихъ по скатамъ горъ и овраговъ. Названіе березо-золь = березо-зоръ ¹⁾ есть сложное; вторая половина слова указываетъ на дѣйствіе вѣснаго тепла, которымъ вызывается въ березахъ сладкій сокъ, употребляемый поселянами вмѣсто напитка (сравни: «зорить ягоды» — выставлять ихъ на солнце, чтобъ доспѣли; «зорить пряжу» — выставлять ее въ весеннее время по утрамъ, чтобъ она побѣлѣла; июль = мѣсяцъ сушенія скошенной травы извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ сѣнозорики). Эсты называютъ апрѣль шahlaku отъ shal — древесный сокъ, березовая вода, а летты — sullshenness отъ sulla — сокъ. 5) Май — др. и болг. травень (травный, кроат. и венд. veliki traven, карн. travn velike, болг. лѣтень, чеш. и словац. květen, кроат. goz-njak и gozocvět. У нашихъ поселянъ май называется муръ (=мурава — трава), а начало этого мѣсяца — росеникъ ²⁾). 6) Июнь — др. изокъ, пол. czerwiec (малор. червецъ, чеш. и словац. červen), карн. и венд. gozencvět (сораб. gożowe mészasztwo), кроат. klaszen (время, когда хлѣбъ начинаетъ колоситься) и mlečen (молочный), нл. lipan (lipanj), литов. siejas mėnuo — мѣсяцъ посѣва.

¹⁾ Подобно тому, какъ февраль = февраль, пролубъ = пролубъ. — ²⁾ Обл. Сл., 192.

Слово *пзокъ* означаетъ кузнечика ¹⁾; въ одной рукописи XVII вѣка, при исчисленіи старинныхъ названій мѣсяцевъ, іюнь названъ «пау тной, сирѣчь комарной» ²⁾; въ областномъ словарѣ ³⁾ *пау ть* — слѣпень, оводъ. Слѣдовательно іюнь обозначался, какъ время стрекотанія кузнечиковъ, появленія комаровъ, слѣпней и оводовъ. Соответственно декабрю — коложегу (зимнему повороту солнца), іюнь назывался *кресникъ* отъ *кресъ* — огонь, *лѣтній солоноворотъ* — праздникъ Купалы, когда солнечное колесо, достигнувъ высшей точки на небѣ, начинаетъ спускаться внизъ. На Руси мѣсяць этотъ слыветъ *макушкою лѣта*: «всѣмъ лѣто пригоже, да макушка тяжела» (т. е. утомительна зноемъ); сравни кельт. *goghennaf* — голова, вершина лѣта. 7) Іюль — др. червень (болг. чървьнъ, чеш. и словац. *segrvenec*), пол. *lipiec* (малор. *липецъ*, литов. *lieras menuo*, латт. *leeru mehness* отъ *leera* — липа), болг. *сръпанъ* (илл. *szerpen, szagraп*, карн. *segrap male*). Червень, червенецъ отъ слова червь, что подтверждается и датскими названіями этого мѣсяца: *ogmethaaned, madkethaaned*, т. е. время собиранія насѣкомыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ червца и употребляемыхъ на окраску; червленый — темнокрасный, багряный. Чехи называютъ іюль — «*сеѣен, в пещі se seno seѣе*» (сѣно косить): названіе, соответствующее рус. сѣнозо(а)рникъ, сѣноставъ (время гребли и складыванія сѣна въ стога), литов. *sienriu*, латт. *seenu mehness*, нѣм. *heumonath* (сѣнокосный). Другія названія, даваемые русскими поселянами іюлю: *страда* (отъ *страда* — пора жатвы и сѣнокоса) и *грознникъ* ⁴⁾. 8) Августъ — др. и болг. *заревъ*, пол.

¹⁾ Г. Микуцкій (Записки Р. Г. О. по отд. этногр., I, 598) сравниваетъ славян. *пзокъ* съ литов. *жогас* — кузнечикъ, считая гласную и благозвучною приставкою. — ²⁾ Вологод. Г. В. 1855, 50. — ³⁾ Обл. Сл. 153. — ⁴⁾ Сахаров., II, 43; Обл. Сл., 224.

sierpeń (малор. сѣрпень, чеш. и словац. srpek, карп. serpan velike), сераб. žensz, žnejska, (жатвенный), болг. коловозъ, илл. kolovoz, рус. обл. зорничникъ и капустникъ. Это время созрванія нивъ (зорничникъ отъ зорить—зрѣть—см. I, 151 ¹⁾), жнитвы, дѣйствія серпомъ и перевозки сжатого хлѣба (коловозъ). У литовцевъ августъ—gugriūtis, riuomonies, по переводу Нарбута: žyto žniwpu; календарнымъ знакомъ его былъ «сѣрь»; латт. gudsmehness (отъ gudsi—рожь), нѣм. aegndmonath (aegmonath), швед. skördemånad (жатвенный). Въ Македоніи жатва собирается въ сентябрь-мѣсяцъ, который потому и называется γορπιᾶτος отъ ἄρπη (γερπή) — сѣрь ²⁾. 9) Сентябрь—др. рюе(и)нъ, болг. рюенъ, руянъ, илл. и кroat. гујап, чеш. и словац. zářj, zářig, zařuj, литов. рус отъ снк. гу—sonum edere, др.-слав. рю-ти (ревж. ³⁾), чеш. řeti—ржать, рыкать, řiti—ревѣтъ (говоря объ оленяхъ); литов. руя—brunstzeit или lauftzeit des wildes, сибир. рѣвъ—время половыхъ отношеній копытчатыхъ звѣрей; августъ-мѣсяцъ—др. заревъ ⁴⁾. Чехи даютъ подобное-же названіе и мѣсяцу октябрю—řígen; сравни сканд. ulig (октябрь) отъ ula—выть, ревѣтъ. Такимъ образомъ августъ и два слѣдующіе за нимъ мѣсяца обозначались, какъ періодъ, въ который олени и другія копытчатая животныя бываютъ въ течкѣ и подымаютъ дикій ревъ. Другія названія, даваемыя сентябрю: пол. wrzesień (малор. вресень отъ wrzos, вресъ, вересъ — erica ⁵⁾), болг. гроздоберъ = время сбора вереска и виноградныхъ гроздій, рус. обл. осеннины.

¹⁾ Сахаров., II, 46. — ²⁾ Курціусъ, 229. — ³⁾ Въ одной старинной рукописи читаемъ: „п пани дохнувшѣ влхри и шумы воспущаху и руянія творяху“. — ⁴⁾ Radices ling. slov., 77; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 604; Доп. обл. сл., 231. — ⁵⁾ У литовцевъ сентябрь также назывался „вересковымъ мѣсяцемъ“.

10) Октябрь—общеслав. листопадъ, пол. *razdziernik* (малор. паздерникъ, лит. *spaliu šienų*—съ тѣмъ-же значеніемъ) отъ слова паздеръ—кострица, ибо въ этомъ мѣсяцѣ начинаютъ вѣть ленъ и коноплю; сораб. *wino we mēszacztwo, winski* (нѣм. *weinmonath*—приступаютъ къ сбору винограда), рус. обл. зазимье и грязникъ¹⁾; финны и эсты также называютъ его грязнымъ (*loka-kuu, gojaku*). Въ Салезіи сентябрь—*koseń* (отъ косить), а октябрь—*seweń* (отъ сѣять); лит. *rugšiejis* (житосѣвный)—сентябрь-мѣсяць. 11) Ноябрь—др. и болг. грудень (грудный), общеслав. листопадъ, карн. и венд. *listognoi* (*gñilec*); у литовцевъ мѣсяць этотъ назывался *lapakritis*—листопадъ и календарнымъ знакомъ его служилъ древесный листь; нл. *studení* (*sztudení*, нѣм. *wintermonath* и *windmonath*), сораб. *młoszni* (молотильный). 12) Декабрь—др., болг. и малор. студень (студёный, студьный), рус. обл. зимникъ, болг. просвинець, чеш. и слов. *pro(a)šines*, нл. *prosinac, proszina* (e)c, пол. *gudzień*, карн. *grudn*, кroat. и венд. *gruden* (въ старину у чеховъ такъ назывался генварь), литов. *grodinnis*, латыш. *saīnas* или *sailas*—морозный. Названіе «грудень» тождественно старонѣмецкому *herti-shānot* и сканд. *hrút-shānuthr*, т. е. суровый—студёный мѣсяць; сравни лат. *studelis*, греч. *χρύος, χρώδης*, старонѣм. *hrud*, англос. *hræth*. Въ древней лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя указанія: «поща на колѣхъ (на колесахъ), а по грудну пути; бѣ бо тогда мѣсяць грудень»; «а зима была гола (безснѣжна) и ходъ конемъ былъ нужнъ, грудоватъ»²⁾, т. е. отъ

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 36; Сахаров., II, 59. — ²⁾ Труды Имп. Рос. Академіи, III, 25—76; Записки и труды Общ. ист. и древ. рос., II, 49—59; Карамз. И. Г. Р., I, изд. 2, стр. 71 и примѣч. 159; Матер. для исторіи письменъ, ст. Бусл., 12; Вѣст. Евр.

стужи застыла, смерзлась грязь; литов. *gródas* — замерзшій комъ земли; рус. гряда (= нѣм. *grüt*) донывѣ употребляется поселянами въ значеніи мерзлой, занесенной снѣгомъ грязи, лежащей по улицамъ и дорогамъ ¹⁾. Исчисленные нами славянскія названія мѣсяцевъ преимущественно указываютъ на бытъ земледѣльческій. Кругъ наблюденій ограничивается произрастаніемъ травы, распусканіемъ цвѣтовъ и деревень (березы, дуба, липы), сѣвокосомъ, жатвою, молотьбою, уборкою льна, сборомъ винограда (въ южныхъ мѣстностяхъ) и тѣми рѣзкими измѣненіями въ погодѣ, которыя, условливаясь различнымъ положеніемъ солнца, такъ могущественно вліяютъ на плодородіе земли и благосостояніе челоуѣка. Зимній и лѣтній повороты солнца, стужа и снѣгъ замою, журчащіе ручьи и осушеніе земли весною, паденіе росы, появленіе комаровъ и оводовъ, стрекотавіе кузнечиковъ, зной въ поло-

1818, ст. Добровсяго, IV, 283—295; Архивъ ист.-юр. свѣд., I, ст. Бусл., 33—35; Архивъ ист. и практич. свѣд. 1860—1. I, (о книгѣ „Грозовникъ“), 9—10; Рус. Бес. 1857, III, 108; IV, 111 (ст. Эрбева); Каравел., 173—270; Толк. Слов. Даля, I, 964; Изв. Имп. Археолог. Общ., V („Древній литовск. календарь“), 335—352; Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Борщевскаго, 38—39. — ¹⁾ Диевбахъ, II, 378; Обл. Сл., 42. У черемисовъ и чувашей февраль и мартъ—мѣсяцы оттепели, апрѣль—пашни, май—посѣва, июнь—лѣтній, июль—сѣвокосный, июль и августъ—мѣсяцы серпа, сентябрь—льна, октябрь—молотьбы (овинный), ноябрь—поманокъ, декабрь—жертвоприношенія; декабрь и январь—сильноморозный, январь и февраль—мѣсяце морозный—Сбоева: Исслѣдов. объ природцахъ казак. губ., 45—46; сочин. г-жи Фуксъ о чувашахъ и черемис., 165. У карагасовъ мѣсяцы получили свои названія отъ пролибанія травы, приготовленія березовой коры (бересты) для юрты, цвѣтенія и сбора саряны, сбора кедровыхъ орѣховъ, течки оленей, ловли соболей, охоты на лыжахъ и т. дал.—Вѣст. Р. Г. О. 1854, VI, 241—2. У симовдовъ олень, составляющій главное ихъ богатство, далъ названія пяти мѣсяцамъ; июнь—комарный мѣсяць, июль—оводный, и проч.—Иславина: Самоѣды въ домашн. и обществ. быту, 139—140.

винѣ лѣта, паденіе листьевъ и грязь въ осеннюю пору — все это отразилось въ народномъ календарѣ славянина. Отъ древнѣйшаго пастушескаго быта удержались только три названія, указывающія на тѣ періоды, когда скотина мѣняетъ свои рога, когда начинается она спариваться (пора точки или рѣва) и когда коровы бываютъ обильны молокомъ. Обозначая различныя времена года по ихъ характеристическимъ признакамъ, предки наши не соединяли съ приведенными названіями мѣсяцевъ строго-опредѣленныхъ границъ; одно и тоже имя прилагалось къ двумъ и тремъ сосѣднимъ мѣсяцамъ. Съ одной стороны самые признаки, подмѣченные народомъ, могли относиться къ болѣе или менѣе продолжительному времени: такъ стужа, морозы и снѣга продолжаются во всю зиму; имя «просвица» (=просвѣтляющаго, увеличивающаго дни) съ равнымъ правомъ могло прилагаться и къ концу декабря, и къ двумъ последующимъ мѣсяцамъ; эпитетъ «травянаго» одинаково идетъ и къ апрѣлю, и къ маю, и такъ далѣе. Съ другой стороны, періодическія измѣненія въ жизни природы совершаются въ разныхъ мѣстностяхъ не одновременно, а раньше или позднѣе; на югѣ, напримѣръ, весна устанавливается ранѣе, а зима позднѣе, чѣмъ на сѣверѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ и земледѣльческія работы тамъ и здѣсь пригоняются къ различнымъ срокамъ. Эти естественныя условія объясняется и перемѣщеніе нѣкоторыхъ названій съ одного мѣсяца на другой. Такъ имя «листопада», даваемое въ южныхъ мѣстностяхъ ноябрю, въ средней и сѣверной полосахъ должно было перейти на октябрь.

Отдѣльные дни или числа мѣсяцевъ получили у поселянъ свои особенныя прозванія, сообразно съ соответствующими имъ признаками обновляющейся или замирающей природы и съ приуроченными къ нимъ крестьянскими работами: генваря 16-го — Петръ-полукормъ (половина запасовъ съѣдена), 18-го — Аванасій-ломаносъ («на Аванасія береги

нось!» — намекъ на сильные морозы), 22-го — Тимофей-полужимникъ, 24-го — Акси́ня-полужимница или полухлябница; февраля 11-го — Власій-сшиби рогъ съ зими! 28-го — Васи́лій-капельникъ; марта 1-го — Евдокія-плюшница (плюща́тъ — капать, течь, издавать звукъ падающихъ капель, плюшка и плюшина — сосульки подъ крышами ¹⁾), 4-го — Герасимъ-грачевникъ (прилетъ грачей), 17-го — Алѣксѣй-съ горъ вода или съ горъ потоки, 19-го — Дарья-засери (загрязни) проруби; апрѣля 1-го — пустые щи, 8-го — Родио́нъ-ледоломъ, 11-го — Анти́пъ-водополь, 12-го Васи́лій-выверни оглобли (оставляй сани, снаряжай телѣгу), 23-го — Егорій-скотопасъ (выгонъ скота въ поле), 26-го — Степанъ-ранопащецъ; мая 2-го — соловьиный день, 3-го — зеленые щи, 5-го — Ирина-разсадница (разсадка капусты), 6-го — Іовъ-горошникъ (посѣвъ гороха), 9-го — Никола вешній, травной, 13-го — Лукерья-комарница (появленіе комаровъ), 23-го — Леонтій-огуречникъ (посадка огурцовъ), 29-го — Ѳедосья-колосьяница (рожь начинаетъ колоситься); іюня 12-го — Петръ-поворотъ (лѣтній поворотъ солнца), 13-го — Акулина-гречушница (посѣвъ гречи) или задерн хвосты, т. е. время, когда скотина, кусаемая комарами, мошками и оводами, бѣгаетъ по полю, задравши хвосты («строчится»); іюля 23-го — Пудъ и Трифонъ-безсонники (пора усиленныхъ работъ, страды), 27-го — Никола качанный; августа 4-го — Евдокія-малинуха (сборъ малины), 26-го — Наталья-овсяница, 28-го — Анна-скирдница; сентября 15-го — Никвта-рѣпорѣзъ (сборъ рѣпы) или гусепролѣтъ, 24-го — Ѳекла заревница; октября 14-го — Прасковья-льняница; декабря 12-го — Спиридонъ-солоново-

¹⁾ Доп. обл. с., 183.

ротъ ¹⁾). Мы знаемъ, какое сильное вліяніе оказывалъ языкъ въ области народныхъ представленій; въ этомъ отношеніи дневникъ русскихъ поселенъ предлагаетъ много любопытныхъ данныхъ. Расчитывая дни и распредѣляя занятія по святцамъ, принесеннымъ на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ, поселенникъ непонятны для него, по нѣ чужеземному лингвистическому образованію, имена мѣсяцевъ и святыхъ угодинокъ сближаетъ съ разными выраженіями отечественнаго языка, насколько эти послѣдніе могутъ опредѣлять характеръ даннаго времени, связанныхъ съ нимъ работъ и погоды — теплой или холодной. Не справляясь съ дѣйствительнымъ происхожденіемъ и смысломъ того или другаго имени, русской человѣкъ старается объяснить его собственными средствами, приписываетъ ему свой подходящій по звукамъ корень, и такимъ образомъ, играя словами, стремится все чуждое претворить въ свое родное, легко-доступное его простому пониманію ²⁾). На Срѣтенье

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 9; Перм. Сбор., II, отд. 2, 31—32. —

²⁾ Вообще слѣдуетъ замѣтить, что какъ скоро проникаетъ въ массу народа иностранное слово—оно почти никогда не остается въ своей первоначальной формѣ; простолюдинъ не только измѣняетъ его соответственно своимъ грамматическимъ законамъ, но и старается между туземными выраженіями подыскать такое созвучное, которое бы нагляднѣе опредѣляло для него смыслъ иностраннаго слова; такъ шагандеиг обращается въ міродѣра, августъ въ густаръ (Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 36) и т. д. Тоже бываетъ иногда съ названіями и словами архангелскими, значеніе которыхъ уже затеряно народомъ, и потому чувствуется потребность подновить ихъ, осмыслить. Въ старинныхъ актахъ, на пригѣрѣ, упоминается во владимірскомъ уездѣ Волосовъ Николаевскій монастырь, нынѣ упраздненный; нѣслѣдователи догадываются, что такъ названъ онъ потому, что былъ выстроенъ на мѣстѣ древняго чествованія Волосу. Отъ этого монастыря сохранилась икона св. Николы Волосовскаго, и народъ для объясненія означеннаго эпитета создалъ легенду, что икона эта явилась въ деревнѣ—висящею на волосахъ—Владим. Г. В. 1856, 14.

(2-го февраля), по народному повѣрью, зима съ лѣтомъ встрѣчается; въ мартѣ-мѣсяцѣ солнце начинаетъ жарить, т. е. првпекать землю, отчего надъ нею струится паръ; но по утрамъ еще продолжаются морозы (утренники), которыхъ со дня Сорока мучениковъ (9 марта) бываетъ сорокъ; думаютъ, что въ этотъ день возвращаются изъ вѣрїя сорокъ разныхъ пташекъ, а сорока начинаетъ строить гнѣздо и кладетъ въ него сорокъ палочекъ. Холода или сѣверы оканчиваются днемъ св. Сидора (14 мая), котораго потому называютъ сивирянь. 5-го апрѣля: «пришелъ Оедуль—теплый вѣтеръ подуль»¹⁾. Въ апрѣлѣ земля прѣтеть, или по другому выраженію: со дня св. Руфа (8 апр.) земля рухнетъ, т. е. оттаиваетъ и принимаетъ въ себя воду; 12-го апрѣля Василій Парійскій землю паритъ. Въ маѣ домашній скотъ мантятся отъ безтравницы²⁾; въ первый день этого мѣсяца на Еремея³⁾ запрягальника или ярѣмника начинаютъ пахать и потому на рабочихъ лошадей и быковъ надѣвають ярмо (ярѣшь); работа эта оканчивается къ 31-му мая — ко дню Бремея⁴⁾ распрягальника. 2-е мая, посвященное памяти князей Бориса и Глѣба, крестьяне называютъ барышденъ — вслѣдствіе созвучія имени Борисъ съ словомъ барышь; торговцы стараются тогда продать что-нибудь съ выгодой, дабы во весь годъ торговать прибыльно. «Борисъ и Глѣбъ застѣваютъ хлѣбъ». 24-е іюля посвящено тѣмъ-же святымъ, и поговорка, относящаяся къ этому числу, увѣряетъ: «Борисъ и Глѣбъ — носилъ хлѣбъ». Въ деревняхъ и селахъ празднуютъ оба означенные дня — для того, чтобы круглый годъ получать барыши и чтобы отгнать отъ нивъ губительныя грозы.

1) „Оедуль губы надуль“=настало ненастье. — 2) Есть прѣмѣта: „кто женится въ маѣ, тотъ будетъ мантятся“. — 3) Иеремія, въ простонародномъ произношеніи Еремей, Ярѣма. — 4) Св. Ермій.

Это случайное совпадение словъ: Глѣбъ — хлѣбъ, Борисъ — барышъ (т. е. выгоды отъ торга хлѣбомъ, главнымъ богатствомъ земледѣльца) и самое время празднованія Борису и Глѣбу при началѣ посѣвовъ и въ жатвенную пору — дали поводъ перенести на этихъ святыхъ древнее чествованіе Перуну, какъ творцу урожаяевъ. По народному повѣрью, кто станетъ работать 24-го іюля, у того молнія спалитъ всѣ конны; на югѣ Россіи день этотъ слыветъ праздникомъ Бориса и Глѣба-палкопа или палкопна¹⁾. Точно также не работаютъ и 27-го іюля на Палѣя (Пантелеймона), чтобы небесный огонь не спалилъ сжатого хлѣба. 10-го мая на Симона Зилота собираютъ травы — зилѣя, которыми, по мнѣнію поселянъ, сообщается тогда особенная цѣлебная сила, ищутъ золота (кладовъ) и сѣютъ пшеницу, чтобы она уродилась и вырѣла какъ золото; увѣряютъ еще, что хлѣбъ, посѣянный въ чистый четвергъ, родится чистымъ, безъ сорныхъ травъ. Напротивъ, кто сѣетъ рожь на мученика Вассу, у того непременно заглушатъ ее васильки. Въ день обновленія Царграда (11 мая) поселяне не работаютъ, опасаясь, чтобы царградъ, за непочтеніе къ его празднику, не выбилъ зеленѣющаго на поляхъ хлѣба. Если на Мокиа, прозваннаго мокрымъ (того же 11 мая) идетъ дождь, то все лѣто будетъ мокрое; если же дождь случится на св. мученицу Макрину (Макриду—19 іюля), то предстоящая осень будетъ мокрая, дождливая, и наоборотъ отсутствіе дождя въ эти дни предвѣщаетъ сухое лѣто и сухую осень. Подобно тому: если на Сидора (14 мая) будетъ сверко, то ожидай лѣта холоднаго; а если на Пахомія (15 мая) будетъ тепло, то и лѣто пахнетъ тепломъ. На Константина и Елену (Алѣна-длинные льны, леносѣйка—21 мая) совѣтуютъ сѣять лёнъ, а на Макавѣевъ (1 августа) соби-

¹⁾ „На Глѣба и Бориса за хлѣбъ (т. е. за его уборку) не берся!“

ратъ макъ. 16 іюня на Тихона затихаютъ (перестаютъ пѣть) птицы; 29 іюля, посвященное имени св. Каллинина, изымается каліинникъ — зарницы, отдаленныя молніи, видимыя по вечерамъ въ горизонтѣ въ концѣ іюля и августа ¹⁾, отъ калеть (раскалять, калена стрѣла, калина — красная ягода); 23 августа на св. Луппа утренній морозъ овесы и льны лупить. 1 сентября — Семеновъ праздникъ, и потому въ этотъ день грѣшно застывать съмена; 14 сент. на Воздвиженье становится холодно: птица уже на отлетѣ двинулась; со дня Ѳедора Студита (11 ноября) начинаетъ студить (холодѣть): «Ѳеодоръ Студитъ землю студитъ». Ко Воздвиженью «хлѣбъ съ поля сдвинется», свезѣтся, а въ ноябрѣ овнѣи уже воетъ отъ наложенныхъ сноповъ. 4-го декабря Варвара дорогу заваритъ (заморозитъ): «Варвара заваритъ, а Савва (5 дек.) засалитъ (сало — плавающія по рѣкамъ ледяныя пленки). Съ того-же времени замѣчаютъ сокращеніе ночей: «Варвара ночи урвала, дни приточала». Есть даже повѣрья, которыя возникли на основаніи одного созвучія, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ явленіямъ природы: такъ, напримѣръ, въ день пророка Наума (1 дек.) начинаютъ учить дѣтей, съ полнымъ убѣжденіемъ, что «пророкъ Наумъ наведетъ на умъ» ²⁾.

Въ послѣдовательныхъ превращеніяхъ природы, въ характеристическихъ признакахъ и свойствахъ различныхъ временъ года древнія племена усматривали не проявленіе естественныхъ законовъ, а дѣйствіе одушевленныхъ силъ — благотвор-

¹⁾ Обл. Сл., 78. — ²⁾ Сахаров., II, 17, 20, 30, 50, 56; Терещ., VI, 48, 53, 67; Вѣст. Р. Г. О. 1851, VI, 3—4; Маякъ, XIII («Еще замѣч. о праздн. и повѣрьяхъ»), 49—58; Иллюстр. 1846, 247; Ворон. Г. В. 1850, 44; 1851, 9, 13—14; Полтав. Г. В. 1845, 15, 19, 24; 1846, 18; Калуж. Г. В. 1845, 1; Москв. 1849, IX, 9; Псков. Далк., 978—1001; Ч. О. И. и Д. 1867, VI, сивъ, 180—201.

ныхъ и враждебныхъ, ихъ вѣчную борьбу между собою, торжество то одной, то другой стороны. Поэтому времена года представлялись нашимъ предкамъ не отвлеченными понятіями, но жавыми воплощеніями стихійныхъ боговъ и богинь, которые поочередно нисходятъ съ небесныхъ высотъ на землю и устрояютъ на ней свое владычество. По указанію старинныхъ пасхалій, «Весна наречется, яко дѣва украшена красотою и добротою, сіяюще чудно и преславнѣ, яко «дѣвѣтися всѣмъ зрящимъ доброты ея, любима бо и сладка «всѣмъ... Лѣто же нарицается мужъ тихъ, богатъ и красенъ, питая многи челоѣки и смотря о своемъ дому, и любя дѣло прилежно, и безъ лѣности возстая заутра до вечера и дѣлая безъ покоя. Осень подобна женѣ уже старѣ «и богатѣ и многочаднѣ, овогда дряхлющи и стѣующи, «овогда же радующися и веселящися, рекше иногда (печальна отъ) скудости плодъ земныхъ и глада челоѣкомъ, а иногда весела сущи, рекше ведрена и обильна плодомъ всѣмъ, и «тиха и безмятежна. Зима же подобна женѣ — мачихѣ «злой и нестройной и нежалостливой, ярѣ и немилостивѣ; егда милуетъ, но и тогда казнитъ; егда добра, но «и тогда знобитъ, подобно трясавицѣ, и голодомъ моритъ, и смучитъ грѣхъ ради нашихъ». Согласно съ этимъ, церковная живопись допускала аллегорическія изображенія Весны, Лѣта, Осени и Зимы ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя изображенія заимствованы нашими художниками изъ античныхъ источниковъ, чрезъ посредство Византіи; но такое заимствованіе нимало не противорѣчило народному пониманію, ибо поэтическія олицетворенія временъ года шли изъ глубокой древности и принадлежали славянамъ наравнѣ со всѣми другими родственными племенами. Въ Эддѣ Лѣто (*Sunnar*, сынъ *Svafnudhr'* a — отъ *svās* — *carus, proprius, domesticus*, готск.

¹⁾ О. З. 1851, IX, 29—30.

svés, др.-в.-н. suás) и Зима (Vetr, отцомъ котораго былъ Vindlóni или Vindsvallr=der windbringende, windkühle) представляются одушевленными существами: первое — добрымъ, дружелюбнымъ, а вторая — злымъ, жестокосердымъ. И у нѣмцевъ, в у славянъ до сихъ поръ уцѣлѣли слѣды этихъ образныхъ представлений въ народныхъ поговоркахъ и общепринятыхъ оборотахъ рѣчи: «der Sommer или der Winter ist vor thür, tritt ein, kehrt ein», у насъ: «Весна (Лѣто, Осень или Зима) на дворѣ, воротилась, пришла». Лѣто и Май-мѣсяцъ (Весна) рядятся въ зеленые, густолиственные уборы, а Зима надѣваетъ на себя бѣлоснѣжный покровъ или саванъ (въслѣдствіе сближенія ея съ богинею Смертію); и Лѣто, и Зима являются съ своими слугами и помощниками: первое — съ грѣзами, буйными вѣтрами и дождями, послѣдняя — съ снѣгомъ, инеемъ, метелями, вьюгами и морозомъ, которые въ древне-поэтическихъ сказаніяхъ олицетворялись сильно-могучими богатырями и великанами. Оба они состоятъ въ нескончаемой враждѣ («Зимѣ и Лѣту союзу нѣту»¹⁾), преслѣдуютъ другъ друга («der leide Winder hât den Sumer hin v er jag et») и сражаются между собою точно также, какъ День сражается съ Ночью (см. стр. 691). Сходныя, аналогическія черты, подмѣченныя въ смѣнахъ дня и ночи, лѣта и зимы, заставили народную фантазію сближать ежедневную борьбу свѣта и мрака съ ежегодною борьбою тепла и холода и повели къ постоянному смѣшенію миеовъ, относящихся къ этимъ разнороднымъ физическимъ явленіямъ. Лѣто отличается ясностью, блескомъ солнечнаго свѣта, какъ бѣлый день; зима же потемняется снѣжными облаками и туманами и уподобляется ночи. День и весна пробуждаютъ спящую, безмолвную природу и радуютъ весь міръ, а ночь и зима погружаютъ ее въ сонъ

¹⁾ Рус. въ св. посл., II, 5.

подобіе смерти и придають ей печальный характер ¹⁾. Въ нашемъ областномъ языкѣ слѣтье употребляется въ значеніи не только лѣтнаго времени и урожая, но и вообще удачи, успѣха; напротивъ слова неслѣтье и безлѣтье означаютъ во первыхъ: неурожайное лѣто, и во вторыхъ: неудачу, несчастье; поэтому говорятъ: «пришло на него безлѣтье!» — что равносильно выраженію: «пришла на него невзгода!» Прилагательное веселый нѣкоторыми лингвистами сближается съ словомъ весна; «настали для кого свѣтлые, ясные дни» — дни радости, веселья; черный день — день печали, несчастія; смотреть сентябрь, отуманиться — быть унылымъ, печальнымъ ²⁾. Закликая въ мартѣ и апрѣлѣ-мѣсяцахъ весну, поселяне обращаются къ ней, какъ къ существу живому, благодатному, творческому:

- а) Весна, Весна красная!
 Приди, Весна, съ радостью,
 Съ великою милостью:
 Со льномъ высокімъ,
 Съ корнемъ глубокимъ,
 Съ хлѣбами обильными.
- б) Весна красна!
 На чемъ пришла,
 На чемъ пріѣхала?
 На сошечкѣ,
 На бороночкѣ. ³⁾

¹⁾ D. Myth., 715, 719, 721—2; Смирнокъ, 254—5. — ²⁾ Обл. Сл., 8, 128, 207; Изв. Ак. Н., IV, ст. Микуцкаго, 405. — ³⁾ Схаров., I, 260; II, 16; Маякъ, XIII; Пассеякъ, V, 175:

Весна, Весна—днемъ красна!
 Что ты намъ принесла?
 Принесла и намъ лѣтечко,
 Чтобъ родило зильячко,
 И рута, и червоный макъ,
 И мята, и зеленый барвинокъ.

О Зимѣ и Осени рассказываютъ, что онѣ прїѣзжаютъ на пѣгнхъ кобылахъ; съ половинны ноября Зима, по народному повѣрью, встаетъ на ноги, куетъ морозы, стелетъ по рѣкамъ мосты и выпускаетъ на бѣлый свѣтъ подвластныхъ ей нечистыхъ духовъ; съ 12-го декабря она ходитъ въ медвѣжьей шубѣ, стучится по крышамъ избушекъ, будить бабъ и заставляетъ топить печи; идетъ ли она по полю—за ней слѣдуютъ вереницами Мятелн и Вьюги и настойчиво просятъ дѣла, идетъ ли по лѣсу—сыплетъ изъ рукава шишекъ, идетъ ли по рѣкѣ — на три аршина куетъ подъ своими ногами воду ¹⁾. Болѣе наглядныя олицетворенія временъ года встрѣчаемъ у бѣлоруссовъ. Весну они называютъ Ляля, лѣто—Цеця, осень—Жыценъ, зиму—Зюзя. Ляля представляется юною, красивою и стройною дѣвою; существуетъ поговорка: «пригожая, якъ Ляля!» Въ честь ея празднуютъ наканувѣ Юрьева дня, и праздникъ этотъ извѣстенъ подл именемъ Ляльника. На чистомъ лугу собираются крестьянскія дѣвицы; избравши изъ своей среды самую красивую подругу, онѣ наряжаютъ ее въ бѣлые покровы, перевязываютъ ей шею, руки и станъ свѣжею зеленью, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ: это и есть Ляля. Она садится на дѣрнѣ; возлѣ нея ставятъ разные припасы (хлѣбъ, молоко, масло, творогъ, сметану, яйца) и кладутъ зеленые вѣнки; дѣвицы, схватившись за руки, водятъ вокругъ Ляли хороводъ, поютъ обрядовыя пѣсни и обращаются къ ней съ просьбою объ урожаѣ:

Дай намъ жытцу ²⁾
 Да пшаницу,
 Въ агародзѣ,
 Свѣжацѣ ³⁾ —
 Ровны гриды,
 Ровны зряды.

¹⁾ Сахаров., II, 65—69. — ²⁾ Жита. — ³⁾ На поносѣ.

Ляля раздаетъ имъ вѣнки и угощаетъ всѣхъ приготовленными яствами. Эти вѣнки и зелень, въ которую наряжалась Ляля, сберегаютъ до слѣдующей весны ¹⁾. Цеца — дородная, красивая женщина; въ лѣтнюю пору она показывается на поляхъ — убранная зрѣлыми колосьями, и держитъ въ рукахъ сочные плоды ²⁾. Жыцень представляется существомъ малорослымъ, худощавымъ, пожилыхъ лѣтъ, съ суровымъ выраженіемъ лица, съ тремя глазами и всклокоченными, косматыми волосами. Онъ появляется на нивахъ и огородахъ, послѣ снятія хлѣба и овощей, и осматриваетъ: все ли убрано, какъ слѣдуетъ въ добромъ хозяйствѣ. Запримѣтитъ много колосень, несрѣзанныхъ или оброненныхъ жнецами, онъ собираетъ ихъ, связываетъ въ снопы и переноситъ на участокъ того хозяина, у котораго хлѣбъ убранъ начисто, съ бережливостью; вслѣдствіе этого на будущій годъ тамъ, гдѣ Жыцень подобралъ колосья, оказывается неурожай, а тамъ, куда перенёсъ онъ связанный снопы, бываетъ обильная жатва. Когда Жыцень странствуетъ въ видѣ нищаго и при встрѣчѣ съ людьми грозитъ имъ пальцемъ, это служитъ предвѣстіемъ всеобщаго неурожая и голода въ слѣдующемъ году: «Жыцень з' казобѣй (съ нищенской сумою) — голодъ на дворъ!» Во время осеннихъ поѣздовъ онъ незримо присутствуетъ на поляхъ и утаптываетъ въ землю разбросанныя зѣрна, чтобы ни одно не пропало даромъ. Судя по этимъ даннымъ, Жыцень принадлежитъ собственно къ породѣ эльфическихъ духовъ, блуждающихъ по нивамъ и помогающихъ росту и зрѣнію хлѣбныхъ

¹⁾ Румуны чествуютъ особымъ празднествомъ Делю и сѣвшиваютъ ее въ своихъ пѣсняхъ съ Пресв. Давою; холостые парни и дѣвицы обращаются къ Делю съ просьбою послать имъ ровню (устроить ровный бракъ). Очевидно, Ляля (Делю) — тоже, что древняя Лада, богиня весенняго плодородія и любви — Телесмопъ 1833, VIII, 511—2. — ²⁾ Поговорка: „маракавъ на Цецю, а траевъ на пѣцю!“ = шетля (жевухъ) на красавицу, попалъ на безобразную.

злаковъ (сравни съ повѣрьями о полудницахъ, мавкахъ, полевикахъ, житной бабѣ — II, 330 и гл. XXIII); бѣлоруссы сочетали съ нимъ представленье осени, такъ какъ къ этому времени года относится окончательная уборка и умо-лоть сноповъ и поствѣ озимаго хлѣба. Имя Жыцень есть производное отъ слова жито (рожь), что подкрѣпляется и народными поговорками: «Жыцень хлѣба давѣ», «барджѣй на Жытня, кали въ застѣкѣ хлѣба не прытне» ¹⁾. Зюзя — старикъ небольшого роста, съ бѣлыми что снѣгъ волосами и длинною сѣдою бородою, ходитъ босой, съ непокрытою головою, въ теплой бѣлой одеждѣ, и носитъ въ рукахъ желѣзную булаву. Большую часть зимы проводитъ онъ въ лѣсу, но иногда заходитъ и въ деревню, предвѣщая своимъ появленіемъ жестокую стужу. Чтобы умилостивить Зюзю, бѣлоруссы наканунѣ Нового года откладываютъ нѣсколько ложекъ кутьи въ особую миску и оставляютъ ее на ночь на столѣ, чтобы Зюзя пришелъ кутьи паѣсьци и не вредилъ бы морозами нивамъ и домашнимъ животнымъ: «Зюзя на дворѣ — кутья на столѣ». Подобно тому, въ другихъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ у крестьянъ обычай приглашать Морозъ на кутью и на кисель (см. I, 319). Когда Зюзя гнѣвается на людей, онъ ударяетъ своей булавою въ какой-нибудь пень, и тотчасъ-же трескаются стѣны домовъ и самая земля; «трескучіе» морозы приписываются его ударамъ: «Зюзя стукниае, людей ушуае» (страшаетъ ²⁾). Происхожденіе именъ Ляля, Цеця и Зюзя остается необъясненнымъ; каждое изъ нихъ образовалось чрезъ удвоеніе кореннаго слога и всё равно уцѣлѣли въ дѣтскомъ языкѣ: ляля и цаца (малорус. цяця) употребляются, какъ ласкательныя названія ребенка (въ смыс-

¹⁾ Тотчасъ на Жытня (сваливаютъ бѣлу), если не окажется въ амбарахъ хлѣба. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. II. 1846, 94—97, 105—7, 120—1.

лѣ: милый, пригожий, умница), а также для означенія игрушки ¹⁾; зюзя употребляется въ замѣну слова «холодно»: «не ходи на дворъ, тамъ зюзя!» ²⁾ бѣлорус. зюзѣць—мерзнуть, цѣпенѣть отъ холода ³⁾. Въмѣсто олицетворенныхъ времёнъ года, въ славянскихъ сказкахъ нерѣдко выводятся дѣйствующими лицами Мѣсяцы, какъ двѣнадцать братьевъ, восстающихъ на стеклянной горѣ, т. е. на небѣ, вокругъ пылающаго костра — солнца. Костѣрь этотъ горитъ то сильнѣе (въ лѣтнюю пору), то слабѣе (зимой), смотря по тому, какой изъ Мѣсяцевъ беретъ въ свои руки правительственный жезлъ. Весенніе Мѣсяцы изображаются цвѣтущими юношами, лѣтніе — достигшими полного развитія силъ мужчинами, осенніе — пожилыми, старѣющими братьями, а зимніе — сѣдовласыми старцами (смотри выше стр. 265—270). Подобное-же олицетвореніе мѣсяцевъ встрѣчаемъ и въ итальянской сказкѣ ⁴⁾, но обстановка ея уже значительно подновлена: съ горы-неба сцена переносится въ гостиницу. Было два брата—богатый и бѣдный. Бѣдный, оставленный безъ помощи богатымъ братомъ, пошелъ искать счастья; на пути остановился онъ въ одной гостиницѣ, въ которой грѣлся у огня двѣнадцать мужей и подсѣлъ къ нимъ, дрожа отъ холода. Одинъ изъ двѣнадцати незнакомецъ, мрачный и суровый по виду, спросилъ пришельца: «что ты думаешь о теперешнемъ времени года?» — «Что думаю? отвѣчалъ этотъ; я убѣжденъ, что всѣ мѣсяцы года исполняютъ свое дѣло, но мы сами не зная—чего вамъ желается, хотимъ давать законы небу и не разсуждаемъ о томъ, что намъ полезно или вредно; когда бываетъ вѣтрено и дождь

¹⁾ Обл. Сл., 108, 252; Доп. обл. сл., 295; Старосв. Банд., 578. —

²⁾ Обл. Сл., 322. — ³⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 96. Въ одной изъ валахскихъ сказокъ (Шоттъ, 6: „Die altweibertage“) Весна является, какъ богиня, наказующая злую мачеху. — ⁴⁾ Pentamerone, II, 42.

идеть—мы желаемъ жаровъ, а въ августѣ просимъ тучъ, нисколько не думая, что отъ этого могутъ погибнуть жатвы. «Ты разсуждаешь, какъ Соломонъ; но нельзя-же не признать, что настоящій мѣсяцъ мартъ своимъ холодомъ, дождемъ, снѣгомъ, вѣтрами и туманами причиняетъ намъ много печали». — Ты говоришь только о неприятныхъ качествахъ этого мѣсяца, отвѣчалъ бѣднякъ; а не говоришь о той пользѣ, какую приносятъ онъ, приводя съ собою весну. Незнакомецъ съ радостью выслушалъ такой отвѣтъ, ибо это былъ самъ мѣсяцъ Мартъ съ одиннадцатю своими братьями, и подарилъ благоразумному гостю ящичекъ, въ которомъ можно найти все, чего только пожелаешь. Бѣднякъ взялъ подарокъ, возвратился домой и вскорѣ такъ разжился, что богатый братъ его почувствовалъ всю горечь зависти и немедленно собрался въ путь. Онъ зашелъ въ ту же гостиницу, но въ разговорѣ съ мѣсяцемъ Мартомъ разобралъ погоду и его самого послалъ къ чорту. Мѣсяцъ Мартъ подарилъ ему молотильный цѣпъ: «всякой разъ, какъ пожелаешь чего, скажи только: цѣпъ! дай мнѣ сотню». При первой-же пробѣ цѣпъ осыпалъ ударами неосторожнаго скателя приключеній. Такимъ образомъ, по свидѣтельству сказки, мѣсяцъ Мартъ обладаетъ и чудеснымъ ящичкомъ (—тоже, что скатерть-самобранка), и дубинкою-самобоемъ.

Главная мысль, лежащая въ основѣ простонародныхъ праздничныхъ обрядовъ, можетъ быть выражена въ этихъ немногихъ словахъ: смерть природы зимою и обновленіе или воскресеніе ея весною. Съ первыми признаками весны поселяне уже начинаютъ зазывать (закликать) ее. Такими признаками служатъ: пробужденіе животныхъ, подверженныхъ зимней спячкѣ, прилѣтъ птицъ, появленіе насекомыхъ и цвѣтеніе подсыѣжниковъ. 1-го марта, по русской примѣтѣ, баба къ просыпается, выходитъ изъ норы и начинаетъ свистать; 4-го прилетаютъ грачи, 9-го—жаворонки;

къ 17-му числу лёдъ на рѣкахъ становится настолько непрочнымъ, что, по народному выраженію, щука его хвостомъ пробиваетъ; 25-го марта ласточка вылетаетъ изъ вѣрія, и посѣщая въ здѣшній міръ, несетъ съ собою тепло; 5-го апрѣля пробуждаются сверчки, а 12-го медвѣдь выходитъ изъ берлоги, въ которой проспалъ цѣлую зиму; въ маѣ-мѣсяцѣ земля уже «принимается за свой родъ»¹⁾. Приведенныя примѣты не вездѣ и не всегда оказываются вѣрными; во первыхъ разныя мѣстности пользуются и разными климатическими условіями, и во вторыхъ—независимо отъ этихъ условій, годъ на годъ не приходится: зимніе холода заканчиваются иногда рано, иногда поздно. Поэтому начало весны (ея приходъ) издревле опредѣлялось не наступленіемъ извѣстнаго въ году дня, а дѣйствительнымъ появленіемъ ея знаменій. У германцевъ тотъ, кто усматривалъ первую фіалку (*viol*), слышавъ объявить о томъ мірской общинѣ; цѣлая деревня сбѣгалась на указанное мѣсто, найденный цвѣтокъ подымали на шесть, танцевали вокругъ него, рѣзались и пѣли веселыя пѣсни. Это называлось: находить лѣто. Подобно тому, въ южной Россіи радуются появленію голубаго ряста (*scilla bifolia*), одного изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ Украйны; собираясь на поляхъ, поселяне начинаютъ скакать, приплясывать и причитывать: «топчу, топчу ряста! дай, Боже, потоптати и того року дождати!» Съ тою-же непритворною радостью встрѣчаютъ вѣшцы и перваго майскаго жука²⁾, а первый при-

¹⁾ Маркевич., 2—3; Сахаров., II, 16, 22; Ч. О. И. и Д. 1867, IV, 180—1. — ²⁾ По числу черныхъ точекъ на крыльяхъ *Meligethes* заключаютъ о будущемъ урожаѣ; если этихъ точекъ окажется болѣе семи, то хлѣбъ будетъ дорогъ, а если менѣе, то предстоитъ богатая жатва—D. Myth., 658. По русскому повѣрью: если во время посѣва подъ брюшкомъ жука будетъ много личекъ—это предвѣщаетъ изобиліе хлѣба и наоборотъ; если лички поймаются у передахъ ногъ жука, то лучшей урожай будетъ для раннихъ

летѣвшій аистъ и первая ласточка привѣтствуются ими, какъ правдивые вѣстники возвратившейся весны. Обѣ эти птицы признаются священными (ласточка—у нѣмцевъ *Heiligvogel*, у французовъ *la poule de Dieu*); причинять имъ вредъ и разорять ихъ гнѣзда считается величайшимъ грѣхомъ. На домъ, въ которомъ онѣ гнѣздятся, никогда не упадаетъ молнія. Въ Швеціи крестьяне зовутъ ласточку троекратнымъ окликомъ. Возвращеніе ласточки праздновали и греко-италійскія племена. На Родосѣ дѣти носили весною ласточку, пѣли обрядовыя пѣсни, и получали за то въ даръ разные припасы. И донынѣ существуетъ въ Греціи обычай, слѣдующему которому юноши ходятъ 1-го марта по улицамъ, съ пѣснями и носятъ вырѣзанную изъ дерева ласточку. Равнымъ образомъ принято было у грековъ за правило давать тому награду, кто первый возвѣщалъ о прилетѣ аиста ¹⁾. На Руси ласточку называютъ святою, божьею птицею, у чеховъ—птицею Дѣвы Маріи ²⁾. Гдѣ она поселится, тому дому приноситъ благословеніе, счастье, и предохраняетъ его отъ грозы и пожара; поэтому крестьяне нарочно прибываютъ подѣ

посѣвѣ, а если у заднихъ ногъ, то лучше всего уродятся поздніе посѣвы—Иллюстр. 1846, 246; Эти. Сб., II, 55. — ¹⁾ Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовича, 63; D. Myth., 722—3; Пѣсни разн. народовъ въ пер. Берга, 199, 205; *Beiträge zur D. Myth.*, I, 232; II, 432. — ²⁾ У египтянъ ласточка служила символомъ Изиды въ ту пору весенняго обновленія природы, когда богиня эта искала тѣло своего супруга, умерщвленнаго злымъ Тисономъ; у грековъ образъ этой птицы принимала Аенна—*Andeutungen eines Systems der Myth.*, 170; Одисс., XXII. Такъ какъ мысль о воскресающей природѣ сочеталась въ христіанскую эпоху съ правдованіемъ Свѣтло-Христово Воскресенія, то вмѣстѣ съ этимъ ласточкѣ было дано участіе въ легендарныхъ сказаніяхъ: своимъ чариваніемъ она предостерегала Спасителя отъ преслѣдующихъ жидовъ, а когда предали его на распятіе, то похищала и прятала приготовленные гвозди.

кровлями планки и маленькія дощечки, чтобы ласточкамъ удобнее было прилаживать свои гнѣзда. За убіеніе ласточки и разореніе ея гнѣзда Богъ караетъ преступника смертію, или предбляетъ его домъ пожаромъ, насылаетъ на его стада падѣжъ, отымаетъ у его коровъ молоко ¹⁾). Ранній прилѣтъ ласточки предвѣщаетъ счастливый, урожайный годъ. «И отъ ластовицѣ (читаемъ въ старинномъ памятникѣ) не вѣроуши ли, яже оу тебѣ щьбчеть вьсе лѣто зѣло краснѣ?» Въ Малороссіи дѣти ходятъ въ началѣ марта по домамъ, славятъ яръ и зеленачку и носятъ съ собою деревянную ласточку или испеченныхъ изъ хлѣба жаворонковъ; тотъ-же обычай носитъ деревянную ласточку соблюдается и болгарами ²⁾). Не менѣе важная роль принадлежитъ въ народныхъ преданіяхъ и повѣрхьяхъ кукушкѣ. У древнихъ индусовъ она была посвящена Индрѣ, у германцевъ — Тору ³⁾); у грековъ въ образѣ этой птицы являлся Зевсъ; у славянъ, по свидѣтельству старинной польской хроники (*Chronicon slavosarmaticum Procosii*—*Kronika polska przez Prokosza*), чествованіе кукушки связывалось съ культомъ богини Живы: «*divinitati Zywie fanum exstructum erat in monte ab ejusdem nomine Zywie dicto, ubi primis diebus mensis maji innumerus populus pie conveniens precabatur ab ea, quae vitae auctor habebatur, longam et prosperam valetudinem. Praecipue tamen ei litabatur*

¹⁾ Существуетъ еще повѣрье: кто разоритъ гнѣздо ласточки, у того выступаютъ на лицѣ веснушки. Завидя первую ласточку, малороссы умываются водою и приговариваютъ: „ластиво, ластиво! на тоби весняки, дай мени билини“—*Номис.*, 5. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 262, 333; *Объ истор. зн. нар. пов.*, 72; *Записки Андѣев.*, 140—2; *Архивъ ист.-юр. свѣд.*, I, стат. Кавел., 8; *Нар. сл. раз.*, 138, 144, 153; *Херсон. Г. В.* 1852, 17; *Полт. Г. В.* 1845, 15; *Сахаров.*, II, 81; *Цебриков.*, 264; *Громанъ*, 70; *Младши.*, 522; *Volkslieder der Wenden*, II, 260; *Neues Lauzitz. Magazin* 1843, III—IV, 336; *Іоанвъ, вѣд. болг.*, 137. — ³⁾ *Герм. Mythen*, 237.

ab iis, qui primum cantum cuculi audivissent, ominantes superstitiose, tot annos se victuros, quoties vocem repetiisset. Opinabantur enim supremum hunc universi moderatorem transfigurari in cuculum, ut ipsis annuntia- ret vitae tempora: unde crimini ducebatur, capitalique poena a magistratibus afficiebatur qui cuculum occidisset.» ¹⁾

Жива — богиня весны, названная такъ потому, что прихо- дитъ своимъ животворитъ — воскрешаетъ умираю- щую нѣ зиму природу, даетъ землѣ плодородіе, раститъ нивы и пашити. Отъ снк. *dživ*—живу, *dživa*—живой обра- зуются два слова: одно съ суффиксомъ *t*: *dživita*—наше животъ, означающее: во 1-хъ—брюхо, чрево, какъ ту часть тѣла, гдѣ совершаются главные жизненные процессы; во 2-хъ жизнь («положить животъ за отечество»), и въ 3-хъ—имущество, состояніе и домашній скотъ (животы, животина; въ лѣтописяхъ съ этимъ значеніемъ употребляется и слово жизнь); другое съ суффиксомъ *p*: *dživana*—прилагат. *vivificus*, сущ. *viti*. Жива есть сокращенная форма имени Живана или Живена, пол. *Ziowonia* ²⁾, и значить: «даю- щая жизнь». О весеннемъ половодьи, разлитіи рѣкъ поселяне донинѣ выражаются: «вода заживаетъ». Все, что служитъ условіемъ жизни: пища (жито, житница, житникъ и житоръ—ячмень, живность—сѣстные припасы; сравни нѣм.

¹⁾ D. Myth., 643—4. Переводъ: Божеству Живъ было устрое- но капище на горѣ, названной по ея имени Живецъ, гдѣ въ пер- вые дни мая благоговѣнно сходился многочисленный народъ испра- шивать отъ той, которую почитали источникомъ жизни, долговре- женнаго и благополучнаго здравія. Особенно-же приносились ей жертвы тѣми, которые слышали первое пѣніе кукушки, предвозвѣ- стившее имъ столько лѣтъ жизни, сколько разъ повторился ея го- лось. Думали, что высочайшій владыка вселенной превращался въ кукушку и самъ предвѣщалъ продолженіе жизни; поэтому убіеніе кукушки вѣнялось въ преступленіе и преслѣдовалось отъ прави- телей уголовнымъ наказаніемъ. — ²⁾ D. Myth., 733.

leben—жить, leib—животъ и laib—гот. hlaib, хлѣбъ), домашній кровъ (жилъе, жилой покой т. е. теплый, съ печкою), матеріальное довольство (жира, жирова, житуха—хорошее, привольное житье, жировать—жить въ изобиліи, ѣсть вдоволь, жировой—счастливый, богатый—зажиточный, житіи люди—лучшіе, достаточные, жировикъ—домовой, какъ блюститель домашняго счастія и хозяйства; въ старинныхъ памятникахъ существ. жиръ употребляется въ смыслѣ «пастбища», «пастбища» а глаголъ жить въ смыслѣ «пастися»), здравіе (заживлять раны, зажило, подобно тому, какъ отъ слова быть образовалось бытѣть — здоровѣть, толстѣть ¹⁾), славянинъ обозначаетъ рѣченіями, происходящими отъ того-же плодovitаго корня. Названія: «жизнь моя!» «жизнёнок!» употребляются въ народѣ, какъ самая нѣжная, задушевная ласка. Наоборотъ слова, производныя отъ глагола жить, съ отрицаніемъ не, получили значеніе недоброе: области. нежилельныи—непріязненный ²⁾), нежить или нежить — олицетвореніе мучительной болѣзни, духъ смерти (стр. 96-98). Посвященная богиня Живѣ, кукушка признавалась въ щю, небесною посланницею; она повѣдаетъ наступленіе лѣта («озуля ковала—лѣтечко казала» ³⁾), начало грозъ и дождей, опредѣляетъ долготу человѣческой жизни и сроки брачныхъ союзовъ. По ея голосу земледѣлецъ заключаетъ о будущемъ урожаѣ: если она закукуетъ при восходѣ солнца и на зеленомъ деревѣ (т. е. въ то время, когда лѣса одѣнутся листьями), то годъ будетъ урожайный, а если закукуетъ на ночь и на голомъ деревѣ—будетъ голодъ и моръ. Кто впервые услышитъ кукушку на тощій (пустой)

¹⁾ Обл. Сл., 19, 56-57; Матер. для сравнит. слов., II, 7; Ч. О. И. и Д., годъ 3, I, 9-10; Radices linguae slov., 29; Археол. Вѣств. 1867, II, 89. — ²⁾ О. З. 1851, VIII, 46. — ³⁾ У литовцевъ май назывался „мѣсяцемъ кукушки“.

желудокъ, тому настоящій годъ сулитъ несчастія; такому человеку не слѣдуетъ закармливать скотину: не то-голодать ей всю зиму! По чешскому повѣрью, если зозуля не кукуетъ до Иванова дня, то надо ожидать неурожая; своимъ крикомъ она прогоняетъ градъ, бури, бесплодіе и дороговизну. Чехи обращаются къ ней съ вопросомъ: почѣмъ будетъ продаваться жито, ячмень, овесъ? и смотря по тому, сколько разъ она прокукуетъ, судятъ о будущихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Весною, слышавъ въ первый разъ кукушку, простолюдины спѣшать побрянчать деньгами—для того, чтобы они не переводились до слѣдующаго года; отсюда возникли поговорки: «сховай грашюлку на зязюлку», «сховай три грошы у руку на кук у!» Если-же на ту пору не будетъ въ карманѣ денегъ—это принимается за вѣрный знакъ, что ихъ не будетъ и въ продолженіе цѣлаго года. Тѣже самыя примѣты существуютъ у сербовъ, румыновъ и пѣмцевъ ¹⁾. И вообще всѣ птицы, прилетающія къ намъ съ юга, встрѣчаются, какъ вѣстницы благодатной весны. По народному повѣрью, онѣ являются изъ райскихъ странъ (виріи), отпираютъ замкнутыя зимнею стужею облака, проливаютъ на землю живительный дождь и даруютъ ей силу плодородія. Въ пѣніи овсянки малороссамъ слышатся слова: «покинь сани, возьми возъ!» ²⁾

Призывъ весны начинается съ 1-го марта; дѣти и дѣвцы влѣзаютъ на кровли амбаровъ, всходятъ на ближайшіе холмы и пригорки, и оттуда причитываютъ: «Весна, Весна красная! приди, Весна, съ радостью, съ великою милостью» (см. стр.

¹⁾ Нар. сл. раз., 136—8, 155, 165; Москва. 1852, XVI, 132; Приб. къ Изв. Ах. Н. 1853 г., 189; Этн. Сб., II, 56; Пузин., 195; Сахаров., I, 271; Громанъ, 68—70; Чешск. пѣсни Эрбена, 77; Срп. рјечникъ, 312; Телескопъ 1833, VIII, 501—2; D. Myth., 641—3; Beiträge zur D. Myth., I, 210, 232; Zeitschrift für D. Myth., III, 222; Die Wissenschaft des slav. Mythus Гауша, 317, — ²⁾ Украин. мелодіи, 142; Рус. въ св. посл., IV, 15.

678). Тотъ же призывъ повторяется 9-го и 25-го марта, на Свѣтлую недѣлю и на Красную Горку (воскресенье Фоминной недѣли). На 9-е марта, когда (по народной примѣтѣ) прилетаютъ жаворонки, поселанки пекутъ изъ тѣста изображенія этихъ птичекъ, обмазываютъ ихъ медомъ золотятъ имъ крылья и головы сусальскимъ золотомъ, и съ такими самодѣльными жаворонками ходятъ заклинять Весну. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обрядовыя причитанія прямо обращаются къ Ладѣ, богинѣ лѣтняго плодородія, любви и брачныхъ связей:

Благослови, мати,
Ой мати Лада, мати,
Весну закликаѣти!

Иди: Благослови, Боже,
Благослови, мати,
Весну закликаѣти,
Зиму провожати!
Зимочка—въ возочку,
Лѣтечко—въ човночку.

т. е. Зима отъѣзжаетъ по сухому пути — на возу, а Лѣто приплываетъ на челнокѣ, пользуясь весеннимъ разливомъ водъ. Въ старину заклинаніе Весны должно было сопровождаться жертвенными приношеніями. И донинѣ 1-го марта, на утреннемъ разсвѣтѣ, болгары выходятъ встрѣчать Весну съ нарочно-приготовленнымъ круглымъ хлѣбомъ ¹⁾; наши поселанки разстилаютъ на полѣ новый холстъ, кладутъ на него пирогъ, и обращаясь на востокъ, говорятъ: «вотъ тебѣ, матушка Весна!» Затѣмъ, оставляя свои дары подъ открытымъ небомъ, онѣ возвращаются домой, съ надеждою, что матушка Весна одѣнется въ новину и за принесенную ей хлѣбъ-соль уродитъ въ изобиліи зеръ и конопля ²⁾).

¹⁾ Сообщено г. Каравеловымъ. — ²⁾ Сахаров., II, 16, 18, 22, 75, 81; Вост. Евр. 1821, III, 193; Полтав. Г. В. 1845, 15; Малая, XI, 8; Слав. Мис., 75.

При встрѣчѣ Весны поются обрядовыя пѣсни (в еснянки: содержаніемъ ихъ служитъ любовь, возжигаемая Ладомъ въ сердцахъ дѣвицъ и юношей) и совершаются праздничныя игры, идущія изъ глубокой древности. По народному выраженію, на Срѣтенье Зима встрѣчается съ Лѣтомъ, «щобъ поборотьца: кому йти напередъ, кому вертаться назадъ», а на Благовѣщенье послѣднее осмливаетъ первую: «Весна Зиму поборода»¹⁾. Въ естественной смѣнѣ временъ года: зимы и лѣта древній человѣкъ видѣлъ борьбу двухъ противоположныхъ, взаимно-враждебныхъ силъ, и свое воззрѣніе запечатлѣлъ въ символическихъ обрядахъ, до сихъ поръ совершаемыхъ при началѣ весны. Въ Германіи въ этихъ обрядахъ принимаютъ участіе юноши и дѣвицы, раздѣляясь на двѣ половины: одна половина признается свитой Лѣта, другая — Зимы. Того, кто представляетъ Лѣто, наряжаютъ въ зеленый плащъ и барвинокъ (singrün), а представляющаго Зиму — въ мохъ и солому; они выступаютъ другъ противъ друга и долго сражаются между собою, пока наконецъ не побѣдитъ Лѣто и съ поверженной на-земь Зимы не будутъ сорваны ея уборы. Послѣ того торжественно носятъ по деревнѣ зеленую вѣтвь или вѣнокъ, возглашая пѣсню:

Der Sommer der ist da;
 wir wollen hinaus in garten
 und wollen des Sommers warten.
 Wir wollen hinter die hecken
 und wollen den Sommer wecken.
 Der Winter hats verloren.
 der Winter liegt gefangen.

- Или: а) Der Sommertag ist da,
 er kratzt dem Winter die augen aus
 und jagt die bauern zur stube hinaus.
 б) Stab aus! dem Winter gehn die augen aus...

¹⁾ Номис., 282; Послов. Даля, 976.

c) *Violen und die blumen
bringen uns den Sommer;
der Sommer ist so keck
und wirft den Winter in den dreck.* ¹⁾

Такимъ образомъ, по свидѣтельству пѣсень, Лѣто, пробуждаясь отъ сна, побѣждаетъ Зиму, захватываетъ ее въ плѣтъ, выкалываетъ ей очи и повергаетъ свою соперницу въ грязь, производимую весеннимъ таяньемъ снѣговъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ поселянинъ, избранный представлять Лѣто, является въ одной сорочкѣ, держа въ рукахъ разукрашенное плодами и лентами дерево; а тотъ, кто представляетъ Зиму, выходитъ въ теплой одеждѣ или въ мохнатой шкурѣ. Оба они похваляются своими доблестями, перебрасываются взаимною бранью и бьютъ другъ друга по плечамъ палками. Состоящіе въ свитѣ Зимы вооружаются снѣжными глыбами, а сторонники Лѣта — деревянными мечами, серпами, вилами и другими земледѣльческими орудіями. Обрядовыя пѣсни ния Зимы (Winter) нерѣдко замѣняютъ именемъ Смерти (Tod), ибо въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ понятія эти точно также отождествлялись между собою, какъ и понятія Весны и Жизни. Въ зимнюю пору природа чахнетъ, цвѣтѣть, умираетъ, а весной пробуждается къ новой жизни:

*wir haben den Tod hinaus getrieben,
den lieben Sommer bringen wir wieder.* ²⁾

Въ Нюренбергѣ дѣвцы, отъ семи до шестнадцати лѣтъ, въ праздничныхъ нарядахъ, совершаютъ при началѣ весны слѣдующій обрядъ: онѣ носятъ по предмѣстью и городскимъ улицамъ маленькой гробъ, въ которомъ лежитъ покрытая плотномъ деревянная или соломенная кукла, и поютъ: «*wir tragen den Tod ins wasser!*» И дѣйствительно —

¹⁾ D. Myth., 724—5. — ²⁾ Переводъ: мы выгнали Смерть и принесли милое Лѣто.

буклу эту бросают потомъ въ воду или сожигаютъ на кострѣ ¹⁾. У славянъ существуетъ старинный обычай: встрѣчая весну въ мартѣ-мѣсяцѣ, совершать изгнаніе Смерти или Зимы. Они выносятъ изъ деревни соломенное чучело, изображающее Смерть, топять его въ рѣкѣ, или предають сожженію, а пепелъ бросаютъ въ воду; ибо Зима гибнетъ подь жгучими лучами весенняго солнца, въ быстрыхъ потокахъ растопленныхъ ими снѣговъ. Въ Богеміи, при совершеніи означеннаго обряда, поютъ:

giz nesem Smrt ze wsi,
nowe Leto do wsy;
witey Leto libezne.
obiljeko zelene!

т. е. уже несемъ Смерть изъ села (веси), а новое Лѣто въ село; здравствуй, любезное Лѣто, зеленый посьвъ! Или:

Smrt plyne po wodě.
nowe Leto k nam gede. ²⁾

Въ другихъ славянскихъ земляхъ, вынося изъ деревни чучело, наряженное въ женскіе уборы, возглашаютъ:

Wynesli sme Murienu se wsi,
prinesli sme Mag nowy (новый Май) do wsi,

или (какъ поютъ въ Моравіи): *nesem, nesem Ma ř en u*. Въ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: *«i jedinu družu nam imiěti po puti wšei z wesny po šoga pu»* — и единую подругу имѣть намъ на пути отъ весны до мораны, т. е. отъ юности до смерти. Юность представляется здѣсь въ поэтическомъ образѣ весны, согласно съ обычнымъ и почти у всѣхъ народовъ распространеннымъ эпическимъ приемомъ изображать Весну прекраснымъ юношею или дѣвою, а Зиму бѣловласнымъ

¹⁾ D. Myth., 726—9. — ²⁾ Т. е. Смерть плыветъ по водѣ, идетъ къ намъ новое Лѣто.

и дряхлымъ старцемъ. Въ одной южнорусской сказкѣ царь спрашиваетъ престарѣлаго крестьянина: «давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга? и давно ли пошла изъ-подъ горъ вода?» и вопросы эти означаютъ: давно ли голова постѣдѣла и давно ли текутъ изъ глазъ слезы? ¹⁾ Въ словацкой сказкѣ юная морская дѣва говоритъ старому королю: «*moje lico rúžemi prekvitá, tvoja hlava sněhom záradá*» — мое лице розами цвѣтетъ, твоя голова снѣгомъ покрыта ²⁾. Термины, обозначающіе въ языкахъ индоевропейскихъ народовъ понятие смерти: снкр. шагапа (съ тѣмъ-же суффиксомъ, какъ и *dživana*), слав. моръ, мо(а)рана, польск. шагзана, лат. *mogis*, произошли отъ корня *mg* (усилен. шаг), выражающаго впечатлѣнію мрака, холода, пустыни, увяданія: снкр. *mgín*, *mgijé*, греч. *μεγαίνω*, лат. *morti*, лит. *mirtis* (съ приставками: оу-мртти, съ-мръть, литон. *s-mertis*), мръ-кнути, мръ-знути, чеш. *mrznouti*, пол. *marznąć* ³⁾. Очевидно, что въ приведенныхъ выраженіяхъ Краледворской рукописи и народныхъ пѣсень Морана, противопоставляемая Веснѣ — юности, означаетъ не только Смерть, но и Зиму — старость. Въ Подляхѣхъ и Польшѣ чучело Смерти-Зимы дѣлаютъ изъ коноплей и соломы и бросаютъ его въ прудъ или болото съ возгласомъ: «*szort tebe zabegu!*» ⁴⁾ Вслѣдъ за этимъ всѣ участвующіе въ обрядѣ поснѣжно разбѣгаются по домамъ, и если на бѣгу кто-нибудь спотыкнется и упадетъ — тотъ (по обще-принятому повѣрью) непременно долженъ умереть въ теченіи года. Въ Верхнихъ Лужицахъ чучело Смерти готовится изъ соломы и тряпокъ; куклу эту втыкаютъ на высокой шестъ и начинаютъ бросать въ нее палками и каменьями: кто ошибетъ ее съ шеста, тотъ навѣр-

¹⁾ Кулишъ, I, 230—4. — ²⁾ Slov. pohad., 630. — ³⁾ Котлярев. О погребальн. обычаяхъ, 171; D. Myth., 733. — ⁴⁾ Zagruzy domowe, III, 275—7.

не останется живъ въ продолженіи цѣлаго года. Въ заключеніе обряда куклу топятъ въ водѣ или тащатъ на пограничную межу и бросаютъ на чужую землю; затѣмъ, возвращаясь въ деревню, приносятъ съ собой зеленую вѣтвь или нарочно-срубленное въ лѣсу дерево—эмблему весенней жизни, воцаряющейся намѣсто прогнанной Смерти. Иногда куклу наряжаютъ въ бѣлую сорочку (=саванъ), даютъ ей въ одну руку вѣникъ (=знаменіе зимнихъ вьюгъ), а въ другую серпъ, съ которымъ обыкновенно и представлялась нашими предками Морана, какъ богиня, пожинаящая все живое въ семь мѣрѣ (см. стр. 47); женщины въ траурныхъ покрывалахъ запѣваютъ пѣсню и въ сопровожденіи мальчишекъ, кидających въ куклу камнями, несутъ ее на границу собственныхъ полей и тамъ разрываютъ на части. Жители соседней деревни, какъ скоро замѣтятъ на своей землѣ подобную куклу, тотчасъ-же перебрасываютъ ее назадъ, по ту сторону межи, такъ-какъ Смерть—никому не радость ¹⁾. Въ Польшѣ, Богеміи, Силезіи и Лужицахъ изгнаніе Смерти совершается въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, которое болѣею частію приходится въ мартѣ-мѣсяцѣ; чехи называютъ этотъ день *smrtná (smrtedlna) neděle*, сорабы *smertdniza*, нѣмцы *totensonntag* и *sonnertag*. Въ Италіи и Испаніи въ среднѣ великаго поста дѣлаютъ чучело старухи и перепиливаютъ его пополамъ — обычай, слѣды котораго Я. Гриммъ указываетъ и у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ: «рѣзати старую бабу» означаетъ тоже, что сожигать и топить Смерть-Зиму, представляемую славянами злою, демоническою старухою. У словенцевъ въ среду на третьей недѣлѣ великаго поста принято сожигать бабу; это происходитъ такъ: готовятъ куклу, кладутъ ее

¹⁾ D. Myth., 730—3; Вост. Евр. 1826, IV, 257—8; Терещ., V, 6—10; VI, 212—3.

на бревно, колотятъ дубинами, перепиливаютъ нѣдвое и затѣмъ уже предають огню ¹⁾. Въ Малороссіи, при встрѣчѣ весны, носятъ по улицамъ и полямъ чучело Мары (Марены) одѣтое въ женское платье, и поютъ весеннія пѣсни; потомъ ставятъ это чучело на возвышенномъ мѣстѣ и зажигаютъ его: пока оно горитъ, поселяне пляшутъ и закликаютъ обычными причитаніями Весну. Въ великорусскихъ губерніяхъ торжество Живы и гибель Мораны чествуются возженіемъ праздничныхъ огней на масляницу. Такъ какъ недѣля эта сходится съ началомъ весны и такъ какъ слѣдующій за нею постъ долженъ былъ вызывать особенно-строгія церковныя запрещенія, направленныя противъ языческаго культа, то неудивительно, что во всей Европѣ масляница (карнавалъ) получила значеніе самаго разгульнаго праздника, посвященнаго проводанію Зимы и встрѣчѣ Лѣта. Воспоминаніе древнее преданіе о поѣздѣ богини лѣта (Изиды, Френ, Гольды—Лады), рассыпающей по землѣ щедрыя дары плодородія (см. I, 554-6), у насъ возили во время масляницы дерево, украшенное бубенчиками и разноцвѣтными лоскутьями, или деревянную куклу. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ и донныя носятъ пьянаго мужика, обязаннаго представлять Масляницу; для этого запрягаютъ въ сани или повозку лошадей десять и болѣе гуськомъ, и на каждую лошадь сажаютъ по вершнику, съ кнутомъ или метлою въ рукахъ; вездѣ, гдѣ только можно, привѣшиваютъ маленькіе колокольчики и погремушки; сани или повозку убираютъ вѣтками, мужику-Масляницѣ даютъ въ руки штофъ съ водкою и чарку, и сверхъ того ставятъ подлѣ него боченокъ съ пивомъ и коробъ съ съѣстными припасами. Въ Сибири устраиваютъ на нѣсколькихъ саняхъ корабль, на которомъ сажаютъ ряженыхъ

¹⁾ D. Myth., 734, 741—2; Чешск. пѣсни Эрбена, 57—58; Илльч., 117—8; Рус. Бес. 1857, III, стат. Клуна, 109.

медвѣдя и Масляницу, и возятъ по улицамъ, въ сопровожденіи пѣсенниковъ. Дерево, корабль и медвѣдь — все это эмблемы весенней природы и ея творческихъ, плодоносныхъ силъ; звуки колокольчиковъ и бубенчиковъ—знаменія грозовой музыки, метла, вѣникъ и кнутъ—вихрей и молній, пиво и вино — всёоживляющаго дождя. Въ такомъ обрядовомъ поѣздѣ празднуется пришествіе (возвратъ) благодатной Весны. Наряду съ этимъ совершаются и другіе обряды, указывающіе на борьбу Весны съ Зимой и пораженіе послѣдней. Въ разныхъ губерніяхъ въ субботу сырной недѣли строятъ на рѣкахъ, прудахъ и въ поляхъ снѣжный городъ съ башнями и воротами—царство Зимы (демона-Вритры), долженствующее пасть подъ ударами Перуна; участвующіе въ игрѣ вооружаются палками и метлами и раздѣляются на двѣ стороны: одна защищаетъ городъ, а другая нападаетъ на него, и послѣ упорной, болѣе или менѣе продолжительной схватки, врывается въ ворота и разрушаетъ укрѣпленія; воеводу взятаго съ боя и разрушеннаго города въ старину купали въ проруби. Вечеромъ въ воскресенье (послѣдній день масляницы, называемый ея проводами) поселяне выносятъ изъ своихъ дворовъ по снопу соломы, и сложивши ихъ на окраинѣ деревни, сожигаютъ при радостныхъ кликахъ и пѣсняхъ собравшагося народа, — каковой обрядъ называется сожженіемъ Масляницы. Иногда пучки соломы навязываютъ на шесты, разставляютъ по дорогѣ и палятъ послѣ солнечнаго заката, а иногда замѣняютъ ихъ дегтярными бочками. Существуетъ еще обычай сожигать на прощенное воскресенье ледяную гору, для чего собираютъ по дворамъ хворостъ, щепки, худыя кадки, складываютъ все это на ледяной горѣ, и затѣмъ разводятъ костѣрь, служащій символическимъ знаменіемъ весенняго солнца, яркіе лучи котораго растапливаютъ снѣжные покровы зимы. Такимъ образомъ, олицетворяя самое празднество и ста-

ва это олицетвореніе на мѣсто древнихъ богинь, управлявшихъ смѣною годовыхъ временъ, народъ русской встрѣчу Весны назвалъ встрѣчею Масляницы, а изгнаніе Звмы—сожженіемъ Масляницы или ея проводами ¹⁾. Одновременно съ пробужденіемъ природы отъ зимняго сна (омертвенія), пробуждаются къ жизни и души усопшихъ, осужденныя пребывать въ воздушныхъ и заоблачныхъ сферахъ (см. выше стр. 287—292); поэтому праздникъ весны былъ вѣстѣ и праздникомъ въ честь усопшихъ предковъ, обычною порою сношеній съ ними, посѣщенія кладбищъ и помоекъ. До сихъ поръ на масляницу бѣгаютъ по улицамъ ряженые, что знаменуетъ появленіе освободившихся изъ загробнаго царства стійныхъ духовъ—оборотней, и во всѣхъ домахъ приготовляются блины, изстари составляшіе необходимую принадлежность всякаго поминнаго пиршества.

Тѣже обряды приурочиваются и къ послѣдней недѣлѣ великаго поста, и къ празднику Пасхи, и къ Фоминой недѣлѣ, такъ какъ мысль о воскресающей Веснѣ ²⁾—Живѣ сочелась въ народныхъ представленіяхъ съ мыслью о пресвѣтломъ воскресеніи праведнаго солнца—Христа. Прилетая въ сей міръ, богиня Весна разводитъ пламя небесныхъ грозъ, разитъ и гонитъ злобныхъ демоновъ, выводитъ изъ-за холодныхъ зимнихъ тумановъ и тучъ свѣтозарное солнце, или выражаясь поэтически: снова воспламеняетъ его свѣтильникъ, и пожигая снѣжное, ледяное царство Звмы, топчетъ ее въ разливѣ стремительныхъ водъ. Символическимъ обозначеніемъ этой творческой дѣятельности богини издревле

¹⁾ Сахаров., II, 73—74; Терещ., VII, 331—3; Этн. Сб., II, 41—43; Ч. О. И. и Д., годъ 1, II, 20; Рус. прост. праздн., II, 130; Москв. 1849, IX, 6—7; Каравел., 189. — ²⁾ „Ой, вже весна воскресла!“—Ч. О. И. и Д. 1866, III, галиц. пѣсни, 677; Мазка, XI, 48.

служили возжигаемые на землѣ огнѣ. Раннимъ утромъ въ четвергъ страстной недѣли, какъ въ день, посвященный громовнику, предки наши, по свидѣтельству Стоглава, палили соломѣ и кликали мертвыхъ. День этотъ называется на Руси чистымъ—свѣтымъ¹⁾; крестьяне ходятъ въ чистый четвергъ на проруби и закликаютъ Весну²⁾, а послѣ «всенощнаго стоянья» приносятъ изъ церкви горящія восковыя свѣчи и выжигаютъ ими на дверяхъ и потолкахъ своихъ домовъ кресты—для отогнанія злыхъ духовъ. Эта «страстная» свѣча, будучи зажжена во время грозы, предохраняетъ домъ отъ громоваго удара; поставленная въ пчельникѣ, она даруетъ изобиліе меда (намекъ на медовый напитокъ дождя, низводимый молніями); съ нею-же соединяютъ цѣлебную, облегчающую страданія силу, и потому, затепливая эту свѣчу, даютъ ее въ руки трудно-больнымъ, во время болѣзненныхъ припадковъ, и родильницамъ—при мукахъ разрѣшенія). Къ заутренѣ на Свѣтло-Христово Воскресенье бѣлоруссы собираются съ зажженными лучинами; въ великорусскихъ губерніяхъ и въ Чехахъ жгутъ тогда около храмовъ смоляныя бочки; уголья, оставшіеся отъ этихъ бочекъ, а равно и свѣчи, съ которыми отстояли заутреню, приносятъ домой и затыкаютъ за стрѣхи, чтобы охранить зданія отъ грозы, а домашнюю скотину отъ порчи³⁾. Въ Германіи въ ночь на первый день праздника зажигаютъ на горахъ и холмахъ большіе костры (osterfeuer), складывая ихъ изъ дровъ, дѣрна и соломы; на Везерѣ прикрѣпляютъ дегтарную бочку, обвитую соломой, къ еловому дереву, и зажигая ее ночью, пляшутъ вокругъ огня, а когда пламя погаснетъ—собираютъ головни и уголья и разносятъ по домамъ⁴⁾. Су-

¹⁾ Великую субботу сербы и чехи называютъ бѣлою; серб. бѣјела недѣла (бѣ)а—испѣваницы (Срп. рјечник, 24). — ²⁾ Сахаров., II, 96. — ³⁾ Полтав. Г. В. 1845, 15. — ⁴⁾ Галушъ, 117. — ⁵⁾ D. Myth., 581—2.

ществуетъ еще обѣлювеніе зажигать ночью деревянныя стрѣлы, обмазанныя смолою и метать ихъ вверхъ—такъ, чтобы пущенная стрѣла описывала въ воздухѣ огненную дугу ¹⁾). Свѣтло-Христово Воскресенье у нѣмцевъ именуется *ostern*. а мѣсяць апрѣль, въ который бѣльшую частію приходится его праздновать, — *ostermonat*; въ старинныхъ памятникахъ праздникъ Пасхи — *ōstara* (*ōstartaga*, *aostortagā*), апрѣль — *ōstarmānoth*. Остара (*Ostara*, *Eāstre*, *Eostre*)—древне-германская богиня зори, блестящаго утра и весны, приводящая съ востока воскресающее (возстающее отъ ночнаго и зимняго сна) солнце, культъ которой пустилъ такіе глубокіе корни, что имя ея сочеталось съ главнѣйшимъ христіанскимъ праздникомъ. Имя это восходитъ къ снкр. корню *ush*, отъ котораго образовались рѣченія снкр. *ushas*—зоря, *usgā* (въ Ведахъ) — утро, разсвѣтъ. лит. *auszga* — утренняя зоря, *auszta*—разсвѣтаетъ, zend. *ushaṣtaṣa*—восточный, др.-пѣм. *ōstan* (*ōst*), англос. *east*, скан. *austur* — востокъ, слав. утро; *jutro*; сравни снкр. *vāsara*—день, *vastar*—утро, *vasanta*—весна отъ корня *vas*. Соотвѣтственно нѣмецкому *ostern*, лужицане называютъ праздникъ Пасхи — *jutry* (*jatry*, *jastry*), полабскіе славяне—*justroj* (*jostraj*, *jystroj* ²⁾). Игру лучей восходящаго солнца поэтическая фантазія младенческихъ народовъ объясняла тѣмъ, что свѣтило это, пробуждаясь отъ сна, пляшетъ поутру на востокѣ. Таковую пляску можно наблюдать только съ началомъ весны, когда небо очистится отъ потемнявшихъ его зимнихъ облаковъ и тумановъ. Отсюда возникло повѣрье, общее славянамъ и нѣмцамъ, что на разсвѣтъ Свѣтло-Христово Воскресенья солнце отъ радости пляшетъ, играетъ и скачетъ

¹⁾ Die Götterwelt, 200. — ²⁾ D. Myth., 267—8; Beiträge zur D. Myth., I, 177; Пякте, I, 156—7; II, 673—4; Курціусъ, 368; Ганушь, 120.

въ три прыжка. На Руси въ первый день Пасхи крестьяне собираются на колокольни, крыши и пригорки смотрѣть на восходящее солнце. Тоже повѣрье прилагается и ко дню Благовѣщенья (25 марта); замѣтимъ, что на Благовѣщенье крестьяне жгутъ старыя соломенныя постели и прыгаютъ черезъ разведенное пламя, которому приписываютъ силу укрѣплять здравіе ¹⁾. По народному убѣжденію, на первый день Пасхи открывается свѣтлый рай (т. е. просвѣтляется небо), и врата его (Goldtor, откуда восходитъ солнце—см. стр. 257) остаются отверстыми во все продолженіе праздника; потому всякой, кто умираетъ на этой недѣлѣ, признается святымъ: душа его безпрепятственно входитъ въ селенія праведныхъ. Тогда-же открываются зарытые въ подземельяхъ драгоценныя клады и горятъ яркимъ пламенемъ, т. е. изъ-за темныхъ облаковъ и тумановъ, разсѣянныхъ весенними грозами, является очамъ смертныхъ золото солнечныхъ лучей. Въ черниговской губ. Святая недѣля слыветъ гремяцкою, а чехи называютъ ее Червоными Святками ²⁾. Съ мыслію объ отверстомъ раѣ тѣсно связаны: во 1-хъ, суевѣрное мнѣніе, противъ котораго еще въ XVI вѣкѣ выступалъ съ обличительнымъ словомъ Максимъ Грекъ, будто во все продолженіе пасхальной седмицы солнце не заходитъ и тѣмъ самымъ какъ-бы обращаетъ ее въ одинъ продолжительный день (малоруссы Свѣтло-Христово Воскресенье называютъ Великъ день ³⁾); во 2-хъ, вѣрованіе, что именно въ эту благодатную пору свѣтлые боги сходятъ съ небесъ на землю и надѣляютъ ее дарами плодородія. Вѣрованіе это, наслѣдован-

¹⁾ Die Symbolik von Sonne und Tag, 29; Сахаров., II, 75—76; Москов. Вѣстн. 1827, VI, 360; Иллюстр. 1846, 262 и далѣе; О вл. христ. на сл. яз., 17—18; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 340. — ²⁾ Маякъ, XI, 18; Сахаров., II, 75; Гавушъ, 122. — ³⁾ Правосл. Собесѣдн. 1858, I, 147.

вое отъ языческой старины, въ христіанскую эпоху было перенесено на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ. По народнымъ разсказамъ, съ перваго дня Пасхи и до Вознесенія Христось и апостолы странствуютъ по землѣ въ нищенскихъ рубищахъ, испытуютъ людское милосердіе, награждаютъ добрыхъ и караютъ злыхъ. Въ смоленской губ. утверждаютъ, что Христось сходитъ на землю въ чистый четвергъ, и потому, для встрѣчи божественнаго гостя, въ каждомъ домѣ готовится къ этому дню хлѣбъ, называемый стульце ¹⁾. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ на Свѣтло-Христово Воскресенье ходятъ по домамъ волочечники и поютъ обрядовыя пѣсни, слава святыхъ Юрія и Николу, что коровъ и коней закупаютъ, Пречистую Дѣву, что застѣваетъ нивы, и Илью-пророка, зажинающаго колосистую рожь. Всѣ освященныя на этотъ праздникъ яства украшаются зелеными вѣтками брусники; къ такимъ яствамъ принадлежитъ и жареный барашекъ или поросенокъ, кости котораго частію зарываютъ на пашняхъ, съ цѣлю предохранить нивы отъ града, а частію держать въ домахъ и во время лѣтнихъ грозъ бросаютъ въ огонь, разведенный на домашнемъ очагѣ, дабы отвратить ударъ грома ²⁾. Въ костромской губ. существуетъ обычай: передъ Христовской заутреней всходить на колокольни и стрѣлять оттуда изъ пистолетовъ и ружей; тоже дѣлаютъ и лужичане ³⁾. Выстрѣлы эти знаменуютъ весенній громъ, прогоняющій нечистую силу Зими — Смерти. На второй день Пасхи, на Красную Горку и въ Ооминъ понедѣльникъ молодые парни и дѣвицы обливаютъ другъ друга ключевою водою — обрядъ, напоминающій сербскую Додоу и символически-обозначающій про-

¹⁾ Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовича, 78; Цебриков., 275—7. —

²⁾ Рус. прост. праздник., I, 160; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 75—83; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 103. — ³⁾ С. Петерб. Вѣд. 1864, 118; Volkslieder der Wenden, II, 223.

литіе небесныхъ источниковъ, оѣмненіе матери-Земли оплодворяющей влагою дожда ¹⁾. Объ этомъ Густинская лѣтопись ²⁾ рассказываетъ такъ: «отъ силъ (языческихъ боговъ) одному нѣкому богу на жертву людей топаху, ему-же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творять: во день Воскресенія Христова собравшеса юніи, играюще, вметають человека въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, еи есть бѣсовъ, разбиваются и умирають, или утопають; по иныхъ-же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою поливають, но одиначе тому-же бѣсу жертву сотворяють». На Красную Горку (въ воскресенье Ожиной или радуницкой недѣли), при солнечномъ восходѣ, сельскія дѣвицы собираются на ближній холмъ или пригорокъ и становятся въ кругъ; одна изъ нихъ выступаетъ въ средину круга—съ хлѣбомъ и красными яйцомъ въ рукахъ, и обращаясь на востокъ, творитъ молитву, а послѣ молитвы закликаетъ Весну: «Весна красна! на чемъ пришла» и т. дал. Въ калужской губерніи укрѣпляютъ при этомъ на горкѣ длинный шестъ съ соломенной куклою, которая вечеромъ сожигается съ пѣснями и плясками; въ орловской же губ. поселане на радуницкой недѣлѣ прогоняють Смерть изъ своего села, для чего въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами, и взмахивая ими по воздуху, гоняются за невидимой Моранюю ³⁾. Обрядъ этотъ—и по своему значенію, и отчасти по самой обстановкѣ — тождественъ съ обрядомъ «пахиванія», каковой совершается въ нашихъ деревняхъ и селахъ для нагванія повальныхъ болѣзней: чумы, холеры и коровьей смерти. Въ старыя годы въ Литвѣ друзья усопшаго,

¹⁾ Терещ., VI, 106, 110; Бопланъ: Описаніе Украины 79. Къ этому-же времени относится и обрядовое поздравленіе молодыхъ супруговъ—такъ называемый вьюнецъ. — ²⁾ П. С. Р. Л., II, 257. — ³⁾ Сахаров., II, 81, 83.

провожая его тѣло въ могилу, махали по воздуху ножами, съ возгласомъ: «бѣгите, бѣгите, злые духи!»¹⁾

Какъ скоро богиня весны побѣдитъ демоновъ зимы, она тотчасъ же одѣваетъ поля, сады и рощи свѣжею зеленью и цвѣтами. Прекрасные, благословенные дни мая и начала юня издревле признавались посвященными этой богинѣ и чествовались общенародными игрищами. Въ христіанскую эпоху такія игрища, совершаемыя въ честь Весны, были приурочены къ Вознесенію и Троицѣ, такъ какъ праздники эти болѣею частью приходятся въ маѣ-мѣсяцѣ. Четвергъ, въ который празднуется Вознесеніе, и четвергъ, предшествующій Троицѣ (такъ называемый Семикъ, потому что бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи) получили въ глазахъ народа особенно-важное значеніе по извѣстной намъ связи четверга съ культомъ громовника. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ зааванію вѣнковъ приступаютъ уже въ день Вознесенія; обыкновенно же обрядъ этотъ совершается на Семикъ или Троицу. Предъ

¹⁾ Черты литов. нар., 111. Вотьяки и черемисы передъ весеннимъ посѣвомъ хлѣба гоняютъ шайтана; парни и дѣвки садятся верхомъ на коней, берутъ въ руки зажженные лучины, бичи, палки, метлы, и съ дикимъ воплемъ начинаютъ скакать по деревнѣ мѣжъ конца въ конецъ, махая нетлами и ударяя по хлѣвамъ и угламъ избъ, чтобы шайтанъ не осмѣлился повредить посѣву; потомъ отправляются въ поле, ставятъ двѣ палки и дѣлаютъ загородку—въ знакъ того, что шайтанъ прогнанъ и возвратный путь для него прегражденъ—Записки Александры Фуксъ о чуваш. и черемисахъ казан. губ. (Казань, 1840 г.), 221, 261—2; Вятск. Г. В. 1851, 25. Сравни извѣстія, занесенныя въ книгу „Обряды еврейскіе“ (Орель, 1830 г.), 179, и въ путевыя записки XVII вѣка „О ходу въ Персидское царство“ (Времен., XV, 17—18): „и возать нарядавого мужика, сдѣланъ мѣхомъ да набить соломой, и сагадакъ и страмы сдѣланы изъ лучины, а ему ругаются и плюютъ на него, а жонзя плачуть... того соломеннаго мужика вывезуть на поле за городъ и вынесутъ соломы и нести и сожгутъ, а сами вяземъ бьются—а то они (персы) празднуютъ влѣтѣмъ своимъ“.

наступленіемъ означенныхъ праздниковъ, поселяне отправляютъ толпами въ поля и рощи, собираютъ разныя травы, преимущественно благовонныя: чоберъ, мяту, зорю и калугеръ, и рубятъ молодыя березы и другія лиственные деревья; и по городамъ, и по сёламъ стѣны внутри домовъ убираются древесными вѣтвями, полы устилаются скошенной травой, а окна пахучими зельями и цвѣтами; на дворахъ и по улицамъ устанавливаются въ землю цѣлые ряды березокъ, липокъ и кленовъ, такъ что каждый городъ и каждая деревня превращаются на нѣскольکو дней въ зеленые сады. Точно также убираются къ Троицѣ и самыя храмы; наканунѣ праздника благочестивые прихожане привозятъ срубленные деревья, разставляютъ ихъ около перилъ, столбовъ, клиросовъ и по угламъ церкви, втыкаютъ ихъ за образа, подвѣшники и люстры, полъ усыпаютъ травой, а мѣстныя иконы украшаютъ цвѣтами. Утромъ слѣдующаго дня женщины, дѣвушки и дѣти приходятъ къ обѣднѣ съ пучками цвѣтовъ и пахучихъ травъ въ рукахъ, и потомъ въ продолженіи года хранятъ ихъ, какъ святыню; вѣрятъ, что сломленная въ церквѣ березовая вѣтка и принесенные оттуда цвѣты и травы обладаютъ цѣлебною силою противъ всякихъ недуговъ. Въ великорусскихъ губерніяхъ поселяне и городская чернь собираются на Семикъ въ лѣса и рощи, поютъ пѣсни, завиваютъ вѣнки, срубаютъ молодое березовое дерево и наряжаютъ его въ женское платье, или обвѣшиваютъ разноцвѣтными лентами и лоскутьями. Затѣмъ слѣдуетъ общій пиръ, изготовляемый въ складчину или ссыпчину, т. е. изъ ширскаго сбора муки, молока, крашенныхъ яицъ и другихъ припасовъ; на покупку вина и пива назначаются денежные взносы. По окончаніи пиршества подымаютъ наряженную березку, съ радостными пѣснями и плясками несутъ ее въ деревню и становятся въ избранномъ съ общаго согласія домѣ, гдѣ она и остается гостей кою до Трои-

цына дня. Въ пятницу и субботу приходять навѣщать «гостейку», а въ Троицкое воскресенье выносить ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду. Тогда-же пускаются по водѣ и семячкіе вѣнки. Въ пинскомъ уѣздѣ въ Духовъ день крестьянскія дѣвушки избирають изъ своей среды самую красивую подругу, обвязываютъ ее березовыми и кленовыми вѣтвями, и подъ именемъ куста водятъ по улицамъ и дворахъ, что живо напоминаетъ намъ сербскую додолу, съ головы до ногъ убранную въ цвѣты и зелень. Въ полтавской губ. водятъ на Духовъ день тополь¹⁾, которую представляетъ дѣвушка, въ разноцвѣтной плахтѣ, съ яркими лентами въ косахъ и монистами на груди. Въ старые годы, около Воронежа, строили на Троицу посреди дубовой рощи небольшой шалашъ, убрали его вѣнками, цвѣтами и душистыми травами, а внутри ставили на возвышеніи соломенную или деревянную куклу, одѣтую въ праздничное мужское или женское платье; къ этому мѣсту стекались со всѣхъ сторонъ окрестные жители, приносили съ собой различные напитки и яства, водили вокругъ шалаша хоробыды и предавались беззаботному веселью и играмъ. Въ семячкѣ березкѣ, «тополѣ», «кустѣ» и въ троицкѣй куклѣ народъ чествовалъ лѣсную дѣву, оживающую въ зелени дубравъ (см. II, 328), или самую богиню Весну, одѣвающую деревья листьями и цвѣтами. На Троицынъ день молодежь отправляется въ лѣса и рощи завивать вѣнки, возглашая хоромъ:

Благослови, Троица,
 Богородица!
 Намъ въ лѣсъ пойдти,
 Намъ вѣнки завивать,
 Ай Дядо, ой Дядо!
 Намъ вѣнки завивать
 И цвѣты сорывать.

¹⁾ Тополь.

Приготовивъ вѣнки, дѣвицы и парни обмѣниваются ими другъ съ дружкой; дѣвицы надѣваютъ ихъ на головы, парни украшаютъ ими свои шляпы, и затѣмъ приступаютъ къ хороводнымъ играмъ. Вечеромъ, какъ только сядетъ солнце, или на слѣдующій день ходятъ они на рѣку и кидаютъ вѣнки въ воду; въ нѣкоторыхъ-же уѣздахъ этотъ послѣдній обрядъ совершается на Всесвятской недѣлѣ. Мѣстомъ завиванія вѣнковъ преимущественно выбираютъ ту рошу, которая прилегаетъ къ засѣянному полю, — для того, чтобы рожь уродилась гуще и прибыльнѣе. Въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ даже коровамъ на Троицынъ день надѣваютъ на рога и шею вѣнки, сплетенные изъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ ¹⁾). Вѣнокъ издревле служилъ эмблемою любви и супружеской связи. Такъ какъ въ весеннюю пору Земля вступаетъ въ брачный союзъ съ Небомъ и такъ какъ богиня весны (Жива) была не только представительницею земныхъ урожаевъ, но и вообще покровительницею брака и любовныхъ наслажденій; то и посвященный ей праздникъ необходимо долженъ былъ считаться лучшимъ въ году временемъ для заявленій любви и для гаданій о будущемъ семейномъ счастьи. Бросая вѣнки въ воду, юноши и дѣвицы допрашиваютъ эту пророческую стихію о своей грядущей судьбѣ (см. II, 192; III, 341—2, 349): если брошенный вѣнокъ уплыветъ, не коснувшись берега, — это предвѣщаетъ исполненіе желаній, счастливый бракъ и долгую жизнь; если вѣнокъ закружится на одномъ мѣстѣ — это знакъ неудачи (свадьба разстроится, любовь останется безъ отвѣта),

¹⁾ Сахаров., II, 83—89; Этн. Сб., II, 52; Ворон. Г. В. 1850, 8; Москов. Телеграфъ 1830, XVII, 31; Вѣст. Евр. 1821, III, 198; 1828 г., V—VI, 83—84; Москв. 1849, IX, 10; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 28; 1827, IV, 278; Терещ., VI, 173—186, 193—5; Казан. Г. В. 1846, 3; Мавск. Г. В. 1866, стр. 328—9; Маякъ, XI, 22; Украин. Журналь 1824, XI, 255—6.

а если потонетъ — знакъ смерти, вдовства или безсмертной жизни (молодцу не быть женатому, дѣвицѣ оставаться незамужней). Замѣчаютъ еще: уцѣлѣлъ ли свѣжимъ или завялъ вѣнокъ, сбереженный отъ Семина до Троицына дня? въ первомъ случаѣ рассчитываютъ на долготѣнее и счастливое супружество, а въ послѣднемъ — ожидаютъ скорой смерти. Не такъ давно въ калужской губ. существовало обыкновеніе, по которому парень, задумавшій жениться, обязанъ былъ вытащить изъ воды вѣнокъ полюбившейся ему дѣвицы ¹⁾. Такимъ образомъ зелень и цвѣты играютъ главную роль на вселомъ праздникѣ Весны; ея благотворное вліяніе именно въ томъ и выражается, что мать-сыра земля, словно юная и прекрасная невѣста, рядится въ роскошные уборы растительнаго царства; апрѣль и май-мѣсяцы получили поэтому названія травня и квѣтня ²⁾; семицкая недѣля слыветъ въ народѣ зеленою, клещальною, а три послѣдніе дня этой недѣли и слѣдующіе за ними праздники Троицы и Св. Духа называются Зелеными и Святками. Тѣже обряды совершаются и Троицу и въ Литвѣ, и въ Польшѣ ³⁾. У германскихъ племенъ на Троицынъ день или въ началѣ мая соблюдался въ старыя годы такой обычай: изъ среды юношей избирался *maigal* (*maiköpig*); затѣмъ привозили изъ лѣсу повозку, нагруженную зелеными вѣтками и вѣнками (*maiwagen*); одинъ вѣнокъ (*maikranz*) былъ вручаемъ бургомистромъ и горожскимъ совѣтомъ майграфу; остальные связки зелени шли въ раздѣлъ между мѣстными жителями, но самая большая часть ихъ отдавалась въ монастыри и церкви. Церковныя башни

· ¹⁾ Рус. прост. прад., III, 132—3, 136; Терещ., VI, 197—8. Въ некоторыхъ городахъ троицкое гуляніе превратилось въ обрядный смотръ невѣсть. — ²⁾ Квѣтъ—цвѣтъ; римляне съ 28 апрѣля по 1е мая праздновали *Floralia*—въ честь богини Флоры.— ³⁾ Терещ., VI, 174.

были украшаемы древесными вѣтвями, а помосты храмовъ усыпаны обрѣзками кустарниковъ и полевыми цвѣтами. Нерѣдко майграфу вручались два вѣнка и предоставлялось право избрать изъ числа дѣвицъ царицу праздника (*maigräfin, maikönigin, maibraut*); на эту послѣднюю онъ возлагалъ одинъ изъ своихъ вѣнковъ. Существовалъ также обычай искать *maikönig'a*: для этого вооруженная толпа юношей отправлялась въ лѣсъ, и немного погодя возвращалась оттуда вмѣстѣ съ «майскимъ королемъ», который ѣхалъ верхомъ на конѣ, опутанномъ гибкими зелеными вѣтвями, или въ повозкѣ, запряженной въ четыре лошади и убранной разнымъ «клячаньемъ». Этимъ торжественнымъ поѣздомъ означался возвратъ бога весенняго плодородія (Одина или Тора) изъ дальнихъ невѣдомыхъ странъ, гдѣ проводилъ онъ зиму. О такомъ поѣздѣ датчане выражались: *at ride Sommer i bye (den Sommer in das land reiten)*. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи на Троицынъ день и донынѣ продолжаютъ украшать дома зеленью. Въ Англіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ на первый день мая раннимъ утромъ юноши и дѣвицы, въ сопровожденіи музыкантовъ, отправлялись въ ближайшій лѣсъ, славывали древесныя вѣтви, убирали ихъ цвѣтами, и воротившись домой, ставили эти майскія знаменія на дверяхъ и окнахъ своихъ жилищъ. Тогда-же общими усиліями срубали они большое дерево и привозили его въ городъ или деревню на нѣсколькихъ парахъ быковъ; каждому быку прикрѣпляли между рогами букетъ цвѣтовъ; дерево это — *maibaum* — ставили посреди площади и предавались вокругъ него играмъ и пляскамъ. Распорядитель праздника назывался *lord of the may*, а избранная ему въ подруги — *lady of the may*¹⁾. Чехи на майскій праздникъ избираютъ краля и кральку, и медѣля, въ которую происходитъ это народное гулябище, из-

¹⁾ D. Myth., 736—8; Die Götterwelt, 144—7.

вѣтна подъ именемъ королевой (králova peděle). Краль к краляка являются на праздникъ увѣчанные коронами и убранные цвѣтами. Словенцы, празднуя возвратъ весны, назначаютъ одного изъ юношей представлять Зеленаго Егора (Юрія) и обязываютъ его березовыми вѣтками (см. II, 175). Срубленные деревья, которыми украшаютъ въ это время дома, называются май я н и. Въ Литвѣ 1-го мая уставляли на лугу зеленое дерево, обвѣшанное разноцвѣтными лентами; сельская молодежь, избравъ изъ своей среды самую красивую дѣвушку, надѣвала ей на голову вѣнокъ, обвивала ее станъ березовыми вѣтвями и веселою толпою сопровождала ее на мѣсто гульбища. Тамъ, возлѣ майскаго дерева, начинались танцы и пѣсни, съ постоянно-повторяемымъ возгласомъ: о майя, о майя! ¹⁾

Но лѣто гоститъ на землѣ короткое время. Солнце, достигнувъ полнѣйшаго проявленія своихъ творческихъ силъ, поворачиваетъ на зиму, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачиваетъ свой живоносный свѣтъ; дни начинаютъ умаляться, а ночи удлиняются. Этотъ поворотъ Солнца (suppenwende) — выѣздъ его въ далекій зимній путь сопровождается народнымъ празднествомъ, приуроченнымъ ко дню Іоанна Крестителя (24-го іюня). Пламя костровъ, разводимыхъ въ навечеріи этого дня (Johannisfeuer) служитъ символическимъ знаменіемъ знойнаго іюньскаго солнца. Нѣмцы въ XIV и XV столѣтіяхъ называли это пламя sup went feuer. «Ивановы огни» зажигаются подъ открытымъ небомъ на площадяхъ, поляхъ и горныхъ возвышеніяхъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ принято, чтобы священникъ благословлялъ возженное пламя, и дѣтѣхъ поръ, пока оно продолжаетъ горѣть, народъ молится Богу. Возженіе огней при лѣтнемъ поворотѣ солнца — обы-

¹⁾ Ганушъ, 155; Иличъ, 132; Volkslieder der Wenden, II, 223; Тереш., VI, 212.

чай, равно-встрѣчаемый какъ у народовъ индоевропейскихъ, такъ и семитическихъ; въ старыя годы въ совершеніи его принимали участіе не одни простолюдины, но и владѣтельные князья и благородныя сословія. Въ западной Европѣ относящіяся къ этому вопросу свидѣтельства памятниковъ начинаются уже съ XII-го вѣка. Въ XV, XVI и XVII столѣт. въ большихъ городахъ (какъ напримѣръ Парижѣ, Метцѣ и др.) костѣрь складывали передъ ратушею, убирали его цвѣтами и зеленью, а почетную обязанность зажигать его предоставляли меру. Въ Пиренеяхъ 1-го мая отыскивали самое высокое дерево: ель, сосну или тополь, обрубали на немъ всѣ вѣтви, вбивали въ стволъ нѣсколько колевъ и оставляли на корню до 23-го іюня; наканунѣ-же Иванова дня, послѣ даннаго священникомъ благословенія, сваливали это дерево нѣземъ и предавали сожженію. У священнаго огня толпился народъ; молодежь украшала себя вѣнками, пѣла и танцевала; всѣ же вообще — и старыя, и молодыя прыгали черезъ пламя, переносили черезъ него дѣтей и бросали въ костѣрь разныя травы — съ цѣлюю за-пасться здоровьемъ и отстранить отъ себя губительныхъ демоновъ. Бросая въ огонь травы, причитывали: «да сгорятъ съ этимъ зельемъ и всѣ мои бѣды!» Или дотрогивались до огня вѣтками орѣшника и потомъ втыкали ихъ у дверей коровьихъ хлѣвовъ. Каждый считалъ обязанностью захватить съ собою головешку или нѣсколько угольевъ и пеплу отъ Иванова костра; подобно «громовой стрѣлкѣ», уголья эти и пепелъ предохраняютъ домъ отъ удара молніи и служатъ цѣлебнымъ средствомъ противъ волшебнаго очарованія и болѣзней. Въ срединѣ лѣта природа во всѣхъ своихъ стихійныхъ проявленіяхъ обнаруживаетъ особенно-живительную силу. Какъ пламенные лучи солнца прогоняютъ демоновъ мрака, холода и безплодія, такъ и эмблема ихъ — земной огонь въ возрѣніяхъ язычниковъ получилъ тоже благодѣтельное свойство про-

гонять болѣзни и морь; надо только пройти сквозь его очи-
стительное пламя, провиѣннуться его священнымъ вѣяніемъ
(сравни II, 18—21). Вѣстѣ съ огнемъ, и вода, какъ стихія,
знаменующая амриту (плодоносный дождь), получаетъ на
Ивановъ день чудесное свойство смывать съ большаго тѣла
всѣ недуги и надѣлять его крѣпостью и здравіемъ; поэтому
въ числѣ совершаемыхъ тогда обрядовъ не послѣднее мѣсто за-
нимаетъ и купанье въ рѣкахъ и источникахъ. Наконецъ и
самыя травы и цвѣты, сорванные въ періодъ солнечнаго по-
ворота, считаются по преимуществу цѣлебными, такъ какъ
съ ними соединяется мысль о плодородящей силѣ земли, воз-
бужденной яснымъ солнцемъ и лѣтними дождями ¹⁾. У сла-
вянъ и литовцевъ встрѣчаемъ ту же обстановку Иванова празд-
нества. Словенцы называютъ Ивановъ день и самый поворотъ
солнца — *к гез* (кroat. *к гез* — огонь), а мѣсяцъ июнь — *к гез-
пик*; серб. *кресови* — *dies solstitiales* («три дана прије и
три посліје Илијна дне»), *кријес* — огонь, разводимый на-
канунъ Иванова, Витова, Петрова и Юрьева дней, съ которы-
ми народная мысль связываетъ старинныя воспоминанія о бо-
гѣ-громовникѣ, возжигателѣ небеснаго пламени ²⁾; въ одной
изъ рукописныхъ прологовъ крѣсь, крѣсины — поворотъ
солнца на лѣто (I, 188, 255). Поляки и чехи называютъ Ива-
новъ огонь — *sobotka* (малая суббота, канунъ воскреснаго
дня, издревле-посвященнаго солнцу), въ отличіе отъ огня,
возжигаемаго въ ночь на Пасху, которому присвояютъ назва-
ніе *sobota* (*Ostersonnabend*, великая суббота, канунъ
Свѣтло-Христово Воскресенія ³⁾). На Руси Ивановъ праздникъ
извѣстенъ подъ именемъ Купалы. По указанію профессора

¹⁾ D. Myth., 584—593; Beiträge zur D. Myth., I, 217; Ж. М. Н. П. 1841, т. XXXI, стат. Сабининъ. — ²⁾ Срп. рјечник. 301—3; Москв. 1844, IX, ст. Срезнев., 214, 222. Святыишійся Ивановскій жупъ называется у словенцевъ *kerpnica*. — ³⁾ D. Myth., 590

Буслаева, корень куп совѣщаетъ въ себѣ тѣже понятія, что и корни яръ и буй. Во первыхъ, говоритъ онъ, куп имѣетъ значеніе бѣлаго, яраго, а также буйнаго въ смыслѣ роскошно-растущаго, откуда въ нашемъ языкѣ употребительны: купавый—бѣлый, купава—бѣлый цвѣтокъ, купава—цвѣточная почка и особенно бѣлыхъ цвѣтовъ. Такъ какъ у ны въ извѣстныхъ случаяхъ чередуются, то корень куп можетъ имѣть и другую форму кып, откуда кыпѣть и кипень (кыпень)—въ значеніи бѣлой накипи и вообще бѣлизны («бѣлъ, какъ кипень»). Во вторыхъ, «ярый» и «буйный» заключаютъ въ себѣ понятія кипучаго, неукротимаго, бѣшенаго, раздраженнаго; соотвѣтственно этому, въ санскритѣ *kur* — не только блистать, но и яриться, гнѣваться, слав. кыпѣти, кыпати, кыпятиться—горячиться, сердиться. Наконецъ, въ третьихъ, какъ съ словами «ярый», «ярость» нераздѣльно понятіе желанія, похоти, такъ при нашемъ «кыпѣти» находимъ лат. *cupio* ¹⁾). Допустивъ эти лингвистическія соображенія, надо будетъ призвать, что имена Куп-ало и Яр-ило обозначали одно и то же плодотворящее божество лѣта; такой выводъ, во 1-хъ, подтверждается стариннымъ свидѣтельствомъ о «безстудномъ» характерѣ купальскихъ игрищъ (см. I, 444), а во 2-хъ—тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ярославской, тверской и рязанской губ. праздникъ Купалы еще недавно называлось Яриломъ ²⁾). Согласно съ этимъ, составитель Густинской лѣтописи принималъ Купалу за бога земнаго плодородія: «Купало, якоже мню, бѣше богъ обилія, якоже у едлинъ Цересъ, емуже безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имаше настати жатва. Сему Купалу-бѣсу еще и донныи по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ, наченше іюня 23 дня, въ навечеріе

¹⁾ Исторія Росс. Соловьева, II, приложен., стр. 25—26; *Radices linguae slov.*, 42. — ²⁾ Рус. прост. празд., I, 179.

Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, священнѣе образомъ: съ вечера собираются простая чадь обоого полу и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядоваго зелія или кореніи, и препоясавшеса быліемъ возгнѣтають огонь; индѣ-же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеса за рудѣ околѣ, обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетаютъ купаломъ; потомъ чрезъ оный огонь прескакають¹⁾. По древне-позитическому представленію богъ-громовникъ кн пятитъ въ грозовомъ пламени дождевую воду, купаетъ въ ея ливняхъ небо и землю, и тѣмъ самымъ даруетъ послѣдней ея плодородіа; въ христіанскую эпоху дождащій громовникъ уступилъ свое мѣсто Іоанну-крестителю, къ имени котораго стали прилагать народное прозваніе «Купалы»: Иванъ-Купало. Эта замѣна условливалась: во 1-хъ, сопадѣніемъ праздника, посвященнаго Іоанну-крестителю, со временемъ купальскихъ игрищъ, и во 2-хъ—вліяніемъ языка, такъ какъ самое слово «купало» должно было возбуждать мысль о крестителѣ: купать — погружать въ воду, омывать тѣло, дѣлать его чистымъ, бѣлымъ, купель — сосудъ, употребляемый для крещенія, илл. *ku palo*, чеш. *ku radlo*—мовница, снкр. *kōra*—источникъ, колодец²⁾. Наравнѣ съ прочими родственными племенами, славяне при лѣтнемъ поворотѣ солнца возжигаютъ костры, совершаютъ омовенія въ рѣкахъ и источникахъ и собирають пѣлебныя травы. Костры раскладываются на открытыхъ поляхъ, по берегамъ рѣкъ и преимущественно на холмахъ и горныхъ возвышеніяхъ; въ ночь на 24 іюня, какъ скоро загорятся Ивановскіе огня, Карпаты, Судеты и Исполиновы горы представляютъ истинно-великолѣпное зрѣлище. На Руси для возженія купальскаго костра употребляется живой огонь³⁾;

¹⁾ П. С. Р. Л., II, 257; то же сказано и въ Синописисѣ. — ²⁾ Пикте, II, 268. — ³⁾ То же соблюдалось нѣкогда и въ Германіи — D. Myth., 578.

почетные старики добываютъ его треніемъ изъ дерева, и пока продолжается эта работа — собравшійся вокругъ народъ стоитъ въ благоговѣйномъ молчаніи, но какъ только огонь вспыхнетъ — тотчасъ-же вся толпа оживляется и запѣваетъ радостныя пѣсни. Дѣвцы въ праздничныхъ нарядахъ, опоясанныя чернобыльникомъ и душистыми травами, съ цвѣточными вѣнками на головахъ, и холостые юноши схватываются по-парно за руки и прыгаютъ черезъ разведенное пламя; судя по удачному или неловкому прыжку, имъ предсказываютъ счастье или бѣды, раннее или позднее супружество; сверхъ того, на Украинѣ дѣвушки пускаютъ свои вѣнки въ воду, прилѣпивъ къ нимъ зажженные восковыя свѣчи, и по этимъ плывучимъ вѣнкамъ гадаютъ о своей будущей судьбѣ. Прыганье черезъ огонь набавляетъ отъ недуговъ, злаго очарованія и безплодія ¹⁾; матери нарочно сожигаютъ на купальскомъ кострѣ снятыя съ хворыхъ дѣтей сорочки — для того, чтобы вмѣстѣ съ этимъ бѣльемъ сгорѣли и самыя болѣзни. Чтобы скотина не болѣла и чтобы коровы давали больше молока, въ Литвѣ, на Руси и въ Чехахъ принято перегонять стада черезъ Ивановскіе костры. Въ Сербіи, наканунѣ Иванова дня, пастухи зажигаютъ свѣрнутые изъ бересты факелы; съ этими факелами они обходятъ овечьи закуты и коровьи загоны, а затѣмъ складываютъ ихъ на ближайшемъ холмѣ и оставляютъ догорать въ одной общей кучѣ. Словенцы разбрасываютъ по полямъ и огородамъ пепелъ, уголья и головешки, взятые отъ Иванова костра, для того, чтобы черви и другія насѣкомыя не портили посѣвовъ и капустной разсады. Тоже самое дѣлаютъ и чехи — для предохраненія своихъ нивъ, садовъ и огородовъ отъ непогоды и града; сверхъ того, у чеховъ существуетъ обычай зажигать наканунѣ Иванова дня обмокнутыя въ деготь и мѣт-

¹⁾ По требованію свадебнаго обряда, новобрачная чета должна перѣзжать черезъ зажженные пучки соломы.

лы и бѣгать, размахивая ими по воздуху. Въ белорусскихъ деревняхъ въ ночь на Ивана-Купала вбиваютъ въ землю большой колъ, обкладываютъ его соломой и кострикой, и зажигаютъ; когда пламя разгорится, крестьянки бросаютъ въ него березовыя вѣтки и приговариваютъ: «кабы мой лёнъ былъ также великъ, какъ эта березка!» ¹⁾ Обычай творить омовеніе на разсвѣтъ Иванова дня засвидѣтельствованъ Стоглавомъ: «егда ночь мимо ходитъ (читаемъ въ этомъ памятникѣ), тогда отходятъ къ рѣцѣ (вар. къ рошцѣ) съ великимъ кричаніемъ, аки бѣснѣи, (и) омываются водою» (вар. росою). Поселяне наши не только сами купаются на этотъ праздникъ — ради здравія тѣла, но съ тою-же цѣлю купаютъ и больныхъ лошадей. Роса, выпадающая въ купальскую ночь, въ высшей степени обладаетъ живительными и цѣлебными свойствами и сообщаетъ ихъ полевымъ цвѣтамъ и травамъ. Русины умываются этой росой, дабы отогнать отъ себя злыя немощи и недуги; въ Литвѣ канунъ 24-го іюня даже называется праздникомъ росы ²⁾. По народному повѣрью, лѣкарственные травы только тогда и оказываютъ дѣйствительную помощь, когда будутъ сорваны на Иванову ночь, или на утренней зорѣ Иванова дня — прежде, чѣмъ обсохнутъ на нихъ роса. Изстари и донынѣ ночь на Ивана Купала почитается лучшимъ въ году временемъ для сбора цѣлебныхъ травъ, цвѣтовъ и кореній (см. выше стр. 429, 629); сорванные тогда цвѣты и травы, называемые въ виленской губ. свято-янскимъ зельемъ, сохраняются въ семьяхъ, какъ нѣкая святыня; въ случаѣ надобности, ими окуриваютъ больныхъ, а

¹⁾ Сахаров., II, 39; Рус. прост. празд., IV, 34; Терещ., V, 54; Вѣст. Евр. 1818, XXI, 54; 1819, XIII, 42—45; Украин. Вѣстн. 1824, XII, 318—324; Рус. Сл. 1860, V, 37; Ганушъ, 187; Срирѣччя, 215—6; Иличъ, 156, 164—6; День 1864, 43. — ²⁾ Рус. прост. празд., IV, 37—38; Сахаров., 38—39, 101.

во время грозы ихъ бросаютъ въ затопленную печь, чтобы предохранить домъ и надворныя строенія отъ удара молніи ¹⁾). Съ тою-же цѣлю чехи зарываютъ подъ порогомъ избы и затыкаютъ за стрѣхи сбереженные отъ Ивановскаго костра головки и уголья, или—какъ только начнется гроза—жгутъ на шесткѣ частицы купальскихъ вѣнковъ; сербы вѣшаютъ эти вѣнки подъ кровлями домовъ и въ хлѣбахъ, для защиты отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ, а болгары кладутъ ихъ въ кадыльницу и окуриваютъ болящихъ ²⁾).

Въ половинѣ іюня полуденное солнце достигаетъ высочайшей точки на небѣ, дни становятся наиболѣе-продолжительными, и наступаетъ пора томительнаго зноя; на этой вершинѣ оно остается въ теченіи нѣсколькихъ дней, называемыхъ днями лѣтняго солидестоянія, а затѣмъ, поворачивая на зимній путь, начинаетъ все ниже и ниже спускаться по небесной горѣ. У нашихъ поселянъ іюнь-мѣсяцъ слыветъ макушкою лѣта, а шведы соединяютъ съ нимъ названіе *midsofstag* (средня лѣта; *midsommersnigt* — Иванова ночь). Болгары увѣряютъ, что на Ивановъ праздниѣ солнце пляшетъ, кружится и вертитъ саблями, т. е. разбрасываетъ яркіе, пламенные лучи; по выраженію русскаго народа, оно играетъ тогда, пляшетъ и мечется во всѣ стороны ³⁾. Въ Силезіи дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, именуемыя *złocięta*, и выходятъ на утренней зорѣ въ поле,

¹⁾ Рус. прост. праздн., IV, 31—33; Терещ., V, 73, 87; Сахаров., I, 43; II, 41; Украина. Журн. 1824, XII, 318—9; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 274; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 84—85; Рус. въ св. посл., IV, 32—33; Шафонскаго: Топограф. описаніе черниговск. намістничества, 31; Ч. О. И. и Д., годъ 1, IV, 60; Оп. Румян. Муз., 551: „въ Ивановскую ночь... на травы парится въ баняхъ, и травы рвутъ и кореніе копаютъ“ (изъ сборника прошлаго столѣтія). — ²⁾ Каравел., 234; Beiträge zur D. Myth., II, 395. —

³⁾ Каравел., 234; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 107; 1857, IV, 274.

раскладывают ихъ на бѣломъ убрусѣ и причитываютъ: «gгај, sđoñce, gгај, tutaj sđ твој sđoñczeta!» ¹⁾ Въ сербской пѣснѣ играющее солнце противопоставляется пасмурному, похолому ²⁾. Лѣтнее солнцестояніе сербы и словенцы объясняютъ тѣмъ невольнымъ страхомъ, какой должно чувствовать это свѣтло — прежде, чѣмъ двинется въ далекое зимнее странствованіе: Ивановъ день (говорятъ они) — такой великой праздникъ, что «на њега сунце на небу трипут (тремякратно) од страха стане» ³⁾. Когда наступали томительныя жары и грозили полямъ и нивамъ засухю, а стадамъ и людямъ зловредными испареніями (заразою),—индусы ведійской эпохи обращались съ мольбою къ Индрѣ, призывая этого всемогущаго бога сорвать съ небесной вершины солнечное колесо и погасить его палящіе лучи въ дождевыхъ потокахъ. Такимъ образомъ поворотъ солнца на зиму былъ признанъ за одинъ изъ благотворныхъ подвиговъ бога-громовника, и на Ивановскомъ празднествѣ сталъ обозначаться скатываніемъ съ горы въ воду обмазаннаго смолою и зажженнаго колеса: обрядъ, и донныѣ совершаемый славянами и нѣмцами (I, 208—212 ⁴⁾). У словенцевъ сохранилась слѣдующая любопытная пѣсня, которую поютъ при лѣтнемъ поворотѣ солнца:

Tužilo se žarko sunce
 Sa vedra neba,
 Tužilo se svetom Ivi
 Na dan Ivanja,
 Da ga vila dvorit neče
 S hladjanom vodom ⁵⁾.
 Al' govori sveti Ivo
 Na dan Ivanja:

¹⁾ Ганушъ, 176. — ²⁾ Срп. в. пјесме, I, 486. — ³⁾ Срп. рјечник, 215; Гласник срп. друштва 1867, V, 104—5; Иличъ, 166. — ⁴⁾ День 1864, 43. — ⁵⁾ Не хочетъ услужить ему (=омыть его) холодной водою.

«Stan de, sunce, do tri puta
 Na dan Ivanja;
 Dojt če tebi mlade dive
 S hladjanom vodom,
 S hladjanom če te vodom dvorit
 Na dan Ivanja,
 S vinci če ti zlatne kose
 Lipo kititi.»

По болгарскому повѣрью, солнце на Ивановъ день не знаетъ предстоящей ему дорогѣ, а потому яляется дѣва и ведетъ его по небу ¹⁾. Эта дѣва — богиня Зоря, которая каждое утро умываетъ солнце росой и открываетъ путь его свѣтзарной колесницѣ, и которая (какъ мы знаемъ) постоянно отождествлялась съ богиней лѣтнихъ грозъ; словенская пѣсня замѣняетъ ее вилую (сравни преданія о солнцевыхъ дѣвахъ — I, 82—85). То дѣятельное участіе, какое приписывали боугромовнику въ поворотѣ солнца, ярко отразилось во всѣхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, относящихся къ этому времени. Иванова ночь исполнена чудеснаго и таинственнаго значенія: въ эту ночь всточники и рѣки мгновенно превращаются въ чистое серебро и золото, папоротникъ разцвѣтаетъ огненнымъ цвѣтомъ, подземныя сокровища выходятъ наружу и загораются пламенемъ, деревья движутся и ведутъ между собой шумную бесѣду, вѣдьмы и нечистые духи собираются на лысой горѣ и предаются тамъ неистовому гульбищу ²⁾. Всѣ эти повѣрья возникли изъ древне поэтическихъ выраженій, какими народная фантазія живописала лѣтнія грозы. Призванный повернуть солнцево колесо и освѣжить удушливый воздухъ, Перунъ совершаетъ этотъ подвѣгъ во иракѣ ночи, т. е. облагаетъ небо тучами и превращаетъ ясный день въ непроглядную ночь; поэтому и самое празднованіе поворота солнца про-

¹⁾ Иличъ, 162—3; Каревел., 234. — ²⁾ Рус. Вѣст. 1857, III, 117.

исходить въ ночное время. На потемнённомъ небѣ загораются молніи, или выражаясь метафорически: раздвѣтаютъ огненные цвѣты; облака и тучи, эти дожденосвые источники и рѣки, озаряются блескомъ грозового пламени; бурные вихри потрясаютъ дубравы, въ шумѣ и трескѣ которыхъ слышатся чловѣку невѣдомые голоса; удары грома разбиваютъ облачныя горы и открываютъ затаённое въ ихъ подземельяхъ золото солнечныхъ лучей; стихійные духи затагиваютъ дикія пѣсни и увлекаются въ быструю, бѣшеную пляску. Костры, разводимыя на Иванову ночь, могли служить эмблемами не только знойнаго іюньскаго солнца, но и возжигаемаго Перуномъ грозового пламени; это доказыаается: во 1-хъ тѣмъ, что угольямъ и головнямъ, взятымъ отъ купальскаго костра, приписывается сила и свойства громовой стрѣлки, и во 2-хъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи купальскій костеръ замѣняется кучею крапивы, каковая замѣна стоитъ въ несомнѣнной связи съ представленіемъ молніи жгучею травою. Словенцы, во время засухи, втыкаютъ въ заборъ Ивановскую головешку, съ увѣренностью, что она вызоветъ дождь ¹⁾. Рядомъ съ скатываніемъ огненнаго колеса въ рѣку, топями въ ней и самаго Купала. Въ Малороссіи удѣлялъ слѣдующій обрядъ: наканунѣ Иванова дня дѣлаютъ изъ соломы идола Купала — иногда величиной съ ребенка, а иногда въ настоящій ростъ чловѣка, надѣваютъ на него женскую сорочку, плахту, монеты и вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Тогда-же срубаютъ дерево (преимущественно: чернокленъ, вербу или тополь), обвѣшиваютъ его лентами и вѣнками и устанавливаютъ на избранномъ для игрища мѣстѣ. Дерево это называютъ Мареною; подъ нимъ ставятъ наряженную куклу, а подлѣ нея столъ съ разными закусками и горѣлкою. Затѣмъ зажигаютъ костеръ и начинаютъ прыгать черезъ него попарно (молодець

¹⁾ Иличъ, 165.

съ дѣвицею), держа въ рукахъ купальскую куклу; игры и пѣсни продолжаются до разсвѣта. На другой день кунду и Марену приносятъ къ рѣкѣ, срываютъ съ нихъ украшенія и бросаютъ ту и другую въ воду. На праздникѣ возглашается обрядовая пѣсня:

Ходыли дивочки коло Мариночки,
Коло моего вудола Купала.
Гратеме сонечко на Йвана!
Купався Иванъ, та въ воду упавъ;
Купало на Йвана!

Чехи (около Эгера) ставятъ на возвышенномъ мѣстѣ вырубленную въ лѣсу смолистую ёлку или сосну, убранную вѣнками, цвѣтами и красными лентами; вокругъ нея накладываютъ и зажигаютъ вечеромъ кучу хворосту и другихъ горючихъ матеріаловъ, и какъ только вспыхнетъ пламя — парни бросаются къ Иванову дереву и лѣзутъ на него доставать вѣнки и ленты. Перунъ-оплодотворитель (Ярило) и Лада, богиня зори (= просвѣтленнаго солнца) и лѣтнихъ грозъ, принимали равное участіе въ жизни природы и чествовались нашими предками, какъ нераздѣльная божественная чета. Литовцы и лётты, сходясь на купальское празднество, славили Ладу ¹⁾ и приносили ей въ жертву бѣлаго пѣтуха; ту же богиню призываютъ въ своихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и карпаторуссы ²⁾. Возлѣ Купала, слившагося въ христіанскую эпоху съ Іоанномъ-крестителемъ, — въ нашихъ преданіяхъ выступаетъ Купалъница, имя которой сдѣлалось эпитетомъ св.

¹⁾ Lada, Lada, dido musu deve!—Лада, Лада, великая наша богиня! — ²⁾ Вѣстн. Р. Г. О. 1857, IV, 271; Терещ., V, 56, 68, 73; Рус. прост. праздн., IV, 21; D. Myth., 589. По свидѣтельству автора „Абелеги русскихъ суевѣрій“ (стр. 2), жюрики (недалеко отъ Петербурга) собирались наканунѣ Иванова дня подъ старомъ липомъ, разводили огонь и при пляскахъ сожигали бѣлаго пѣтуха.

Аграфены, такъ какъ память этой послѣдней празднуется на 23-е июня. Собственно-же Лада сѣѣнилась въ воззрѣніяхъ народа Пречистой Дѣвою Марією, которую сербы называютъ огива Марія, хорутане — свеѣпа Магіје, лужичане — svečkovnica. Въ Переславлѣ Залѣскомъ есть храмъ Пресв. Богородицы, именуемой мѣстными жителями Купальницею. Народныя причтанія и колядки приписываютъ Богородицѣ выпосыланіе дождя и воздѣлываніе пашней. 24-го июня, при восходѣ солнца, бѣлоруссы собираются у пылающихъ костровъ и смоляныхъ бочекъ и поютъ слѣдующую пѣсню:

Иванъ да Марья
 На горѣ купались;
 Гдѣ Иванъ купанся —
 Берегъ голыхався,
 Гдѣ Марья купалась —
 Трава расцвѣталась,

т. е. Перуя и Лада купались въ дождевыхъ потокахъ, на небесной горѣ, при чемъ первый потрясалъ землю громовыми раскатами, а послѣдняя растила на поляхъ травы. Что именно таково значеніе приведенныхъ стиховъ, это подтверждается другою купальскою пѣсней, въ которой разсказывается: какъ «въ озерѣ самъ Богъ купався съ дѣтками-судитками» (II, 477). День Аграфены купальницы посвящается собиранію лѣкарственныхъ травъ; изъ числа этихъ зелій особеннымъ уваженіемъ въ народѣ пользуются купаленка или купальница (*trolius europaicus*, желтоголовъ) и цвѣтокъ Иванъ да Марья (*melampyrum nemorosum*, нѣм. tag und nacht): крестьяне парятся на нихъ въ баняхъ, дабы смыть съ себя худобу и болѣзни. Съ тѣми-же именами Ивана и Марьи соединяетъ купальская пѣсня и уборку хлѣба:

Ой! чіе то жито пядь гору стояло?
 Иванкове жито пядь гору стояло,
 Пядь гору зелененько, по мѣсяду видненько.

Молода Маричка ходить жито жати:

„Молодой Иванко! не вию я жать“.

—Якъ я тебе визьму, жито жати научу! ¹⁾

Случайное созвучіе имени Маріа съ словомъ Марена (=Зима, Смерть) повело къ смѣшенію связанныхъ съ ними представлений; такая ошибка произошла тѣмъ легче, что, по требованію стародавняго культа, въ началѣ весны топили чучело Марены, а при лѣтнемъ поворотѣ солнца таже судьба постигала Ладу. Вотъ почему зеленое дерево, служившее эмблемою Лѣта, на Ивановомъ праздникѣ бросается въ воду и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ названіе Марены. Хотя народъ и продолжаетъ по преданію совершать купальскіе обряды, во давнымъ-давно утратилъ живое ихъ пониманіе и постоянно смѣшиваетъ Купала съ Купальницею. Мы видѣли, что куклу, называемую Купалою, наряжаютъ въ женскіе уборы; въ харьковской же губ. кукла эта извѣстна подъ именемъ Марены ²⁾. У бѣлоруссовъ, съ разсвѣтомъ Иванова дня, крестьянки выбираютъ изъ своей среды самую красивую дѣвушку, обнажаютъ ее и опутываютъ съ ногъ до головы гирляндами изъ цвѣтовъ; затѣмъ отправляются въ лѣсъ, гдѣ Дзѣвко-Купало (такъ называютъ избранную дѣвушку) обязана раздавать своимъ подругамъ заранѣе-приготовленные вѣнки. Къ этой раздачѣ она приступаетъ съ завязанными глазами — въ то время, какъ вокругъ нея движется веселый дѣвичій хороводъ. Смотря по тому, какой вѣнокъ кому достанется, заключаютъ о своей будущей судьбѣ; свѣжій вѣнокъ сулитъ богатую и счастливую жизнь замужемъ, а вѣнокъ сухой, увядшій — бѣдность и несчастливый бракъ: «счастья-доли не бачить ей, жить у недо-

¹⁾ Сахаров., II, 36, 40, 85; Украин. Журн. 1824, XII, 318 — 324; Терещ., V, 74—83; VI, 194; Рус. прост. праздн., III, 11; IV, 30—33, 39—40, 49; Пассекъ, I, 100—9; День 1864, 43. — ²⁾ Археолог. Вѣстн. 1867, III, ст. Потебни, 97.

ли!»¹⁾ Наоборотъ, срубленное дерево принимается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за самаго Купалу: на Волини и Подолѣ дѣвщцы приносятъ убранныя цвѣтами вербу, устанавливаютъ ее въ землю, и вокругъ этого дерева, называемаго Купайлошъ, водятъ хоромодъ и поютъ жалобныя пѣсни; между тѣмъ собираются парни, и выждавъ время, вступаютъ въ притворную борьбу съ хоромодомъ, овладѣваютъ вербою и рвутъ ее на части²⁾. Въ этомъ обрядѣ кроется мысль о начинающемся, послѣ лѣтняго поворота солнца, замираніи плодотворящихъ силъ природы; богиня-Солнце, пускаясь въ зимнюю дорогу, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе теряетъ свою царственную власть надъ міромъ: дни сокращаются, ночи увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа близится къ старости и увяданію. Въ лѣтніе жары народъ призывалъ громовника погасить пламя солнечныхъ лучей въ разливѣ дождевыхъ потоковъ; но самое это погашеніе должно было напоминать древнему человѣку аналогическія представленія Ночи, съ приходомъ которой дневное свѣтило тонетъ въ волнахъ всемірнаго океана, Зимы, которая погружаетъ его въ море облаковъ и тумановъ, и наконецъ Смерти, которая гаситъ огонь жизни. Прибавимъ къ этому, что на пути въ загробный міръ, усопіе, по мнѣнію нашихъ предковъ, должны были переплывать глубокія воды. Мысль о замирающихъ силахъ природы особенно-наглядно выражается въ тѣхъ знаменательныхъ обрядахъ, которые еще недавно совершались на Всесвятской недѣлѣ или въ первое воскресеніе послѣ Петрова дня, празднуемаго 29-го іюня, и были извѣстны въ нашемъ народѣ подъ названіемъ похоронъ Костромы, Лады и Ярила. По всему вѣроятію, обряды эти принадлежали въ старину къ купальскимъ играмъ; но такъ-какъ по своему вакланальному

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 13—15. — ²⁾ Рус. прост. предач., IV, 30.

характеру они должны были вызывать постоянные протесты со стороны духовенства, входившаго подобное «безстудіе» несоответствующимъ святости поста и церковнаго праздника, то и были перемѣщены на другіе дни. Сверхъ того, съ именемъ апостола Петра суевѣрный народъ связывалъ свои старинныя представленія о богѣ-громовникѣ (II, 403); а потому и купальскія игрища легко могли приурочиваться ко времени около Петрова дня. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вечеромъ наканунѣ 29-го іюня крестьяне зажигаютъ костры, а на утро слѣдующаго дня наблюдаютъ игру восходящаго солнца ¹⁾. Походы Костромы въ пензенской и симбирской губ. совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвцы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ поклонами, клали ее на доску и съ пѣснями несли къ рѣкѣ; тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвующихъ въ обрядѣ сгибала изъ лубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; напоследокъ возвращались въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Въ муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка: Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а соломѣ топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывая лица свои руками и какъ-бы оплакивая

¹⁾ Сахаровъ, II, 41; Рус. прост. правд., IV, 66—67; Вѣст. Евр. 1821, III, 198—9.

смерть Костромы. / Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только из соломы, но также из сорных трав и прутьевъ, и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово кострома означаетъ: пруть, розгу и растущія во ржи сорныя травы; костра, кострець, костёръ, костера — трава метлица, костерь, костеря — жесткая кора растеній, годныхъ для пражы, кострыка — крапива, кострубый (кострубатый) — шероховатый, въ переносномъ смыслѣ: придирчивый, задорный ¹⁾. Напомнимъ, что пруть, крапива, колючія и цѣпкія травы принимались за символы Перуновыхъ молній. Въ Малороссіи соломенная кукла, которую хоронили въ первый поведѣльникъ Петровки, называлась Кострубомъ, и обрядъ ея похоронъ сопровождался печальною пѣсней:

Померь, померь Кострубонько,
Сивый, милый голубонько!.. ²⁾

Подобный-же обрядъ въ саратовской губ. называется проводами Весны: 30-го іюня дѣлаютъ соломенную куклу, наряжаютъ ее въ кумачный сарафанъ, ожерелье и кокошникъ, носятъ по деревнѣ съ пѣснями, а потомъ раздѣваютъ и бросаютъ въ воду. Ярилово празднество отличалось тѣмъ же характеристическими чертами. Въ Воронежѣ толпы народа съ раннаго утра сходились на городской площади и съ общаго согласія опредѣляли: кому изъ присутствующихъ быть представителемъ Ярила; по разрѣшеніи этого важнаго вопроса, — избраннаго облакали въ пестрое, разноцвѣтное платье, убирали

¹⁾ Обл. Сл., 91; Доп. обл. сл., 90; Географ. извѣст. за 1850 г., II, ст. Кавелин., 9; Старосл. Банд., 372; Толк. Слов., I, 783. Въ саратовской губ. костромою называется куча соломы, сожигаемая подъ Новый годъ—Терещ., VII, 116. — ²⁾ О Кострубѣ, по словамъ О. Миллера, есть въ Малороссіи пѣсни съ неудобными для печати подробностями—Ж. М. Н. П. 1867, стат. 2-я, 637.

дѣтями и лентами, навѣшивали на него колокольчики и бубенчики, на голову надѣвали ему раскрашенный бумажный колпакъ съ пѣтушьими перьями, а въ руки давали колотушку, которая изстари принималась за эмблему громовой палицы (I, 441—3). Шествіе Ярила возвѣщалось барабаннымъ боемъ: обходя площадь, онъ пѣлъ, плясалъ и кривлялся, а слѣдомъ за нимъ двигалась шумная толпа. Народъ предавался полному разгулу, и послѣ разныхъ игръ, сопровождаемыхъ пѣснями, музыкой и плясками, раздѣлялся на двѣ стороны и начиналъ кулачный бой — стѣна на стѣну. Въ Костромѣ горожане сходились на площадь, избирали старика, одѣвали его въ рубище и вручали ему небольшой гробъ съ куклою, которая изображала Ярила и нарочито дѣлалась съ огромнымъ дѣтороднымъ удомъ. Затѣмъ отправлялись за городъ; старикъ несъ гробъ, а вокругъ него шли женщины, причитывая нараспѣвъ похоронныя жалобницы и жестами своими старались выразить скорбь и отчаянье. Въ полѣ вырывали могилу, хоронили въ ней куклу съ плачемъ и воемъ, и тотчасъ-же начинали игры и пляски, напоминая зычскую тризну. Въ Малороссіи соломенное чучело Ярила приготавливалось совѣмъ и естественными принадлежностями и мужскаго пола; куклу эту клали въ гробъ и по захожденіи солнца выносили на улицу. Пьяныя бабы подходили къ гробу, плакали и печально повторяли: «померъ онъ, померъ!» Мужчины подымали и трясли куклу, какъ-бы стараясь разбудить усопшаго Ярила, и потомъ замѣчали: «эге, баба не брешет! вона знае, що їй солодче меду.» Бабы продолжали горевать и причитывать: «якій же винъ бувъ хорошій!.. Не встане винъ більше! о якъ-же намъ растанатися съ тобою? и що за жизнь, коли непа тебе? Приподинимся хоть на часочкы! но винъ не встаетъ и не встане...» Когда Ярило былъ уже достаточно улаженъ и оплаканъ, куклу его зары-

вали въ могилу ¹⁾. Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ видятъ въ именахъ Купала, Ярила, Костромы только вызваніи лѣтнихъ праздниковъ, и ничего болѣе. Но если принять въ соображеніе, что фантазія младенческихъ народовъ любила свои представленія облекать въ живые, пластическіе образы, что это было существенное свойство ихъ мышленія и міросозерцанія, что самыя времена года казались уму древняго чело-вѣка не отвлеченными понятіями, а дѣйствительными боже-ствами, посѣщающими въ извѣстную пору дольний міръ и творящими въ немъ тѣ перемѣны, какія замѣчаются въ жизни, цвѣтеніи и замираніи природы; то несостоятельность вышеука-заннаго мнѣнія обнаружится сама собою. Изъ приведеннаго нами описанія праздничныхъ обрядовъ очевидно, что народъ еще недавно представлялъ Купала и Ярила, какъ существа живыя, чело-вѣко-подобныя, и въ этомъ нельзя не признать отголоска глубочайшей древности, когда поэтическое чувство господствовало надъ мыслию чело-вѣка.

Послѣ Иванова дня поселянинъ начинаетъ слѣдить за тѣми знаменіями, которыя пророчатъ ему о грядущей снѣгъ лѣта зимою. Къ концу іюня замолкаютъ кукушка, соловей и другія пѣвчія птицы; такъ какъ это случается около того времени, когда въ поляхъ колосится хлѣбъ, то о замолкшей кукушкѣ крестьяне выражаются, что она подавилась житнымъ колосомъ; малоруссы говорятъ: «соловейко вдавился яч-ининимъ колоскомъ, а зозуля мандрикою» ²⁾. Съ сентяб-ри начинается отлетъ птицъ въ теплыя страны или виріи; о ласточкахъ рассказываютъ, что въ первый день этого мѣсяца онѣ ирчутся въ колодцы, т. е. улетаютъ въ рай (= цар-ство вѣчнаго лѣта), лежащій по ту сторону облачныхъ источ-

¹⁾ Сахаровъ, II, 42, 91—93; Терещ., V, 100—4; Рус. прост. празд., I, 234; IV, 51—65; Рус. Бес. 1856, III, 105; Труды владим. стат. ком. 1867, VII, 29. — ²⁾ Мандрики—ватрушки, которыя пекутся въ Петрову дню.

никовъ. Въ тотъ-же день крестьянки хоронятъ мухъ и таракановъ въ гробахъ, сдѣланныхъ изъ свекловицы, рѣпы или моркови, чѣмъ символически обозначается оцѣпенѣніе этихъ наѣтковыхъ на все время зимы. 14-го сентября зѣмь уползаютъ въ вѣрїи, или-же собираются въ ямахъ, свертываются въ клубки и засыпаютъ зимнимъ сномъ¹⁾. Мало по малу увеличиваются холода, трава увядаетъ, съ деревьевъ опадаютъ листья, и наконецъ является суровая Зима, налагаетъ на весь міръ свои оковы, стелетъ по водамъ ледяные мосты, землю одѣваетъ въ бѣлоснѣжный саванъ и вынускаетъ изъ адскихъ подземелій вереницы вьюгъ, вѣтелей и морозовъ.

Если съ поворотомъ солнца на зиму соединилась мысль озаміраніи творческихъ, плодотворящихъ силъ природы, то съ поворотомъ этого свѣтила на лѣто необходимо должна была соединиться мысль о ихъ возрожденіи, на что и указываютъ обряды донынѣ совершаемые во время Рождественскихъ Святковъ — на такъ называемомъ праздникѣ Коляды. Коля(е)-да, пол. *kolęda* = латин. *calendae* — собственно: первое въ каждомъ мѣсяцѣ число, по которому ведется счетъ и предшествующимъ ему днямъ съ половины или точнѣе—послѣ идъ предыдущаго мѣсяца; въ послѣдствіи слово это стало по преимуществу употребляться для обозначенія январскихъ календъ (съ 14 декабря по 1 января включительно), какъ исходнаго пункта, съ котораго начинается годъ, и затѣмъ уже въ средніе вѣка перешло въ названіе святочныхъ игрнщъ: фран. *chaleudes*, прован. *calendae*, нижненѣм. *kaland*. Къ намъ оно проникло изъ Византіи, вмѣстѣ съ отреченными книгами, и согласно съ звуковыми законами славянскаго языка измѣнилось въ коляду. Никифоръ Омологета, жившій въ IX вѣкѣ, въ опроверженіи своемъ ложныхъ писаній говоритъ, что не должно

¹⁾ Послов. Далъ, 988, 995—6; Номис., 282; Сахаровъ, II, 50—52; Киев. Г. В. 1850, 22.

держатъ у себя βροντολόβια и χαλανδολόβια (въ древне-славянскомъ переводѣ: грошниковъ и колядниковъ—см. стр. 607 ¹⁾). Коричная книга по списку 1282 года, приводя правило запрещающее колядскіе обряды, присоединяетъ такое толкованіе: «каланди соуть първіи въ коемъждо мѣсяци днѣ, «въ нитъ-же обычай бѣ елиномъ творити жертвы, и въ таже «евроуманія елиньстѣи бѣаху праздници; вроумъ бо пореклъ «естъ Діонисово, и иная вся яже соуть идольская прѣлести «и соуетьства отнещюще святіи отъ вѣрныхъ житіи, возбра- «няють крестьяномъ таковая творити... и не повелѣвають «смоужемъ облачатися въ женьскыя ризы, ни женамъ въ «смоужьскыя, еже творять на праздники Діонисовы пляшуще, «ни лицъ же восматыхъ възлагати на ся, ни козлвхъ, ни са «стоурьскыхъ... яже нынѣ творять селяне, не вѣдоуще что «творять» ²⁾). На тождество рус. коляды съ латин. calēp. дае указаль еще Яковъ Гриммъ ³⁾, и нельзя не удивляться, что изслѣдователи наши какъ-будто не замѣтили этого простаго объясненія и постоянно придумывали свои собственные производства, основанныя на бесплодной игрѣ созвучій ⁴⁾). Когда наступали самыя короткіе дни и самыя длинныя ночи въ году, древній человекъ думалъ, что Зима побѣдила солнце, что оно одряхлѣло, утратило свою лучезарность и гото-

¹⁾ Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861, 29—32; Рус. прост. праяд., II, 5. — ²⁾ Ист. Христом. Бусл., 382—3. — ³⁾ D. Myth., 594. — ⁴⁾ Г. Гедеоновъ сближаетъ коляду съ греч. χαλή φάη—Зап. Инп. Ак. Н. 1862, II, кн. 2, 173; Дм. Щепиницъ видитъ въ этомъ словѣ кол-ѣдъ (вокругъ ѣдущій) или кол-ѣдѣ (круговая яства)—Объ источн. и формахъ рус. баснословія, II, 64; г. Везосновъ подозреваетъ здѣсь колоду (зажженный пень)—Балъки Пер., IV, 46; г. Костомаровъ производитъ коляду отъ слова коло (колесо)—Слав. мнѣ., 99; г. Соловьевъ узнаываетъ въ слезыма: коло Лада, ко-Ладу—Архивъ ист.-юр. свѣд., I, 29, и такъ дал.

вися умереть, т. е. погаснуть. Но торжество злыхъ свѣтъ продолжается не далѣе 12-го декабря—день, въ который солнце поворачиваетъ на лѣто и который поэтому слыветъ въ народѣ поворотомъ, поворотанкомъ и солоноро-ротомъ ¹⁾. Какъ на Ивана Купала Солнце, по русскому повѣрью, выѣзжаетъ въ колесницѣ на серебряномъ, золотомъ и алмазномъ коняхъ, такъ и теперь наряженное въ празднич-ный сарафанъ и кокошникъ — оно садится въ телѣгу и направляетъ своихъ коней на лѣтнюю дорогу ²⁾. Народъ со-четалъ съ этой древней богиней имя Коляды, и прославляя въ обрядовой пѣснѣ выѣздъ Солнца на лѣто, употребляетъ слѣдующее выраженіе: «ѣхала Коляда въ малеваномъ возочку, на вороненькомъ конечку» ³⁾. Въ прежніе годы существовалъ даже обычай возить Коляду, которую представляла нарочно-избранная дѣвушка, одѣтая въ бѣлую сорочку ⁴⁾. Отсюда становится понятнымъ, почему составители старинныхъ хроникъ причисляли Коляду къ сонму языче-скихъ боговъ и въ обрядахъ колядскаго праздника усматри-вали слѣды идолослуженія. Послѣ зимняго поворота, солнце мало по малу начинаетъ брать верхъ надъ демонами мрака: по

¹⁾ Въ Иллюстраціи 1847 года (стр. 253—4) напечатано преда-ніе, будто бы въ XVI—XVII стол. звонарный староста московска-го Успенскаго собора два раза въ году обязанъ былъ являться предъ царскія очи: 12-го декабря—съ докладомъ, что „отселъ воз-вратъ солнцу съ зимы на лѣто, день прибываетъ, а ночь умалает-ся“, и за такую радостную вѣсть государь жаловалъ ему 24 сере-бряныхъ рубля; 12-же іюня—съ докладомъ, что „отселъ возвратъ солнцу съ лѣта на зиму, день умалается, а ночь прибываетъ“, и за эту печальную вѣсть старосту запирали на 24 часа въ темную палатку на Ивановской колокольнѣ. Преданіе это не подтверждает-ся ни дворцовыми расходными книгами, изъ которыхъ записывалась всякая царская награда, ни другими письменными свидѣтельствами того времени. — ²⁾ Сахаровъ, II, 68—69. — ³⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 98. — ⁴⁾ Сахаровъ, II, 69.

народному выраженію, день къ Новому году прибавляется на курный шагъ или на гусиную лапку ¹⁾, а въ началѣ февраля лучи солнечные уже «нагрѣваютъ у коровы одинъ бокъ», почему крестьяне и называютъ февраль-мѣсяцъ бокогрѣемъ ²⁾. Въ этомъ переходѣ отъ постепенной утраты и постепенному возрастанію свѣтоносной силы солнца предкъ наши ввѣли его возрожденіе или воскресеніе (= возженіе солнцева свѣтлыника—I, 187-8) и въ честь столь радостнаго событія, совершавшагося на небѣ, зажигали по городамъ и селамъ костры. Такъ какъ около того-же времени христіанскія правила установили праздновать Рождество Спасителя, называемаго въ церковныхъ пѣсняхъ «праведнымъ солнцемъ, пришедшимъ съ востока» ³⁾, то древле-языческой праздникъ рождающемуся солнцу и былъ приуроченъ къ Рождественскимъ Святкамъ; по мѣтнію народа, высказанному въ его обрядовой пѣснѣ, Коляда нарождается наканунѣ Рождества ⁴⁾. Къ этому необходимо добавить, что, вѣстѣ съ перенесеніемъ новолѣтія на 1-е января, мысль о нарождающемся новомъ годѣ весьма удачно совпала съ стариннымъ мнѣмъ о рожденіи солнца, движеніемъ и поворотахъ котораго опредѣляется обычная смѣна временъ. Замѣтвмъ, что еще у римлянъ праздникъ *patales solis in victi* совершался въ январскія календы ⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи удержалось обыкновеніе раскладывать по берегамъ рѣкъ костры — въ ночь на 12-е декабря; вообще-же паленію костровъ посвящаютъ у насъ нечи на Рождество Христово, на Новый годъ и Крещеніе. Во время

¹⁾ Послов. Даля, 970, 1002; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 100; *Weihnachten in Schleswig-Holstein*, Гандельманна, 35. — ²⁾ Сахаров., II, 8—9; Рус. въ св. послов., IV, 24. — ³⁾ На родинахъ, ставя на столъ кашу, поютъ тропарь: «Радуйся, благодатная Богородице Дѣво! въ тебе бо явде солнце правды—Христосъ, Богъ нашъ». — ⁴⁾ Терещ., VII, 57; Малицъ, VIII, 63. — ⁵⁾ Зб. М. Н. П. 1838, т. XX, 340, Проппаевъ, IV, 137.

Рождественской заутрени почти по всѣмъ городамъ и селамъ жгутъ у церкви смоляныя бочки. На Украинѣ, начиная съ 25-го декабря, крестьяне цѣлую недѣлю не выкидываютъ изъ избы сора, а тщательно собираютъ его въ одну кучу; на Новый же годъ, передъ самымъ восходомъ солнца, выносятъ соръ въ садъ и зажигаютъ — съ твердою увѣренностью, что оживленные дѣйствіемъ этого огня деревья принесутъ на будущее лѣто обильные и вкусныя плоды. Нѣкоторые хозяева собираютъ соръ въ продолженіи цѣлаго года и зажигаютъ его на дворѣ или въ саду наканунѣ Рождества Христова ¹⁾. У сербовъ, кроатовъ и далматинцевъ канунъ Рождества называется бадъи дан (бадній день) отъ слова бадъак ²⁾, означающаго сырую дубовую колоду, сожигаемую въ это время на домашнемъ очагѣ, а самое Рождество — Божи ѣ (сынъ божий, новорожденный божественный младенецъ). На бадній день сербъ-домохозяинъ (домашин) отправляется въ лѣсъ, прискиваетъ молодой дубъ, вырубаетъ изъ него колоду и привозитъ ее на свой дворъ; въ Герцеговинѣ для этой перевозки употребляютъ шесть или восемь воловъ. Какъ только смеркнется, хозяинъ вноситъ колоду въ избу, и обращаясь къ домочадцамъ, пріѣтствуетъ ихъ: «добар вече ³⁾ и честит ⁴⁾ вамъ бадъи дан!» Ему отвѣчаютъ: «дао ти Богъ добро сретъи и честити! ⁵⁾ Принесенную колоду обмазываютъ по краямъ медомъ, посы-

¹⁾ Молодикъ 1844, 101. — ²⁾ Г. Потебня производитъ бадъианъ отъ сивр. badh—бить (слав. бодать, литов. badyti; сравня колотъ и колода)—Ч. О. И. и Д. 1865, II, 1; а г. Лавровскій (ibidem 1866 г., II, 15), оспаривая это производство, указываетъ на др.-славян. корень бѣд (бѣд-ѣти, боудити) и соединяетъ со словомъ бадьякъ понятие пробужденія, бодрствованія: въ исходѣ декабря солнце пробуждалось отъ зимняго сна—загоралось новымъ пламенемъ и выступало на лѣтнюю дорогу. — ³⁾ Вечеръ. — ⁴⁾ Счастливый. — ⁵⁾ Въ Черногоріи принято отвѣчать: „и с тобомъ заедно сретно и честито!“

наютъ зерновымъ хлѣбомъ и кладутъ въ печь на горячій уголь. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, кромѣ большаго бадняка, возлагаютъ на огнище еще пять меньшихъ, называемыхъ баднячица или блажена палица. Вслѣдъ затѣмъ хозяйка устилаетъ полъ соломою и разбрасываетъ по ней орѣхи. Послѣ ужина поютъ и веселятся, а на разсвѣтъ слѣдующаго дня стрѣляютъ изъ ружей. Первый гость, который пойдетъ въ избу на Рождественскій праздникъ, называется положейникомъ или полазникомъ; ему приписываютъ и всѣ радости, и всѣ бѣды, какія выпадаютъ на долю хозяевъ и ихъ семьи въ теченіи цѣлаго года. Поэтому всякій домашніи заранее избираетъ себѣ въ положейники такого знакомаго, о которомъ думаетъ, что онъ навѣрно принесетъ ему счастье; слѣдую общепринятому обычаю, никто другой и не является на первый день праздника. При входѣ въ избу, положейникъ бросаетъ горсть хлѣбныхъ зеренъ и произноситъ: «Христосъ се роди!» а кто-нибудь изъ домашнихъ отвѣчаетъ: «ва истину роди!» и осыпаетъ его самого житомъ. Послѣ этого положейникъ приближается къ огнищу, и ударяя кочергой по горящему бадняку—такъ, что искры сыплются во всѣ стороны, причитываетъ: «оволикъ говеда, оволикъ коѣа, оволикъ коза, оволикъ оваца, оволикъ крмака, оволикъ кошвица, оволикъ среѣе и вадретка!» (см. II, 42.) Передъ обѣдомъ всѣ присутствующіе берутъ въ руки по зажженной восковой свѣчѣ, молятся Богу и цѣлуютъ другъ друга—со словами: «миръ божїи! Христосъ се роди, ва истину родъ, поклаѣамо се Христу и Христову рожанству.» По окончаніи молитвы и взаимныхъ привѣтствій, свѣчи передаются домохозяину, который соединяетъ ихъ въ одинъ пучокъ и ставитъ въ чашку, наполненную разнаго рода хлѣбными зернами; немного погодя онъ гаситъ ихъ въ этихъ зернахъ, опуская зажженными концами внизъ. Кромѣ другихъ иствъ, для рождественской трапезы необходимы медъ и

чесвица, т. е. прѣсный пшеничный хлѣбъ съ запеченною въ немъ серебряною или золотою монетою. Когда усядутся за столъ, домашнiи разламываетъ чесвицу и раздаетъ всѣмъ по куску; тотъ, кому достанется кусокъ съ монетою, будетъ «наисретнији оне године». Баднякъ, по мнѣнiю сербовъ, обладаетъ дѣлительной и плодородящей силою: уголья и зола его употребляются, какъ лѣкарство противъ болѣзней рогатаго скота и лошадей; тлѣющей головней его окуриваютъ улья, и потомъ, когда она погаснетъ — относятъ ее въ садъ и ставятъ на молодую сляву или яблоню: такъ поступаютъ для того, чтобы будущiй годъ былъ изобиленъ на медъ и садовые плоды. Ту же производительную силу сербы соединяютъ и съ божитными сѣменами, и съ божитною соломою; сѣменами этими они закармливаютъ куръ, чтобы не было недостатка въ яйцахъ, а солому относятъ на нивы, «да би боже родиле»¹⁾. Въ Черногорiи на баднiй день каждая семья приготовляетъ толстое дубовое бревно, обвитое лавровыми вѣтвями. По закатѣ солнца вносятъ бревно въ избу, посыпаютъ его пшеницею и причитываютъ: «я тебя пшеницею, а ты меня мужскими главами (т. е. даруй мнѣ потомство), скотиною, хлѣбомъ и всякимъ счастьемъ!» Затѣмъ старѣйшина, вѣстѣ съ домочадцами, кладетъ бревно на очагъ и зажигаетъ съ обохъ концевъ, а когда оно разгорится — лѣетъ на него вино и масло и бросаетъ въ огонь горсть муки и соли. Отъ священнаго пламени очага онъ затепливаетъ носовыя свѣчи и лампаду передъ иконами, и сотворивъ молитву о благоденствiи своей семьи и всѣхъ православныхъ христанъ, беретъ чашу вина, отвѣдываетъ немного и передаетъ старшему сыну; этотъ въ свою очередь долженъ передать ее слѣдующему родичу, и такъ да-

¹⁾ Срп. рјечник, 11—12, 34—35, 533, 822—3; Терещ., VII, 19—27; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 2—4; Гласник срп. друштва 1867, V, 122; Иличъ, 95.

лѣ, пока круговая чаша не обойдетъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ. Но каждый, взявши чашу, прежде-нежели отпить изъ нея, плещетъ вивомъ на баднякъ съ такимъ привѣтомъ: «будь здоровъ, бадняче-веселяче, съ великомъ и добромъ сребромъ у кучу улега!» По окончаніи описанныхъ обрядовъ, дѣлаютъ нѣсколько залповъ въ ружей и првступаютъ къ вечерней трапезѣ, при чемъ столъ бываетъ устланъ соломой, по срединѣ стола лежатъ одинъ на другомъ три хлѣба, а надъ верхнимъ хлѣбомъ красуется воткнутая въ него лавровая вѣтка съ апельсиномъ или яблокомъ. Баднякъ остается въ печи и тлѣетъ тамъ до Новаго года; во все это время праздничныя яства не снимаются со стола и всегда готовы на угощеніе друзей, знакомыхъ и странниковъ. Всякой гость входя на Рождественскіе Святки въ избу, подвигаетъ баднякъ къ задней сторонѣ печи, и какъ только посыплются искры, высказываетъ доброе пожеланіе: «да будетъ у хозяйна столько-же дѣтей, коровъ, овецъ или денегъ, сколько выпало искръ!»¹⁾ У болгаръ канунъ Рождества—бѣдни вечеръ, и сопровождается слѣдующими обрядами. Глава семейства, жена его и дѣти выходятъ на дворъ съ зажженными лучинами въ рукахъ, отправляются къ мѣсту, отведенному для рубки дровъ, и выбираютъ толстое, длинное и сырое дубовое полѣно. Когда оно будетъ найдено, домовладыка снимаетъ шапку и съ благоговѣніемъ произноситъ: «помози, Боже и ти Коледо, да поживѣемъ и до друга година!» Потомъ, взваливъ дубовое полѣно на плечо, возвращается въ избу, кладетъ его въ печь и разводитъ огонь; приступая къ очагу, онъ возглашаетъ молитву и обращается къ присутствующимъ со словами: «Христосъ са роди!»—Истине са роди! отвѣчаютъ ему домочадцы и цѣлуются другъ съ другомъ. Это возженное наканунѣ Рождества полѣно называет-

¹⁾ Записки морск. оенцера, соч. Броневскаго, I, 258—9; Путешествіе въ Черногорію А. Попова, 223—4.

ся баднякъ; оно должно медленно и постоянно горѣть во все продолженіе Святокъ — до самаго Крещенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи 24-го декабря тушатъ во всей деревнѣ старый огонь, и въ замѣнъ его вытираютъ изъ сухаго дерева новый — божій или святой огнець, которымъ и возжигаютъ домашніе очаги ¹⁾. Когда баднякъ загорится, домовладѣйка подымаетъ его и ударяетъ имъ нѣсколько разъ, приговарывая: «за плодъ и здраве!» Искры, которыя посыплются отъ перваго удара, знаменуютъ приплодъ лошадей, искры отъ втораго и третьяго ударовъ — приплодъ коровъ и овецъ, и такъ далѣе. На разведенномъ огнѣ пекутъ прѣсный хлѣбъ, съ золотой или серебряною монетою внутри, называемый боговица (= серб. чесница); по полу разбрасываютъ солому, грецкіе орѣхи и пшеницу; къ ужину готовятъ вино, медъ и разные плоды: яблоки, сливы, сухіе персики, изюмъ, виноградъ, стручки и орѣхи. Какъ скоро столъ будетъ накрытъ и уставленъ яствами и напѣтками, глава семейства беретъ кадильницу, читаетъ молитву и кадитъ по избѣ ладономъ; послѣ того садятся за ужинъ, но съѣдаютъ не все, а часть меда и фруктовъ откладываютъ въ особую миску, ставятъ подъ образа и сберегаютъ на случай болѣзней, какъ самое надежное лѣкарство. Набожные люди, вѣрные завѣтанъ старины, стараются не спать на Рождественскую ночь; сидя возлѣ очага, они заботливо наблюдаютъ, чтобы какъ-нибудь не погасло священное пламя. Пепелъ, остающійся отъ бадняка, частію употребляютъ на лѣченіе домашней скотины, а частію разсыпаютъ по нивамъ, пастбищамъ и виноградникамъ — съ твердымъ убѣжденіемъ, что это способствуетъ хорошему урожаю; ту часть бадняка, которая не успѣваетъ сгорѣть ко дню Крещенія, зарываютъ въ землю — посреди виноградника, или

¹⁾ Подобный обрядъ совершается на Руск наканунѣ 1-го сентября (Терещ., V, 145; Сахаров., II, 52) — вѣроятно потому, что

хранять въ дому до слѣдующаго Рождественскаго сочельника и тогда разводить ею «новый огонь» ¹⁾). У германскихъ племенъ сербо-болгарскому бадняку соответствуютъ weihnachtsblock, julblock, о которыхъ упоминаютъ писатели XII-го вѣка; во Франціи еще донынѣ чествуется souche de Noël ²⁾; въ Марсели зажигаютъ calendau или caligneau—большой дубовый обрубокъ, опрыскивая его виномъ и масломъ: обрядъ возженія совершается старѣйшимъ представителемъ семьи; летты канунъ Рождества Христова называютъ blukku wakkaqs — вечеръ чурбана, ибо тогда приносится и возжигается чурбанъ (blukkis). Подобный-же обрядъ въ Швеции и Норвегии приуроченъ ко дню Крещенія: раннимъ утромъ хозяйка затапливаетъ печь; передъ устьемъ очага собираются домочадцы, становятся въ полукругъ и проклоняютъ колѣна; затѣмъ они вкушаютъ приготовленныя печенья и напитки, и часть отъ тѣхъ и другихъ бросаютъ и льютъ въ разведенное пламя ³⁾).

По древне-арійскому представленію, всякой разъ, когда облачные демоны погасятъ (= омрачатъ) дневное свѣтило;— тотчасъ-же выступаетъ богъ-громовникъ, буравитъ своею палицей дерево-тучу, добываетъ изъ него живое пламя грозы и снова зажигаетъ солнцего колесо. Тоже представленіе прилагалось и къ зимнему повороту солнца: если съ этого времени оно начинаетъ возрождаться—приобрѣтаетъ все большую и большую свѣтоносную силу, то именно потому, что благодетельный Перунъ возжѣгъ его новымъ, чистѣйшимъ пламенемъ. Такъ думали наши предки, и подъ вліяніемъ означенной мысли декабрь, какъ мѣсяцъ поворота и возженія солнцего-коле-

¹⁾ въ донпетровской вѣрѣ съ этого числа начинался у насъ новый годъ. — ²⁾ Каравел., 276—8; Москов. Газета 1866 года: «Святки у болгаръ». — ³⁾ Souche — пень, вырытый съ корнемъ; Noël — fêtes natalis. — ⁴⁾ D. Myth., 393—5.

са, былъ названъ именовъ коло-жега (= Julfeuer ¹). Этотъ творческій подвигъ, совершаемый Перуномъ на радость всѣмъ людямъ на небѣ, чествуется на землѣ въ символическомъ обрядѣ возженія бадняка. Суровое время года, въ которое происходитъ поворотъ солнца на лѣто, пошѣшало колядскому празднику развиться до общиннаго, публичнаго значенія и удержало за нимъ чисто-семейный характеръ. Морозы, вьюги и мятели гонять челоуѣка подъ домашній кровъ, заключаютъ его въ тѣсныхъ предѣлахъ избы, и вмѣстѣ съ этими необходимо ограничиваютъ кругъ его интересовъ и обязанностей. Вотъ почему возженіе бадняка совершается не всенародно, не подъ открытымъ небомъ, а въ стѣнахъ избы — на родовомъ очагѣ, который изстари признавался святынею — жертвенникомъ и обиталищемъ дружелюбнаго Агни. Баднякъ готовится изъ дубоваго дерева: какъ извѣстно, дубъ былъ посвященъ Перуну и до сихъ поръ «живой огонь» по преимуществу добывается изъ этого дерева. Тому же богу были посвящены и орѣхи, а потому разбрасываніе ихъ по избѣ указываетъ на культъ громовника; чехи молятъ въ обрядовой пѣснѣ: «*koleda, koleda! Dĕdku, dej orišku k spĕdku*» ²). Масло и вино, которыми поливаютъ баднякъ, и хлѣбныя зѣрна, которыми его осыпаютъ, служатъ знаменіями дожда, приносимаго грозовой тучей, осыменяющаго землю и дарующаго ей плодородіе. Очевидно, что старыи баднякъ и молодой Божичъ, прославляемые въ сербскихъ пѣсняхъ ³), скрываютъ подъ своими именами Дѣда-Перуна, возжигателя небснаго пламени, и просвѣтленное этимъ

¹) Въ сѣверныхъ рунвахъ зимній поворотъ солнца обозначался изображеніемъ колеса. Въ Шлезвигѣ наканунѣ Рождества Христова крестьяне катятъ въ деревню колесо: это называется *Weihnachten hineintrödeln* (Гандельманъ: *Weihnachten in Schleswig-Holstein*, 36). — ²) Галушъ, 21. — ³) Ср.: в. пѣсню, II, 115—6.

пламенемъ Солнце. Согласно съ уподобленіемъ солнечнаго свѣта золоту, сербы причитываютъ наканунѣ Рождества:

Божић, Божић бата
 На обоја врата,
 Носи кату злата,
 Да позлати врата, ¹⁾

т. е. новорожденное Солнце стучится въ небесныя врата, и отверзая ихъ, позлащаетъ востокъ блескомъ утренней зори. У русскихъ и чеховъ уцѣлѣла старинная святочная игра, основную мысль которой составляетъ: исканіе золотого кольца — солнца, сокрытаго зимемъ Вритрою во шракѣ зимнихъ облаковъ и тумановъ (II, 368). Всѣ участвующіе въ игрѣ садятся въ кружокъ, и передавая тайкомъ изъ рукъ въ руки золотое кольцо, запѣваютъ хоромъ:

И я золото хороню-хороню,
 Чисто сѣребро хороню-хороню.
 Гадай, гадай, дѣвица,
 Отгадывай, красная,
 Въ коей рукѣ былица —
 Зибяная крылицца?
 Наше золото пропало,
 Оно порохомъ запало,
 Призанидѣвѣло, призаплесивѣло...

Пока продолжается пѣсня, одна изъ дѣвицъ ходитъ въ среднѣмъ круга и старается угадать: у кого находится кольцо; если угадаетъ, то присоединяется къ подругамъ, а на свѣтну ей искательницей золота выступаетъ другая дѣвица, и законченная игра начинается сызнова ²⁾. Всѣ вечера, начиная съ 24-го

¹⁾ Ibid., 117. — ²⁾ Сахаров., I, 15; Терещ., VII, 177' — 180; Гаушъ, 11; Чешск. пѣсни Эрбена, 96. Такъ какъ кольцо было эмблемой супружеской связи, и такъ какъ весна (съ наступленіемъ которой золотое кольцо-солнце открывается изъ-за свѣтлыхъ облаковъ) была временемъ брачнаго союза между Небомъ и Землею, то отсюда возникло слѣдующее гаданіе: дѣвицы приносятъ блуда

декабря по день Крещенія, называются у насъ святыми (вѣж. Weih-pachten). По мнѣнію поселянъ, въ эти святыя вечера нисходитъ съ неба и странствуетъ по землѣ новорожденный Богъ, и потому всякая работа считается тогда за великій грѣхъ ¹⁾. Явленіе божества сопровождается чудесными знаменіями. Въ полночь наканунѣ Рождества и Крещенія открываются небесныя врата; пресвѣтлый рай, въ которомъ обитаетъ Солнце, открываетъ свои сокровища; воды въ рѣкахъ и источникахъ оживаютъ (приходятъ въ движеніе, волнуются), претворяются въ вино и получаютъ цѣлебную силу (I, 778; II, 188); на деревьяхъ распускаются цвѣты и зрѣютъ золотыя яблоки. Въ этотъ таинственный часъ божество рассыпаетъ щедрыя, богатые дары на весь міръ: о чешь помолишься отверстому небу, то и сбудется. Чтобы узрѣть, какъ будетъ открыться небо, сербы выходятъ на богоусленскую ночь въ поле и остаются тамъ до самаго разсвѣта ²⁾. У лужичанъ наканунѣ Рож-

свѣгу, бросаютъ въ него кольцо и поручаютъ кому-нибудь раздѣлить между ними свѣгъ; въ чьей долѣ окажется кольцо, та въ теченіи года непремѣнно будетъ замужемъ—Херсон. Г. В. 1846, 4. Одна изъ святочныхъ подблюдныхъ пѣсень (Сахаров., I, 13) гласитъ: лѣвилась красная дѣвица

Часто пѣ воду ходить;
Она таяла свѣгъ
На печномъ столбу,
Она вытала
Золотъ перстень.
Да кому перстнемъ обручатися?
Обручатися отроку съ отрочицею,
Еще идлодцу со дѣвицею.

Пѣсня эта предвѣщаетъ скорую свадьбу. — ¹⁾ Цебриков., 289. — ²⁾ Терещ., VII, 42; Послов., Далъ, 971; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 66; Москов. Газета 1866, стат. Кярлвелова; Ганушъ, 10; Рус. Вѣст. 1862, I («Чешская деревня»), 350; Срп. рѣчник, 33; Иличъ, 108.

дества Христова ходить по домамъ боже дѣже со: подь этии именовъ совершаетъ обходъ дѣвушка, одѣтая въ бѣлое платье; въ одной рукѣ она держитъ узелъ съ яблоками и орѣхами, а въ другой — вѣтку, съ привѣшеннымъ къ ней звонкомъ. Подводя дѣтей къ святочному дереву, украшеному плодами и орѣхами, родители увѣряютъ ихъ, что всѣ эти лакомства принесло боже дѣже со¹⁾. По нѣмецкимъ преданіямъ, въ періодъ зимняго солнце-поворота растворяется небо, свѣтлые боги: Одинъ, Фрейръ, Гольда и Фрея нисходятъ на землю и благословляютъ воды и растенія; тамъ, гдѣ они шествуютъ, воды превращаются въ вино, а деревья — въ розмаринъ: «alle wasser — wein, alle bäume — rosmarin»²⁾. Эти цвѣтущія деревья и текущія виномъ источники суть деревья и источники небеснаго рая; въ зимнюю пору, когда на землѣ замираетъ всякая растительность и воды стоятъ окованныя льдами, въ райскихъ садахъ (т. е. на востокѣ, откуда богиня Зоря выводитъ Солнце, усыпая ему путь золотомъ и розами) продолжается вѣчно-юная жизнь: цвѣтутъ роскошные цвѣты, зрѣютъ золотые плоды и бьютъ животворные ключи нектара. Вмѣстѣ съ богами спускаются съ заоблачныхъ высотъ и блаженные предки, посѣщаютъ своихъ родичей, садятся возлѣ пылающаго очага и участвуютъ въ ихъ семейной трапезѣ. Тѣже мифическія представленія: отверстыя врата рая, сошествіе безсмертныхъ на землю и превращеніе водъ въ вино соединяются и съ праздникомъ Пасхи; такое совпаденіе во взглядахъ на два разновременные праздника вполне понятно, ибо и зимній поворотъ солнца, и весеннее его просвѣтленіе равно возбуждаютъ мысль о благодатномъ возрожденіи творческихъ силъ природы. Боги и духи усопшихъ праотцевъ, являясь въ среду живыхъ поколѣній, открываютъ передъ ними тайны бу-

¹⁾ Volkslieder der Wenden, II, 221 — 2. — ²⁾ Розмаринъ былъ посвященъ Фрейру.

лучшаго, т. е. тѣ грядущія событія, которыя опредѣлены не предложеннымъ судомъ божіимъ; поэтому Рождественскія Святки есть по преимуществу время гаданій и все, что видится тогда во снѣ и во яву, получаетъ вѣщее значеніе. По состоянію погоды въ продолженіи двѣнадцати праздничныхъ дней отъ 25 декабря по 6-е января (нѣмец. Z w ö l f t e n) заключаютъ о томъ, каковъ будетъ наступающій годъ; каждый изъ этихъ дней даетъ предзнаменованіе о погодѣ соответствующаго ему мѣсяца ¹⁾.

Въ нашемъ народѣ колядскіе обряды съ большою свѣжестью удержались на Украинѣ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ старые годы украинцы уже 12-го декабря варили пиво и съ того-же числа каждый день откладывали по одному полѣну — такъ, что къ кануну Рождества Христова всѣхъ полѣньевъ набиралось двѣнадцать; этими полѣньями и затапливалась печь на святой вечеръ ²⁾. Въ день, предшествующій Рождественскимъ Святкамъ, поселяне не вкушаютъ пищи до восхода вечерней звѣзды, которая появленіемъ своимъ свидѣтельствуетъ о рожденіи божественнаго младенца, и тѣмъ самымъ знаменуетъ начало праздника (сравни I, 778). Какъ только загорится на небѣ вечерняя звѣзда, тотчасъ же приносятъ въ хату связку соломы или сѣна, разетилиаютъ ее въ переднемъ углу. — на прилавкѣ, покрываютъ сверху чистою скатертью и на приготовленномъ мѣстѣ ставятъ подъ образомъ необмолоченный снопъ ячменя или пшеницы, кутью и уваръ; снопъ этотъ остается здѣсь до 31-го декабря. Въ Галиціи ставятъ по снопу во всѣхъ четырехъ углахъ нады. Кутье ей называется каша изъ зерновой пшеницы, ячменя или риса, разведенная медовою сытою; уваръ (вз-варъ)

¹⁾ Die Götterwelt, 140 — 2; Beiträge zur D. Myth., I, 127; II, 124—8; Neues Lausitz. Magazin, 1843, III—IV, 337. — ²⁾ Маякъ, XI, 55

приготавливается изъ сушеныхъ плодовъ (яблокъ, грушъ, сливъ, вишенъ, вишня и проч.), сваренныхъ на водѣ. Оба горшка съ кутьей и узваромъ накрываются кнышамъ (пшеничными хлѣбами). Передъ вечерю (т. е. ужиномъ) хозяинъ дома зажигаетъ у образовъ лампаду и восковыя свѣчи, читаетъ вслухъ молитвы и кадитъ ладономъ; вся семья благоговѣнно молится Богу и потомъ усаживается за столъ, усыпанный сѣномъ и застланный чистою скатертью; глава семейства занимаетъ почетное мѣсто на покутьѣ (въ переднемъ углу); рядомъ съ нимъ, по правую руку, садится его жена, а далѣе слѣдуютъ ихъ родичи и дѣти. Кутья и узваръ подаются обыкновенно послѣ всѣхъ другихъ кушаній, и если не будутъ съѣдены въ тотъ-же вечеръ, то доканчиваются въ продолженіи Святوکъ; часть кутьи отдѣляютъ курамъ, чтобы давали больше яицъ. Сидя за «вечерю», гадаютъ о будущемъ урожаѣ: вытягиваютъ изъ-подъ скатерти нѣсколько былиннокъ сѣна, и по ихъ длинѣ заключаютъ о томъ, каковъ уродится лёнъ; или выдергиваютъ изъ снопа соломинку, и если она окажется съ полнымъ колосомъ, то наступающій годъ будетъ изобильный, и наоборотъ—пустой колосъ сулитъ неурожай. По остающимся на столѣ травянымъ сѣнамъ дѣлаютъ такое заключеніе: если сѣмянъ будетъ больше черныхъ, то слѣдуетъ ожидать урожая на гречиху, а если желтыхъ, то надо рассчитывать на овсы, просо и пшеницу. Подобная-же обрядовая трапеза, съ кутьею и узваромъ, бываетъ и на крещенскій сочельникъ, послѣ водосвятія. Наканунѣ Нового года обноличиваютъ стоящій въ переднемъ углу снопъ, и полученные зѣрна отдаютъ мальчишкамъ-посыпальщикамъ, а соломой прикармливаютъ домашній скотъ или употребляютъ её на обвязку плодовыхъ деревьевъ¹⁾. Вечеръ 31-го декабря извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ щедраго

¹⁾ Сравни со свѣдѣніями, сообщенными о рождественской соломе (julstroh) въ Beitrage zur D. Myth., I, 120—1.

и богатаго; ибо съ наступленіемъ новаго года нераздѣльна мысль о явленіи возрожденнаго бога, несущаго міру ясное лѣто, изобиліе плодовъ земныхъ и всякое довольство ¹⁾). Хозяйка приготовляетъ къ щедрому вечеру, какъ можно, болѣе пироговъ и кнышей, складываетъ ихъ въ одну общую кучу на столѣ и проситъ мужа исполнить законъ. Этотъ затепливаетъ передъ иконами восковую свѣчу, куритъ по избѣ ладномъ и садится на покутѣ; входятъ домочадцы, молятся Богу, и притворяясь, будто не видятъ отца за наложенными на столѣ пирогами, спрашиваютъ: «дѣ-жь нашъ батько?»—Хиба-жь вы мене не бачите? спрашиваетъ отецъ. «Не бачимо, тату!» отвѣчаютъ дѣти.—Дай-же, Боже, щобъ и на той рокъ не побачылы, т. е. чтобы и въ будущемъ году было такое-же изобиліе въ яствахъ, какъ въ настоящую минуто. Затѣмъ жена и дѣти садятся за столъ, и отецъ раздѣляетъ между ними пироги ²⁾). Сходно съ этимъ, въ Герцеговинѣ на Рождественскій праздникъ «узму двојнца чесницу, па је окрећу међу собом и пита један другога: милам ли се? (т. е. выдался ли я—видѣнъ ли изъ-за хлѣба?) Онај му одговори: милаш мало. А онај први онда рече: сад мало, а до године ни мало!» т. е. да родится доброе жито и да будетъ чесница такъ велика, чтобы за нею можно было совсѣмъ укрыться ³⁾). Эти обряды малорусскій и сербскій идутъ изъ отдаленной старины. По свидѣтельству Саксона-грамматика, къ Святовитову празднику, какой ежегодно совершался въ Арконѣ по окончаніи жатвы, приготовляли огромный медовый пирогъ—величиною почти въ ростъ человека. Жрецъ становился за этимъ пирогомъ и спрашивалъ у народа: видятъ ли

¹⁾ Терещ., VII, 19, 28; Могил. Г. В. 1852, 4, 11; Цебриков., 269; Вост. Р. Г. О. 1853, V, 12; VI, 99; Киев. Г. В. 1850, 16; Херсон. Г. В. 1844, 52; Молодикъ 1844. 98—100; Малакъ, XV, 22; Москва. 1852, VI, 83; Ганушъ, 15. — ²⁾ Маркевичъ, 65; Шафонскаго: Толограе. описаніе чернигов. наѣзничества, 29; Молодикъ 1844, 100—1. — ³⁾ Срп. рјечникъ, 356.

его? и когда ему отвѣчали утвердительно, онъ тотчасъ-же высказывалъ желаніе, чтобы будущій годъ былъ еще плодороднѣе, а праздничный пирогъ еще больше ¹⁾). На первый день новаго года по всему русскому царству совершается обрядъ за сѣванія. Рано поутру, передъ обѣденою, ходятъ по домамъ мальчики, нося въ мѣшкѣ или рукавицѣхъ хлѣбныя вѣрва; при входѣ въ избу они посыпаютъ по ней этии зерна и, съ слѣдующими эпическими причитаніями: «на счастье, на здоровье — на новое лѣто роди, Боже, жито-пшеницу и всякую пашницу!» или: «ужь дай ему Богъ, зароди ему Богъ; чтобы рожь родилась, сама въ гумно свалилась, изъ колоса осьмина, изъ полузерна пирогъ — съ топорище долины, съ рукавицу ширины!» Посыпальщику даютъ что-нибудь въ подарокъ, а разбросанныя имъ зѣрна тщательно собираютъ, хранятъ до весны и при посѣвѣ яровыхъ смѣшиваютъ съ прочими сѣменами. Когда посыпальныя зерна будутъ собраны, — по роду и количеству ихъ заключаютъ о томъ, какіе именно хлѣба дадутъ на будущее лѣто большій или меньшій урожай. Иногда кормятъ этии зернами куръ, и по ихъ клѣву гадаютъ о будущемъ плодородіи нивъ. Обрядъ «посыванія», совершаемый у насъ на первый день Новаго года, а у сербовъ на Рождество, знаменуетъ весеннее осѣменение матери Земли, вступающей въ брачный союзъ съ пресвѣтлвнымъ Небомъ, при чемъ хлѣбныя зѣрна служатъ эмблемою оплодотворяющаго сѣмени дождя (I, 283 — 4, 571 — 2) и солнечныхъ лучей ²⁾). Замѣтимъ, что на старинныхъ свадьбахъ новобрач-

¹⁾ Срезнев., 88; И. Г. Р. Карамз., I, 100. — ²⁾ Слово сѣять нередко употребляется въ значеніи свѣтить; такъ хорутанская пѣсня говоритъ о солнцѣ, что оно обезвеваетъ долины (Ч. О. И. и Д. 1865; III, 225), а малорусская загадка выражается объ очахъ: «двоиъ узянками все поле засію⁴ или двоиъ узянками все поле освітять» — Семенов., 9; 39.

ную чету осыпали овсомъ, ячменемъ и пшеницею и укладывали спать на ржаныхъ (необмолоченныхъ) сногахъ, и что должны крестьянки наши гадаютъ о своихъ суженыхъ по хлебнымъ сѣменамъ и колосьямъ ¹⁾. Для того, чтобы земля принесла добрый урожай, поселянинъ, отправляясь заевать поле, надѣваетъ на себя подвѣчную сорочку; встрѣтитъ, при выѣздѣ на полевъ, вдовца, вдову, холостого парня или дѣвушку считается дурною примѣтою, и наоборотъ—встрѣча съ женатымъ человѣкомъ или замужнею женщиною принимается за счастливый знакъ.

Въ великорусскихъ преданіяхъ уцѣлѣло тѣсное воспоминаніе о мнѣстескомъ лицѣ Овсеня; обрядовая пѣсня славить его пріѣздъ, совпадающій по времени съ наступленіемъ новаго года:

Мосточикъ мостили,
Суквомъ устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой Овсень, ой Овсень!

¹⁾ Терещ., VII, 108 — 9; Шафонск. Описаніе чернигов. намѣстничества, 29; Молодикъ 1844, 101; Москв. 1849, IX, 15; Сахаров., II, 2 — 3. По указанію Сахарова, 1-го генваря хозяйка варитъ кашу, и вынимая горшокъ изъ печи, приговариваетъ: „члості просимъ къ намъ во дворъ — со своимъ добромъ!“ Потомъ замѣчаетъ: „полонъ ли горшокъ и хорошо ли уварилась каша? Если каша будетъ бѣлая или вылезетъ изъ горшка, то предвѣщаетъ голодъ и всякія бѣды; наоборотъ каша красная, изготовленная вродень съ краями горшка, предвѣщаетъ изобиліе и счастье. — О женихахъ гадаютъ такъ: а) вечеромъ на Святкахъ дѣвица сѣветъ гдѣ-нибудь на дворъ горсть конопляннаго сѣмени, заволакиваетъ зѣрна сорочкою или исподницею и приговариваетъ: „кто мнѣ суженый, тотъ прійдетъ со мной конопля брать.“ После этого суженый непременно явится во снѣ. б) Другое гаданье состоитъ въ томъ, что собраніяся дѣвцы выдергиваютъ по стеблю соломы, и по этимъ стеблямъ догадываются о своей судьбѣ: если попадетъ колосъ съ зерномъ—женихъ будетъ богатый, пустой колосъ предвѣщаетъ бѣднаго жениха, а стебель безъ колоса—безбрачную жизнь (Херсон. Г. В. 1846, 4, 10; Ворон. Г. В. 1850, 17; Маякъ, XI, 31 — 32; Совр. 1856, IX, снѣзь, 81).

Кому-жъ, кому взать
 По тому мосточку?
 Взать тамъ Овсеню
 Да Новому году.
 Ой Овсень, ой Овсень! ¹⁾

Имя Овсень (Авсень, Говсень, Усень) можетъ быть возведено къ тому-же санскритскому корню ush, въ которому возводится и вышеобъясненное имя Остары (стр. 700 ²⁾); согласно съ агимъ производствомъ, Овсень долженъ означать бога, возжигающаго солнечное колесо и дарующаго свѣтъ міру (т. е. приводящаго съ собой утро дня или утро года—весну). Весеннее просвѣтленіе неба постоянно отождествляется и въ языкъ и въ народныхъ повѣрьяхъ съ утреннимъ разсвѣтомъ; лит. auszga — утренная зоря, auszti — свѣтѣть, ра wasagis isz-auszta—весна свѣтѣетъ, т. е. начинается. У нѣщевъ богиня Остара (зоря) сообщила свое названіе свѣтлому празднику весны; у насъ имя Овсеня сочеталось съ праздникомъ новорожденнаго солнца, такъ какъ свѣтило^о это возгоралось тогда новымъ пламенемъ и дневной свѣтъ начиналъ побѣждать ночную тьму. По свидѣтельству царской грамоты XVIII-го вѣка ³⁾, въ самой Москвѣ въ навечеріи Рождества Христова многіе люди по улицамъ, переулкамъ и ямскимъ слободамъ кликали Коледу и Усень, а въ навечеріи Богоявленія Господня кликали плугу, т. е. возглашали хвалебныя пѣсни плугу, съ помощію котораго воздѣлываются пашни (I, 563-4). Одна изъ обрядовыхъ пѣсень заставляеть добраго молодца Овсеня выѣзжать на свиньѣ:

На чѣмъ ему взати?
 На свиньѣйкой свиньѣ.
 Чѣмъ поговяти?
 Живымъ поросенкомъ ⁴⁾.

¹⁾ Терещ., VII, 124. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, II, 21. Сабинск. ausel, втрис. usil — солнце (Ганушъ, 56). — ³⁾ Сахаров., II, 99. — ⁴⁾ Терещ., VII, 118.

Черта — въ высшей степени знаменательная, ибо она указываетъ на тождество нашего Освєня съ свѣтоноснымъ богомъ германцевъ — Фрейромъ, который въ періодъ зимняго солнцє-поворота выѣзжалъ на небо на златоцєтнннстомъ боровѣ и которому въ это время совершались обильныя жертвоприношенія (I, 778—781). Являясь въ сей міръ, Освєнь открываетъ путь новому лѣту (новому году), несетъ изъ райскихъ странъ щедрые дары плодородія, и какъ определєно божественнымъ судомъ — такъ и распределяетъ ихъ между смертными: однимъ даетъ много, съ избыткомъ, а другихъ лишаетъ и самаго необходимаго. Бѣлоруссы выражаютъ эту мысль въ слѣдующемъ символическомъ обрядѣ: наканунѣ Новаго года они водятъ по домамъ двухъ юношей, изъ которыхъ одинъ, называемый богатою Коледою, бываетъ одѣтъ въ новое, праздничное платье и вѣдетъ на головѣ вѣнокъ изъ ржаныхъ колосєвъ; на другаго-же (бѣдную Коледу) надѣваютъ разорванную свитку и вѣнокъ изъ обмолочєнной соломы. При входѣ въ избу, обоимъ юношємъ завѣшиваютъ длинными покрывалами, и заставляютъ хозяина выбирать изъ нихъ любаго; если онъ выберетъ «богатую Коледу», то хоръ поетъ ему пѣсню, предвѣщающую урожай и богатство; наоборотъ если выборъ падетъ на «бѣдную Коледу» — это служить предзнаменованіємъ неурожая и бѣдности ¹⁾. Отсюда объясняется и то важное значєніє, какое приписывается сербами положайнику: этотъ первый рождєственскій гость, отъ котораго зависитъ все счастье домохозяина и его семьи въ течєніи цѣлаго года, является таинственнымъ представителемъ самаго божєства; по бѣлорусской пословицѣ: «госєць у домъ, Богъ у домъ» (II, 62—64).

На тѣсную связь праздника Коляды съ культомъ громовника указываютъ и многіє другіє святочныє обряды и обы-

¹⁾ Маякъ, XVII, 43—44.

новенія, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить прежде, а именно: а) обычай наряжаться въ мохнатые шкуры и принимать на себя звѣринныя подобія, въ каковыхъ воображеніе древняго человѣка олицетворяло дожденосныя тучи (I, 718 — 9 ¹); б) обычай водить по деревнѣ волка или носить змѣю (I, 765); в) воззванія, обращенныя къ Туру, о тождественности котораго съ Фрейрошъ замѣчено на 662 стр. 1-го тома; «нѣци, говоритъ Гизель, памяти того бѣса Коляды «и доселѣ не престають обновляти, наченше отъ самаго Рождества Христова, по вся святаа дни собирающеса на богомерскія игральща, пѣсни поють, и въ нихъ еще и о рождествѣ Христовомъ воспоминають, но здѣ-же беззаконно и Коляду, ветхую прелесть дьявольскую, много постворяюще присовокупають; къ сему на тыхъ-же своихъ законопротивныхъ соборищахъ и нѣкоего Тура-сатану и «прочія богомерскія скареды измышляюще воспоминають». д) Стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ наканунѣ Рождества, послѣ обрядовой «вечери», и въ день Крещенія—во время совершаемаго тогда водосвятія, служить знаменіемъ громовыхъ ударовъ, поражающихъ темныхъ демоновъ ²). е) Съ поворотомъ солнца на лѣто тѣмчасъ-же возникала мысль о грядущемъ освобожденіи земныхъ и небесныхъ источниковъ отъ зимняго оцѣпенѣнія, о превращеніи мертвыхъ водъ (=окованныхъ льдами рѣкъ и озеръ и снѣговыхъ тучъ) въ живые потоки, несущіе землѣ обновленіе и силу плодородія, или выражаясь метафорически: о превращеніи ихъ въ вино = нектарь. Поэтому на праздникъ Коляды принято было совершать религиозныя омовенія, каковой обрядъ въ христіанскую эпоху приуроченъ ко дню церковнаго водосвятія (Крещенія). По словамъ Герберштейна, въ Москвѣ XVI-го столѣтія въ іорданской про-

¹) Weihnachten in Schleswig-Holstein, 73 — 75. — ²) Терещ., VII, 64.

руби купались и здоровые и больные, послѣдніе—съ надеждою на исцѣленіе. Маржереть увѣряетъ, что не только простолудины, но и бояре и самъ царь погружались въ этотъ день въ воду. Обыкновеніе это и донныѣ удерживается между русскими поселянами и сербами. Вода, почерпнутая въ полночь передъ Крещеніемъ, помогаетъ отъ недуговъ и никогда не портится; этою водою окропляютъ избы, хлѣва и ульи, поля больныхъ и домашнюю скотину — для предохраненія ея отъ заразы ¹⁾. f) Какъ праздникъ, посвященный возрожденію творческихъ силъ природы, Коляда всею своею обстановкою указываетъ на тѣ щедрые дары, которые несетъ шествующее изъ дальнихъ странъ Лѣто. Неомолоченный снопъ, поставленный въ переднешъ углу и величаемый именемъ Дѣда ²⁾, солома и сѣно, постлаемые на столѣ и покутѣ, хожденіе по домамъ съ плугомъ (обрядъ, уцѣлѣвшій въ Червонной Руси), посыпаніе зерновымъ хлѣбомъ, разнообразныя гаданія о будущемъ урожаѣ, семейная трапеза, за которою вкушаютъ праздничный хлѣбъ («боговицу»), кутью, медъ и садовые плоды, — все говоритъ о посѣвѣ, жатвахъ и изобиліи плодовъ земныхъ. Зерно—символь зачатія, народженія къ новой жизни: брошенное въ землю, оно вырастаетъ зеленой былинкою и даетъ колосья; медовая сыта знаменуетъ амриту. Узваръ и каша донныѣ считаются необходимыми на родинахъ, а медъ и кутья—на похоронахъ и поминкахъ, ибо смерть человека по народному возрѣнію есть вторичное его рожденіе для иной, загробной жизни. Вместе съ поворотомъ солнца на лѣто, вся природа приывается къ пробужденію отъ зимняго сна. У чеховъ названуѣ Рождества, передъ самымъ разсвѣтомъ, семья отправляется въ садъ; отецъ и мать трясуть плодовыя деревья, приговаривая: *«stroměčku, v stávej, ovoce dávej! dnes je štědrý*

(¹⁾ Ibid., 41 — 42; Срв. рѣчникъ; 33; Иличъ, 95. — ²⁾ Малкъ, XI, 55.

den»¹⁾—и бросаютъ на нихъ яблоки и груши, а дѣти подбираютъ падающіе плоды. Тотъ-же обрядъ исполняется моравами, лужичанами и нѣмцами; послѣдніе произносятъ при этомъ: «bäumchen schlaf nicht, frau Holla kommt!» или: «bäumchen wach auf, Neujahr ist da!» Сербы и малороссы замахиваются на дерево топоромъ (—символь молніи), съ угрозою срубить его, если оно не родитъ лѣтомъ (II, 320—1²⁾). Во всей Европѣ извѣстенъ обычай готовить къ Рождественскимъ Святкамъ елку; это вѣчно-зеленое дерево, убранный зажженными восковыми свѣчами и обвѣшанный яблоками, грушами, золотыми орѣхами и другими лакомствами, напоминаетъ собою то райское древо жизни, на которомъ растутъ золотые яблоки и орѣхи (см. гл. XVII). На Руси обычай этотъ появился въ недавнее время и заимствованъ отъ нѣмцевъ; нельзя же замѣтить однако, что подобное-же дерево, украшенное искусственными цвѣтами, зеленью и плодами, возили у насъ въ старину въ крестномъ ходѣ на цвѣтоносное или Вербное воскресенье³⁾.

Всѣ указанная нами представленія, какія связывались съ праздникомъ Коляды, засвидѣтельствованы въ святочныхъ пѣсняхъ: колядкахъ и щедривкахъ. Начиная съ вечера 24-го декабря и до Крещенія, ходятъ по дворамъ коледовщицы, славятъ праздникъ, т. е. поютъ обрядовыя пѣсни и собираютъ отъ хозяевъ дары разными припасами и деньгами; въ кievской и волынской губ. половина собранныхъ ими денегъ отдается въ приходскую церковь. По всему вѣроятію, и сборъ припасовъ имѣлъ нѣкогда релігіозное назначеніе: жертвеннымъ приношеніемъ и праздничное пиршество могли совершаться не

¹⁾ Вставай, деревцо, давай намъ плодовъ; нынче вѣдь щедрый день. — ²⁾ Ганушъ, 31, 117—8; Срп. рјечник, 35; Маякъ, XI, 39; Beiträge zur D. Myth., II, 126; Die Götterwelt, 286. — ³⁾ Домашній бытъ рус. царей, соч. Забѣлина, I, 327—8.

только въ каждой отдѣльной семьѣ передъ ея отцовскимъ очагомъ, но и сверхъ того—передъ очагомъ князя, отъ имени всего подвластнаго ему племени, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ должны были устроиться на общій счетъ, въ складчину¹⁾. Колядки и щедривки сохранили для насъ черты народныхъ воззрѣній, идущія изъ глубочайшей древности; не смотря на цѣлый рядъ вѣковъ, на протяженіи которыхъ пѣсни эти должны были подвергаться постоянной передѣлкѣ, не смотря на то, что повидимому онѣ воспѣваютъ рождество Спасителя,—въ нихъ и донынѣ довольно-явственно выступаютъ преданія и образы, принадлежащіе язычеству. Когда родился молодой Богъ, поютъ болгары, то мать и скушала его въ золотыхъ котлахъ; сербы въ своей обрядовой пѣснѣ выражаютъ желаніе, да будутъ у нихъ коровы дойныя, да надоятъ имъ полное ведро молока,

да окупам, коледо!
 малог Бога, коледо!
 и Божиѣа, коледо!

Малорусская же колядка говоритъ о купаньи новорожденного Бога въ морѣ:

Божья Мати въ половѣ лежитъ,
 Въ половѣ лежитъ, сынойка родить;
 Сына вродила, въ морѣ скупала...²⁾

Припомнимъ, что по общему индоевропейскому представленію восходящее солнце является изъ морскихъ волнъ, что Солнцева

¹⁾ Поэтому слово коледовать стало употребляться въ смыслѣ: собирать милостыню, просить хлѣба; коледа—дневной сборъ милостыни нищими; пол. kolęda—подарки на Святки и Новый годъ; въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ „коледа“ стала означать славленіе; рус. поговорка: „полно коледу томить“ = давай милостыню, не томи бѣднаго—Обл. Сл., 87—88; Терещ., VII, 13; Архивъ ист.-юрнд. свѣд., II, полов. 2, 131. — ²⁾ Показалець Раковскаго, I, стр. XVI; Времен. О. И. и Д., XXII, 10—11; Срп. рјечник, 285. — ³⁾ Объ истор. знач. нар. рус. поэз., 15.

мать (богиня утренней зори), нарождая свѣтоносваго сына, купаетъ его въ молокѣ небесныхъ коровъ—въ росѣ или весевнихъ дождяхъ (II, 123—9). Такъ какъ рожденіе солнца по другому поэтическому выраженію называлось его воскресеніемъ, то колядки воспѣвають не только рождество, но и возстаніе Спасителя въ мертвыхъ: изъ-за горы въ-за высокой

Выходить намъ золотый хрестъ,
А пидъ тѣмъ хрестомъ салъ милый Господь;
На немъ сорочка та джунджовая,

т. е. жемчужная. Усмотрѣла жидовская дѣвочка, «же русскій Богъ изъ мертвыхъ уставъ»; сказала про то своему отцу, но еврей возразилъ: «тогда русскій Богъ воскреснетъ, когда жареный пѣтухъ полетитъ!» — и въ ту же минуту жареный пѣтухъ полетѣлъ, усѣлся на облако и «красненько запѣлъ» (I, 521 ¹⁾). Пѣтухъ—провозвѣстникъ утра, побѣждающаго ночную тьму, и вмѣстѣ съ тѣмъ представитель грозоваго пламени, которымъ возжигается солнце, потушенное облачными демонами. Небесные владыки, пробуждаясь отъ зимняго сна, являются въ сей міръ дружелюбными и щедрыми въ дары гостямъ:

Цы дома бываешь, паве господарь?
Твои рыночки позамѣтаны,
Твои стойки понадрываны,
За твоиъ столовъ трои гостейки:
Једенъ гостейко—свѣтле Сочейко,
Другій гостейко—ясенъ Мѣсячокъ,
Третій гостейко—дробемъ Дожджейко.
Сочейко говорить: „нѣтъ якъ надъ мене,
Јакъ я освѣчу горы, долины,
Горы й долины, поля й дубровы!“
Јасенъ Мѣсячокъ: „нѣтъ якъ надъ мене!
Јакъ я освѣчу тѣмну ночейку,

¹⁾ Ч. О. И. и Д. 1864, I, нар. пѣсни галицкія и угорской Русь, 6; Объ истор. зн. нар. рус. повѣ., 18.

Возрадуются гости въ дорожъ,
 Гости въ дорожъ, волоки въ стожъ“.
 Дробень Дождейко: „нѣтъ якъ надъ мене!
 Якъ я перейду три разы на яръ,
 Три разы на яръ мѣсяца мая —
 Возрадуются жита, пшеница,
 Жита, пшеница и всѣ арница“. 1)

По другому варианту Солнце похвальноется снять съ рѣкъ и потоковъ ледяные оковы, а Дождь (т. е. дождящій Перунъ) озеленить горы, долины и верховины ²⁾. Богъ-громовникъ выѣзжаетъ на своемъ златогривомъ конѣ, выбиваетъ изъ облачныхъ скалъ искры—молнии и создаетъ райскій пресвѣтлый чертогъ или храмъ—весеннее небо, съ окномъ, черезъ которое является очамъ смертныхъ новорожденное солнце:

Ой въ горъ-въ горъ (т. е. на небѣ) стоитъ шовковый наметъ,
 А въ томъ наметъ золотый столычникъ,
 На томъ столычику можный пановыко,
 Трома яблочки подкидаючи,
 Двоин орѣшки та цитаючи.
 Выцитавъ коня та з-подъ короля,
 А въ того коня золота грива,
 Золота грива, сребни копыта,
 Сребни копыта, шовковый хвостыкъ;
 Золота грива коника верыла,
 Сребни подковы кремень лупають,
 Кремень лупають, церковь мурують,
 Мурують же жи з' трома верхами,
 З' трома верхами, з' двома воконцы:
 Въ одно воконце исходитъ сонце,
 Въ друге воконце заходитъ сонце,
 А въ райски двери Господь входитъ,
 Господь входитъ, службоньку служить.

1) Ч. О. И. и Д. 1864, I, 8—11, 19; Приб. в Изв. Ак. Н. 1852 г., 29—30; въ черниговской губ. поють: застилайте столы коврами, насыпайте кубки винами, да и буде къ вамъ трое гостей: первый гость — ясенъ Мѣсячка, другій гость — ясная Сонейка, третій гость—дробень Дожчикъ, и т. дил. — 2) Ч. О. И. и Д. 1864, I, 4.

Въ другихъ вариантахъ на золотомъ престолѣ возсѣдаетъ самъ Богъ или божье дитя—«красный панычъ», который подбираетъ золотыя яблочки и перебираетъ серебряныя орѣшки, т. е. играетъ сверкающими молніями (II, 309; 318); пущенная нить стрѣла несется, какъ громъ по небу. Постройка райскаго чертога есть прочищеніе неба отъ земныхъ тумановъ и свѣжныхъ облаковъ силою весенней грозы; топоры-молніи ударяютъ по камнямъ-тучамъ, дробятъ ихъ и прорубаютъ для свѣтлыхъ боговъ окна и двери:

Зъ-за той ми горы, зъ-за высокой,
 Видны (слышны?) ми тонойкій голось,
 Тонойкій голось, топоры давенать,
 Топоры двенать, каменя тешуть,
 Каменя тешуть, церковь муруютъ,
 Церковь муруютъ во громъ двери,
 Во трои двери—во три облаки;
 У једныхъ дверехъ иде самъ Господь,
 У другихъ дверехъ Матенка Божя,
 У третихъ дверехъ святыи Петро.
 Передъ милымъ Богомъ органы грають,
 Передъ святымъ Петромъ свѣчи горѣють,
 Передъ Матенковъ Божовъ ружа проквитать,
 А з' той ружи пташокъ выникать:
 Не је то пташокъ, лемъ самъ милый Господь ¹⁾.

Господь означаетъ здѣсь солнце (сравни I, 79), Пречистая Дѣва заступаетъ древнюю Ладу, а св. Петръ—Перуна; звуки органовъ—грозовая музыка, горящія свѣчи—молніи, цѣлующая ружа—утренняя зоря, при блескѣ которой вылетаетъ на небо свѣтоносная птица-солнце; о небесномъ чертогѣ, его дверяхъ и окнахъ см. т. I, стр. 158-162. Согласно съ древне-позитивскимъ представленіемъ тучи—кораблемъ, яснаго неба—раемъ, молніи—ключемъ, создалась слѣдующая любопытная колядка:

¹⁾ Ibid., 7, 66; Ж. М. Н. П. 1867, стат. О. Миллера, 626—8.

На сивомъ морѣ (=небѣ)
 Корабель на водѣ,
 Въ томъ кораблейку
 Трое воротцы;
 Въ першихъ воротейкахъ
 Мѣсячокъ свѣтитъ,
 Въ другихъ воротейкахъ
 Соненько сходитъ,
 Въ третехъ воротейкахъ
 Самъ Господь ходитъ,
 Ключи тримае,
 Рай вотмикае ¹⁾.

Не забыты въ колядскихъ пѣсняхъ и другія мническія пред-
 ставленія о небесныхъ стадахъ, выгоняемыхъ Перуномъ, о
 его громовой трубѣ и безсмертномъ напитокѣ:

- а) Зачоризлася чорна горонька,
 Выйшла зъ-за²⁾ неч чорна хмаронька,
 Чорна хмаронька—овець турмонька;
 Выйшовъ за ними гордый молодець,
 Гордый молодець на передовець,
 Заперезався гей ожинкою ³⁾,
 За товъ ожинковъ ³⁾ двѣ-три трубоньки:
 Једна трубонька та роговая,
 Друга трубонька та мѣдяная,
 Третья трубонька та зубровая.
 Ой якъ затрубивъ та въ роговую—
 Пошовъ голосокъ ай по-пидъ лясокъ,
 Ой якъ затрубивъ та въ мѣдяную—
 Пошовъ голосокъ по верхѣвнинахъ,
 Ой якъ затрубивъ та въ зубровую—
 Пошли голоса по-пидъ небеса ⁴⁾.
- б) Зажурилася чорная гора,
 Що не зродила жито-пшеницю,
 А народила зелене вино,
 Зелене вино, що Богу мило.

¹⁾ Ч. О. И. и Д. 1864, I, 157. — ²⁾ Подписался житномъ со-
 ломомъ. — ³⁾ За тою ожинкою затнуты. — ⁴⁾ Ibid., 61.

Стерегла-жь его красная паяна,
 А стерегучи барзо уснула.
 Дѣсь ми ся взяли райскіи пташки,
 Та исхопили зелене вино...

Въ этой пѣснѣ слышится отголосокъ древнѣйшаго мифа о похищеніи небеснаго вина (= всеоживляющей дождевой влаги) молниеносными птицами: такъ Индра похищалъ сому, превращаясь въ сокола, а Одинъ, въ образѣ орла, овладѣлъ драгоценнымъ медомъ, который сторожила облачная дѣва Гуннлёда (I, 372, 395—6¹⁾). Свѣтлые боги, силою которыхъ возвращается лѣто и земля осыменяется дождемъ, представляются въ колядкахъ воздѣлывающими нивы:

Ей въ полѣ, полѣ, въ чистейкомъ полѣ—
 Тамъ-же ми й оре золотый плужокъ,
 А за тѣмъ плужкомъ ходить самъ Господь;
 Ему погонять та святой Петро;
 Матенка Божа насъвнечко (сѣмена) носитьъ,
 Насъвня носить, пана Бога просить:
 „Зароди, Божейку, яру пшеничейку,
 Яру пшеничейку и ярейке житце!
 • Буде тамъ стебевце саме тростове²⁾,
 Будуть колосойки, якъ былинкойки,
 Будуть копойки, якъ звѣздойки,
 Будуть стогойки, якъ горойки,
 Зберутся возойки, якъ черны хмаройки,

т. е. будетъ копенъ также много, какъ звѣздъ, стоги стануть словно горы, а возы прѣйдутъ за хлѣбомъ тучами. По указанію другихъ вариантовъ, плугъ влекуть волю златорогіе³⁾.

¹⁾ Ibid., 93, 614; Трещ., VII, 80. Въ другихъ колядкахъ райскія птицы прилетаютъ на дерево-тучу, обламываютъ съ него вѣтви, золотую кору и рясу и сотрясаютъ жемчужную росу (Поэт. Воз., II, 293; Пѣсни Звнкевича, 19—20); „золота ряса (т. е. плоды; рясный—изобильный, осыпанный плодами) дуже звенѣла, дуже звенѣла—дѣву збудила.“ — ²⁾ Стебли, какъ трости. — ³⁾ Илл: „волю въ золотъ горъли“—Ч. О. И. и Д. 1864 I, 8, 16—17, 39; Шаѣонскаго: Топограѣ. описаніе чернигов. намястничества, 29.

У лужичанъ известно слѣдующее преданіе: бѣдный крестьянинъ сѣялъ ячмень при дорогѣ; проходила мимо Пресв. Марія съ малюткою Христомъ и сказала: «помогай тебѣ Богъ, добрый человекъ! какъ только посяешь, ступай за серпомъ и начинай жать». Только что скрылась она за горою, а жида уже гонать за Пречистою Дѣвою. «Не проходила-ль тутъ женщина съ малымъ ребенкомъ?» спрашиваютъ они у крестьянина. — Недавно прошла—въ ту пору, какъ я ячмень сѣялъ. «Охъ, ты глупой! въдь этому будетъ двѣнадцать недѣль» возразили жида, видя, что ячмень уже поспѣлъ и мужикъ жнетъ его ¹⁾. Малорусская колядка, передавая тоже преданіе, даетъ Пречистой Дѣвѣ вмѣсто младенца-Христа птицу-сокола, что указываетъ на древнее представленіе новорожденнаго (восходящаго) солнца птицею и на суевѣрное смѣшеніе богини Лады (Зори) съ Богородицею: пашеть убогій селянинъ,

З' једного ковьця оре, з' другого сѣе,
 Лежить ми тамъ, лежить давно стежейка,
 А стежейковъ иде Матенка Божа,
 Несе ѣна, несе на ручкахъ сокола:
 „Богъ помогай вбогій седлячкѣ!“
 —Бодай здорова, Матенька Божа!
 „Будуть ту ити жида и жидовки,
 Не повѣдай-же ты, же я теперь ишла;
 Повѣдай-же ты, же я тоди ишла,
 Коли ты-й оравъ, пшеничейку сѣявъ!“
 Ище Мати Божа пречъ гору не преишла,
 Стали ей, стали жидове вгоняти...
 „Ци не ишла тоди така бѣлоглава,
 Ци не несла ѣна на рукахъ сокола?“
 —Ишла ѣна, ишла, коли я ту оравъ,
 Коли я ту оравъ, пшеничейку сѣявъ;
 А теперь ужъ я пшеничейку зажавъ.

Жида выслушали отвѣтъ и поворотили назадъ ²⁾. Между

¹⁾ Volkslieder der Wenden, I, 275—6. — ²⁾ Ч. О. И. и. Д. 1864, I, 9—10; Объ истор. зк. народ. рус. пова., 18—19; Семеновск., 18—19; Духъ Христіанства 1861—2, XII, 274.

памятниками апокрифической литературы имѣется сказаніе о томъ, какъ св. Петръ и другіе апостолы увидѣли въ полѣ челоуѣка, орюща волю, и просиша хлѣба; онъ же иде въ градъ хлѣба ради; апостоли же безъ него взоравше ниву и настѣявше, и прииде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу¹⁾. По свидѣтельству обрядовыхъ причтаній, произносимыхъ на Новый годъ при посыпаніи зерновымъ хлѣбомъ, Илья-пророкъ носить пугу житяную: гдѣ ею махнѣтъ — тамъ жито растетъ (I, 283—4). И апостоль Петръ, и пророкъ Илья являются въ вародныхъ повѣрчяхъ съ чертами древняго громовника, боганизводителя дождей, растителя злаковъ и творца урожаявъ²⁾.

¹⁾ Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861, I, 38; Памят. отречен. рус. литер., I, стр. IV; II, 5—10; сравни Н. Р. Лег., 7. — ²⁾ Болгары и словенцы называютъ Рождественскія Святки Крачунъ, карпато-руссѣ — Керечунъ (сочельникъ — Керечунъ вечеръ), румыны — Кгеи и п; сверхъ того, въ Болгаріи называется Крачуномъ и всякій родившійся 25-го декабря. Названіе это въ старину было извѣстно и на Руси; въ Новгородской лѣтописи подъ 1143 годомъ сказано: „стояше вся осенина дѣждева отъ Госпожи на дни до Корочюна“—П. С. Р. Л., III, 9; Изв. Ак. Н., II, 289; Ганушь, 42—43; Каравел., 279; Терещ., VII, 20—21. Слово Корочунъ донынѣ остается необъясненнымъ. Карамзинъ производилъ его отъ коротать (укорачивать) на томъ основаніи, что въ декабрь бывають самыя короткіе дни; но съ половинъ декабря оолнце поворачиваетъ на лѣто и дни начинаютъ удлиняться, что и было признано за самый характеристическій признакъ этого мѣсяца, названнаго коложегомъ и просивцемъ. Г. Эрбенъ (Рус. Бес. 1857, IV, 95, 124 — 5) сближаетъ названіе Корочунъ съ именами Къртъ и Кракъ (отъ крѣти); основываясь на глассахъ Вацерада, въ которыхъ сказано: „Mercurius—Radihost, wnik Kirtow“, онъ призываетъ Кърта славянскимъ Сатурномъ; извѣстно, что празднованіе сатурналіи начиналось съ 17-го декабря. По указанію г. Срезневскаго, у хорутанъ и хорватовъ слово къртъ употребляется въ значеніи „огня“; у послѣднихъ существуютъ поговорки: „ne wsi gremo w K'rtowo, marsikerl w č'rtowo“ (не всѣ пойдѣтъ къ Кърту, нѣмѣ къ чорту), „wsi gremo w K'rtowo“ (всѣ пойдѣтъ въ Къртово царство=всѣ повремъ); K'rtowa dežda (Кърто-

Все, что растветъ земля, есть даръ небесныхъ боговъ (Святовита, Дажьбога, Перуна, Волоса, Лады), согрѣвающихъ ее солнечными лучами и поящихъ лѣса, поля и нивы живительною влагою дождя. На Руси говорятъ о хлѣбѣ: «даръ божіѣ» (пол. *z boże* — жито), «святой хлѣбъ», «снопъ святаго жита»; хлѣбъ-соль принимается за эмблему плодородія, богатства и счастья, служить необходимою принадлежностью всяка-

ва область) — небо или рай — Ж. М. Н. П. 1846, VII, 50—51. Другое имя славянскаго Сатурна, сообщаемое въ глоссахъ Вацерада, — *Sitivgat* (Сити-вратъ). По мнѣнію Эрбена (Рус. Бес. 1857, IV, 88), оно обозначаетъ поворотъ свѣта (серб. сит = сѣт = свѣт — Срп. рѣчник, 682); Яковъ же Гриммъ (D. Myth., 227—8) высказалъ догадку, что начальная половина этого имени должна указывать на сито, которое во 1-хъ своею кругловидною формою приравнивается „колесу“, а во 2-хъ самымъ назвліемъ своимъ возбуждаетъ мысль о посѣвахъ и земномъ плодородіи (обл. ситиво, сътево — лушко для высѣва хлѣбныхъ зеренъ = сѣялка, серб. ситар — сѣятель). Такимъ образомъ Ситивратъ (= коло-вратъ) будетъ богъ, поворачивающій солнечное колесо на лѣто, и являеться съ этимъ возвращающій землѣ силу плодородія; выше (I, 571—2) были приведены и объяснены народныя повѣрья, сблизяющія капли дождя съ хлѣбными сѣменами и утверждающія, что дождь падаетъ съ неба сквозь рѣшето или сито. Финны называютъ сѣялку *Уккопак* (коробка бога-громовника *Укко*). Въ Малороссіи при „посыпаніи“ на Новый годъ причитываютъ (Метлинск., 344):

Сито, сито

На нове лѣто!

Зароды, Боже, жыто-пшеницю,

Усикю пашащю.

Нѣмцы, празднуя на Рождественскія Святки возвратъ свѣтлыхъ боговъ, представляютъ это событіе въ драматическомъ обрядѣ, при чемъ лице, играющее роль Одина, держитъ на высокоиъ шестѣ сито — *Die Götterwelt*, 141—2. Память о Ситивратѣ уцѣлѣла въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей: Ситомиръ, Ситяваратевштейнъ = Ситивратовъ камень, и др. — Мамушева: Сказан. о бытѣ и нрав. славянъ, 82. — Идея борьбы между лѣтомъ и зимою, жизнью и смертію составляетъ главнѣйшую основу всѣхъ мнелогій. По указанію Зендавесты, Ормуздъ (свѣтъ) постоянно борется

го семейнаго и общественнаго торжества ¹⁾, предохраняетъ отъ колдовства и нечистой силы ²⁾; перная пѣсня, при святочныхъ гаданіяхъ, возглашается хлѣбу: «мы хлѣбу пѣснь поемъ,

съ Ариманомъ (тьмою), каждый торжествуя въ свою очередь. Египтяне ежегодно весною праздновали возвращеніе къ жизни Озири-са (бога свѣта и плодородія), убитаго Тифономъ: явившись на землю въ образѣ человека, онъ оказывалъ людямъ благодѣянія и предъ возвратомъ на небо былъ умерщвленъ, но въ определенное время возсталъ для новой жизни. По греческому сказанію, Діонисъ, въ которомъ олицетворялась плодотворящая сила весны и лѣта, страствуя по землѣ, поучалъ людей добру и побуждалъ зло; былъ убитъ злыми титанами, но потомъ воскресъ и принялъ участіе въ управленіи вселенной; двтородныя части этого бога, найденныя послѣ его смерти, послужили залогомъ нескончаемой жизни въ природѣ. Весенній праздникъ Адонису выражалъ ту же мысль; онъ продолжался два дни: въ первый день носили изображение (куклу) умершаго Адониса, пѣли печальныя пѣсни и совершали погребальную жертву; въ Александріи изображение это выносили на огромномъ катафалкѣ и топили въ водѣ. На другой день совершался обрядъ обрѣтенія или востанія Адониса, сопровождавшійся шумными и веселыми оргіями (I, 783). Сходно съ этимъ, на Украинѣ въ началѣ весны празднуютъ воскресеніе Коструба (Рус. Бес. 1856, III, 106—7). Поселянки водятъ хороводъ и заунывнымъ голосомъ поютъ: „померь-померь нашъ Кострубонько!“ Въ срединѣ круга лежитъ на землѣ дѣвица, представляющая мертваго Коструба; немного погодя, она вскакиваетъ, и въ ту же минуту хороводъ измѣняетъ печальный тонъ на веселый и запѣваетъ:

Оживь, оживь нашъ Кострубонько!

Оживь, оживь нашъ голубонько!

¹⁾ Какими: новоселье, крестины, свадьба, встрѣча почетныхъ гостей; въ мосальскомъ уездѣ приносимыя на домъ иконы встрѣчаются всегда съ хлѣбомъ и солью. — ²⁾ D. Myth., 1056; Этн. Сб., II, 57. Противъ уроковъ и глаза преимущественно употребляютъ соль четверговую (т. е. пережженную въ чистый четвергъ) — Вост. Р. Г. О. 1853, VI, 102; Посл. Дая, 429; D. Myth., 1030; Черты литов. нар., 95. Разсыпать соль — дурной знакъ; подавая за столомъ солонку, необходимо положить въ нее кусочекъ хлѣба, т. е. вадю подавать не просто соль, а хлѣбъ-соль — Пузан., 8, 164; D. Myth., 1090.

хлѣбу честь воздаемъ!»¹⁾ Принимаясь за новую ковригу хлѣба, крестьяне произносятъ: «Господи благослови!» «Сказать на хлѣбъ худое слово» они считаютъ за величайшее беззаконіе; не слѣдуетъ ни сорить хлѣбомъ, ни катать изъ него шариковъ — не то Богъ накажетъ неурожаемъ и голодомъ. Кто, вкушая хлѣбъ, ромяетъ крошки нѣземь, за тѣмъ подбираютъ нечистые духи, и если собранныя ими крошки будутъ вѣсить больше самого человѣка, то душа его, по смерти, достается дьяволу. Напротивъ, кто не брезгаетъ хлѣбомъ, ѣсть его чорствый и цвѣлый (съ плесенью), тотъ не будетъ бояться грома, не потонетъ въ водѣ, доживетъ до преклонной старости и не извѣдаетъ нищеты. Крестьяне тщательно собираютъ хлѣбныя крошки и кормятъ ими домашнюю птицу, а чорствыя корки бросаютъ въ затопленную печь²⁾. Всѣ земледѣльческія работы (посѣвъ, жатва, молотба и проч.) уже въ глубочайшей древности получили священное значеніе; онѣ обставлялись различными религіозными церемоніями, жертвоприношеніями и призываніемъ боговъ³⁾.

Съ приходомъ весны приступаютъ къ удобренію и вспахиванію полей и заѣззу яровыхъ хлѣбовъ. Передъ началомъ этихъ работъ, а равно и послѣ — передъ покосомъ и жнитвою, совершается крестный ходъ на поля, при чемъ церковныя хоругви и образа бывають увиты свѣжею зеленью и цвѣтами; священникъ благославляетъ нивы и кропитъ ихъ святою водою. На Срѣтенье каждый хозяинъ освящаетъ для себя восковую свѣчу; эту свѣчу онъ заботливо хранитъ въ амбарѣ, а при посѣвѣ и зажинкахъ выноситъ ее на собственное поле, какъ эмблему того небеснаго огня, который возжигается богиней Ладою и дѣйствіемъ котораго земля получаетъ силу плодородія. На

¹⁾ Сахаровъ, I, 11. — ²⁾ Херсон. Г. В. 1852, 17; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 40; Громанъ, 102—4; Beiträge zur D. Myth., I, 218. —

³⁾ Кулаижъ, 209

Благовѣщенье и въ чистый четвергъ поселяне освящаютъ просвиры и потомъ привязываютъ ихъ къ сѣялкамъ; въ нѣкоторыхъ же деревняхъ просвиры эти высушиваются, стираются въ порошокъ и смѣшиваются съ хлѣбными зернами, предназначенными для поста ¹⁾; въ черниговской губ. принято освящать въ церквахъ самыя сѣмена ²⁾. Застѣвальщики, выходя въ поле, молятся на три стороны: восточную, южную и западную, въ каждую бросаютъ по горсти зѣренъ съ низкими поклонами, и затѣмъ уже принимаются за постъ ³⁾.

Во владимірской губ. удѣлять любопытный обрядъ водить колосокъ. Около Троицына дня, когда озимая рожь начинаетъ колоситься, бываетъ обрядовое шествіе на застѣянные ею поля. Молодыя женщины, дѣвушки и юности, собираясь на окраинѣ селенія, схватываются попарно руками ⁴⁾ и устанвливаются въ два ряда, обращенные другъ къ другу лицами; по ихъ соединеннымъ рукамъ, словно по мосту, идетъ маленькая дѣвочка, убранная разноцвѣтными лентами. Каждая пара, которую она прошла, спѣшитъ забѣжать впередъ и стать въ концѣ ряда; такимъ образомъ процессія подвигается до самой нивы. Здѣсь дѣвочку спускаютъ наземь; она срываетъ нѣсколько колосовъ, бѣжитъ съ ними въ село и бросаетъ ихъ возлѣ церкви. Во время шествія поютъ слѣдующую пѣсню:

Пошелъ колосъ на ниву,
На бѣлую пшеницу.
Уродися на дѣто
Рожь съ овсомъ,
Со дикушей ⁵⁾, со пшеницею.

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 101, 103; Терещ, V, 35. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1855, 20. — ³⁾ Сахаров., II, 28. — ⁴⁾ Это дѣлается такъ, чтобы четыре руки составили ввадрать; каждый сначала беретъ правой рукою свою-же собственную лѣвую, а этой послѣднею схватываетъ около локтя руку того, кто съ нимъ, въ парѣ. — ⁵⁾ Гречихою.

Или: Ходить колось по яри,
 По бѣлой пшеницѣ;
 Гдѣ царяца шла —
 Тамъ рожь густа:
 Изъ колосу осьмина,
 Изъ зерна коврига,
 Изъ полузерна пирога.
 Родися, родися
 Рожь съ овсомъ;
 Живите богато
 Сынъ съ отцомъ! ¹⁾

Когда рожь, ячмень и пшеница поспѣютъ, хозяйка съ хлѣбомъ-солью и громнитною ²⁾ свѣчею въ рукахъ отправляется зажинать ниву. Первый нажатый ею снопокъ называется ишяинникомъ; хозяйка приноситъ его въ избѣ и ставитъ въ переднемъ углу у божницы. Въслѣдствіи снопокъ этотъ обмолачиваютъ отдѣльно; собранныя отъ него зерна носятъ для освященія въ церковь и частію мѣшаютъ съ сѣменами, оставаемыми для засыва полей, частію-же берегутъ какъ цѣлебное снадобье—на случай различныхъ недуговъ. Соломою отъ этого снопа кормятъ больную скотину. Въ старину — для того, чтобы умолотъ былъ изобильнѣе и лучше, первый (зажиночный) снопокъ относили въ овинъ или на гумно и оставляли тамъ до молотбы. По обычаю, принятому въ некоторыхъ малорусскихъ уѣздахъ, зажинъ дѣлается священникомъ. По окончаніи жатвы, жницы обходятъ ниву, собираютъ случайно-несрѣзанные серпомъ колосья и вьютъ изъ нихъ золотистый вѣнокъ ³⁾, переплетая его васильками и другими полевыми цвѣтами; вѣнокъ этотъ надѣваютъ на самую красивую дѣвушку, и затѣмъ отправляются на хозяйскій или господскій дворъ съ пѣснями.

¹⁾ Москва. 1853, XV, 147-8; Владим. Г. В. 1853, 29. Болгары обвиваютъ первыми колосьями мальчика, поднимаютъ его на руки и поютъ пѣсни (сообщено Каравеловымъ). — ²⁾ Срѣтенскою. —

³⁾ Иногда-же два вѣнка: одинъ изъ ржи, другой изъ пшеницы.

Впереди идетъ мальчикъ и несетъ украшенный цвѣтами снопь.
Подходя къ воротамъ, поютъ:

Одомки, пане, новы ворота,
Несемъ вѣночекъ в' щираго злота;
Ой выйди, пане, хоць на ганечекъ ¹⁾,
Ой выкупъ-выкупъ злоты вѣночекъ,
Бо то вѣночекъ в' злота увитый.

Хозяинъ или помѣщикъ выходитъ на крыльцо, встрѣчаетъ жницъ съ хлѣбомъ-солью и угощаетъ ихъ обѣдомъ и горѣлкою. Вѣнокъ, свитый изъ послѣднихъ колосьевъ, и снопь, принесенный мальчикомъ, передаются хозяину со словами: «дай Боже, щобъ и на той годъ уродывся хлѣбъ!» и до 6-го августа должны оставаться въ переднемъ углу, подъ образами; въ этотъ-же праздничный день носить ихъ въ церковь и освящаютъ, вибѣтъ съ разными первинками, а именно: вибѣтъ съ хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ новаго жита, сотами, только что вырѣзанными изъ улья, новыми яблоками и грушами. Зѣрна отъ этихъ освященныхъ колосьевъ сохраняются для будущаго постѣва. Чтобы узнать, какой постѣвъ будетъ урожайнѣе: ранній, средній или поздній, отрываютъ отъ вѣнка три колоса и закапываютъ ихъ въ землю; одинъ колосъ знаменуетъ ранній постѣвъ, другой — средній, третій — поздній, и смотри по тому, какой изъ трехъ колосьевъ скорѣе и лучше пуститъ ростки, заключаютъ о срокѣ наиболѣе-выгодномъ для осѣмене-нiя полей ²⁾. У лужичанъ большой снопь, перевитый цвѣтами, устанавливается на возу стоймя, поверхъ всѣхъ другихъ сноповъ, и доставляется въ деревню въ сопровожденiи жницъ, изъ которыхъ одна несетъ вѣнокъ изъ колосьевъ, а другiе

¹⁾ На крыльцо. — ²⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 108—110; 1857, IV, 271; Милкъ, VIII, 73; Черинг. Г. В. 1856, 22; Молодичъ 1844, 95; Меглин., 328; Малорос. деревня, соч. Кулжинскаго, 47—50; Вѣст. Евр. 1827, XI, 191; Трещ., V, 105, 109, 128—9; Сахаров., II, 44, 47; Нар. сл. раз., 154.

держатъ въ рукахъ полевые цвѣты. Въ пензенской и симбирской губерніяхъ послѣдній (дожиночный) снопъ называютъ *имянинникомъ* и наряжаютъ его въ сарафанъ и кокошникъ; въ смоленской губ. придѣлываютъ къ нему руки и одѣваютъ его въ бѣлую накидку и кичку. Съ пѣснями и плясками несутъ эту куклу на господскій дворъ, гдѣ уже загодя готовится для жницъ обильное угощеніе. Во время пиршества *имянинный* снопъ стоитъ на столѣ, а потомъ переносится въ передній уголъ. Существуетъ еще обычай: по снятіи хлѣба, обвязывать серпы житною соломкою и пологать ихъ подъ иконами ¹⁾). Праздникъ окончанія жатвы извѣстенъ подъ названіями *обжинокъ*, *дожинокъ* и *талаки*. Последнее названіе употребительно въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Какъ скоро у какого-нибудь зажиточнаго землевладѣльца назначается окончательная уборка хлѣба, къ нему тотчасъ-же со всѣхъ сторонъ собираются жницы, готовые на бесплатную работу ради *талаки*, т. е. собственно ради праздничнаго угощенія ²⁾). Подъ сумерки, когда дожинаютъ послѣдній загонъ, каждая жница откладываетъ по нѣскольку колосьевъ, изъ которыхъ и связывается общій дожиночный снопъ. Послѣ того дѣвицы-талачейки, для рѣшенія вопроса: кому изъ нихъ нести этотъ снопъ, или (какъ онѣ сами выражаются) кому изъ нихъ быть *Талакою*, бросаютъ между собой жребій. Указанную жребіемъ *Талакою* онѣ убираютъ цвѣтами, въ руки ей даютъ дожиночный снопъ, а на голову надѣваютъ ей длинное бѣлое покрывало и вѣнокъ, сплетенный изъ хлѣбныхъ колосьевъ, пахучихъ травъ и цвѣтовъ; при этомъ поютъ слѣдующую обрядовую пѣсню:

¹⁾ Терещ., V, 110, 131—4; Рус. прост. праздн., IV, 83—84; Сахаров., II, 49—50; *Volklieder der Wenden*, II, 221. — ²⁾ Въ великорусскихъ областяхъ *толокá* — общинная уборка хлѣба или сѣна, *помочь*; *толокъ* — токъ, гдѣ молотятъ хлѣбъ, и *нава*, оставленная подъ парь — Обл. Сл., 230.

Добры вечаръ, Талака!
 Да вазьми-жь адъ нась, вазьми-но
 Гэты збожы 1) ты снапокъ;
 Да надзвнъ-же, надзвнъ-но
 З' красками 2) прыгожъ вѣнокъ!
 З' гэтымъ дѣбрымъ пойдземъ же мы
 Къ пану да къ гаспадару,
 Прывесемъ же мы ямў
 Счасьщечко тваё въ хоромы.
 Ловъ той панъ-гаспадарыкъ
 Справнцъ намъ дажыначки...

Затѣмъ жницы выстраиваются въ длинный рядъ—пара за парю, становятъ впереди себя Талаку и отправляются на хозяйскій дворъ съ пѣсней, въ которой приглашаютъ вава-господаря приготовиться къ надлежащей встрѣчѣ. Заслышавъ ихъ голоса, хозяинъ и хозяйка выходятъ къ воротамъ, кланяются Талакѣ въ поясъ и подносятъ ей хлѣбъ-соль, а отъ нея принимаютъ дожиночный снопокъ; Талаку, какъ самую почетную гостью, они усаживаютъ на покутѣ, подъ образами; всѣ же прочія жницы размѣщаются частію въ избѣ и сѣняхъ, частію на дворѣ. По окончаніи пиршества, за которымъ бываетъ всего вдоволь—и меду, и пива, и саламахи 3), слѣдуютъ веселыя пляски и пѣсни. Праздникъ заключается тѣмъ, что Талака снимаетъ съ себя вѣнокъ и отдаетъ его хозяину, при чемъ хоръ обращается къ ней съ такою просьбою:

А Талака-жь ты, Талака.
 Да цырая-жь ты, Талака!
 Да нагадуй-же дгъ уздвѣ
 Гаспадару таму снапковъ,
 Да нарадзи-кх ты ямў
 Жытца-жытца сто карабовъ...

Въ гродненской губ. вѣнокъ этотъ надѣваютъ на кіоту; что же касается «дожиночнаго» снопа, то его кропятъ св. водою

1) Житный. — 2) Цвѣтами. — 3) Напитокъ, приготовляемый изъ водки, меду, сливок и вишенъ.

и ставятъ на покутѣ, ряломъ съ другимъ — прежде-принесеннымъ имъ «зажигочнымъ» снопомъ, гдѣ и остаются они нерѣдко въ продолженіе цѣлаго года ¹⁾. Болгары дѣлаютъ изъ послѣдняго снопа куклу, называемую жтварка-църка (житная царица) или жтварска мома, одѣваютъ ее въ женскую сорочку и носятъ вокругъ села, а потомъ или бросаютъ ее въ рѣку (дабы призвать на поспѣвы обильные дожди и росы), или сожигаютъ на огнѣ и пепелъ разбрасываютъ по нивамъ. Въ нѣкоторыхъ-же мѣстностяхъ куклу эту берегаютъ до будущей жатвы, и когда случается засуха — носятъ ее въ крестномъ ходѣ, съ мольбами о дождѣ в съ возглашеніемъ обрядовой пѣсни:

Катъ жтварка бѣгаше,
Тихъ вѣтрець вѣеше;
Кога мома плачеше,
Ситна роса росеше;
Мома-те са засѣтя,
Ясно слънце огрѣя, и проч.

Того, кто првноситъ житный вѣнокъ съ поля, въ венгерской Сербіи окачиваютъ водою; у насъ-же въ бѣлорусскихъ деревняхъ ведро воды выливается на самый вѣнокъ. Но цѣль обряда и тамъ, и здѣсь одна: это именно — желаніе, чтобы въ будущемъ году не было недостатка въ дождяхъ ²⁾. Покончивъ жнитво и приступая къ запашкѣ полей подъ озимые поспѣвы, великорусскіе крестьяне завариваютъ пиво или брагу и назначаютъ ближайшій праздничный день для служенія общественнаго молебна. Когда наступитъ этотъ день, каждый домохозяинъ приноситъ въ церковь освящать баранье плечо или пѣтуха, и потомъ приготовленными яствами, пивомъ и брагою угощаютъ своихъ сродниковъ и знакомыхъ. Въ нѣкото-

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 111 — 120; Описаніе гродненск. губ., I, 840. — ²⁾ Сообщ. Каравеловымъ; Младин., 524; Археолог. Вѣст. 1867, II, 57.

рых деревнях пиршество отправляется всеми крестьянами вместе: къ назначенному дню они варят брагу, пекутъ пирог и заколают барана на мірской счетъ, т. е. въ складчину ¹⁾. Въ старину, по окончаніи жатвы, заколали въ житвѣ козла; кровь его собирали въ чашу и окропляли ею присутствующихъ, а мясо варили и съѣдали за общею трапезой ²⁾.

Съ сентября-мѣсяца принимаются молотить хлѣбъ. Во многихъ великорусскихъ деревняхъ въ тотъ день, съ котораго начинается эта работа (замолокки), овинъ слыветъ у крестьянъ и мянниномъ. Вечеромъ, наканунѣ этого дня, хозяинъ протаплавляетъ овинъ, а на утро созываетъ туда молотильщиковъ и угощаетъ ихъ кашею; послѣ завтрака, приступая къ работѣ, затыкаютъ во все углы гумна или риги по нѣскольку колосьевъ — для того, чтобы умолотъ былъ хорошій изобильный. Молотить обыкновенно начинаютъ съ такъ называемаго «мянниннаго» снопа. Въ нѣкоторыхъ-же деревняхъ мяннины овина справляются въ день окончанія молотбы и приготовляемая тогда каша называется домолотною ³⁾. Овинъ, какъ мѣсто, гдѣ просушивается зерновой хлѣбъ, издревле пользовался тѣмъ-же самымъ религіознымъ почетомъ, чѣмъ и домашній очагъ (см. II, 70). Церковный уставъ св. Владимира, въ числѣ другихъ остатковъ языческаго суевѣрія, подлежащихъ духовному суду, указываетъ и на моленье подъ овинномъ ⁴⁾. Въ словѣ христіюбца встречаемъ подобное-же указаніе: «еже молятся огневѣ подъ овинномъ» ⁵⁾. Въ орловской губ. и донинѣ рѣжутъ куръ подъ овинномъ 4-го сентября, слѣдовательно при началѣ молотбы;

¹⁾ Рус. прост. праздн., IV, 82—83; Сахаров., II, 48—49, 54. —

²⁾ De diis samagitarum, 19—20. — ³⁾ Сахаров., II, 59; Рус. прост. праздн., IV, 83; Терещ., V, 140—1; Нар. сл. раз., 154. —

⁴⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 1: «или кто молятся подъ овинномъ». —

⁵⁾ Лвт. рус. лит. и древн., т. IV, 90, 94; Оп. Румын. муз., 229.

въ другихъ-же мѣстностяхъ удѣлялъ обычай рѣзать въ овинѣ пѣтуха 1-го ноября ¹⁾). Въ ярославской губ. крестьяне, чувствующие боль въ поясницѣ, ходятъ въ подлазъ овина, и потираясь спиной объ его стѣну, произносятъ слѣдующія слова: «батюшка овини! проси мой уц(т)внѣ» ²⁾. Отсюда объясняется и старинная поговорка: «церкви — не овины, въ нихъ образа всё едины» ³⁾, т. е. все равно, въ какой ни молиться церкви — въ своей приходской, или въ чужой; напротивъ, языческій культъ ограничивался исключительнымъ чествованіемъ своего очага, своего овина.

Земные урожай зависятъ отъ дѣятельности стихійныхъ духовъ. Носясь по воздушнымъ пространствамъ въ буйномъ полетѣ грозовыхъ тучъ и вѣтровъ, духи эти нисходятъ на землю оплодотворяющимъ сѣменемъ дождя, преобразуются въ ея материнскихъ нѣдрахъ въ безчисленные зародыши и затѣмъ нарождаются разнообразными и роскошными злаками. Вообще все растительно: царство представлялось древнему человѣку воплощеніемъ стихійныхъ духовъ, которые, соединяя свое бытіе съ деревьями, кустарниками и травами (=облекаясь въ нихъ зеленая одежды), чрезъ то самое получали характеръ лѣсныхъ, полевыхъ или житныхъ геніевъ. По нѣмецкимъ, славянскимъ и литовскимъ преданіямъ, житные духи ⁴⁾ въ лѣтнюю половину года обитаютъ на нивахъ. Когда хлѣбъ посѣетъ и поселяне начинаютъ жать или косить его, полевикъ бѣжитъ отъ взмаховъ серпа и коны и прячется въ тѣхъ колосьяхъ, которые еще остаются на корню; виѣстѣ съ послѣд-

¹⁾ Литовцы, запанчивая молотью, убивали чернаго или бѣлаго пѣтуха, съ мольбою, обращенною къ богу, который обитаетъ въ овинѣ и сушитъ зерновой хлѣбъ — *De diis samagitarum*, 39—40. У нѣмцевъ житвенное пиршество называется *hahnstahlzeit*. —

²⁾ Эгв. Сб., I, 164. — ³⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, 2-ая полов., 217. — ⁴⁾ Славяне даютъ имъ названія: полевой дѣдъ, полевикъ, гречуха, жыдень.

не-срѣзанными колосьями онъ попадаетъ въ руки жнеца и въ послѣднемъ — дожиночномъ снопу приносится на гумно или въ домъ земледѣльца. Вотъ почему дожиночный снопокъ наряжаютъ куклою и ставятъ его на почетномъ мѣстѣ, подѣ образами. Въ Германіи ernteruppe помѣщается иногда въ переднемъ углу, иногда у домовоѣ двери или на верхушкѣ кровли, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остается тамъ въ продолженіи цѣлаго года—до тѣхъ поръ, пока новая кукла не смѣнитъ прошлогодней. Вѣрять, что пребываніе ея въ домѣ приноситъ хозяину, его семьѣ и житницамъ божье благословеніе. Бѣльшею же частію кукла эта сберегается только до времени поста: тогда ее обмодачиваютъ и добытыми изъ нея зернами осѣменяютъ поля—съ тою цѣлю, чтобы житный духъ, заключенный въ послѣднемъ снопѣ, могъ возродиться и заявить свою благотворную силу въ новыхъ всходахъ. Дожиночный снопокъ одѣваютъ въ мужскіе или женскіе наряды; въ первомъ случаѣ его называютъ: нѣмцы—*roggenmann* ¹⁾, *erntemann*, *grossvater*, славяне — дѣдъ, *dziad*, *dėdek*; во второмъ случаѣ нѣмцы называютъ его *kornmutter*, *erntemutter*, *roggenalte*, *grossmutter*, а славяне — баба, *żytna baba*, *żytna* (*pszeniczna*, *grochowa*) *matka*. По литовскому повѣрью, послѣдній ударъ, наносимый серпомъ во время жатвы, или цѣпомъ во время молотбы, падаетъ на житную бабу, и тотъ, кто его наноситъ, называется ея убійцею. Въ Германіи жнецы къ тому изъ своихъ товарищей, кто срѣзываетъ послѣдніе колосья или связываетъ послѣдній снопокъ, обращаются съ слѣдующимъ восклицаніемъ: «*du hast den Alten und mußt ihn behalten!*» Растя хлѣбные злаки и творя урожай, житные духи готовятъ запасы для своего собственнаго пропитанія, подобно тому, какъ пчелы запасаютъ для себя пищу въ медовыхъ сотахъ. Человѣкъ питается плодами ихъ твор-

¹⁾ Или *weizen(gersten, hafer)-mann*.

ческой дѣятельности, но не долженъ забирать всего; часть хлѣба онъ обязанъ оставлять для житныхъ духовъ, дабы они могли прозимовать безъ нужды и заботы. Слѣдуя стародавнему обычаю, крестьяне оставляютъ на поляхъ нѣсколько несрѣзанныхъ колосьевъ, въ саду нѣсколько несорванныхъ яблокъ, а на току нѣсколько пригоршней обмолоченнаго зерна, и за все это ожидаютъ на будущій годъ богатаго урожая. Кто не исполняетъ этой обязанности, у того житные духи похищаютъ хлѣбъ изъ закромовъ ¹⁾. Западные славяне рассказываютъ, что дѣдко всю зиму сидитъ заключенный въ житницѣ и поѣдаетъ сдѣланные запасы (II, 487 ²⁾). Какъ существа стихійныя, являющіяся въ бурныхъ грозахъ и дождевыхъ дняхъ, житные духи смѣшиваются съ духами дикой охоты и неистоваго воинства. Вмѣстѣ съ этимъ житный дѣдъ обливается съ Однимъ, а житная баба, *kopfmutter*, съ *frau Gode*, Гольдою или Бертою. И Одинъ, и *frau Gode* чествуются, какъ податели земнаго плодородія; и тому, и другой поселяне оставляютъ на лугахъ и нивахъ часть нескошенной травы и несжатого хлѣба; *frau Gode* сидитъ въ колосистомъ житѣ и послѣдній

¹⁾ Въ Германіи названное, пожирающее зерновой хлѣбъ въ амбарахъ, называется *kopfwolf*; о связи житныхъ духовъ съ мифическими волками и другими животными сказано было выше (Поэт. Вое., I, 769). Не менѣе любопытны повѣрья, олицетворяющія житнаго духа въ образъ пѣтуха (*getreidehahn*). Намцы приготовляютъ изображеніе пѣтуха изъ зрѣлыхъ колосьевъ и ставятъ его на шесть, посреди сятаго поля. Въ Галиціи и Польшѣ поверхъ вѣлика, силетнаго изъ цвѣтовъ и колосьевъ и надѣтаго на голову избранной жницы, привязываютъ живаго пѣтуха, и если пѣтухъ начинаетъ клевать колосья—это принимается за предвѣстіе урожая на слѣдующій годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи привязываютъ живаго пѣтуха къ послѣднему снопу, или зарываютъ его на шивъ въ землю, оставляя свободно одну голову; затѣмъ жнецъ обретается за серпъ и срываетъ ему голову. — ²⁾ Въ Галиціи житнаго дѣда представляютъ старикомъ съ тремя длиннородыми головами и тремя огненными языками.

снопъ называется *Egntewôd*; чтобы Гольда (*frau Holle*) не поѣдала хлѣба изъ житницъ, для нея оставляютъ на нивѣ три несрѣзанныхъ колоса. Согласно съ двойственнымъ представленіемъ Гольды то свѣтлою, благотвѣтельною богинею, то злою, демоническою вѣдьмою, житная баба не всегда даруетъ урожай; раздраженная на земледѣльца, она палитъ его нивы и пожираетъ его хлѣбъ ¹⁾; славяне отождествляютъ ее съ бабой-ягою, а нѣмцы съ желѣзною Бертою (см. выше стр. 591-3). Описанные нами обряды «водить колосъ», водить «Талаку» и носить наряженный въ женскія платья снопъ знаменуютъ шествіе богини земнаго плодородія. Что уборка хлѣба обставлялась у славянъ различными религіозными церемоніями, на это имѣются положительныя свидѣтельства. По словамъ Ибнъ-Дасты ²⁾, славяне въ пору жатвы насыпали въ ковшъ просыныя зерна, подымали ихъ къ небу и молились: «Господи—ты который даешь намъ пищу! снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ». Въ Арконѣ жатвенный праздникъ сопровождался мольбою и жертвоприношеніями Святовиту, гаданіями о будущемъ урожаѣ и общественнымъ пиршествомъ (I, 377-8; III, 745-6). Иногда кукла, приготовляемая изъ послѣдняго снопа, представляется ребенкомъ (*egntekind*, *korpkind*). Въ зрѣломъ колосистомъ хлѣбѣ древній человекъ видѣлъ прекрасное дитя, порожденное плодovitою Землею, (сравни II, 489-490)—дитя, которое въ жатвенную пору отдѣляется отъ ея материнскаго лона. Это воззрѣніе очевидно изъ польскаго обыкновенія кричать тому, кто срѣзываетъ послѣдніе колосья: «ты отрѣзалъ пуповину!» По народной прѣвѣтѣ, та жница, которая свывала послѣдній снопъ, должна непременно родить въ продолженіи года ³⁾.

¹⁾ Т. е. производитъ засуху, пускаетъ градъ и посылаетъ истребительныхъ насекомыхъ. — ²⁾ Ж. М. Н. II. 1868, X, стат. Хвольсона, 671. — ³⁾ Die korndämonen, соч. Маншгардта, 7—32.

Послѣ представленныхъ нами изслѣдованій мы въ правѣ сказать, что духовная сторона чловѣка, міръ его убѣжденій и вѣрованій, въ глубокой древности не были вполне-свободными дѣломъ, а неизбежно подчинились матеріальнымъ условіямъ, лежавшимъ столько-же въ природѣ окружающихъ его предметовъ и явленій, сколько и въ звукахъ роднаго языка. Слово чловѣческое, по мнѣнію нашихъ предковъ, надѣлено было властительною, чародѣйною и творческою силою; и предки были правы, признавая за нимъ такое могущество, хотя и не понимали, въ чемъ именно проявляется эта сила. Слово, конечно, не можетъ заставить свѣтитъ солнцу или падать дождь, какъ вѣрили язычники; но если не внѣшнюю природою, за то оно овладѣло внутреннимъ міромъ чловѣка и тамъ заявило свое чарующее вліяніе, создавая небывалыя отношенія и образы, и заставляя младенческія племена па нихъ основывать свои нравственныя и религіозныя убѣжденія. Часто изъ одного метафорическаго выраженія, какъ изъ зерна, возникаетъ цѣлый рядъ примѣтъ, вѣрованій и обрядовъ, опутывающихъ жизнь чловѣческую тяжелыми цѣпами, и много-много нужно было усилій, смѣлости, энергій, чтобы разорвать эту невидимую сѣть предрасудковъ и взглянуть на божій міръ свѣтлыми очами!

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

ТОМЪ I.

Стр. 34: Кто упадетъ въ первый день новаго года, тому предстоятъ скорая смерть — Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 332.

Стр. 38: Свѣжіе слѣды, оставленные воромъ, совѣтуютъ собирать въ мѣшокъ и вѣшать въ дымовую трубу, чтобы онъ изсохъ какъ щепка — Beiträge zur D. Myth., I, 240.

Стр. 66: «Zaklinjem te suncem i misecom» — Иличь, 275 (народная пѣсня).

Стр. 73: Во Франціи крестьяне, завидя на небѣ молодой мѣсяцъ или вечернюю звѣзду (Венеру), преклоняютъ колѣна и творятъ молитву — Beiträge zur D. Myth., I, 252-3.

Стр. 74-76: «Die Ehe ist also die glücklichste, wenn während der Trauung Sonne und Mond zu gleicher Zeit am Himmel stehn, also das himmlische Paar ebenfalls ihre Vereinigung findet. Nach dem Grishyasûtra wurde die indische Hochzeit mit einem Hymnus auf die Hochzeit der Sonne und des Mondes (Sûrya und Soma) eingeleitet» — Громанъ, 116.

Стр. 80: Луна (luna вмѣсто lucna, lucina, т. е. свѣтящаяся) отъ свкр. luk — luceo; лат. luc-s, lumen (вм.

luc-men), гр. λύχνος — leuchte, λευκός — бѣлый, слав. лучь — Курціусъ, 130.

Стр. 86-88: У различныхъ славянскихъ племень утренка означаетъ то утреннюю зорю, то звѣзду денницу (k gaso-pani).

Стр. 93: Věľbožice—въ Чехахъ, Věľbožnicja — въ Галиціи (Часопясь чешск. муз. 1863, I, 28). Въ «Сборникѣ памяти. нар. творчества въ сѣв.-запад. краѣ» (I, 115—7) напечатаны двѣ пѣсни, записанныя будто-бы въ минской губ., въ которыхъ упоминается про Чернаго бога; но пѣсни эти—не болѣе, какъ неудачная поддѣлка. Г. Котляревскій въ критической статьѣ своей, посвященной I-му т. Поэт. Воз., (стр. 23) доказываетъ, что бамбергскій истуканъ есть просто изображеніе льва, какія ставились въ средніе вѣка у церковныхъ дверей, и не имѣетъ никакого отношенія къ Чернобогу.

Стр. 96: Velenus въ древнихъ надписяхъ сопоставляется рядомъ съ именемъ Аполлона; ирл. beal, beul, bel—солнце—Галлы, соч. Георгіевск., 136-7.

На той-же страницѣ, 9 и 10-ую строки снизу слѣдуетъ читать: «Слова свѣтъ и святъ если не филологически, то по значенію тождественны; ибо по древнѣйшему убѣжденію святой...» и т. дал. Но замѣчанію г. Котляревскаго (Разборъ I т. Поэт. Воз., 30), мысль о сродствѣ означенныхъ словъ не можетъ быть принята, такъ какъ въ противномъ случаѣ слѣдовало бы допустить несогласуемый переходъ звуковъ: двогласнаго ѣ=а + і и носоваго ж. «Нѣтъ сомнѣнія (говоритъ онъ), что слова эти различнаго образованія, отъ двухъ корней: *svit* и *svat* или *svan*; оттого въ Ведахъ употребляется *svanta*, въ санскр.—*sveta*, зендъ имѣетъ *sventa* и *svaeta*, Литва—*szwentas* и *svetas*, славяне—святъ и свѣтъ.»

Стр. 119: Οδρανός нельзя сблизать съ ὄρος; такому «сближенію противорѣчитъ разность корней: ὄρος—кор. *gir*

(древ. *gag*), отсюда снкр. *giris*, зенд. *gaigi*, слав. гора; *обравос* отъ кор. *уаг*—покрывать—Разборъ г. Котляр., 30.

Стр. 120: О названіи горы «*Anafielas*» см. въ Разб. Котляр., 44. Сербы думаютъ, что обрѣзанные ногти слѣдуетъ класть за пазуху, ибо на томъ свѣтъ по ногтямъ будутъ судить: чтò дѣлалъ человекъ во время земной своей жизни (Гласник срп. друштва 1867, V, 193). Кашубы совѣтуютъ класть обрѣзанные ногти въ мѣшочекъ и носить на груди; а не то, по смерти, придется искать ихъ. Эти славянскія повѣрья напоминаютъ запретъ Эдды обрѣзывать ногти усопшему (Герман. Mythen, 630). Графъ А. С. Уваровъ сообщилъ намъ, что въ одной изъ разрытыхъ имъ могилъ (во владимірской губ.) онъ нашелъ горшокъ съ обрѣзанными ногтями.

Стр. 129: Въ народномъ закліаніи (Рыбник., IV, 246) читаемъ: «ты Небо—отецъ, ты Земля—мать!»

Стр. 133: Въ Угорской Руси удѣляли поговорки: «и рабогъ го знаелъ» «иди до сто прабоговъ», «бѣсъ ти и сто прабозиль»—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 692.

Стр. 135-6: Снкр. *пā*, наст. *пиб-ати*—пить и *пи-јати*—становится плодороднымъ, жирѣть, *піван*, *півара*—жирный, тучный; сравни *лой* и *литъ*—Труды Моск. Археол. Общ., I, в. 2 й, 229.

Стр. 138: *Brisinga-men*, санскр. *maṇi-gemsha*, *mar-garita*, *monile*, перс. *minu*, греч. *μόνυος*, *μόνυος*, лат. *monile*, рус. *монисты*—Герм. Mythen, 702.

Стр. 141: Русскіе и чехи смачиваютъ первымъ весеннимъ дождемъ свои головы—для того, чтобы волосы росли также быстро и роскошно, какъ майская трава—Громантъ, 52.

Стр. 142: «Земля—свята мати» (Ч. О. И. и Д. 1866, III, 706). Чехи о негодномъ человекѣ выражаются: «*peni hoden, že ho země nosil*» (Гануша: Дѣдъ и Баба, 7.) При первомъ

весеннемъ громѣ они трижды цѣлуютъ землю и думаютъ, что это спасаетъ отъ удара молніи (Громаннъ, 40).

Стр. 146: Авторъ статьи «De diis samagitarum» (14, 40) рассказываетъ, что послѣ сбора жатвы народъ совершалъ жертвоприношеніе и обращался къ землѣ съ такою молитвою: «*Naes tibi o Zemiennik deus, gratias agentes offerimus: quidd nos hoc anno incolumes conseruaris, et omnia nobis abundè dederis, idem ut et in posterum facias, te oramus.*»

Стр. 147-9: По свидѣтельству Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868, II, 65), латыши для разрѣшенія поземельныхъ споровъ выходили на поле, клали на голову глыбу торфа и произносили слѣдующую клятву: «утверждаю, что земля, на которой я стою, есть земля, данная мнѣ Богомъ; если-же слова мои ложны, то да изсохнемъ, почернѣемъ и пропадемъ, подобно этому торфу, я самъ, моя семья и мой скотъ!»

Ромулъ и его товарищи, оставляя Альбу, взяли съ собою по кѣму земли, и эту священную для нихъ землю положили въ основаніе Рима—Куланжъ, 178.

Стр. 151: Въ гродненской губ. по окончаніи жатвы поютъ (Сборн. пам. нар. творч. въ сѣв.-западн. краѣ, 158-9):

Выйди, пане, за ворота,
Выкупъ вѣнка з' золота!
Не з' золота вѣнокъ витый,
Да й з' густаго жита...

Стр. 153: Въ сербской цѣснѣ (сборникъ Петрановича, 493) встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Што ће мени данак без сунашци, *)
Што ли ће ми лице без очију?

Въ восточной Сибири поселяне говорятъ о солнцѣ: Богъ глядитъ съ неба (Щаповъ, 68).

*) День безъ солнца.

Стр. 157: По чешскому повѣрью, кто указываетъ на звѣзды пальцемъ, тому упадетъ звѣзда на очи — и онъ ослѣпнетъ (Громаннъ, 32).

Стр. 163: Въ польской сказкѣ (Глинск., IV, 44—45) Солнце, воротившись вечеромъ домой, «*gozsiagnęło się na łożu kogałowém*» и вскорѣ заснуло.

Стр. 170: Сравни рус. моргать и литов. *mirgti, mirgėti* — мерцать, сверкать (Дифенбахъ, II, 764; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 545).

Стр. 175: Народная пѣсня, записанная въ гродненской губ., говорить о погибшей дѣвицѣ: «гдѣ ея очки упали, тамъ свѣчки горѣли» (Сбор. памяти. нар. творч. въ свѣ.-зап. краѣ, 244).

Стр. 176: Въ Младшей Эддѣ солнцу дается поэтическое названіе *eldr himins ok lopts* (*feuer des himmels und der luft*), и наоборотъ огонь называется *sól húsanna* (*die sonne der häuser*) — *Die Symbolik von Sonne und Tag*, 49.

Стр. 181: «*Už se s nim svečegiva*» говорятъ чехи объ умирающемъ — Котляр. О погребальн. обычаяхъ, 186. Сербы не совѣтуютъ засыпать въ то время, когда садится солнце (Гласник срп. друштва 1867, V, 150): повѣрье, возникшее изъ боязни, чтобы умирающее вечеромъ (=отходящее ко сну) солнце не увлекло вслѣдъ за собою въ загробное царство и того, кто при его закатѣ пожелаетъ отдаться безмятежному покою

Стр. 184: По мнѣнію чеховъ. послѣ солнечнаго заката не слѣдуетъ продавать молока; кто нарушитъ это правило, у того коровы не будутъ доиться — Громаннъ, 138.

Стр. 192: Періодъ возрастанія луны чехи считаютъ самымъ благопріятнымъ временемъ для стрижки волосъ, подрѣзыванія кустовъ, посадки деревьевъ и сѣянія хлѣба — Громаннъ, 30; болгары увѣряютъ, что хлѣбъ, посеянный въ пол-

иолуиѣ, бываетъ крупный, золотистый и полный, какъ луна (сообщ. Каравеловымъ). См. также Труды Моск. Археолог. Общ., в. II, ст. Потебни 157.

Стр. 200. Загадка: «мати—товсцюха, дочка—золотуха» озпачаетъ: печь и огонь—Сбор. памяти. нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, 295.

Стр. 205: Больныхъ желтухою (*gelbsucht*) чехи заставляютъ смотрѣть въ золотую чашу или носить на шеѣ золотое кольцо—Громаннъ, 154. Къ подобнымъ средствамъ прибѣгали и древніе индусы. Золотая чаша—эмблема солнца (Поэт. Воз., I, 177; у нѣмцевъ употребительно выраженіе «goldne sonne»—*Die Symbolik von Sonne und Tag*, 30).

Стр. 213: «Свѣти, мѣсячку, свѣти ясно, якъ млынске коло»; «зѣйди, мѣсячку, такъ, якъ млынске коло» — воззванія карпато-русинскихъ пѣсень (Ч. О. И. и Д. 1866, III, 704). Въ чешской сказкѣ (Малый: *Narodni bachorky a pověsti*, 180) богатырь, смотря на солнце, говоритъ чорту: «divam se na to kolečko, zdali bych je mohl dolů srazit».

Стр. 214: Польская сказка (Глинск., III, 7) упоминаетъ о перстнѣ-златодавцѣ. — Въ народномъ заговорѣ (Повг. Г. В. 1866, 4) читаемъ: «и всѣ частыя звѣздочки — бѣлинькіе камушки».

Стр. 216—7: Когда солнце, прорѣзывая своими лучами темныя гряды облаковъ, озаряетъ ихъ золотистымъ свѣтомъ,—скандинавскій ратникъ усматривалъ въ этихъ облакахъ воинственныхъ дѣвъ Одина (валькирій), несущихся по воздуху на дикихъ коняхъ и вооруженныхъ копьями и щитомъ — *Die Symbolik von Sonne und Tag*, 11.

Стр. 219: Старинный хронографъ сообщаетъ слѣдующее повѣрье: «одежда и вѣнецъ царскій на немъ (солнцѣ)... и егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы господни со-

влекають съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престолѣ господня»—Рыбник, IV, 185.

Стр. 222: Пряжвти сближается съ снскр. *bradždž—as-sage* (*Radice. linguae slov.*, 66); слово пряжа происходитъ отъ другаго корня.

Стр. 232 Заговоръ, напечатанный въ Ч. О. И. в Д. 1867 г. (IV, смѣсь, 166), заимъняетъ дѣву Зору св. Анастасіей: на морѣ-на окинѣ, на островѣ (на Буинѣ) сидитъ въ церкви св. дѣвица Анастасія, «держитъ она у себя разныя иглы и шелковою нитью зашиваетъ рану кровавую, а ранѣ бо-лѣть и крови идти заповѣдываетъ».

Стр. 234: 28-го октября крестьянки мнутъ новый ленъ и приносятъ «первину» въ церковь — Ч. О. И. в Д. 1867, IV, смѣсь, 198.

Стр. 251: Къ Перкуну обращались съ такимъ воззваніемъ: «Perkune dēvaiti! ne muszki unt mana dirvōs, melsu, tavi palti messu» = Perkun Gottchen! schlage nicht auf mein Saatfeld, (darum) werde ich bitten, ich werde dir eine Speckseite hinwerfen. По другому чтенію: «Perkune dewajte! ne muszk und mana: Tiewe meldzio tawi paltu messu» = Perkun Gottchen! schlage nicht auf das Meinige, o Vater, ich bringe dir mit Gebet das Fleisch einer Speckseite dar (*De diis samagitarum*, 32, 57; см. также Труды Моск. Археол. Общ., I, 47, матер. для словаря).

Стр. 253: Тунару соответствуетъ у галловъ *Tanarus*; кимр. и армор. *taġa n*—громъ, молнія, блудящій огонь (Галлы, соч. Георгіев., 111). *Mjōlnir* означаетъ: «разработель» отъ корня *шаг* = *ша l*—растирать, дробить, ломать; слзв. *молнія*, *молотъ* и *мѣть* (увядать) относятся къ тому-же корню (М. Мюллеръ, см. Филол. Записки 1868, IV-V, 306).

Русскія няньки унимають капризныхъ дѣтей угрозою: Богъ камушкомъ убьетъ!»

Стр. 256: Петрей («Истор. о вел. княжествѣ московскомъ», пер. Шемякина, 48) записалъ народное преданіе, будто изъ камня, который держалъ въ своей рукѣ идолъ Перуна, вылетали во время грозы огненные искры.

Стр. 257-8: У кельтовъ, передъ началомъ войны, вождь собственнымъ мечемъ заколалъ козу и обагралъ ея кровью обожженную въ огнѣ палку; воины носили эту палку изъ одного селенія въ другое и призывали народъ готовиться къ битвамъ (Оссіанъ, перев. Кострова, I, стр. XXX).

Стр. 265: Когда послышится громъ, литвины говорятъ: «werzajs bagrahs!» — старикъ ворчитъ! (Труды Моск. Археол. Общ., I, 48, матер. для словаря.)

Стр. 267: Кто носить при себѣ «громовую стрѣлку» или осколокъ дерева, въ которое ударила молнія, тотъ будетъ здоровъ и силенъ — Громаниъ, 39-40.

Стр. 291: Если на Юрьевъ день (23 апр.) падаетъ крупа (мелкій градъ), то это предвѣщаетъ хорошій урожай гречихи. — Чтобы разогнать собирающуюся грозу, старухи выбрасываютъ за окно пестъ съ этими словами: «иди, гроза, дальше! пестомъ убью» (пошехонск. уѣзда).

Стр. 297: Лужичане дѣчатъ большие глаза водою, собранною утромъ, при восходѣ солнца, изъ брызгъ, летящихъ отъ мельничнаго колеса — Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 327.

Стр. 308: Когда свиститъ дѣвица, то Богородица плачетъ, а чортъ смѣется (Громаниъ, 224; Beiträge zur D. Myth., I, 237), т. е. свистящія вихри вызываютъ грозу; слезы Богородицы (Френ) — дождь, а дьявольскій хохотъ — громъ.

Стр. 320: По поводу названій Pngoda и Pochwist г. Котляревскій (Разб. I-го т. Поэт. Воз., 44-45) высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Погода и Похвистъ въ первый разъ упоминаются Длугошемъ. Кажется, что первое имя произошло

изъ желанія объяснить Подагу Гельмольда; Длугошъ для этого только переставилъ слоги въ выраженіи своего источника. Имя Похвисть... какъ собственное не древнѣ польскаго хрониста».

Стр. 322: Г. Микучкій названіе музыкальнаго инструмента домра (дѣмна) производтъ отъ снкр. dhaš, литов. думти (наст. думю), др.-слав. дуги (дѣму)—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 580.

Стр. 332: Польскія сказки (Глинск., II, 33; III, 35—37) рассказываютъ о гусяхъ-самогряхъ, что они издають такіе чудные звуки, «że w całym dworze zdrowi w skoczny taniec poszli, chorzy w net pozdrowieli, smutni śmiać się zaczęli». Въ миниатюрахъ средневѣковыхъ рукописей царь Давидъ изображается играющимъ передъ гробомъ Спасителя, дабы звуками музыки пробудить его изъ мертвыхъ (Гануша: Дѣдъ и Баба, 19).

Стр. 338: Г. Котляревскій (Разб. I т. Повт. Воз., 45) приписываетъ скоморохамъ (scamari, seamaratores, σχαμαρῆς) иноземное происхожденіе.

Стр. 350-1: Чехи называютъ радугу boží duha и думаютъ, что она убиваетъ того, кто станетъ указывать на нее пальцемъ—Громаннъ, 40-41.

Стр. 352-3: По мнѣнію г. Микучкаго, слово радуга первоначально произносилось рай-дуга, т. е. райская, небесная дуга; звукъ ѣ поглощенъ—точно также, какъ въ словѣ поди вмѣсто пойдн (Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 597). Чешск. оў—конь происходитъ отъ корня гц—sonuш edere (ржать), и не можетъ быть сближаемо съ словами: ага, агван, аге-ліс и пр.—Разб. I т. Повт. Воз., 31; Дифенбахъ, I, 71.

Стр. 355: Кашубск. tağa—dağa, дуга—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этн., I, 595.

Стр. 356. Загадка: «крашеное коромысло черезъ рѣку

свисло» означает радугу — Дѣтск. Пѣсни, собран. Безеов., 221.

Стр. 363: Чехи не позволяютъ указывать на радугу пальцемъ, ибо на ней, какъ на тронѣ, воссѣдаетъ царица небесная Пресв. Марія (Гануша: Дѣдъ и Баба, 60).

Стр. 374-5: Авторъ статьи «Die Symbolik von Sonne und Tag, 68, предлагаетъ слѣдующее объясненіе мифа объ Одновошъ глазѣ, сокрытомъ въ источникѣ Мимира: небо имѣетъ одно солнце (свѣтило, называемое въ Младшей Эддѣ *euglða* — *augenglanz*), и потому Одинъ—одноглазый; другой глазъ его сокрытъ въ источникѣ Мимира, что указываетъ на отраженіе солнца въ водахъ земныхъ потоковъ.

Стр. 378: Обычай пить на здравіе и благополучіе г. Котляревскій объясняетъ изъ древнѣйшаго воззрѣнія на вино, какъ напитокъ, знаменующій амриту (О погреб. обыч., 216).

Стр. 385: Нѣмцы даютъ пчелѣ названія *Heirgottsvögel*, *Matienvögel* — *Beiträge zur D. Myth.*, II, 450—1; у чеховъ существуетъ повѣрье, что пчелы прилетали къ распятому Христу и пили выступившій на его челѣ потъ—Громаннъ, 84.

Стр. 394: Скны, заключая договоръ, наливали въ большую глиняную чашу вино, смѣшивали его съ собственною кровью, которая тутъ-же добывалась изъ нарочно-сдѣланныхъ на тѣлѣ порѣзовъ или уколовъ; затѣмъ погружали въ чашу мечъ и стрѣлы, и приготовленный такимъ образомъ напитокъ выпивали послѣ произнесенія клятвы—Геродотъ, IV, гл. 70. У армянъ, иверцовъ и другякъ древнихъ народовъ цари, при заключеніи мира и дружественныхъ союзовъ, перевязывали на своихъ рукахъ большіе пальцы, прокалывали ихъ и лизали другъ у друга выступавшую кровь—*ibid.*, I, гл. 74; *Annales Tacita*, XII, гл. 47. О кровавыхъ роспискахъ, вручаемыхъ чорту, см. Кіевлян. 1865, 57; Громаннъ, 27.

Слр. *svas* (вмѣсто *kv as*)—*spirare, sibilare, stridere*, скан. *hvasa*—шипѣть, чеш. *кысати*—находиться въ броженьи, кнсутъ—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 558. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ *квасъ* употребляется въ значеніи хмѣльнаго напитка, *квасникъ*—пьяница—Опис. слав. рукоп. моск. синод. библиот., отд. II, в. I, 164, в. II, 264.

Стр. 397: Чтобы вылъчить больного желтухою, чехи софѣтуютъ плюнуть ему неожиданно въ лицо или очи—Громанъ, 154; см. также стр. 224. У народовъ античныхъ произнесение заговоровъ сопровождалось сплевываніемъ—Куланжъ, 282.

Стр. 426: По народному убѣжденію, если заговоръ произнеси правильно, не измѣняя ни одного выраженія—онъ непременно сбудется (Иллюстр. 1845, 250). Греки и римляне дѣйствовали на боговъ строго-опредѣленными формулами; «такая-то молитва, изъ такихъ-то словъ, увѣнчалась тѣмъ «именно успѣхомъ, о какомъ просили; конечно, это оттого, что «богъ ее выслушалъ, что она оказалась сильною, сильнѣе самаго бога, такъ какъ онъ не смогъ ей воспротивиться. Вотъ «и сберегли въ памяти таинственныя и священныя выраженія этой молитвы. Сынъ повторялъ ихъ вслѣдъ за отцемъ. «Какъ скоро научились писать, они были записаны. У каждой семьи была книга, содержащая въ себѣ извѣстныя заклятія, которыя произносились предками и непременно выполнялись богами. Это было оружіе, употребляемое человекомъ противъ непостоянства его боговъ. Только не надо было измѣнять въ заклятіяхъ ни одного слова, ни одного звука ни—главное—того ритма, какъ произносились они на распѣвъ; тогда молитва потеряла бы свою силу, и боги были-бы «властны ея не выполнить... Напрасно живой языкъ измѣнялся «вмѣстѣ съ нравами и вѣрованіями; слова и ритмъ священныхъ «пѣсней оставались тѣже, и во время празднествъ поцѣжнему пѣли ихъ, ничего въ нихъ не понимая»—Куланжъ, 221-3.

Стр. 447: См. замѣчанія, высказанныя г. Котляревскимъ въ Разборѣ 1 т. Поэт. Воз., 41. «Wenn ein frauenzimmer einem manne von ihrem menstrialblut beizubringen weiss, so dass ers im essen oder trinken nimmt, dann hat sie seine liebe für ewig sicher gewonnen» — Beiträge zur D. Myth., I, 210.

Стр. 471, строка 18-я сверху: Неточное выражение: «и островъ, и камень—метафоры тучи» слѣдуетъ замѣнять ссылкой на главу XVI.

Стр. 497: Въ славянскихъ сказкахъ упоминается о вѣро-нахъ, облетающихъ весь свѣтъ и приносящихъ вѣсти старцу, который записываетъ эти вѣсти въ книгу—Гануша: Дѣва 19.

Стр. 500: Когда идетъ снѣгъ, чехи говорятъ, что біла рапі и ангельчики перестилаютъ свои постели; а въ Моравіи думаютъ, что въ это время Богъ ударяетъ бичемъ и сшибаетъ съ голубей перья — Гануша: Дѣдъ и Баба, 21, 30.

Стр. 501-2: Если вынуть изъ трехъ вороновъ и трехъ кротовъ сердца, пережечь ихъ въ пепель, и потомъ смѣшать этотъ пепель съ порошкомъ и дробью, то ни одинъ ружейный выстрѣлъ не пропадетъ даромъ—Громанъ, 208.

Стр. 504: Въ старинныхъ рукописяхъ словомъ вогъ (поп, пог) переводится «грифъ» — Опис. слав. рук. синодальн. библиот., отд. II, в. II, 147.

Стр. 510-511: Полетъ орла предвѣщаетъ побѣду (Воен. Библиот., 132 — Ксенофонта: Отступленіе десяти тысячъ, кн. VI). Когда дерутся галки и щебечутъ сороки, чехи ожидаютъ скорой войны; сову они называютъ smgtopoška: садясь на окно или кровлю дома, птица эта предвѣщаетъ пожаръ и смерть — Громанъ, 65—67. Вѣроны своимъ полетомъ и крикомъ пророчатъ болѣзни и моръ — Beiträge zur D. Myth., I, 250—3.

Стр. 512: Когда летитъ Гаруда, отъ удара ея крыльевъ возстаеъ буря—*Beiträge zur D. Myth.*, II, 362.

Стр. 517: Въ старинный хронографъ занесено слѣдующее повѣрье: «и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огненные птицы, нарицаемыя финиксы и ксалавъ, летаютъ предъ солнцемъ и омокаютъ крылія свои въ водѣ океанстей и кропятъ ими солнце, да не попадутъ лучами своими. Отъ огня солнечнаго тѣмъ птицамъ періе обгораеъ, и бывають голы... и пакы купл(а)ются въ океанѣ и обновляються—*Рыбн.*, IV, 185. По замѣчанію г. Миллера (*ibid.*, стр. XXXI), двѣ огненные птицы, прочищающія дорогу солнцу, напоминають индійскихъ Асвиновъ; «о первоначальномъ значеніи «этихъ послѣднихъ, какъ свѣтоносныхъ солнечныхъ птицъ, «см. въ *Zeitschrift für vergl. Sprachforsch.* Куна, XIII, 114; «объ Асвинахъ, какъ мнѣахъ зори утренней и вечерней, «см. у Петерсена въ его *Mythologie der Griechen*. Что касается того, что птицы въ нашемъ сказаніи омокаютъ крылія свои въ водѣ океанстей и кропятъ ими солнце, то въ «этомъ, повидимому, сохранилось прекрасное мнѣнчское указаніе на сопряженное съ зорею явленіе росы». Съ своей стороны мы думаемъ, что подробность эта стоитъ въ тѣсной связи съ мнѣомъ о купающемся солнцѣ — см. *Поэт. Воз.*, II, 123—130.

Стр. 522-5: Если пѣтухъ остановится посреди двора, и ударяя крыльями, издаеъ тоекратный возгласъ, то ожидають пожара. Тоже предвѣстіе соединяють и съ крикомъ красноперой курицы. Въ Богеміи до сихъ поръ на церквахъ, часовняхъ, домахъ и придорожныхъ крестахъ ставятъ красныя или вызолоченыя жестыяныя изображенія пѣтуховъ. Пѣтухъ и куры считаются у чеховъ вѣщими птицами, предсказывающими хорошую погоду или ненастье, изобиліе или неурожаи. Курица, поющая пѣтухомъ, предзнаменуетъ разорѣ-

ніе, пожаръ и близкую кончину кого-либо изъ домашнихъ; чехи совѣтуютъ убивать ее, а словаки — бросать въ воду (*čertovi poslat*). Бѣлый пѣтухъ приноситъ въ домъ счастье и охраняетъ его отъ злыхъ чаръ — Громанъ, 75—76, 229.

Стр. 529: Нечистый духъ охотно принимаетъ образъ ворона. У индѣйцевъ воронъ и ворона признавались зловѣщими птицами; по мнѣнію чеховъ, онѣ появленіемъ своимъ и карканьемъ пророчатъ бѣдствія и распри. Коршунъ прилетаетъ къ чародѣямъ, какъ гонецъ, присланный чортомъ — Громанъ, 65—66.

Стр. 532: По чешскому повѣрью, если яйцо, снесенное черною курицею въ четвергъ, носить девять дней подъ мышкою, то изъ него вылупится *šotek*, который станетъ заботиться о счастіи своего хозяина и будетъ исполнять всѣ его желанія — Громанъ, 16, 18; *Beiträge zur D. Myth.*, I, 250.

Стр. 534: Когда раздастся сильный, потрясающій ударъ грома, прирейнскіе жители говорятъ въ ужасѣ: *do fallen alle püng!* (упали всѣ девять кеглей!) Народная сказка заставляетъ героя Молнію (*Blitz*) играть въ кегли и бросать шаръ (*kugel*), который въ быстромъ полетѣ свѣтится яркимъ пламенемъ, и послѣ каждаго удара, подобно Торову молоту, самъ собою возвращается въ руки мнѣшческаго игрока. Славяне знаютъ Перуновъ шаръ (*Рагомс gula*), поражающій нечестивыхъ и преданныхъ проклятію — *Beiträge zur D. Myth.*, II, 120—1. По мнѣнію чеховъ, молнія есть круглый огненный камень, величиною съ пулю или съ волошскій орѣхъ. Во время лѣтней грозы ангелы, апостолъ Петръ или самъ Господь бросаютъ эти камни и производятъ громовый грохотъ — Громанъ, 37, 212.

Стр. 541. *Slov. povesti*, изд. *Škultety a Dobšín.*, I, 5: сказочный богатырь сражается съ дракономъ, а голуби крыльями своими отмахиваютъ отъ него змѣиный пламень.

Стр. 543: Г. Милуцкій сближаетъ слово Guth, Gud, Got (богъ) съ санскр. guh (ви. gudh) — tegere, osculere, и думаетъ, что первоначально оно означало небо (= кровъ), точно также, какъ литов. дангус—небо отъ денгтк—крыть и латыш. юмалс отъ юнт (съ тѣми-же значеніями) — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 591. Говоря о частыхъ и продолжительныхъ дождяхъ, бѣлоруссы употребляютъ выраженіе: «небо продралося»—*ibid.*, 361.

Стр. 552: «Облацы плавають»—Опис. слав. рук. синод. библ., отд. II, в. II, 242.

Стр. 557-8: «Въ Народ. южнорус. сказкахъ» (изд. Рудченко, I, 123) упоминается кабанъ, «що носомъ оре, ушима сїе, а хвостомъ волочить.» *Beiträge zur D. Myth.*, II, 409: «Im symposion sagt Plutarch von dem schwein, dass es rostro terram findens vestigium arationis impresserit ac vomeris opus subministraverit; und Grimm sagt auch: einen grund der heilighaltung des ebers findet man darin, dass er die erde aufwühlt und die menschen von ihm das pflügen gelernt haben.»—Въ Гаривантѣ боги спускають съ неба плугъ, булаву и лукъ—Вѣст. Евр. 1868, II, 654.

Стр. 565-9: Въ Чехахъ уцѣлѣлъ обычай, по которому, при началѣ весеннихъ поствовъ, крестьяне отправляются ночью на поле, виѣстѣ съ голою дѣвицею и чернымъ котомъ, и тащатъ за собою плугъ; тамъ првготовляютъ они глубокую яму, бросаютъ въ нее черного кота и зарывають его въ землю. Въ прежніе годы плугъ вывозили на поле три голыя женщины—Громаннъ, 143-4.

Стр. 570: Въ бурныя лѣтнія грозы чехи выставляютъ надъ стрѣхою помело, или кладутъ топоръ остриемъ иверху—для того, чтобы предохранить свои нивы отъ града (Громаннъ, 38; Гануша: Дѣдъ и Баба, 55).

Стр. 571: Когда дождь идетъ при солнечномъ сіяніи, бѣлоруссы говорятъ: «коробомъ солнце, ситомъ дождь!» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 332. По чешскому повѣрью, Мелюзина, осужденная носится по воздуху въ бурныхъ вихряхъ, держитъ въ рукахъ сито и сыпетъ изъ него градъ и крупу—Громаннъ, 3.

Стр. 574: На страстную пятницу хозяинъ объѣзжаетъ свои поля верхомъ на помелѣ и втыкаетъ въ землю осиновыя вѣтки; дѣлается это съ тою цѣлю, чтобы кроты не рыли полей и не вредили посѣвамъ—Громаннъ, 59.

Стр. 579: На берегахъ Рижскаго залива найдены могилы, около которыхъ лежатъ камни, сложенные на подобіе лодокъ; латыши называютъ эти могилы чортовыми лодками — Археолог. Вѣстникъ 1867, I, 33.

Стр. 581: Владиміръ Мономахъ, по его собственному выраженію, писалъ свое поученіе дѣтямъ «сѣдя на санѣхъ», т. е. на смертномъ одрѣ.

Стр. 595: Отголосокъ древняго явѣа о Фаэтонѣ находимъ въ малорусской сказкѣ (см. сборн. г. Рудченка, I, 93-94). Добрый молодецъ женится на солнечной дочери, и купаясь въ молокѣ, дѣлается такой «ясніа, неначе сонце» (сравни Поэт. Воз., II, 125). Солнце уступаетъ ему свой стулъ (престолъ), на которомъ и выѣзжаетъ онъ погулять по свѣту; всѣ встрѣчные на пути принимаютъ его за праведное Солнце. Во время этого поѣзда добрый молодецъ попалилъ чуть не половину небесныхъ виноградниковъ.

Стр. 600: Малороссійская сказка (Рудченко, I, 138) повѣствуетъ о заключенной подъ землею царевнѣ: «вона вже не одинъ цеберъ наплакала, такъ що слези її ажъ на сей свить сходять... Якъ тилько сонечко зажеврије, то по всякому дереву и по всякій билини роса и выступаје. Оце-жъ не що, якъ тімъ слѣзи!» Въ литовской нѣснѣ (Юшкевич., 9-10) Солн-

це, обѣщаясь оплакать убитаго молодца, говорить, что оно въ продолженіи девяти дней каждое утро будетъ восходить во мглаѣ.

Стр. 601: Если въ день свадьбы идетъ дождь, то невеста будетъ оплакивать свое замужство (чехи увѣряютъ, что ей придется пролить столько-же слезъ, сколько упало въ этотъ день дождевыхъ капель), а если сіяетъ солнце, то будетъ смѣяться, веселиться — Громанъ, 119; Die Symbolik von Sonne und Tag, 68.

Стр. 603: О дождѣ, идущемъ при солнечномъ сіяніи, бѣлоруссы выражаются: «царевна (=богиня Фрея) плачетъ» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 460.

Стр. 612. Народная загадка: «сива (вар. билан) кобыла весь лѣсъ пошла» означаетъ: пламя очага — Сборн. памятн. нар. творч. въ сѣв.-запад. краѣ, I, 298, 300.

Стр. 615: О конѣ Ильи Муромца народная пѣсня (Рыби., IV, 24) говоритъ:

Куда падаютъ копыта лошадиныя,

Туть становятся колодцы ключевой воды.

Стр. 634: По мнѣнію чеховъ, бѣлые кони приносятъ дому счастье; если свадебный поѣздъ, вращаясь изъ церкви, повстрѣчаетъ бѣлую лошадь (или корову) — это знакъ, что Богъ благословитъ молодую чету чадородіемъ; напротивъ встрѣча съ черною лошадью (или быкомъ) сулитъ новобрачнымъ бездѣтство; громкое ржаніе коней предвѣщаетъ войну — Громанъ, 53, 120. Дарій Истаспъ былъ избранъ на царство по ржанію коня. — Геродотъ, кн. III, гл. 84.

Стр. 637: Священное значеніе конской головы до сихъ поръ имѣетъ силу въ Персіи; личность преступника считается тамъ неприкосновенною до тѣхъ поръ, пока онъ пребываетъ въ вонюшнѣ или держится за конскую голову — Археол. Вѣстникъ 1867, II, 53.

Стр. 640: «Илля насюкавъ въ рѣку» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 317. Если олень валяется на лугу или нивѣ—это служитъ предвѣстіемъ урожая; по болгарскому повѣрью, онъ приноситъ съ собою росу, которая капаетъ изъ его глазъ (сообщ. г. Каравеловымъ). По свидѣтельству народной саги, олень, ударяя въ землю копытомъ, выбиваетъ изъ нея водный источникъ—*Beiträge zur D. Myth.*, II, 425.

Стр. 641-2: Заяцъ, пробѣжавшій черезъ деревню, принимается у чеховъ за предвѣстника пожара — Громаннъ, 57-58.

Стр. 645: Бѣлоруссы о томъ, кто нечаянно прожжетъ свою одежду, выражаются: «лисицу пойшавъ!» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 338, 404. Финны сѣверное сіяніе называютъ лисьиимъ огнемъ — см. *Reinhart fuchs* Гримма. Г. Микуцкій слова лисъ, лиса производить отъ снкр. ршш — *laedere, perdere, interficere* (Зап. Р. Г. О. по отдѣлен. этногр., I, 576).

Стр. 646: Стихійные духи, посылающіе на землю дожди, даруютъ людямъ хлѣбъ насущный (урожай). Вотъ почему по южнорусскому повѣрью: когда гремитъ громъ — это Господь ѣздитъ по небу въ своей колесницѣ и возитъ калачи (см. *Пост. Воз.*, I, 265); въ дѣтской пѣснѣ ворона варитъ кашу (т. е. завариваетъ въ грозовомъ пламени зѣрна дожди; сравни *Пост. Воз.*, I, стр. 522); наконецъ и лиса приноситъ при началѣ весны вкусныя гостинцы.

Стр. 648: Трехцвѣтная кошка охраняетъ домъ отъ пожара; когда кошка играетъ съ своимъ хвостомъ — надо ожидать вѣтренной погоды; наканунѣ Рождества Христова или весной чехи ловятъ чернаго кота и зарываютъ его въ полѣ или въ саду подъ деревомъ—для того, чтобы злые духи не вредили урожаю (Громаннъ, 55-56, 87; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 439).

Стр. 663: Литов. акис — око, глазъ, означаетъ также и воданую жилу, родникъ; у латышей ака — колодезь; въ Карпатахъ и Татрахъ горнымъ озерамъ даютъ названіе: морске око—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 585.

Стр. 667: Чехи во время грозы боятся дотрогиваться до молока, чтобы не убила молнія—Громаннъ, 38.

Стр. 683: Когда на небѣ видны бѣлыя облачки — это, по словамъ чеховъ, «св. Петръ пасетъ овецекъ» или: «св. Петръ печетъ хлѣбы» (готовитъ урожай)—Громаннъ, 32.

Стр. 687: Въ Болгаріи, наканунѣ Нового года, старуха беретъ сухое овечье руно и выставляетъ его на ночь въ сѣни; если по утру руно будетъ влажно (отсырѣетъ), то наступающій годъ обѣщаетъ изобиліе, и наоборотъ: если руно останется сухимъ, то годъ будетъ несчастливый (неурожайный)—Моск. Газета 1866, Каравелова: «Святки у болгаръ».

Стр. 711-2: Въ парохіи Вишневской (говоритъ Иличъ, стр. 144), есть церковь св. Георгія, куда ежегодно на Юрьевъ день приходятъ пастухи и молятся объ охраненіи ихъ стадъ отъ волковъ.

Стр. 721: По мѣтнію г. Микуцкаго (Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 606), слова хортъ (хрътъ, литов. куртас)—борзая собака и хрълъ — сеleg одного корня.

Стр. 727: Для того, чтобы утихла буря, чехи высыпаютъ за окно, на улицу, муку и соль—Громаннъ, 36.

Стр. 730: На Исполиновыхъ горахъ рассказываютъ о лѣсномъ охотникѣ, который въ извѣстные дни носится по лѣсамъ, сопровождаемый четырьмя огненными собаками. Въ Арнау думаютъ, что дикой охотникъ является вмѣстѣ съ бурей и ломаетъ деревья; кто повстрѣчается съ нимъ въ лѣсу, того ожидаетъ скорая смерть. Рассказываютъ еще, будто дикой охотникъ ѣздитъ въ глухую полночь на безголовомъ козлѣ, а передъ нимъ бѣгутъ двѣ собаки, послушныя его

громкому свисту. Народная фантазія даетъ ему зеленое платье, длинныя охотничьи сапоги, ружье и кортикъ. Когда въ полночь надвинутся черныя тучи — крестьяне думаютъ, что въ мѣль мракъ скрывается дикой охотникъ, и чтобы прогнать его — совѣтуютъ стрѣлять въ облака (Громаннъ, 3-4). Въ повѣрьяхъ этихъ нельзя не замѣтить значительнаго вліянія нѣмецкихъ сагъ.

Стр. 732: По чешскому повѣрью, передъ кончиною чело-вѣка является огромная черная собака, обходитъ во-кругъ дома, въ котороѣ лежитъ умирающій, и располагается гдѣ-нибудь вблизи этого жилища; когда чело-вѣкъ умретъ — собака немедленно исчезаетъ. Точно также въ Вестфалии раз-сказываютъ о собакѣ, которая ночью, передъ смертію каждаго изъ членовъ семейства, трижды обѣгаетъ домъ, и затѣмъ не-медленно удаляется на церковный дворъ; во время заразител-ныхъ, повальныхъ болѣзней она бываетъ жирная и тучная. Въ этой собакѣ нетрудио узнать небеснаго пса (Sâgameya), который, по индѣйскимъ преданіямъ, являлся къ людямъ, какъ посланникъ Ямы, властителя усопшихъ — Громаннъ, 187.

Стр. 733: У болгаръ существуетъ примѣта: если собака валяется на засѣянной нивѣ, то этимъ она предвѣщаетъ хо-рошій урожай (сообщено г. Каравеловымъ).

Стр. 736: У чеховъ глазная болѣзнь извѣстна подъ названі-емъ поѣни mlha или vlči mlha (мгла) — Громаннъ, 174.

Стр. 738 и 740: Сканд. vargr — latro, maleficus, lupus г. Микуціи сближаетъ съ рус. вергать, литов. варгт и — быть отвержену, брошену, варгас — нужда, бѣдность, вер-гас — рабъ; врагъ (ворогъ) — отверженный, извергъ — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 576.

Стр. 739: Сопутствуя богу весеннихъ грозъ, волки-вихри ищатся въ дикой охотѣ, какъ его ловчіе псы, и помогаютъ ему истреблять темныхъ демоновъ. По народному повѣрью,

чертей столько-бы расплодилось, «що-й свиту-бъ не було, якъ би їхъ громъ не бивъ та вовки не виїдали!» (Рудченко: Нар. южнорус. сказки, I, 73.)

Стр. 756: «Loki den wolf Fenrir und die schlange Jörmungandr zeugte, gandr aber wiederum wolf bedeutet»—D. Myth., 1049. Въ русскихъ сказкахъ змѣя и желѣзный волкъ выступаютъ съ одинаковымъ демоническимъ характеромъ.

Стр. 766: Въ 1302 году, когда французы снарижались къ битвѣ и графъ Артуа сталъ надѣвать оружіе, ручной волкъ его бросился на своего господина и принялся срывать съ него воинскіе доспѣхи. Графъ прогналъ волка, вступилъ въ битву, но потерпѣлъ поражение—Beiträge zur D. Myth., I, 27.

Стр. 771: Чтобы дѣти не трогали огня, имъ говорятъ: «онъ тебя укуситъ»—Вилен. Сборн., I, 190-1.

Стр. 775: Илчъ (стр. 251) сообщаетъ поговорку: «tke na mēsec laje, izrast će mu zubi».

Стр. 782: Встрѣча съ овечьимъ гуртомъ считается добрымъ знакомъ, а встрѣча со стадомъ свиной сулитъ несчастье—Громанъ, 220.

Стр. 787: Сѣверные поэты называли солнце свѣтлою невѣстою (beidh bróðhr himins)—Die Symbolik von Sonne und Tag, 68.

ТОМЪ II.

Стр. 2: Ибнъ-Даста (въ началѣ X-го вѣка) называетъ славянъ огнепоклонниками — Ж. М. Н. П. 1868, X, 671.

Стр. 3-4: Названіе радуница г. Котляревскій (О погребал. обычаяхъ, 251) сопоставляетъ съ ведіе. gada n h—жертвоприношеніе отъ корня gā d—давать, готовить, и даетъ ему значеніе объта (сер. датв). Но г. Лерхъ (Ж. М. Н. П. 1868, XI, 624) замѣчаетъ, что слова gada n h не существу-

еть. «Авторъ (говоритъ онъ), вѣроятно, хотѣлъ привести вендское gādah, которому въ санскритѣ слѣдуетъ считать соответствующимъ gādhas. Но гортанное ç передъ h въ зендскомъ языкѣ не имѣетъ ничего общаго по происхожденію со звукомъ h въ словообразовательномъ слогѣ my русскаго радунца». Г. Даль производитъ слово «радуница» отъ глагола радовать; соглашаясь съ его мнѣніемъ, г. Лерхъ добавляетъ: «по корню своему и радуница и радовать могутъ быть одного происхожденія съ зенд. gādah и снкр. gādhas, но суффиксы ихъ разные».

Стр. 19: Чтобы избавиться отъ болѣзни, сербы проходятъ промежъ двухъ костровъ, разведенныхъ съ помощью живаго огня— Гласник срп. друштва 1867, V, 167.

Стр. 40: Въ малорусскихъ сказкахъ (Рудченко, I, 83, 86) Солнце и Мѣсяцъ, при посѣщеніи ихъ странствующими героями, говорятъ: «що не таке, що руська кость смердити!»

Стр. 42-43: Въ Ливоніи прежде, чѣмъ семья приступала къ изготовленнымъ яствамъ и напиткамъ, было въ обычаѣ бросать въ огонь кусокъ мяса и плескать на горячіе уголья пивомъ—Ч. О. И. и Д. 1868, II, 62 (Олеарій).

Стр. 55: По свидѣтельству Аристотеля: «забота вѣдать всеобщія жертвоприношенія гражданской общины принадлежала, по религіозному обычаю, не особымъ жрецамъ, но лицамъ, занявшимъ санъ свой отъ огнища, и которыхъ здѣсь называли «царями, тамъ пританами, индѣ архонтами». Каждая община имѣла свой государственный очагъ, свое огнище, блюстителемъ котораго былъ царь; неспособный къ жречеству не могъ быть и царемъ. Такъ одинъ изъ древнихъ царей Сикіона былъ низвергнутъ, потому что, осквернивъ руки смертоубійствомъ, уже не могъ приносить жертвъ. «Гомеръ и Виргилій представляютъ намъ царей, непрерывно-занятыхъ священными обрядами. Мы знаемъ изъ Демосоева, что древніе цари Атти-

ки сами совершали всѣ жертвоприношенія, предписанныя религіей гражданской общины; знаемъ изъ Ксенофонта, что спартанскіе цари были главами лакедемонской религіи... Тоже самое и римскіе цари; преданіе всегда изображаетъ ихъ священниками.—Куланжъ, 230-1, 239.

Стр. 61-62: У древнихъ писателей встрѣчаемъ выраженіи: «боги, сидящіе у моего очага; Зевсъ моего огня; Аполлонъ моихъ праотцевъ». «Умоляю тебя, говоритъ Теннесса Аяксу, именемъ твоего пріочажнаго Зевса»; волшебница Медея говоритъ у Еврепида: «клянусь Гекатою, богиней, обитающей въ святилищѣ моего очага!»—Куланжъ, 160.

Стр. 67: Обычай зажигать на храмовой праздникъ большую восковую свѣчу, покупаемую на общій мірской счетъ, соблюдается во многихъ селахъ. Въ мосальскомъ и жиздренскомъ уѣздахъ такая свѣча въ продолженіи цѣлаго года хранится въ очередной избѣ, и дому этому, какъ хранителю святыни, оказывается особенное уваженіе. За нѣсколько дней передъ наступленіемъ храмоваго праздника со всѣхъ дворовъ собирають ржаной солодъ, хмѣль и разные съѣстные припасы, изъ которыхъ варится пиво и готовится обильная трапеза. Въ день праздника поселяне сходятся въ церковь, и послѣ обѣдни поднимають чествуемую икону и несутъ въ ту избу, гдѣ стоитъ мірская свѣча. Хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ икону съ хлѣбомъ-солью становятъ ее на лавкѣ, усыпанной рожью, ячменемъ и овсомъ, и зажигаютъ передъ нею мірскую свѣчу. Затѣмъ совершается молебствіе, и по окончаніи его икона и свѣча переносятся въ слѣдующій очередной домъ, гдѣ также служатъ молебень. Послѣ того икону возвращаютъ въ церковь, и праздникъ кончается общественнымъ пиршествомъ. — Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 3-4; Географ. Извѣстія 1850, III, 329; Терещ., V, 150.

Стр. 90: Лат. *termo, termen, terminus*, греч. *τέρμα, τέρμων* — граница, рубежъ, межа (*in-trage, ex-*

trage, trans=вед. tigas, гот. thairh, др.-в.-нѣм. durh—черезъ)—Курціусъ, 189.

Стр. 92: Перемѣщать межевые знаки съ недобрымъ умысломъ (т. е. ради собственной выгоды) считается у словенцевъ за величайшій грѣхъ; кто это дѣлаетъ, того наказываютъ злые духи—Кпнїжевникъ, година 3-я, вып. III-IV, 456.

Стр. 94: На Руси принято некрещенныхъ дѣтей хоронить подъ порогомъ дома, а самоубійць — на дорогахъ; перекрестки потому и страшны народному воображенію, потому и признаются за мѣста полуночныхъ бѣсовскихъ сборищъ, что они изстари были посвящаемы усопшимъ и состояли подъ охраною родовыхъ эльфовъ (т. е. блуждающихъ душъ предковъ). По свидѣтельству Олеарія (Ч. О. И. в Д. 1868 г., II, 60), въ Ливоніи некрещенныхъ дѣтей хоронили не на кладбищахъ, а гдѣ-нибудь на дорогѣ, преимущественно на перекресткахъ. Литовцы еще въ XVII в. совершали погребальные обряды среди полей или въ дѣсахъ, и каждый отдѣльный родъ имѣлъ свое собственное огнище—для сожженія своихъ усопшихъ. У Длугоша читаемъ: «Lituani tamen, cum silvarum et nemorum abundarent multitudine habebant speciales sulvas, in quibus singulae villae et quaelibet domus atque familia speciales focos obtinentes decedentium cadavera solebant conflagrare». Онъ же говоритъ о жемантахъ: «In praefatis sylvis habebant focos in familias et domos distinctos, in quibus omnium charorum et familiarum cadavera cum equis sellis et vestimentis potioribus incendebant.» Могильные холмы служили въ старое время пограничными знаками; eżagulis означаетъ въ литовскомъ языкѣ могилу, курганъ и межевой камень; deus Eżagulis (Eżagullys) — тотъ, кто покоится на межѣ (усопшій) = deus tumuli (Joh. Lasicii Poloni de diis samagitarum libellus, 34-35, 58, 66).

Стр. 103: Чехъ, замѣчая на своемъ тѣлѣ темныя пятна— какъ-бы отъ ушиба, говоритъ: «*ušíglý na špě sáhnul v posí*»—мертвецъ давилъ меня ночью (Труды Моск. Археолог. Общ., I, вып. II, ст. Потебни, 171).

Стр. 107: Въ костромской губ. вѣшаютъ въ курятникахъ камни (такъ называемые курячьи боги) для того, чтобы кикиморы не давили куръ—Послов. Даля, 1058. Одинъ изъ этихъ камней, доставленный въ Московское Археологическое Общество (см. Археол. Вѣстникъ 1867, IV, 186), носить на себѣ слѣды искусственной отдѣлки: онъ изображаетъ голову, у которой видны глаза, уши, носъ и просверлены ноздри.

Стр. 139: По мнѣнію г. Котляревскаго (О погребал. обыч., 198), «этимологія слова рай указываетъ на понятіе солнечной, воздушной области: корень гај (радж), отъ котораго оно происходитъ, обозначалъ первоначально впечатлѣніе небеснаго блеска, небеснаго моря, свѣтлой облачной страны; въ такомъ смыслѣ терминъ употреблялся въ Ведахъ... Ирїй и вырїй только иныя лингвистическія формы слова рай, прямо происшедшія отъ того-же корня, только въ иной формѣ агј». Г. Лерхъ (Ж. М. Н. П. 1868, XI, 623-4) замѣчаетъ, что въ нашемъ праязыкѣ не могло существовать корня гај; общиндоевропейскою формою для санскр. гај должно принять аг g. М. Мюллеръ, на котораго ссылается г. Котляревскій, говоритъ о санскр. существительномъ гájas (раджас)—первоначально блескъ, потомъ вода (т. е. блестящая) и наконецъ облако; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ригъ-Веды множеств. число отъ раджас означаетъ: облачное небо.

Стр. 148-9: Рус. алатырь-камень и греч. ἠλέκτρον восходятъ къ санскр. корню агk̄ (=d̄lk̄)—блестать, испускать лучи (агk̄-as—лучь, солнце, кристалъ, мѣдъ, агk̄-is—блескъ); ἠλέκτωρ—солнце, т. е. сіяющее, ἠλέκτρον—блестящій металлъ (смѣсь золота и серебра—Курціусъ: Grand-

züge der griech. etymol., I, 107; Bulletin de l'Academie Imp., т. XII, стат. Кунька о вѣкот. славян. названіяхъ пурпура, солнца и янтара, 40; Вѣст. Евр. 1868, IX, ст. Гильфердинга, 212: латырь = лак-тырь; окончаніе тар, тра означаетъ существо или предметъ, производящіе какое-либо дѣйствіе): Въ азбуковникахъ читаемъ: «илектръ-камень зѣло честенъ отъ великихъ камней, именуемъ златовидѣнъ, убо вкупѣ и сребровидѣнъ... проявляетъ неумаляемую и чистую свѣтлость... и свѣтовидную и небесную зарю» — Сахаров., II, 160. Въ древнѣйшемъ англосаксонскомъ памятникѣ на вопросъ: «что такое солнце?» данъ слѣдующій отвѣтъ: «солнце — горячъ камень» — Миллера: Опытъ ист. обзор. рус. слов., I, 335 (изъ Migne: Dict. des apocryphes).

Стр. 156: Которая рыба прянетъ сама изъ рѣки въ лодку, ту рыбу свари и дай съѣсть женѣ: отъ того жена станетъ дѣтей родить — Ч. О. И. и Д. 1867, IV, смѣсь, 157.

Стр. 167: Въ старинномъ литовскомъ словарѣ Deivaitis — синонимъ Перкуна; женская форма Deivaitė (Dėvaitė) означаетъ богиню дождей, а во множественномъ числѣ deivaitės, dėvaitės — нимфы источниковъ и рѣкъ (первоначально: дождевыхъ потоковъ) — Lithuania Шлейхера, 24.

Стр. 177: Сикр. dhē, dhajāmi — bibo, lacteo, dhātṛ — nutrix, dhēpus — доющая корова, milchkuh, зевд. daina — weibchen, греч. θήσαλα — доить, τειθήνη, τετηνη — кормилица, τετηθος — материнская грудь, гот. daddja — кормить грудью, швед. dadda — кормилица, мамка, швц. dodō — мать, др.-в.-нѣм. tâu — lacto, tila — шатша, сл. дою, доилица — Курциусъ, 217; Дифенбахъ, II, 608. Вѣроятно, къ одному корню съ этими словами относится и сербская додола; если принять такое производство, то подъ именемъ додолы должно разумѣть богиню, заливающую изъ своихъ облачныхъ грудей

молоко-дождь, производительницу земныхъ урожаевъ и всеобщую кормилицу.

Стр. 183: Чтобы излѣчиться отъ желтухи, сербы берутъ желтогога пѣтуха, купаютъ его въ водѣ, и потомъ пьютъ эту воду, какъ лѣкарство—Гласник сръ. друштва 1867, V, 187.

Стр. 240: Въ олонеккой губ. (Памятн. книжка олон. губ. на 1866 г., 18—19) рассказываютъ, что водяной, переселяясь на другое мѣсто, прорывается ручьемъ и приготавливаетъ для себя новое озеро.

Стр. 249: По свидѣтельству Ибнъ-Дасты, руссы приносили въ жертву мужчинъ, женщинъ и лошадей. Жрецъ (кудесникъ) накидывалъ на шею обреченнаго человека или животнаго петлю, подымалъ его на бревно, и умертвивъ удушениемъ, восклицалъ: «вотъ это жертва богу!» — Ж. М. Н. П. 1868, XII, ст. Хвольсона, 674.

Стр. 271: У руссовъ, говоритъ Ибнъ-Даста (Ж. М. Н. П. 1868, XII, 674, 769), если обѣ тяжущіяся стороны недовольны приговоромъ вел. князя, то окончательное рѣшеніе дѣла предоставляется оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ. Побѣжденный долженъ смириться и удовлетворить побѣдителя.

Стр. 303: Чтобы предохранить себя отъ зубной боли, чехи берутъ осколокъ дерева, въ которое при первой весенней грозѣ ударила молнія, приготавливаютъ изъ этого осколка порошокъ и чистятъ имъ зубы, или: заслышавъ первый весенній громъ, они берутъ кусокъ желѣза и держатъ его въ зубахъ во все время, пока продолжаются небесные раскаты—Громаннъ, 40, 169.

Стр. 304: Въ нижегородской губ. раскалываютъ осину и провиваютъ сквозь нее дѣтей, большихъ грыжею (Нижегор. Сборн. 1867, I, 179); въ рукописныхъ сборникахъ заговоры

и лѣчебныхъ наставленій предлагается совѣтъ: «сыщи рябину древо, чтобъ отростелина была бы отъ нея, да отсѣви ее, да расколи надвое, да свяжи въ концахъ посконною ниткою, и пройди сквозь рябину трожды» (Рыбник., IV, 250).

Стр. 307: Въ «Кіевлянинѣ» (1865, 52) записано народное преданіе, что крестъ, на которомъ распяли Спасителя, былъ сдѣланъ изъ осины и что въ наказаніе за это Богъ обрекъ означенное дерево на вѣчную дрожь. Въ Германіи увѣряютъ, что дерево, на которое садится жаръ (шâг), дрожить—хотя бы вовсе не было вѣтра, и вскорѣ потомъ засыхаетъ—*Germt. Mythen*, 712.

Стр. 321: Ливонцы, самогиты и русскіе чтили духа, пребывающаго въ священнѣхъ рощахъ и деревьяхъ; думали, что онъ обитаетъ «sub sambuco» и подъ этимъ деревомъ ставили для него хлѣбъ, пиво и другія приношенія — *De diis samagitarum*, 20. Въ Ливоніи, по словамъ Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868, II, 61), народъ обвязывалъ нѣкоторые избранныя деревья красными лентами и совершалъ подъ ними суевѣрныя моленія и обѣты.

Стр. 343-4: По рассказамъ гуцуловъ (Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 50), дикія жены живутъ въ пещерахъ, на неприступныхъ мѣстахъ; ночью онѣ собираются толпами, бѣгаютъ по полямъ и лѣсамъ, хлопаютъ въ ладоши, и завидя путника, бросаются на него и начинаютъ щекотать. Гуцулы представляютъ ихъ высокими, худощавыми, съ блѣдными лицами и длинными, растрепанными волосами; вмѣсто пояса онѣ обвязываются травой.

Стр. 385: Папороть, папоротокъ—птичье крыло (Толков. слов., II, 12).

Стр. 396: Стонъ мавдрагоры = громъ; сравни стонати, греч. στένο, лат. tonare, tonitru и нѣм. thanaг—Археол.

Вѣст. 1867, IV, 150. Гроза стонетъ: «ночь стонущи ему грозою птичь убуди» (Слово о полку).

Стр. 398: Разрывъ-травъ соотвѣтствуетъ камень, приносимый по нѣмецкому повѣрью дятломъ (donnerstein). Если завязать платкомъ гнѣздо сойки, то, по рассказамъ чеховъ, она принесетъ камышекъ, отъ прикосновенія котораго тотчасъ-же распутаются всѣ наложенные узлы. Съ помощію этого камня можно находить сокрытые въ землѣ клады — Археол. Вѣстн. 1867, IV, 150.

Стр. 415-6: Широколистный, красноцвѣтный чертополохъ обладаетъ великою силою. Чтобы избавиться отъ преслѣдующаго чорта, совѣтуютъ бросать въ него цѣпкими шишками этого растенія. Чертополохъ прогоняетъ, изводитъ червей: повѣрье, относимое первоначально къ демоническимъ змѣямъ. На тоже могучее свойство поражать демоновъ (волка или змѣя-тучу) указываетъ и названіе звѣробой, придаваемое различнымъ травамъ и между прочимъ желтоголовнику (малор. горницвѣть) и купальскому желтоцвѣтному зелью (польск. świętojańskie ziele, нѣм. Johanniskraut) — Археол. Вѣстн. 1867, IV, 148—150.

Стр. 434: Въ Германіи существуетъ повѣрье: если при поворотѣ солнца выстрѣлить въ него въ самый полдень, то на землю кануть три капли крови, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмени, и вырастаетъ папоротникъ — Кунъ, 221.

Стр. 491: Слав. ramo, нѣм. агш и лат. gatus — сукъ, вѣтвь, отрасль.

Стр. 514: Греч. τὸ φω — жгу, τὸ φος — дымъ, мракъ, τὸ φών, τὸ φώς — вихрь, ср.-в.-нѣм. dīmpfen (dampfen) — испускать пары, чадъ, литов. dūprja — раздуваю огонь, снкр. dhūr, dhūrajāmi — suffio, fumo, dhūrikā — туманъ (Курціусъ, 194).

Стр. 525. Въ сербскихъ пѣсняхъ Петрановича (стр. 181—2, 187, 190) читаемъ: а) «змај доле ће — код језера у траву пануо, око себе очим' расв'јетлио; онда скиде крила и окриље, крај језера у траву турно, па се кунат' стаде у језеру». Юнакъ пускаетъ въ змиѣ стрѣлу — тогда змиѣ «из' језера у траву скочно, па обуче крила и окриље» и поднялся къ небу подъ облака. б) «Лети змаје као ватра жива... очим' витла, а ватру просипа.» с) «Кад се змаје крила добавио, начини се гуја шаравита — су шест крила од пламена жива.»

Стр. 533: Когда случится солнечное затмѣнiе, въ Краинѣ думаютъ: «да нека аждаја Врколак хоће да прогута (проглотить) сунце.» Большiе и малые выбѣгаютъ тогда въ поле и ударяють въ котлы, тазы и во все, что только можетъ издавать грошкiе звуки, дабы испугать змиѣ-оборотня — Гласник срп. друштва 1867, V, 194.

Стр. 557: «Пријихавъ у такiй-то городъ, и на весь городъ той одна криница, и въ тiй криници сидитъ змиѣ з' дванадцатьма головами. И то такъ: якъ вдуть вси по воду и ведуть одну душу, то винъ ззистъ јији, а вони наберуть соби води, а иначе не можна» (Рудченко, 126). Въ другой сказкѣ упоминается колодець съ цѣлющей водою, возлѣ котораго приковано къ столбамъ двѣнадцать огнедышащихъ змиѣвъ (ibid., 135).

Стр. 558: Когда бываетъ засуха, сербы думаютъ, что гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ появилась змиѣ, ловятъ ее и убиваютъ — Гласник срп. друштва 1867, V, 95.

Стр. 582: Заклинатель, желающiй уничтожить жатву въ поляхъ своего недруга, беретъ обѣими руками змиѣ, и пронеся заговоръ, выпускаетъ ее изъ окно или двери съ этими словами: *szmikszt per eszè!* (иди черезъ поле). Вслѣдъ затѣмъ жатва будетъ истреблена градомъ и червями. Если-же заклинатель имѣетъ въ виду хлѣбъ, собранный въ амбарахъ,

то говоритъ змѣѣ: *szmikszt per arda!* (ступай въ закрома) — *De diis samagitarum*, 37.

Стр. 634: Олеарій (Ч. О. И. и Д. 1869, I, 429), описывая путешествие свое по Волгѣ, упоминаетъ о двухъ краснопятнастыхъ змѣяхъ, которыя выползли на корабль. Когда русскіе гребцы увидѣли этихъ змѣй, то очень обрадовались и говорили, что надо ихъ беречь и кормить, что это добрыя змѣи, предвѣщающія попутный вѣтеръ.

Стр. 638: Гр. *χαίτω*—разверзаться, зѣвать, *χάος*—пропасть, бездна Курціусъ (стр. 164) сближаетъ съ лат. *hisco*, *hio*, *hiatus*, скан. *gip* (*gähne*), слав. зѣяти, зѣять, зѣвъ.

Стр. 729: Латинское *шанес* (души усопшихъ предковъ и пенаты) стоитъ въ родствѣ съ инд. *шанис*, нѣм. *шанп*, слав. *мжжъ*—Дифенбахъ, II, 32; такимъ образомъ, по буквальному значенію этого слова *шанес* соотвѣтствуютъ лужицкимъ *людкамъ*.

Стр. 738: Литов. *barstukai* (*barstuccae*—парстукі) —гномы, обитающіе въ домахъ и житницахъ; домохозяйка чувствовали ихъ приношеніями; для этого вечеромъ накрывали столъ въ житницѣ (*in hoggeo*), ставили на немъ хлѣбъ, мясо, сыръ, коровье масло и пиво, а по утру на другой день приходили смотрѣть: отъ какихъ именно яствъ вкусили домовыя духи? Если это былъ хлѣбъ, то ожидали хорошаго урожая въ поляхъ, а если — мясо, то умноженія стадъ. Другое литовское названіе, присвоенное домовымъ карликамъ—*кауки*, о которыхъ сохранилось слѣдующее извѣстіе: «*kauki e sunt lemures, quos russi ubože appellant, barbatus, altitudine unius palmarum extensi*» т. е. бородатые, величиною съ ладонь — *De diis samagitarum*, 16, 20; *Lituania* Шлейхера, 25. У гупуловъ извѣстенъ домовый геній *дидо*, *дидухъ*—самъ величиною съ пядень, но съ старческой, безобразной наружностью, большою головою и съдой бородой—Пантеонъ 1855, V, 46.

ТОМЪ III.

Стр. 47: Въ малорусской сказкѣ Смерть олицетворяется въ женскомъ образѣ: «на дорози въ болоти сидитъ баба и проситъ царевича, щобъ винъ јіји витягъ з' болота. Що стан не царевчъ пидъјижжати, то кинь такъ харапудиця: хрое да сопе, та нвздрами паше... (Наконецъ) царевичъ витягъ ту бабу з' болота. Отъ баба та и каже царевичу: я — не баба, я — Смерть!» Замахнулась на него — и въ ту же минуту царевичъ палъ бездыханный (Рудченко, I, 99).

Стр. 91: Въ сербскихъ заговорахъ къ демонамъ болѣзней причисляются: «немитнице, недојеници—виле, вештице и ветрови;» нападаю на челоуѣка, эти злобные дѹхи пьютъ его очами, поѣдаютъ зубами, а зубы у нихъ остры, какъ серпъ. Силою заповѣднаго слова заклинатель изгоняетъ ихъ изъ головы, мозга и другихъ частей тѣла и посылаетъ туда, гдѣ не блютъ овцы, не ревутъ коровы, не лають псы и не поютъ пѣтухи, гдѣ не палятъ въ храмахъ свѣчей и не поютъ священныхъ пѣсней. Умывая больного цѣлебной водой — съ громовой стрѣлки и угольевъ, причитываютъ: «види, больо, у гору и у воду, у високе ввсине, у дубоке дубине, где певац не нева, где кока не кокоѣе». Кто заболѣетъ грозницею, тотъ долженъ обойдти вокругъ вербы и прилѣпить къ ней восковую свѣчу, дабы передать свою болѣзнь этому дереву. Отъ костолома прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: берутъ калачъ и несутъ къ глаговому дереву, «држеѣи га на ономъ месту, где боли»; потомъ этимъ больнымъ мѣстомъ трижды потираютъ о дерево, съ приговоромъ: «у глаг улог, а у тело одлог!» Калачъ оставляютъ на деревѣ, а сами уходятъ домой, не оглядываясь назадъ — Гласник срп. друштва 1867, V, 166, 170, 179, 187, 194.

Стр. 157: Въ сербскихъ пѣсняхъ, собранныхъ Петрановичемъ (стр. 48, 50) читаемъ:

- а. Извила се (вила-нагоркиња) небу под облаке
И одлећо стрмо низ планину.
б. Ал' се вила кроз облаке вија.

Стр. 164:

Вијају се (вилы) небу под облаке,
Златне стр'јеле носе у рукама,
Те гађају орла под облаком (ibid., 288).

Стр. 165-7, 175-6: Въ пѣснѣ, озаглавленной «Женѣдба Релѣе Бошьянина с вилом»:

Како Рел(ь)а танко попијева,
Планина се планини одзива,
А долина долини одзива,
А са горе полијеће лишће.
То зачуле на планини виле,
Јере су се саставуле биле,
На ливади коло ухватиле,
Пак окрећу коло наоколо.

Говоритъ имъ «најстарија» вила: дорогія мои сестры!

Која ћете мене послушати —
Да обуче крила позлаћена,
Да изиђе на друм у планину,
Да дочека Рел(ь)у Бошв(ь)анина,
Извади му оба ока црна?

Вила Анђелија надѣла позлаченныя крылья, вышла на широкое поле, полетѣла и нагнала юнака:

Бирден и(ь)ему очи помрачила,
Помрачила, па их ископала.

— Не печалься! говоритъ ему Марко-королевичъ; есть у меня два хорта и два сокола: побѣжить ли вила по землѣ — хорты ее поймають, полетитъ ли подъ облаками — соколы ее настигнутъ! И вотъ, когда вила была поймана, бросился на нее Марко съ плетью о двѣнадцати концахъ и грозился сжечь ее на

огнѣ. Вила выпросила себѣ пощаду; она отдала свои крылья королевичу, собрала цѣлебныя травы, вылѣчила Релю и сдѣлалась его вѣрной любовью.— Другая пѣсня рассказываетъ про Янка Сибинянина: остановился онъ съ войскомъ на вилномъ игрищѣ, и провѣщала ему вила изъ облака: удались отсюда! не то—все твое войско изгннетъ и тебя самого возьмутъ турки и замучать до смерти;

Кон(ь)ма ѣу ти траву отравати,
На јунаке болест натурити —
Главобол(ь)у, л(ь)угу срдобол(ь)у.

— Не боюсь! отвѣчалъ Янко; въ облакахъ натягнуть тебя мои стрѣлы, въ дубравахъ—мои соколы, на поляхъ—хорты, а въ морской глубинѣ златокрылая птица. Разгнѣвалась вила,

Па се дже небу по облаке,
Те стријел(ь)а од боја јунаке
Посред паса у јуначко срце.
Док му трипут облећела војску,
Попадале по пол(ь)у јунаци,
Као да ихъ громови побиеше.

Янко нагналъ вилу, и побѣжденная она обѣщалась быть ему посестримою, помогать ему въ битвахъ съ турками и оживить его юнаковъ; тотчасъ-же набрала она травъ, приложила ихъ къ ранамъ побитыхъ воиновъ — и чудо великое! всѣ воины поднялись на ноги, начали игры и пѣсни—словно вновь народились къ жизни (Срп. н. пјесме Петрановича, 245-255, 375, 387-390).

Стр. 182: Слово юдо г. Гильфердингъ объясняетъ др.-индійскимъ јадас — водяное животное (Вѣст. Евр. 1868, IX, 201). О самовилахъ см. статью Верковича въ Моск. Униввер. Извѣстіяхъ 1863, III, 255-8.

Стр. 185-6:

Вјетра нема, а планина јекну,
Зелене се повијају јеле,

Врхови ми у тле ударају,
 Док ево ти ви ле бродарице,
 Вила паде код тиха језера.

Сняла съ себя «крыла и окрилье», оставила ихъ на берегу и бросилась въ свѣтлыя воды; пока вила купалась, Богданъ Лютичъ, похитилъ ея крылья и тѣмъ самымъ заставилъ ее сдѣлаться своею женою. Вскорѣ послѣ того, какъ родился у нихъ сынъ, вздумала вила показать свое искусство въ танцахъ, выпросила у мужа крылья,

Три пута је колож окренула,
 Четврти се небу подигнула.

Съ той поры, какъ только начиналъ плакать ребенокъ, Богданъ Лютичъ приносилъ его къ озеру и клалъ у самага берега; тогда выходила изъ озера вила, кормила ребенка грудью, купала его и повивала пеленками (Срп. н. пјесме Петран., 377-386).

Стр. 196: Польское *z włoki* (свѣлъкы), равносмыльное русскому останки, указываетъ на представленіе трупа внѣшнимъ покровомъ, одѣяніемъ, оставленнымъ отлетѣвшею душою — О погреб. обычаяхъ Котляревскаго, 195.

Стр. 207: Завидя падающую звѣзду, приморскіе сербы говорятъ: «чья-нибудь свѣча погасла!» т. е. кто-нибудь умеръ. Чехи утверждаютъ, что каждый человекъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду, и когда наступитъ ея конецъ — всегда, звѣзда слетаетъ на землю, а человекъ умираетъ и удаляется въ горнія области. По болгарскому повѣрью, звѣзда и нарождается и умираетъ вмѣстѣ съ человекомъ. Чтобы погубить человека, вѣщица снимаетъ съ неба его звѣзду и гаситъ ее въ колодецъ—О погребал. обыч., 190-1.

Стр. 216 и 218: Въ сербской народной поэзіи постоянный эпитетъ души—легкая: лака душа. По мнѣнію болгаръ, душа по выходѣ изъ тѣла летитъ въ видѣ птички или бабочки и садится на ближайшее дерево. Въ чешской Алексан-

дрондѣ души павшихъ въ бою представляются летящими, какъ распущенное стадо. По закатѣ солнца души летаютъ на кладбищахъ, какъ голуби—О погреб. обыч., 189-190.

Стр. 231: По мнѣнію г. Котляревскаго (О погр. обыч., 21), «передавая греч. παρὰδεισος словомъ порода, переводчики желали избѣжать употребленія языческаго термина рай и для этого только слегка славянизировали греческое слово; что слово рай имъ было извѣстно, это доказывается обстоятельствомъ, что въ тѣхъ-же памятникахъ мы встрѣчаемъ и его, но какъ-бы обмолвкой, мимоходомъ. Родъ, родство въ значеніи геены явились: во первыхъ — вслѣдствіе отсутствія народнаго термина, который могъ бы обозначить предметъ, чуждый понятіямъ; во вторыхъ-же — по близости и смѣшенію двухъ греческихъ словъ: γέννα и γενεά, γέννησις = родъ, родство». Мы позволяемъ себѣ не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго ученаго. Трудно доказать, чтобы термины «родъ» и «родство» употреблялись нашими переводчиками безсознательно — только вслѣдствіе плохаго знанія греческаго языка и смѣшенія слова γέννα съ γενεά; что переводчики хорошо понимали различіе означенныхъ словъ — это доказывается тѣмъ, что въ геенѣ они усматривали не просто родъ, но родъ огненный, родство огненное или огонь родной, родствянный. По древлеязыческимъ представленіямъ, жизнь по смерти была жизнію въ средѣ усопшихъ праотцевъ; «умереть» значило: удалиться въ то загробное царство, гдѣ собираются всѣ отжившіе родичи — и добрые, и злые—«отойти къ предкамъ», вселиться въ родъ. Когда, съ принятіемъ христіанства, появилась необходимость рѣзко разграничить области посмертнаго пребыванія праведныхъ и грѣшныхъ, то переводчики предназначенную для послѣднихъ геену стали истолковывать «огненнымъ родомъ», а для обозначенія царства блаженныхъ приняли тер-

минь «порода», на что, может быть, и были наведены случайнымъ созвучіемъ этого слова съ греч. *παράδεισος*. Терминъ этотъ однако не удержался и смѣнился словомъ рай — вѣроятно потому, что самое названіе рай (цвѣтущій садъ) болѣе соответствовало понятію библейскаго эдема, тогда какъ «порода» намекала на языческое представленіе о странѣ дѣдовъ. «Удивительно (замѣчаетъ г. Котляревскій), что термины родъ, родство, порода придуманы разными лицами почти въ одно и то же время, ибо встрѣчаются въ различныхъ одновременныхъ памятникахъ; быть можетъ, они идутъ изъ одной школы (?), отъ одного учителя.» Думаемъ, что такое удивленіе напрасно; употребленіе этихъ терминовъ объясняется тѣмъ значеніемъ, какое соединяла съ ними народная рѣчь.

Стр. 237. Душа представлялась малюткою, и потому народъ любитъ называть ее уменьшительными именами: душка, душица, душичка — О погреб. обыч., 190.

Стр. 239: «*Vielona* (*Velouis* — *deus animarum. cui tum oblatio offertur, cum mortui pascuntur*). Лит. *vēle* — мертвецъ, лятт. *welli* (муж.) и *weles* (жен.) — *manes* (*De diis samagitarum*, 13, 35).

Стр. 254: Сербы принимаютъ крякъ гайврановъ за предвѣстіе смерти, и заслышавъ его, говорятъ: «ту ти глас, а за моремъ частъ» (Гласникъ 1867, V, 195). По чешскому повѣрью, души усопшихъ пасутъ на лугу пѣтушковъ (т. е. стерегутъ въ раю небесные блески=молніи) и съ дикими гусями (мнѣнческое обозначеніе плывущихъ облаковъ) свѣтъ сторожатъ — О погреб. обыч., 86, 197.

Стр. 261: При полетѣ неистоваго воинства (т. е. во время грозы) раздаются многочисленные голоса плачущихъ дѣтей; вопли ихъ=завываніе бури, слезы=дождь — *Roggenwolf und roggenhund*, 13.

Стр. 262-3: Сербская пѣсня о хожденіи Богородицы по аду и раю (Петранович., 20) говоритъ: отворились врата «рая бѣлаго» — «играју се по росној ливади, играју се све праведне душе». По указанію малорусской сказки (Рудченко, 101-2), добрый молодецъ, спустившись въ глубокой колодезь, очутился на томъ свѣтѣ—среди большого сада, въ которомъ зрѣли плоды, надѣляющіе богатырскою силою.

Стр. 265: Отецъ и мать, у которыхъ умеръ ребенокъ, до тѣхъ поръ не должны вкушать отъ новыхъ плодовъ, пока не одѣлятъ имъ бѣдныхъ сиротъ — въ поминокъ за душу своего дитяти; въ противномъ случаѣ усопшее дитя не получитъ на томъ свѣтѣ райскихъ плодовъ, вынуждено будетъ грызть свои пальцы и станетъ горько плакаться на своихъ родителей — Гласник срп. друштва 1867, V, 98.

Стр. 276-7: Чехи и мазуры вѣшаютъ на дверяхъ платокъ — для отдохновенія прилетающей души (О погреб. обыч., 207).

Стр. 280. Котлярев. О погребал, обычаяхъ, 194—5: «Со смертію душа отправляется въ иную, далекую область... Въ этомъ смыслѣ говорилъ Владиміръ Мономахъ своимъ дѣтямъ, что онъ стоитъ на далечи пути; по малорус. поговоркѣ: смерть — неминующая дорога; рус. обл. странствовать значитъ: хворать; удорожить — довести кого-нибудь побоями до смерти; въ сербскомъ причитаніи къ мертвому обращаются съ вопросомъ: *ће ћеш, господаре, на том тамо путу далекоме оклено се никад не долази*; словинцы также причитаютъ надъ умершимъ отцемъ: *na dalek mi ti put ode s' kog te peću dopogledat*; душа на пути — человекъ умираетъ... Въ пѣснѣ о Забоѣ два раза упоминается объ отшествіи къ отцамъ въ смыслѣ смерти (*otide k otcem*); равносильное этому выраженіе встрѣчаемъ и въ Повѣстѣ врем. лѣтъ: приблизитися или приложитися ко отцемъ и дѣ-

домъ». Къ преданіямъ о переправѣ усопшихъ черезъ воздушное море можно добавить слѣдующее указаніе: въ малорус. пѣснѣ дѣвушка проситъ ангела поплыть «до батейка (умершаго) по морю» и принести отъ него вѣсти. Судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, у славянъ существовало представленіе о проводникѣ душъ, который сопровождаетъ ихъ по трудному пути на тотъ свѣтъ. «Такимъ, кажется, былъ Нія или Ніа, о которомъ упоминаетъ Длугошъ: *Plutonem cognominabant Niia, quem inferorum et animarum, dum corpore relinquunt, servatorem et custodem opinabantur, postulant se adeo post mortem in meliores inferni, sedes deduci*. Въ лингвистическомъ отношеніи имя Нія или Ныя не представляетъ препятствій къ сближенію съ Нава... Не сюда ли относится и славянскій Навать, о которомъ однажды упоминается въ Супрасльской рукописи: ѿ наване, чимъ дръзнжвъ отвѣштати хоштеши наватомъ (т. е. смертію) поем'емъ.» Гайкъ указываетъ на старинный обычай класть въ руку усопшаго деньги, назначаемыя для уплаты загробному проводнику—Водцѣ и перевозчику черезъ великій потокъ или воздушное море—Плавецѣ (*ibidem*, 142, 200, 204).

Стр. 284: Болгары даютъ млечному пути названіе влакненъ (волокнуистый) мостъ и думаютъ, что по немъ проходятъ души усопшихъ—О погреб. обыч., 203.

Стр. 286: Чехи даютъ мертвому сапоги, которые онъ долженъ износить на пути къ небесному жилищу отцевъ—О погр. обыч., 210.

Стр. 298. Дѣтская пѣсенка (Безсонов., 27):

А и донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся жучій домъ;
Бѣжитъ жукъ съ ведромъ
Заливать свой домъ.

. Стр. 299-300: По русскому повѣрью, если женщина будетъ сильно, безутѣшно тосковать по умершему, то онъ станетъ летать къ ней въ видѣ огненнаго змѣя — О погреб. обыч., 190. Въ нижегородской губ. рассказываютъ, будто нѣкогда въ незапамятную старину младенецъ, проклятыи матерью, превратился въ лягушку, и потомъ уже отъ этой лягушки произошли всѣ другія. Кадлубекъ въ своей хроникѣ сообщаетъ преданіе о томъ, какъ Поупѣлъ младшій отравилъ своихъ дядей, и когда они умерли — отъ казалъ имъ даже въ погребеніи. За такое нечестивое дѣло жестокой тиранъ былъ постыгнутъ страшнымъ наказаніемъ: изъ брошенныхъ труповъ его дядей вышло множество мышей, которыя напали на Поупѣла и пожрали его, т. е. озлобленныя души усопшихъ, лишенныхъ погребальной почести и посмертнаго успокоенія, превратились въ мышей и отомстили своему врагу. Подобное преданіе встрѣчается у многихъ индоевропейскихъ народовъ, и между прочимъ (почти въ буквальномъ сходствѣ съ польскимъ) у чеховъ — О погреб. обыч., 103-7.

Стр. 371: «Смерть разрѣшаетъ, развязываетъ узелъ или нить существованія, и кажется, что слова кончина, судъ и судьба, употребляющіяся въ языкѣ для обозначенія смерти, имѣли въ старину именно такое, а не иное знаменованіе: конъ (позд. чинъ) — отрѣзанный предѣлъ, кончина — отрѣзанная нить жизни, судъ же и судьба — развязка, разрѣшеніе, расплетеніе. Первоначальное этимологическое значеніе слова судъ явствуетъ изъ родственныхъ нѣмецкихъ: гот. *sundro*, др.-в.-н. *suntari*, нынѣш. *sondern*, др.-сѣв. *sundga* — *dissecare, discerpere*, отдѣлять, развязывать, разрѣшать (узлы?); значеніе же слова конъ ясно и изъ славянскаго запаса: по-чинъ, о-чинить и др. Корень будетъ *кап* — колоть, рѣзать, прекращать существованіе» — О погреб. обыч., 194.

Стр. 396—7: Въ малорусской сказкѣ (Рудченко, I, 161-2) Бѣда, встрѣтившись съ богачемъ, говоритъ ему: «чего хочешь, чоловиче, чи за молоду м'ясо јисти, а на старость кистки гризти, чи за молоду кистки гризти, а на старость м'ясо јисти?» Богачъ выбралъ последнее — и тотчасъ-же обѣдналъ; снова разжиться удалось ему только къ старости.

Стр. 436: Въ виленской губ., при выгонѣ скота въ поле, знахарь беретъ поясъ, затыкаетъ его въ дужку замка, кладетъ замокъ и поясъ посреди дороги и перегоняетъ черезъ нихъ стадо, причитывая: «какъ замкнуть этотъ поясъ, такъ да будутъ замкнуты у звѣрей пасти!» — Вилен. Сборн., I, 192.

Стр. 569, 591: Баба-яга, зализна нога, сторожить цѣлющую воду — Рудченко, I, 87, 135.

К О Н Е Ц Ъ .

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ *).

- Абудаъ 657.
Авдумла 656, а 637—9.
Аги 208, а 512—3.
Агни 204, 513, 771, а 1, 5—6,
14, 26, 34, 45—46.
Адоиисъ 783, в 762.
Адсвѣи муки в 29—33.
Адскія рѣки в 26.
Адъ 182—3, в 16—33, 231, 256
—7, 263—5, 282—7, 811; см.
Гелла и пекло.
Аждаја а 514.
Алатырка а 529.
Алатырь-камень а 142—9, 548,
в 800—1.
Александръ Македонскій а 454
—7.
Алконость а 135.
Альвина 329, а 727.
Альманахи в 608.
Альрауаъ а 395—6.
- Амалтея 684.
Амбровія 367.
Амрита 367, 371—2.
Анастасія св. 232, в 782.
Ангелы смерти в 54—57.
Ангирасы в 230—2.
Андвари а 158—9.
Арас а 203, в 119—120.
Аполловъ 246, 691, а 136.
Апсарасы а 205, в 119—120,
188.
Арахна в 133.
Аргонавты а 352.
Аргусъ 157, 172.
Аресъ 270.
Аринавъ а 465, 514.
Аристотелевы Врата в 606.
Ариама в 283.
Артемиды в 129, 319.
Асвины в 788.
Асгардъ в 18, 258.

*.) Цѣры, слѣдующія за буквою а, указываютъ на страницы II-го тома, а слѣдующія за буквою в—ва страницы III-го тома; цѣры же, передъ которыми не стоитъ ни той, ни другой буквы, означаютъ страницы I-го тома.

- Асклепій а 566.
 Асуры 262, а 686—7.
 *Атропо; в 346, 349.
 Auszгine 87, 178.
 Аеродита а 125—6.
 Ахиллесъ а 521—2.
 Аенна 276, в 129, 133.

 Ваву (бабы) в 120.
 Бабые лѣто в 274.
 Баганъ а 72.
 Бадній день в 733—8.
 Баднякъ в 733—9.
 Балда 389, а 746—9, 753.
 Бальдуръ 96, а 431—4.
 Банный а 69.
 Баргавасъ а 530.
 Бездольный в 415.
 Берегиня а 529—530, в 124—5.
 Береза а 281, 390.
 Берта 564, в 130—1, 188, 252,
 259—260, 353, 592, 773—4.
 Blasius а 704—8.
 Блаждающие огни в 197—9.
 Богатый вечеръ см. щедрый
 вечеръ.
 Боговица в 737.
 Богородица 223—6, 234—240,
 354—6, 360—1, 456, 480—7,
 563, 572, 599—600, а 143—4,
 312, 401, 410—5, в 134, 174,
 263—5, 274—6, 295, 722, 756
 —9
 Богородицны слѣвки а 415.
 Богъ в 376.
 Воѣе d'jeso в 742.
 Воѣе sedlecko а 82.
 Божичъ в 733, 739—741, 753.
 Божіе суды а 194—201 (огнемъ
 и водою), 270—6 (судебные
 поединки), в 511 (водою).
 Болотничикъ а 236.
 Большая Медвѣдица (созвѣдіе)
 356, 386—7, 563, 609—611,
 763, в 284
 Болѣзни (ихъ связь съ эльфина
 и злыми духами и народныя
 лѣчебныя обряды) 141 — 3,
 203—6, 635—6, а 15—21, 30
 —31, 181—190, 303—5, 306,
 312, 319, 323, 360, 390, 563—
 6, 729—730, в 58—116, 132,
 135, 519—524, 807.
 Борись св. 560—2.
 Боякъ 405—7, 694.
 Браги 393.
 Брачныя обряды 237—8, 378,
 460—4, 467, а 34—37, 174,
 178, 180, 317, 324—5, в 372—
 3, 747.
 Вребойі а 491.
 Вhrgu 371, а 5, в 230.
 Брко а 778—9.
 Брунгильда а 427, 632.
 Врѣхолоха; (Ворхолоха) в 528,
 562.
 Буря-богатырь а 533—4, 638.
 Буянь-островъ а 131—6, 140—
 2, 295, 599, в 271.
 Быстрозоркой 170, а 710—4.
 Бѣлая змѣя а 550—2, 570—5.
 Бѣлбогъ 92—96, в 777.
 Бѣлоснѣжка а 716, в 546—9.
 Бѣлуць 93—94, а 372, в 594.
 Бѣлыя жены и дѣвы (biele pa-
 nje) а 569, 575, 627—9, в 155,
 168, 334.
 Бѣда в 396—7, 816.
 Бѣдовникъ в 415.
 Бѣсъ 116.

- Вавила а 72.
 Wackarine 87, 178.
 Вакханки 374, а 393.
 Вакхъ 373—4, 400, 437, 655,
 а 354—5, б 762.
 Vala (valva, völa, völv) б 351,
 426.
 Валгалла а 140, 281, б 18.
 Валлбухъ 295, а 776—7.
 Валигора 765, а 776—7.
 Валькири 598, 684, а 314—5,
 б 53, 189—191, 363—8.
 Walpurgisnacht б 474—5.
 Вампиръ и вампера см. упыри.
 Варуна 63, 543, а 166.
 Василискъ 532.
 Вейделотки а 7.
 Вейнемейненъ 293—5, 325—7,
 401—2, 536, 603, а 152—4,
 297.
 Велесъ см. Волосъ.
 Велетни а 650—1, 784.
 Великаны 155, 279—280, 292,
 318, 352, 502, 582—3, 656—7,
 721—4, 739, 784, а 41, 216,
 310—1, 330—4, 454—7, 472—
 7, 522—3, 617—9, 636—9,
 642—716, 726—7, 740—6, 765
 —772, 784.
 Велякъ а 651.
 Венцелій а 450.
 Верба а 389—393, 434, 505.
 Werdandi б 349, 356.
 Верпея б 328—330.
 Вертогоръ (Вернигора) }
 Вертодубъ (Вернидубъ) } 295,
 765, а 776—7, б 272—3.
 Весна 608, б 661, 676—681,
 690—9.
 Веста а 8, 14, 26—28, 34—35,
 45—46, 113, 338.
 Wechselbalg б 305—7.
 Вечерница 736, а 124, б 776.
 Вечорка а 779.
 Вилкомиръ 741.
 Вилы 169, 231, 586—7, 622, а
 290—1, 295—6, 335, 358, 384,
 417, 422—3, 615—7, 733, б
 76, 152—186, 239—240, 309—
 313, 339—342, 361, 366, 420,
 464, 718—9, 807—810.
 Вильва б 154, 158, 173.
 Вильцы 741.
 Windsbraut 329, б 120.
 Вино—кровь 368—370.
 Вить св. 523.
 Вихорево гнѣздо а 275, 432.
 Віи 171, 550.
 Власій св. 695—8.
 Вовкулакн см. волгодлакн,
 оборотни и упыри.
 Вода—кровь 139, а 499; —деготь
 788; ея плодородящая, дѣлеб-
 ная, очистительная и вѣщая
 силы, поклоненіе водъ 169, а
 179—201, 206—211, 646; см.
 живая и мертвая вода.
 Водовикъ, водяникъ, водяной
 дѣдъ, водяные духи 140—1,
 295, 308, 328, 381—2, 635—6,
 662, а 203—6, 234—248, 630,
 731—2, 735, 773, б 123, 262,
 310, 802; см. Морской Царь.
 Водца б 814.
 Водяны, водяны, водяницы, vod-
 па žopa или rapna а 213,
 239, 620, б 121—3, 126, 355,
 469.
 Воздушная арка 323.
 Воздушный океанъ б 280—1.
 Возліанія (жертвенныя) а 252—3.
 Волгодлаки (вилгодлаки) 736,

- 792, а 333, в 527—532, 549—551, 586, 593.
- Волоса 36, 117; волося=травя а 499; коса—символь дѣвственности 238—9.
- Волосова борода 141, 697—8.
- Волосожары 222.
- Волось 401—2, 474, 691—8.
- Волотья а 651.
- Волоты см. нелетни.
- Волхвы 343, а 57—61, в 425—6, 430—2, 440, 507—8, 596—605.
- Волховникъ в 607.
- Волховъ а 225, 557.
- Волчій пастырь 710—711, в 529—531.
- Волчки см. Вильцы.
- Волчьи праздники 745.
- Волчья звезда 736.
- Воробьиныи почъ н 377—9.
- Вороноградъ в 607.
- Востокъ 181—2, в 24, 277—8.
- Времена года в 676—682.
- Вритра 262, 561, а 350—1, 437, 512—3, 528—532, 582, 607.
- Wunsch в 378.
- Выгонъ стадъ на поля в 490—3.
- Выдра а 158, 554—5.
- Вырій (вирій) а 137—141, 405.
- Въдогонъ (једогонь) а 77, 95—в 196, 211, 234—5, 361, 566.
- Вѣдовскія сборища в 471—9.
- Вѣдувы и вѣдьмы 291, 300, 330, 355, 370, 405—7, 435, 545, 553, 569, 622, 667, 712, 739, 773—4, а 103, 306—7, 407—8, 422, 481—2, 504, 530, 578, 606, в 15, 109, 121, 196, 216, 218, 234—5, 272—3, 281, 311, 354. 422—433, 439—557, 565—571, 575, 582—7, 807, 810.
- Вѣка золотой и желѣзныи а 445—6.
- Вѣсы судьбы в 273—4, 279—380.
- Vjetrec hólcу 315.
- Вѣтрова мать 313.
- Вѣтровъ батько 315.
- Вѣтры 290, 309—317. 321, 329—331, 365, 418, а 357, 531, 580, 646, в 445—8. 794;=механис божіе 284—7, 310, 397;=дуновение мѣховъ 280, 311—2;=оомело 275. 291, 569—570, в 456—8, 790;=грабли в 456—8;=стрѣлы 490;=окрыленныи существа 311—2, 539;=хищныи птицы 309, 330, 502—510;=кони 470, 611—6, 628—9;=олени 640, а 280;=собаки 331, 720—8. 732—3;=волки 738, 761—2, 765—7;=свињи 557, 768—9;=великаны а 652—4;=карлы а 727—730, 735; свистъ и завываніе вѣтровъ=дѣтскій плачь 329, в 812;=змѣиный шипъ а 526;=соловьиный щекоть 301—2, 306—9, 320;=звуки военныихъ и охотничьихъ роговъ 269, 277, 294—5, 323;=пѣсни и музыка 321—8, 331—6; полеть вихря=пляска 323, 328.
- Вѣштца см. вѣдьмы.
- Vieszy в 560.
- Wünschelruthe а 392—5.
- Гадныи 632—4, а 192—4. 259—260, 485, в 382—6, 740—1, 744—7.
- Had-hospodarik а 540, 552, 562.
- Hamlingia в 361.
- Гандары 323, 624—5.

- Ганимедь 373, 493.
 Гаруда 512, в 788.
 Гарцуки 506, а 357, 735.
 Гвозденуба в 592.
 Heilgätinnen в 353—5.
 Геймдалль 324, 361, в 285.
 Геката в 250.
 Helweg в 283.
 Гелля 525—7, 732, 756, а 583,
 в 16—19, 25—26, 112.
 Гелюсь 218—9, 690—1, 754, а
 123, 288.
 Гейи-хранители в 361—3.
 Геркулесъ 504, 546—7, 655—6,
 а 288, 309—310, 516, 521,
 554, 587, 736.
 Гермесь 172, 324, 540, 656, а
 140, 393, 423, 474, 566, 764,
 в 53.
 Гестія см. Веста.
 Геэсць 276, 280—1, 437, а 5,
 356, 696, в 2.
 Гея 128, 436.
 Нехе в 423.
 Гиганты а 515.
 Гидра а 515, 554, 736.
 Глазь 464, 172—5; ≡святильникъ
 165, 175; ≡птица 165; ≡терно-
 вая ягода а 499.
 Глвбъ св. 560—2.
 Годъ ≡дереву 517, начало года
 и его дѣленіе в 659—660.
 Голубиня книга 50—52.
 Гольда 545, 657, 683, а 127,
 471, 629—630, в 129—130,
 133, 252—9, 274, 287, 295,
 353, 592, 773—4.
 Гоминъ в 111.
 Гора - стекляная, хрустальная
 120—4; поклоненіе горамъ и
 камнямъ а 356—361.
 Горгоны 172, а 515.
 Горе в 397—407.
 Горохъ а 757—760.
 Горышняка (баба-горышняка) а
 355, 529.
 Горынычъ (Горыныщс) а 518,
 528—530.
 Горыня 295, а 529, 666, 706,
 776.
 Горьлки 448—9.
 Hospodarickу а 77, 113.
 Гостепрѣмство а 62—66.
 Gott в 790.
 Градъ 319, 365; ≡крува 291, в
 783.
 Гремящая недѣля в 701.
 Гремячіе (громовые) ключи 168,
 а 171—2.
 Грендель в 563.
 Гречухи в 149.
 Гринтурсы а 637—9, 660.
 Гриноъ 503—4.
 Гроза ≡битва 247, 258, 261—271,
 274—9, 350, в 173; ≡шатадъ
 немстоваго воинства 324; ≡ди-
 кня охота 324, 724—732; ≡иг-
 ра богатырей, игра въ шары
 (кегля) 534—5, а 652—4, в
 789; ≡добываніе иковка ме-
 талловъ 279—282, 296—7, 323,
 465—6; ≡рыбная ловля а 154
 —5, в 25; ≡сплачиванье и
 засѣвъ 434—5, 622; ≡молотба
 и приготошеніе муки 288—
 297; ≡варка пива и вообще
 хмѣльныхъ напитковъ 370—1,
 375, в 459; ≡доеніе коровъ в
 485—9; ≡взбываніе масла 665
 —6, в 489; ≡стирка бѣлья в
 468—9; ≡щелотанье а 339—
 340; ≡спутываніе и расчесы-

- ваніе волось а 771—3;=щелканье орѣховъ а 318, в 755—6;=роевье и жуужаніе пчелъ 382—3;=брачный (любовный) союзъ 435, 448—468;=вѣдвской позадъ, пиръ и пляска в 475—9;=всемирный пожаръ и потопъ 760—2; =возженіе очага или жертвеннаго востра 680, в 457;=бава 477.
- Громникъ (Громовникъ) в 606.
- Громовыя стрѣля а 367.
- Громъ 365;=слово божіе 284—7;=колокольный звонъ 297—301, 383, 443, а 664—5, в 499;=небесная труба (рогъ) 762, в 757;=трещотка (колодушка) 387, 443, 504, 716;=ударъ молота 276—7;=хлопанье бича 282;=стукъ оружія 269, 470; грохотъ колесницы 250, 265, 303, 470, 480, 630;=стопоть и ржаніе коня 612, 618—620;=ревъ быка, мычанье коровы 656, 661;=звѣиный шипъ а 511, 526;=стоны и крики великановъ а 653—4;=хохоть 778, а 338, в 783;=звукъ поцѣлуя а 435—6;=испусканіе вѣтровъ а 754—5;=шумъ мотовила в 132.
- Grochowa шапка в 772.
- Гуменникъ а 69—70.
- Гусли-самогуды 332—3, в 784.
- Гусляры 338—9.
- Дажьбогъ 65, 131, 193, а 486.
- Даванды 582.
- Dāsaratni а 607.
- Daumesdjck а 738.
- Дворовый а 89.
- Dziewona (Ziewonia, Dziwica) см. Дѣвана.
- Dziwożony см. дивожовы.
- Дѣдка см. дѣдько.
- Дяды см. дяды.
- Dévaratni а 607.
- Девкаліонъ 353, а 474, 646.
- Девы 127, а 465.
- Dėdek в 772—3.
- Dejwes walditojes в 330.
- Деметра 128, 138.
- Демьянъ св. см. Кузьма.
- Денница 73—88, 104, 178, 604, в 777.
- День 102—6, 596—8, 659.
- Дервчи см. Древяне.
- Дернъ (дѣрънъ въскроуць) 147.
- Дива (Дивія) 128, 137, 225.
- Дивіи люди а 454—7, 525, 618, 651, 655.
- Дивлянъ а 700
- Дивогорскъ и Дивьи горы а 361.
- Дивожовы (dive żeny) а 343—4, в 310—311, 468, 803.
- Дивъ 127—134, 260.
- Дивы а 616—9, в 424.
- Дикая охота 724—732, в 794—5.
- Дикій мужичокъ а 331—2.
- Дитрихъ совъ-Бернъ (Dyterbernat) 730.
- Диана 137, а 400.
- Dlouhy а 710—3.
- Дневникъ народныхъ в 670—5.
- Дни (часы) легкіе и тяжелые в 332—6, 413—4.
- Добрыня а 672—3, 741.
- Додола 336, а 172—9, в 801.
- Дождь в 754—5;=слезы 167—8, 325—7, 600—4, а 413—5, 653, в 260—1, 783;=слява 145, 393—400, 507, в 786;=моча

- 397, 640, 670—3;=кровь 260, 367, 382, 388, 390—5, 399, 437, 657, 783—5, а 223—4, 306—7, 644—5, в 563—4;=кровь змѣиная 702—4, а 518—521, 565, 568;=змѣиная и волшебная мазь 793, а 548—551, в 458;=молоко 296, 376—8, 621—5, 653—4, 658, 665—9, 671, 764—5, а 288, 296, 306—8, 559—561, в 485—496;=масло 146, 376—7, 665—7;=живая вода 364—7, 433, а 277—8;=медь, вино 368, 372—382, 395, а 281, в 757—8;=пиво 146, 304—5, 368, 370—1, 375, 400;=вдохновляющій, мудрый напитокъ 391—7, 400—3;=сокъ волоухъ яблокъ а 309—317;=смола, деготь 265, 788—9, а 299, 382, в 500;=кипятокъ а 291;=хлѣбныя сѣмена 136, 571—3, 746—7, 793;=мука 291, а 177—8;=плотское сѣмя 135—6, 437, 447—8, 655, а 177—8, в 787;=любовый напитокъ 459—464, а 315;=стрѣлы 490;=перлы, жемчугъ 603;=коровій воскрементъ 389, 672.
- Дошники в 767.
- Доля в 376, 392—7, 403—412.
- Домовой 303, 390—1, 631, 714—5, 728, а 67—119, 485—7, 724, 730, в 310, 499, 806; см. цмокъ.
- Домъ: обряды при закладкѣ и постройкѣ дома, а также при переходѣ на новоселье а 83—86, 109—110, 115—9.
- Донарь 110, 630.
- Дорога (перейдти кому дорогу) 37;=полотно, скатерть 40.
- Драконъ а 520; см. змѣй.
- Drebni (drewni) а 734.
- Древляне а 480.
- Древо жизни а 311.
- Дриады а 346.
- Дружичало в 229.
- Дубъ 307, а 294—304.
- Дубыня 675, а 652, 704—5, 776.
- Дугния а 776.
- Дунаевъ а 239.
- Душа=огонь в 197—206; звѣзда в 206—9, 323—4, 810;=дымъ, паръ в 209—210;=вѣтръ в 210—2, 262;=птица в 214—225, 230, 254, 292—4, 810—811; гусеница (червякъ), бабочка, муха, комаръ, сверчокъ, жукъ, пчела в 214—8, 254, 292—8, 300;=грозовый, воздушный духъ в 213—4, 230—2, 237—8, 244—9, 252, 573—4;=русалка, мавка в 228, 240—4;=вѣдогонъ в 234—5;=вила в 239—240;=эльфъ, карликъ а 729—731, в 232—7, 585—7, 812;=рыбка в 254;=заяцъ, мышь, кошка, ласточка, жаба, лягушка, ящерица в 299—301, 815;=оборотень (корова, собака, конь, борозъ, овца, заяць и пр.) в 301—5, 566—9; см. упыри.
- Души усопшихъ 120—5, 574—9, 732—3, а 74—87, 99, 102—3, 112, 323—5, 365, 374, 441, 445, 470—2, 479, 494—508, 739, в 18—21, 25—26, 79—81, 195—317, 547—8, 553—4, 580—2, 593, 742, 806, 812—4.

Дый 128.

Дынь=чортъ 100,=кудри 116,
=попровъ 545.

Дьяволь а 617.

Дьявана 730—1.

Дѣвы судьбы в 204, 273, 433 в
XXV глава.

Дѣдо см. Дѣдт.

Дѣдовниа а 415.

Дѣдъ-Всевѣдъ 180, в 390—1.

Дѣдъ (Дидъ) а 371—2, 487—8,
770, в 21, 739, 772—3.

Дѣды (didky) а 76, в 231, 806.

Дюдюль а 176.

Дятель а 398.

Егорій Храбрый см. Юрій.

Елея а 776.

Елисейскія поля а 140, в 19.

Engelland в 253, 287, 293—6.

Ерѣфос а 638, в 26.

Еруславъ 215—7.

Жаба в 450—1.

Жагооку 170.

Жарь-птица 512—5, а 311.

Желѣнѣ (жельне жене) в 334.

Желѣзная баба в 591.

Železomej 295.

Жертвы а 39—50, 230—1, 245
—264, в 416—421, 770—1,
797—8, 802.

Жиза (Живана) 100, в 49, 686
—8.

Живая вода (богатырская, силь-
ная, дѣлющая) 119, 168, 364
—7, а 168, 352—4, 551—3,
568.

Жиницы в 394.

Жисой огонь 287, а 18, в 737
—8.

Жиронниа а 89.

Житная баба (Žitnamatka) в 591
—3, 772.

Житные духи в 771—4.

Жиуркиа в 38.

Жолудъ а 299—300.

Жребій а 194, 199—201, 212,
260—1, в 382—5.

Жрецы а 51—61, 265.

Жукъ в 684.

Жышь а 7—8.

Жыцень в 679—681.

Жѣтварка-царка в 769.

Забидица (задушная) свѣча в
201.

Загадки 22.

Заговоры 43, 404—431, а 406—7,
563, 576, в 786.

Заживъ в 765.

Заклятая царевна а 625—633.

Заврутъ или заломъ хлѣбный в
501, 515—6.

Западъ 182—3, в 24.

Затмѣніа солнечное и лунное 112,
742—755, 764, а 532—3, в 805.

Заяць в 255, 793.

Заячій богъ 642.

Звѣздочетецъ в 322, 605.

Звѣзды 72—73, 79—82, 163, 193,
417—8, а 131, 581;=очи 153,
156—160, 165, в 780;=окиа
161; = оговьки, свѣтлыици
176—7;=драгоценныи каменъи
157, 214—5, в 781;=гвозди
281;=стрѣлы 246;=приколъи
609, 611;=золотые клубки 198,
222;=золотыа яблоки а 310;=
яйца 533, 536;=горохъ, орѣ-
хи, хлѣбныа зерна а 760—1;
=пчелы 385;=стадо овецъ или

- ковь 691—3; = ноки 608 — 611; падающая звезда = звий а 510—1.
- Звзреница** 736, 778—9.
- Зевсь** 64, 97, 128, 171, 373, 400—2, 437, 493, 601, 629—630, 655, 681—4, 739, а 63, 352—6, 492—3, б 379—380.
- Зелейшиль** б 607.
- Зеленая недзля** б 708.
- Зеленый Егоръ** 706, б 710.
- Зеленыи Святки** б 144, 708.
- Земля** 64, 127—9, 137—150, 653, а 355, 476, 514—5, 638, 677—8, б 778—9.
- Зигурдь** а 427, 521—2, 537—8, 566, 573.
- Зигуридъ** а 521, 537—8.
- Зима** 108—9, а 399, б 662, 676—681, 690—8; = сонъ а 429; = мачиха 788; = демомъ а 582; = волякъ 744—6, 758; = вепрь 783, 787, а 430; = музвецъ и строитель мостовъ 583—591.
- Зирна** б 327.
- Зира** 230.
- Злыдни** б 404—9.
- Зиѣнная дѣва** а 624.
- Зиѣнная мать** 561.
- Зиѣнная травка** а 566—9.
- Зиѣнное ложе** = золото а 536.
- Зиѣнными горы и царства** а 356, 530.
- Зийъ** 208, 275, 283, 292—6, 299, 307, 363—6, 397—9, 437, 471—2, 481—3, 532—3, 545—8, 559—562, 584—8, 590, 614, 619—620, 647, 666—8, 678—9, 683, 702—4, 749—750, 756, 759, 765, 772—3, 789; а 156, 165—6, 216, 225, 279—285, 290—1, 295, 305—6, 310, 313, 365, 368, 373, 389, 432, 435, 438, 454, 464—5, 505, 509—625, 633—5, 642—3, 736, 751—2, 757—9, 762—3, 766, 770—2, 777, б 178—9, 182, 185, 463, 479, 487, 588—9, 789, 805—6; звий репез'ну, ѣтну и тлокову а 539, 561—2.
- Знахарь** б 423.
- Зничъ** а 7, 29, 46.
- Зодій** б 605.
- Золото** 200—3.
- Зорька** а 779—780.
- Зоря** 82—89, 178, 180, 226, 418, 524, 599, 658, 735, а 125—130, 136, 142—4, 400, 642; ея оружіе 273—4, престоль 198, 223, и слезы 167, 599—603; = окно 71, 158—162, 197, 205; = розовая ткань 222—6; = червоное платье 788; = кровь, румянецъ 223—4, 669; = розы 601—2, а 370, 414—5; = улыбка неба 601—3; = птица 516—7, 529; = ковь 594; = пастьыр небесныхъ стадь 690.
- Зюзи** б 679—682.
- Ивановъ день, Иванова ночь** см. **Купало**.
- Иггдразилль** 374, а 279—284, 314, 318, 472—3, б 255.
- Игоша** а 102, б 317.
- Идолище нечестивый** а 708.
- Идолы** а 264—8.
- Идуна** а 310, 314—6, 319.
- Изда** 554.
- Икота** б 70, 634.
- Ильмаринень** 280—1, 293—4, 494, а 153—4.

- Ильмень-озеро а 211—2, 229—230.
- Илья-Муромецъ 302—7, 582, 614, 621, а 667—674, 678—9, 741, 771.
- Илья-пророкъ 225, 283, 303, 385, 469—483, 546, 576, 621, 628, 630, 640, 683, 698, 737, 762, а 6, 133, 143—4, 171, 256, 293, 401—2, 461, 464, 516, 582, в 793.
- Имиръ 656, 784—5, а 476—7, 637—9, 644, 648, 718.
- Имянный снопь в 765—7.
- Индра 208, 248, 252—3, 262, 282, 349—350, 371—2, 396—7, 491—3, 629, 653—5, 690, 768, а 1, 238, 350—1, 388, 437, 440, 513, 532, 536, 552—3, 686, 702, 717, в 93, 280.
- Индра (Индрийъ)-звѣрь а 553—6.
- Иппокрена 403.
- Ириса 353.
- Иродіада 329, в 93—94.
- Источники, текущіе мѣдью, серебромъ и золотомъ а 283—294.
- Іоаннъ-креститель а 11, 406, 506.
- Іуда а 216, 307, 770.
- Іогнцандг 756, а 122, 313, 549, 551, 583, 693, 744.
- Іошнн а 695.
- Језинка в 588.
- Јутгу (јутгој, јатгу) в 700.
- Каженикъ в 78.
- Кавни колдуновъ и вѣдьмъ в 507—513, 523—5.
- Калина—эмблема дѣвической красоты а 499.
- Камни—кости земли 139.
- Кашница а 268—9.
- Карауни 63—64, 603.
- Карлики 157, 230, 255, 279—281, 301, 370, 384—5, 395, 548, 554, 564, 578, 740, 795—6, а 78—82, 97—103, 113, 152, 158—9, 204—5, 235, 297, 330—3, 373, 396, 481—3, 716—784, в 806; см. эльфы, дверги, хауки, кякиморы, русалки, мавки, мары, злыдѣи.
- Кауни а 81, в 806.
- Квасиръ 394—5.
- Кентавры 624—5.
- Керечунъ см. Корочунъ.
- Керы в 43, 346, 366—7.
- Кякиморы а 100—2, в 79, 136—7, 317.
- Кырилло-пожемяка 559—560, а 589—591.
- Кытъ а 151, 160—6.
- Кычига 288, 610.
- Кѣй-бѣй 274—7.
- Клады 202, а 361—377, 380—5, 392—8, 413, 536—9, 541, 630, 734.
- Клещальная недѣля в 708.
- Кликуши в 519, 635—7.
- Клобѣ в 346—9.
- Кляцъникъ а 89.
- Клятва 431, в 785; клятвы оружіемъ 272—3, землею 147—9, в 779.
- Кобольды а 78—80, 98, 106, 541, 562, в 409.
- Колдуны 312, 328, 330, 549, 553, 588, 618—9, 794—5, а 306—7, 365, 407—8, 587, 771, в 196, 216, 423—5; см. вѣдьмы.

- Колесо счастья в 413-5.
 Коляда 211, 300, 378, 607, 663, 765, 778-781, и 367-8, в 470-1, 729-733, 738-9, 748-752, 752-760.
 Колядки в 752-760.
 Колядникъ в 607.
 Комета (ея хвостъ, метла, борода, мечъ и копье) 73-74, 82, 244.
 Коня (ихъ чествованіе) 631-7, в 792; кони морскіе 621-4.
 Кончина міра а 446-7, в 22-27.
 Конюшнякъ а 72.
 Kognkind в 774.
 Коровья Смерть в 47, 115, 523, 574.
 Корочунъ (Крачунъ) в 760.
 Кострома в 724-6.
 Кострубъ в 726, 762.
 Кошелекъ-самоубійца 197, 314.
 Кошей а 594-604.
 Kravské body в 491.
 Králova peděle в 710.
 Крапива в 497-8.
 Красная Горка а 360, в 702-3.
 Kresnik, кресови, крѣсъ, крѣсьны в 712.
 Кресницы в 334.
 Крещеніе кукушекъ в 226-9.
 Криницы а 219-220, в 128.
 Кроношиа в 529.
 Кроль (Кракъ) и 529.
 Кроносъ 436-7.
 Кроснята а 81, 734.
 Кругъ в 517-8.
 Крупеничка а 493-4.
 Куга в 82, 108 112-3.
 Кудесники в 423-5.
 Кузьма св. 560-2, 584.
 Кукушка в 225-6, 294, 686-9.
 Купало 212, 744, а 376-7, в 470-1, 710-724, 728.
 Купальница в 721-3.
 Курентъ 334, а 649-650.
 Куроглашенникъ в 607.
 Курячій богъ в 800.
 Кутья в 743-4, 751.
 Къртъ в 760.
 Лада 227-9, 439, 483, а 127, 143, 400, 409-410, 414-5, 438, в 690, 721-4.
 Ладо (Ладъ) 228.
 Ладонка в 433.
 Лазавики а 774-5.
 Ламія (ламя) 299, 545, а 354, 582, 593, 763, в 588.
 Лары а 28, 77-80.
 Ласточка 454-5, 669, в 685-6, 728.
 Лаумы 359-360, 648, а 562, 781-3, в 110, 307-8, 331-3, 468.
 Лѣхука в 346, 349.
 Лебединая пѣсня в 191.
 Лебединыя дѣвы а 204-5, 217-8, 314-5, 568, 765, в 160, 162, 186-193.
 Леда 536.
 Лѣля а 488.
 Лемлянскійнея а 714.
 Летавица в 209.
 Лизунъ 728.
 Лихо а 698-700, 396, 404, 591.
 Лихоплеси (lichoplezi) в 342.
 Лихорадки в 81-96.
 Локи 756-7, а 5, 154-5, 310, 319, 431, 453-4, 661, 688-9, 743-4, в 2, 7-8.
 Лоскоталка в 125.
 Лоухи 293-5, 569.

Лукавый в 4.

Лукъ (растеніе) а 569—571.

Луна 66, 72—84, 111, 163, 189—193, 385, 417—8, 426, 641—2, 775, а 41, 130, 400, 581, в 249—252, 272—5, 488, 754—7, 776, 780—1, 796—7; = око 102, 153, 157—160; = окно 161—2; = свѣтильникъ 176—7; = сосудъ а 287; = золотое сокровище 198; = драгоценный камень 214—5; = запонка 63, 215; = колесо 213, в 781; = лысая голова 116; = ликъ 218; = кругъ сыра в 488; = краюха (хлѣба) 190; = гвоздь 611; молодой мѣсяцъ = серпъ и мечъ 244, 437; = рога 199, 660; = ладья а 130—1; = конь и олень 597—8, 608; = быкъ, корова, баранъ, козель 660, 666; = пастырь стада 691—3; лунный свѣтъ = молоко а 287—8.

Лутоня а 480.

Лучи солнечные = золотые волосы и зрѣлые колосья 138, 220—1, 230, 288; = нити 221—3; = возжи 594; = спицы колеса 220; = стрѣлы и копьа 245—6; = вѣнецъ, нимбъ 218—220; = руки 71, 199, 221; = ноги 788; = кровь 749

Лыбедь а 218.

Лысая гора 116, в 469—472, 478—9.

Лысый бѣсъ 116.

Лылая сторона 185—7.

Лыса (поползненіе нмъ) а 320—5; лыса издѣные, серебряные и золотые а 283—5, 294.

Лысиня а 776.

Лысуныя (лысачихи) а 343—9, в 120, 146.

Льтвицы (Leipise) 664.

Лѣто в 661, 676—681, 691—4.

Лѣчебные обряды см. болѣзни и наузы.

Лѣшіе 140, 711, 715, а 235, 243, 325—349, 718, 722, в 78, 309—313, 803.

Любуша (княжна) 559, а 197, в 371, 441

Людки 301, а 733, 762.

Лягушка в 450—1.

Ляльничъ, в 679.

Ляля в 679—681.

Мавки в 124, 145, 149, 228, 241—2, 263, 367, 567.

Мавга (māvga) в 284.

Маibaum в 709.

Maibrant в 709.

Maikönig а maikönigin в 708—9.

Майя в 710.

Малая Медвѣдица 609, 763.

Мальчикъ-съ пальчикъ а 297, 738—9.

Мандрагора а 396, 412, 421, в 803.

Manes в 806.

Ману (Маннъ) а 476, 486, 637, 647—8.

Марана (Morana, Морана, Мар-зла, Мара) 101, 300, в 35—36, 49, 205, 692—6, 703—4.

Марена (купальское дерево) в 720—3.

Марко-королевичъ а 668, 680, в 162—172, 176, 184.

Марсъ 260, 270.

Мартолой в 605.

Маруты 321, 372, 629, 654, 771,
 в 230—2, 280.
 Марухи см. мары.
 Мары (моры) и 81, 100—3, 113,
 432, 721, в 35, 79, 136—7,
 218, 232, 235, 305, 309, 446,
 567—8, 803.
 Масленица 556, в 696—8.
 Медвѣдъ (Мѣдѣдовѣ) 389—
 390, а 776—780.
 Медвѣдъ 386—391, 464—5.
 Медуза 172.
 Мерекъ в 35.
 Мертвая вода а 420, 551—3.
 Мертвецы 42—43, в 37—38, 800;
 см. упыри.
 Метанія, Метаньсьицеъ в 383,
 608.
 Метницы в 344—5.
 Метеоръ—звѣзъ а 510—1.
 Мечъ-самосѣкъ, мечъ-кладенецъ
 275.
 Мизинчикъ а 738.
 Микула Селяинновичъ 559, а
 679—682.
 Милошъ в 166—7.
 Миширъ 374—5, 403.
 Михаилъ-архангелъ 576—7, 585
 762, а 7, 407, 418, 462—4,
 593, в 55—57.
 Midhgardsormr см. Iðgshio-
 gandr.
 Mjólnir 253, в 782.
 Млечный путь 291, 595, а 288,
 в 282—5;—мостъ в 814.
 Можжевальникъ а 389.
 Мойры в 345—351, 367.
 Моношь а 266—7.
 Молнякъ (Молніиникъ) в 606.
 Молнія—огненные искры, свѣчи
 179, 205—6, 254—6, в 499,

—огниво в 496—7;—пожигаю-
 щіе глаза 170—4; кошачьи и
 рысьи глаза 647;—волось, ня-
 ти 231, 312, 327, а 769—771;
 —возжи, узда 740;—рука 199,
 а 701;—палець 259, а 701, 735—
 7, 747;—хромая нога 621, а
 665, 686, в 2—6;—оаллюсъ
 137, 435—8, 447; —буравъ
 395—6;—веретено в 495—6;
 мотовило а 519;—зубъ 156,
 324, 728, 734, 772;—зубъ мы-
 шинный, крысій, блячій, вол-
 чій 396, 771—8, в 505;—зубъ
 и щетина кабана 771, 783—6;
 —зубъ дракона 276, 559, 656;
 —рогъ 679—680, а 347; —
 языкъ 286, 728—9;—щипцы в
 541, 544;—стрѣла, копье 245,
 250—1, 265—6;—молоть, то-
 поръ, камень 247—256, 264,
 268, 275—6, а 297—8, в 444,
 494—8, 782—3, 790, 804;—
 золотая и серебряная пуля
 278;—шаръ, клубокъ, золотое
 яблоко или яйцо 533—9, а
 154, 309, в 789, 755—6;—
 мечъ 216—7, 260—1, 366, 439;
 —искры отъ удара мечей 269;
 —ножь 261, 289, 330, в 494—
 6;—дубинна, палица 248, 256—
 8, 314, в 783;—сухое дерево,
 сушь 258—260;—головешка,
 лочерга 329, в 457—8, 496;
 —осиновый и терновый колъ
 а 306—8, в 475—581;—стиръ
 373. —стрезубецъ а 393;—моло-
 тильный цѣпъ 288—9, 296,
 314;—пестъ 291, в 783;—лур-
 ка-саморойка а 298;—золотой
 ремень, бичъ, плеть 282—4,

в 555—6; ≡пруть, вѣтка, вѣ-
 никъ а 388—395, 422—3, 566,
 в 444, 457—8, 491—3, 498,
 555—6; ≡верба 706—7; трав-
 ва я огненный или золотой
 цвѣтокъ 375, 744, а 370, 375—
 388, 395—9, 409—422, 492,
 в 804; ≡роза, пѣонъ, а 387—8;
 ≡разрывъ-трава 496, а 397—
 9, 546; ≡омела а 431—4; ≡
 игла 786—7; ≡птичий клювъ,
 коготъ и перо 123, 501, 504,
 а 386—7, 394—5; ≡ключъ 355,
 388, 421—2, л 401—412; ≡
 пчела 373, 381—4, 403; ≡червь
 а 718—9; ≡змѣя 357, 374, 395,
 400—1, 740—1, 786, л 510—
 512, 528, 547, 561, 707, в
 462—4; ≡змѣй smok л 435—6;
 ≡змѣинос жало а 526—8; ≡
 змѣяный языкъ а 275, 520—2;
 ≡змѣяный рогъ а 544—5,
 555—6; ≡змѣяная трава а
 566—9; ≡птица (орелъ, соколъ,
 воронъ, дятль, ястреб, пѣтухъ
 и др.) 372, 396, 489—502,
 510—532, 540—1, 590, л 280,
 286, 295; ≡заяцъ, бѣлка, кротъ,
 мышь, крыса 641—5, а 280, 318;
 ≡конь 281, 611—3, 618, в 792;
 ≡лошадиный и коровій помѣть
 636, 672—3; ≡дьявольскій по-
 метъ 264; ≡кость-невидимка
 650; ≡зерно, горохъ л 757—9;
 ≡дѣтя, варникъ а 717—720,
 738—745; ≡мальчишъ-съ палецъ;
 чикъ 549—550, 626, 740, л
 738.
 Морная корова в 115.
 Моровая дѣва в 109—110, 369.
 Моровая язва 565—8, в 522—4;
 см. Моровая дѣва.

Морозъ 109, 312—8, 318; ≡гу-
 нецъ 584—5; Морозъ-Трескунъ
 (Пердунъ) 318—9, а 703—4,
 708, 755.
 Морская пани (morska dĕvica)
 а 124—9, в 155.
 Морская Пучина а 145—6.
 Морской Царь 91, 292, 624, 785,
 а 167, 202, 211—9, 290—1,
 594.
 Моряны а 239, 246—8, в 122;
 см. морская пани.
 Мраченка в 120.
 Мужичокъ-съ ноготокъ, борода
 съ локотокъ а 774, 779—780.
 Музы 328, 402—3.
 Музыка 339—344.
 Мигуны в 562.
 Mispellsheimr а 637—8, в 27.
 Мысленикъ в 607.
 Мышь в 505—6.
 Мѣсяцы 178—9, 586, в 266—
 270, 663—670, 682—3.
 Nav в 263.
 Навать в 814.
 Навы (навъ, навье) 578, в 80,
 235—6, 278—9, 309.
 Навьскій великъ день в 278,
 290—1.
 Навякъ в 240.
 Напѣтокъ забвеніа а 420, 436.
 Нагака в 16.
 Наржнѣици в 343.
 Natio в 319.
 Наузы а 563—5, в 429—439,
 514—8, 552—5, 816.
 Nachivolk в 244—5.
 Небо 62—64, 126—9, 417; ≡риза
 Господни 63; ≡повровъ а 760
 —1, в 790; ≡гора (стеня-
 ша, лыся) 119—126, а 138

- 4, 356, в 270, 469—472;= куполь (сводь), теремъ, хрипъ 79, 114—5, 160—2;=черепъ 115;=воздушный океанъ а 120—6, 130—1, 166—7;=островъ а 131—6;=мость 692;=поле 691—2;=гумно в 469.
- Недоля в 396, 403—4.
- Недвѣлка 241—2, 360, а 615—6, в 131, 530.
- Нежить (нежить) в 96—98.
- Нектаръ 367, 373, 393—5.
- Немушти жезик а 573.
- Неразвѣнный червонецъ 197.
- Несмѣйна-царевна 602.
- Несреѣа в 411.
- Неумойка а 372, 773—4.
- Нечистая сила 91—92, 99—102, 108—112, 208, 261—8, 299, 309, 328—340, 379—381, 471—3, 478, 481, 523, 529, 533, 624, 715, 718, 743, 749, 751, 754, 778, 789, а 215—6, 236, 327—8, 365, 373—6, 380—2, 418, 428, 430, 581—4, 659—665, 668, 726, 736, в гл. XXII, 445—8, 460, 471—482, 486; см. сатана и черти.
- Николай св. 475—6, 576, 698, а 214—5, 293, 408, в 373—4.
- Никсы а 203—5, 731—2, в 147, 188, 305, 354.
- Нимы 327—9, в 120.
- Нички (Ночки) в 137.
- Ній (Нія) в 814.
- Niðheimr 732, а 538, 637, в 17—19, 26.
- Nirrti в 16, 282.
- Новый годъ а 390—1, в 732—3, 744, 749.
- Ногай-птица 505, в 787.
- Нокоть а 775.
- Норны 374, а 279, в 349—357, 360, 365—6, 420.
- Nöschen в 95.
- Ночь 102—6, 180, а 638, 643—4;= сляпота 168;= покровъ 544;=шапка-невидимка 544;= птица 526, 544;=конь 596—8;=корова 659—660;=овца 683;=волкъ 735—6, в 795.
- Нѣжа в 403.
- Обжики см. дожинки.
- Обида в 191, 367.
- Облако см. туча.
- Облакопрогонники в 442.
- Облачные дѣвы 703, а 581, 587, 709, в гл. XXIII.
- Оборотни 792—6, а 332—3, 621—5, в 302, 485—7, 525—556, 562.
- Объѣдало а 703, 707—8.
- Овсень в 747—9.
- Овинъ в 770—1.
- Огненная рѣка в 22—25.
- Огнищанинъ а 25, 51.
- Огонь 65, 166, 193—4, 204—6, а 1—51, 66, в 796—8;=золото и серебро 200—2, в 781;=глазь 194;=зубъ 771, в 796;=языкъ 728; птица, преимущественно пѣтухъ 502, 513, 522—3;=заяць 641;=лиса в 793;=быкъ 661;=конь в 792;=златоцѣтанистая свинка 771;=змѣй а 520; трескъ огня= хохоть а 338; добывавіе огня тревіемъ=соніе а 470; горячіе уголья=золотыя яйца 533.
- Одеревь 149.
- Одвѣзъ 153—4, 215—6, 268—9,

- 374—5, 392—403, 424, 493, 496—7, 575, 596, 630, 698—9, 724—9, 739, 746—7, 763—5, а 122—3, 140, 202—3, 345, 427, 441—5, 448, 473, 707, в 247, 279—285, 301, 364—5, 377—9, 773—4, 785.
- Одолень-травя а 415—7.
- Озеро, источникъ—глазъ 663, в 794.
- Океанъ а 201, 215.
- Окрутники 300, 336, 717—9, в 526, 750.
- Олегоъ 786, а 579.
- Олимпъ 121.
- Омела а 431—4.
- Опахиванье 300, 565—574, в 790—1.
- Опивало а 703, 706—8.
- Оривницы в 183, 343—4.
- Орионъ (созвѣдіе) 288, 563, 610.
- Ормуздъ а 465.
- Ореей 323.
- Орѣхъ а 310—1, 318—320, 388, 392—3.
- Осень 608, в 662, 676—681.
- Осица а 305—8, в 802—3.
- Остара в 700.
- Острова блаженныя, макарііскіе 575, а 134—6, 140.
- Острологъ, Острономія в 605.
- Отреченныя книги в 605—610.
- Оверушь 722—3, а 741.
- Очагъ а 23—48, 61—62, 66; см. домовою.
- Паликопъ 479—481.
- Palik а 738, 741—2, 756, 761, 767.
- Паяъ 695.
- Папоротникъ а 375—389, 759, в 804.
- Parjajua 136, 248, 264, 312, 655, а 169.
- Парки в 114, 345—8.
- Рагом см. Перунъ.
- Парстукъ а 738, 774, в 806.
- Пасха см. Святая недѣля.
- Паухъ в 132—5.
- Пегасъ 621.
- Педячовъкъ-лакѣтъграда (pedenjelovec-laketgrada) а 774.
- Пекло а 583, 733, в 16, 20—22.
- Пенаты а 28, 77—78.
- Пенелюга а 177, 484.
- Переруга (преперуга) а 176—7.
- Перата (Перхта) см. Берта.
- Перекрестокъ 37, в 799.
- Перелеть-трава а 385—7, 393.
- Perkuna tete (Perkunija) 484, а 126.
- Перкунь 75, 190, 197, 248—9, 256, 359, 432, 493, а 6—7, 46, 206, 299—300, 355, 502, в 782.
- Перуновъ цвѣтъ а 376.
- Перунъ 90—91, 110—2, 128—136, 171, 179, 189, 247—251, 257, 272—6, 291, 303, 351, 364—5, 432—9, 469—483, 506, 559, 579, 589, 628, 662, 655, 676—9, 695, 701—3, 707, 737, 771, а 46, 143, 167, 174, 225, 298—9, 354—8, 401, 405—411, 439, 464, 467, 486, 534, 559, 621, 769, 781—3, в 739, 783, 789, 801.
- Песоголовцы 721, 724, а 655.
- Pesta в 113.
- Петръ-апостолю 639—640, а 146—7, 255, 403—4, 411—2, 460, 464, в 725, 756—8, 760, 789.
- Пигмен а 738.
- Pikuljk а 733, в 20—21.

- Pirchunis 130.
 Pitris в 18—19, 230—2.
 Плавца в 814.
 Плякунъ-трава а 413—5.
 Plevnik (plivnik) а 555, 651.
 Плянды 221—2, 288, 533, а 404, 761.
 Plon см. plevnik.
 Плутошь в 2.
 Пляски 339—345.
 Повороты солнца в 710, 717—
 9, 724, 729—731.
 Погода 320, в 783—4.
 Погребальные обряды 121, 182,
 577—581, а 22, 325, в 281—
 3, 791, 799, 813—4.
 Подводные города и храмы а
 629—631.
 Поддонной царь см. Морской
 Царь.
 Подишыншь в 305—313.
 Подовинникъ а 69.
 Покатигорошекъ а 491—2, 757,
 761—3.
 Рокле в 20.
 Поле см. судебные поединки.
 Полевикъ в 771.
 Полисунъ 711, в 529.
 Полисемъ а 696—7.
 Полванъ 625.
 Половайники а 454.
 Положайникъ (полозникъ) в 734,
 749.
 Полоник а 651.
 Полудницы 329, в 76—77, 136
 —9, 311.
 Полуночка а 779.
 Полуночницы в 77.
 Полуночники в 248.
 Полярная звезда 609.
 Помяники усопшихъ 378, в 288
 —292
- Romliska в 491—2.
 Понедельникъ в 252.
 Popeluska см. пелеюга.
 Popelvar см. Попяловъ.
 Попяловъ а 483—4, 586.
 Поревить а 524.
 Порогъ дома а 113—б, в 799.
 Пореда в 231, 811—2.
 Посеждошь а 167, 201.
 Посоловь 181.
 Постриги в 420.
 Потокъ-богатырь а 218, 567—9.
 Потопъ 362, а 165, 477, 644—
 650.
 Похвистъ (Посвистъ) 320, в 783
 —4.
 Позивъ—даръ боговъ 393—7, 401
 —4, 413.
 Прабогъ 133, в 778.
 Правая сторона 185—7.
 Праздники в 683—774.
 Пражнинась а 474, 645—6, в
 386.
 Превращенія см. оборотни.
 Премьслъ 559, 634, 676.
 Прибоги 133.
 Приворъ и прикосъ см. сглазь.
 Примъты 27.
 Пританы а 27.
 Priscolitsch в 562.
 Pripolnica в 138.
 Прия 137—8, 227—8.
 Проводы русалокъ в 150—1.
 Проклятіе 427—431, в 201.
 Проклятые в 314—7.
 Прометей 212, 756—7, а 5, 7,
 454, 471.
 Проне 301.
 Простръль-трава 267, а 418.
 Процессы о колдувахъ и вѣдь-
 махъ в 586, 610—658.

- Прнац, приоруше а 175—8.
 Психея в 217.
 Пятникъ в 607.
 Путникъ в 607.
 Пчела 385, в 785.
 Pszeniczna matka в 772.
 Пыжикъ а 784.
 Пытухъ 42, 299, 467—8, 518—525, а 106—7, 117—8, 295, в 465, 788—9, 802.
 Пурпурѣва а 177.
 Пятница св. (Пятинка) 231—242, а 219—220, в 131.
 Радиг(а)сть 270—2, 712, а 2—4.
 Рад(у)ница а 3, в 796—7.
 Радуга а 646, 653;=лукъ, дуга, арка 349—353, в 784;=серпъ 352;=кольцо 358, 363;=поясъ, головная повязка 358—363;=мостъ, дорога въ небесное царство 361—3, 732, в 282—6;=престолъ 363, в 785;=труба, носъ 354—5;=кормимсло 356, в 784—5; воздушная розга 352;=змѣя 356—8.
 Разнѣ Стенька а 451—4.
 Разрывъ-трава 496, а 397—9, 410, 546.
 Разумникъ в 607.
 Рай 181—3, а 133—142, 150, 294, 312, 401—5, 440, 445, в 231, 253—281, 287, 741—2, 752, 757, 800, 811—3.
 Райскія птицы а 135.
 Ракшасы а 695.
 Расковникъ а 397.
 Растеніи=волосаземли 138—141, 147, 226, в 778.
 Раели в 605—6.
 Рахманы а 141, в 278.
 Рыбу (ribhus) 280, 323, в 230—2.
 Roggeumann (Kornmann) в 772—3.
 Roggenmuhme (Kornmutter) в 139, 307, 592—3, 772—3.
 Rodowestec (rodowestnik) в 326.
 Родословіе в 322.
 Родословное древо а 479.
 Родство (родъ) в 231, 811—2.
 Родъ в 319—320, 368, 386—9, 416—9.
 Рожа(е)ницы в 318—328, 333—340, 368, 388—9, 416—420.
 Рожденникъ в 322, 368.
 Рождество (роженіе) см. родословіе.
 Розгомечецъ в 383, 608.
 Роса 168—9, 604, а 279—280; =слезы 167—8, 599—603, а 499, в 791—3;=медъ, живая вода 374, а 277, 281;=молоко в 490—5;=пѣна съ удилъ солнечнаго коня 596—8;=алмазы, жемчугъ 601—3, а 293—4.
 Рота 431.
 Рудра 768, а 768.
 Руевитъ 270—1, 443, а 524.
 Руны 411, 424.
 Русалии 140—1, 578, а 217, 239, 244—8, 331, 339—340, 506, 718, 733, 773, в 76, 78, 122—8, 139—152, 164, 181, 188, 197, 218, 228, 240—4, 250, 281, 309—310, 486.
 Русальи в 141—4.
 Русальная недѣля в 141, 290.
 Русальный (русальчннъ) великъ день в 141, 278.
 Рыгъ (Ерьгъ) а 266.
 Рани а 169—170, 201—3, 213—234;=кони 622—4.

- Рибна а 377, 388—9, 392, в 803.
Рибновыя ночи а 377.
Рижене сн. округники.
- Сага 402—3.
Садко а 211—5, 229.
Сажовилы в 104, 182—6.
Сажодвы в 104, 182—8, 240.
Сажно 293—4, 325.
Сараиникъ а 72.
Сатана (Сатаналъ) 311, 457, 585, 757—8, а 458—464, 476—8, 604—5.
Сатиры а 238, 326, 348.
Сварогъ 64—65, 129—134.
Сварожичъ 65, 91, 131, 193, 270—1, 771, а 2.
Свинья—плугъ в 790.
Svätlonosi в 6.
Свѣтзоръ а 779.
Свѣтъ—влага, жидкость а 287—8.
Святая недѣля (Свѣтло-Христово Воскресенье) в 698—703.
Святонитъ (Свѣтовитъ) 95, 133—5, 270—1, 377—8, 523, 631—2, 684, а 170, в 745, 774.
Святогоръ 303, 582—3, а 631—2, 668—674, 679—680, 741.
Святопольгъ а 451.
Сглазъ 172—5.
Saelde в 411—3.
Селена 74, 596—7, 660.
Семилъ в 144, 291, 704—5, 708.
Семилѣтокъ а 151—2, 155.
Серебро 200—3.
Сива 137—8, 230—1, 234.
Сила царевичъ 588—9, а 607—8.
Сильомъ в 258.
Ситивратъ в 8, 761.
Skalimej 295—6.
Сноморохи 300, 338—9, 342—8, в 784.
Спороходъ а 703—4, 709.
Scret (šcrjtek, schrat) а 332—3.
Skuld в 349, 352, 356.
Слуга-невидимка а 783—4.
Слѣдъ 37—41, в 776.
Smela в 20.
Смертван недѣля в 695.
Smernica (Smrtna žena) в 108.
Sm(e)rtногжа в 35, 787.
Смерть 564—8, а 365, в 33—68, 103—9, 112, 201—5, 244, 272—4, 335—9, 363, 586, 807, 815;=птица 528—9;=корова 660;сн. Морова дѣва, морова язва, Корова Смерть.
Смерць а 514.
Смокъ а 70—71, 333, 435, 539—541, 559—562, 633—5.
Словидецъ (Сносудецъ) в 607.
Слѣгурка (Слѣжевиночна) а 497—8, 639—641.
Слѣвъ 240, 318, а 660;=шюкровъ, саванъ 239;=мука 290;=пухъ, перья 500, в 787.
Соботка в 712.
Созданіе міра и человека а 458—488.
Солнце 65—83, 106—112, 180—9, 193, 235, 312—3, 415, 599, 615, 744, а 40—41, 122—130, 134, 137, 376, 435, 486—7, 604—5, в 389—390, 413—4, 730—2, 753—7, 776, 791—2, 796—7;=огонь в 780;=око 102—3, 151—163, 166, 175, 213, 236, 374, в 779—780, 785;=небесный стражъ а 400;=око 161—2;=зеркало 160;=свѣтлыиикъ 87—88, 176—9;

- чаша, блюдо 198, а 288, в 781; —колесо 207—213, в 739; —колады 178, 205—7, 213—4, 776—7, а 368, 715, в 740, 781; —щитъ 163, 215—7, в 781; —шаръ 207—213; —якъ божій 178, 218; —золото, червонецъ 194—8, а 361—2, 367—373; —драгоценный камень 214—5, а 142, 541—4, 548, в 800—1; —взвонецъ, корова 218—9, а 541—4, в 781; —царь 96, 218—9; —прилка 222—3, 226; —дѣва, невѣста 237, а 710, 714—6; —Несмыяна-царевна 601—2; —птица 515—520, 542, в 756, 759; —яйцо 529—536; —корова 658—660; —олень 638—640; —пастырь стадъ 691; —жолчь 216—8; —жолудь, а 715; солнцевы кони и колесница 103, 592—8, 604—8, 612, дворець, престолъ и ложе 163, 198—9. Солнцева мать 177, 180, а 40—41, 124—6, 129, в 390. Солнцево царство а 135—8. Солнцевы дѣвы или сестры 82—86, 111, в 272—4. Солнцевы источники а 288—9. Солишише (божья коровка) в 285—8. Соколей-разбойникъ 302, 306—9, 514. Сома 371—2, 393. Сяное (или окаменѣвшее) царство а 422—435. Сяное воинство а 441—457. Сѣтъ в 36—42, 54. Сѣтъ-чрва а 419—422, 433. Соропъ а 604—6. Сосна-богатиръ а 707, 777.
- Šotek в 789. Sránek а 433. Спрыгъ (прыгушь, свавушь)-трава а 397. Среда 242—3. Среѣа в 409—411. Ssergyschujá в 138, 592. Стожары 611. Страна вѣчной юности (страна безсмертія) а 314, в 258, 271—3. Стратимъ (Страенль)-птица 505, 520. Страшидо (strasidla, strashnik, pristrachy) а 99. Стрибогъ 91, 320. Стрига и strigoŭ в 535. Стрѣла—птица 490—1. Стрѣлокъ а 703—4, 709. Стрѣлы (болъзнь) в 70, 75. Студенець 318, а 703. Судебные поединки а 270—6, в 802. Судицы, судички в 334, 339, 371, 420. Судьба 161, 411, 426, а 233—4, 422—4, 572, 632, в 338, 346, 368—392, 410, 414, 815. Суженицы см. судицы. Суртуръ 759—760, а 447, в 27. Сусѣдко а 78. Šushna 208, а 513. Счастіе в 376, 393—4. Счастливая сорочка в 359—361. Счастливыцы в 415—6. Сѣверное сїяніе а 652. Сѣверъ 188, в 25—28. Tabiti а 24, 28—29. Табуникъ а 72. Талка в 767—8.

Таласамъ а 84.

Θαλασος в 54.

Тартаръ а 514, в 19—20, 28.

Татощъ (вонь) 619—620.

Тельпушокъ см. Лутона.

Тирлячъ в 458, 461.

Титаны 436—7, а 677—8, 687.

Тисеонъ а 514—5.

Товаряча Смерть в 115.

Топоръ-саморубъ 274, 277.

Торъ 248, 252—5, 375, 387, 434, 465, 630, 647, 685, 759, а 354, 357, 670, 677, 681—694, 702, 740—5, 768, в 93, 379.

Требища а 268—9.

Трепетанкъ в 607.

Триглавъ а 524, 643.

Троянскій праздникъ в 704—9.

Троявъ а 641—4, 723.

Тугаринъ Змѣвичъ а 519, 523—6, 555.

Туманъ=покровъ, ткань, пряжа 545;=потъ а 476—7, 639;=сопли а 372;=свинья 768.

Турида в 163.

Турцы (Туры) 664.

Турсы а 695.

Туръ 662—3, в 750.

Туча=кудель, пряжа, ткань а 517, в 128—136, 154, 276, 354—5, 467—8, 492—3;=пряжа, руно а 73—74, 102—5;=руно, шерсть, шкура, одѣяніе 201, 680—1, 687—690, 711—2, 793, в 794;=волоса, брови, ресницы, усы, борода 115—7, 167, 170—1, а 763—773, в 154;=одежда, покровъ, плащъ, фата 221, 237, 313, 542—6, а 723—4, в 460;=пламенная рубаш-

ка 179;=щитъ 681—2;=шапка-невидимка 547—8, 743;=повязка на глаза 170—1;=слѣпота 168;=саванъ в 564;=перчатка 648;=коверь-самолетъ (легучій плащъ) 313, 547;=скатерть-самобранка 314, 547, 550—1;=рогъ изобилія 674, 684, а 170;=сапоги-скороходы 540;=парусъ 289, 605;=корабль, ладья 277, 325—6, 552—6, 578;=коробъ 582;=гробъ 179, 574—583, 588;=плугъ 555—565, 569—573;=сито, свѣлка 570—2, в 791;=мельничный снарядъ, жорновъ, ступа 289—297;=мѣшокъ, сумка 197, 277, 282, 291, 299, 311—4, 355;=раздѣвательный мѣхъ 280, 311—2, в 444—5;=вузница 279—282, 296—7;=источникъ (колодець, рѣка, море) 357, 376, а 120—1, 126—7, 134, 145, 171—2, 291, 394, в 444, 489, 589;=огненный, кипучій потокъ 367, 576—7, в 22—25;=дѣньвольскіе омуты 379;=сосудъ, котель, ведро, бочка, застольный кубокъ (рогъ) 277, 377—8, 581—2, 587—9, 623, а 169—170, 291, 369, 692—4, 702, в 443, 449—455, 459;=гора, скала, камень, пещера, подземелье 171, 179, 254—5, 275, 280, 291, 323, 395, 619—620, а 143—6, 350—7, 394, 440—2, 464, 528—530, 585—6, 655—8, 666—670;=подземное царство а 356;=пещера, погребъ, могильный холмъ а

361—374, 382;=теминица а 439;
 =городъ, замокъ, дворець 171,
 277, 323—4, а 436—441, 530
 —2, 585—6, 659—665;=паба
 на курьихъ ножкахъ а 531;
 =очагъ, печь в 457;=дерево
 323—6, 371, 620, а 277—286,
 292—320, в 494—6;=рыба 325
 —6, 421—2, а 151—166;=пти-
 ца 294—5, 491—532, 539—
 542;=пернатая сорочка 540,
 545;=конь, кобылица 314, 324,
 381—4, 598, 605, 611—631,
 786, в 464, 485—496;=колес-
 ница 286, 628—631;=олень
 637—640, в 464, 793;=быкъ,
 короа 276, 372, 375, 382—4,
 389, 559, 561, 653—8, 660—8,
 672—9, 707, 712—7, в 485—
 496;=коровій хлзвъ а 351,
 532;=козель, баранъ, овца
 314, 481, 586, 682—9, 714—7,
 761, в 757, 794;=свицьа 561,
 768—771, 778, 782—3, 786,
 790—2, в 462—3;=лися 643—
 6;=рысь, кошка 266, 647—
 651, в 462—3, 793;=собака
 266, 728—9, *732—4;=волкъ
 171, 709—711, 736—743, 746,
 755—767, в 462—3;=медвѣдь
 793, в 462—3;=звѣй 357, а
 511—528;=клубъ (шаръ), го-
 лова 276, а 156—7;=мозгъ
 115, 116—9;=кисель а 134—
 —5; грудь, вымя 359, 655,
 671, а 343, в 117—9;=дѣва и
 жена 327—330, 395, 400, 435,
 а 217, 224, в 119—121;=не-
 чистая сила 108—9, 309;=ве-
 ливаны (см. подъ этимъ сло-
 вомъ); полеть облаковъ и тучъ
 =плясва 323, 328, 332—6.

Тѣло=одежда души в 196, 359
 —363, 547—8, 553—4, 810.

Тѣни усопшихъ в 212—4.

Углы дома 39, а 111—3.

Ужь а 305—6, 633—4.

Узольникъ (наузникъ) в 432.

Укко 254—6, 260, 351, 375, а
 202, 489.

Ундины а 203—5, в 148.

Упиръ, упирца (упирѣи, упи-
 рина) см. упыри.

Упыри а 306—7, 408, 498, в
 38, 138—9, 471, 557—587.

Урашь 128, 436—7.

Urdharbrunnen 374, а 279, в
 255.

Urdhr в 349, 356—7.

Урсницы см. орисницы.

Усови (богавъи) в 101—2.

Усуд в 410.

Усыни а 776—9.

Утгардъ а 743.

Фараоны а 248.

Fatum в 347.

Фаниръ 548, и 521, 537, 566,
 573.

Фавтонъ 219, 595, в 796.

Фен а 728, в 193, 347—8, 369,
 421.

Феннисъ 514—5.

Фенриръ 755—760, в 796.

Фильгинъ в 361—2.

Фрейръ 269, 438—9, 554, 662,
 778—9.

Фрея 141, 226—7, 230, 269, 439,
 540, 555, 603, 647, 729—730,
 778, а 661—2, 688—690, в
 129, 366.

Фригга 226—9, а 355.

Forniofr а 2, 660.

- Хаосъ а 638, в 806.
 Хлѣбъ в 761—3.
 Хлѣвникъ а 72.
 Ховала 550.
 Колера в 114.
 Хороводъ 337.
 Хорсъ 128, 250, в 538.
 Храмы а 264—270.
 Христофоръ св. 721—4, а 653,
 667, 741, 770.
 Хромой бѣсъ в 6.
 Царь Горохъ см. горохъ.
 Царь Градъ см. градъ.
 Царь-дѣвица 228, а 124—8, 314
 —5.
 Царь-звѣй а 541—550, 559, 572.
 Царь Огненный Щитъ 215—7,
 630.
 Царьки лѣсовые, съ золотыми
 рожнами, а 332, 335.
 Цверги а 721—6, 730—2, 743,
 760, 772.
 Церберъ 732, в 282.
 Цеца в 679—681.
 Циклопическіи постройки а 659.
 Циклопы 155, 280, а 454, 696
 —701.
 Цмокъ см. смокъ.
 Сгнојевиѣ Ivan а 451.
 Чара 411—2.
 Чаровникъ, чародѣй в 423, 608.
 Червоными Святми в 701.
 Черная книга в 609.
 Чернобогъ 92—93, в 777.
 Чернобыль а 574—5.
 Черный день в 325.
 Черти 435, 585, а 682—3, 686,
 747—756, 781—3, в 313—7,
 795—6;=кузнецы 296—301;
 =мельники 295;=воли 609,
 735, 740—2, 763;=псы 733,
 763—4;=свиньи 768, 781—2;
 вороны в 789.
 Чертовни в 14.
 Чертополохъ а 415—6, в 804.
 Чесница в 735, 745.
 Чеснокъ а 569—571.
 Четвергъ 248, 263; чистый чет-
 вергъ в 699.
 Чороје в 163.
 Чортова бабка (мать, жена) в
 14—15.
 Чортова свадьба 330, 435.
 Чохъ а 338.
 Чудо, Чудо-Юдо а 215, 290—1,
 581, 618.
 Чума в 103—116.
 Чуръ а 89—94, в 798—9.
 Чуткой а 703—4, 710—4.
 Шестодневецъ в 605.
 Широкий а 710—3.
 Шишимора см. никиноры.
 Щедринки см. полюдки.
 Щедрый вечеръ в 744—5.
 Щула а 151—161.
 Щадъ а 618.
 Эгиръ а 202, 537.
 Эльем а 217—8, 242, 331, 346
 —7, 420, 630, 720—733, 772,
 в 71—82, 132—5, 232—5, 250,
 258—260, 281, 287, 305—8,
 459, 476—8, 495.
 Эодъ 312, а 357.
 Эось 163, 199, 594.
 Эросъ 461.
 Эхидна а 515.
 Эхо=откликъ лѣшаго а 339.
 Эд а 136.

- Югъ 183.
 Юды в 182, 185, 809.
 Юнона 137.
 Юпитеръ 128, 248, 670, а 300.
 Юрата а 205—6, в 123.
 Юрій св. 699—711, 763, а 175,
 254—5, 402—3, 517—9, 535,
 591—3, 633, 676—7, в 794.
 Юрьевъ день в 491—2.
 Яблоко-золотое, молодильное 125,
 а 308—317, 370; наводящее
 сонъ а 420, 433.
 Яворъ а 306.
 Яга-баба (jędza, jędza, jenzi,
 enzi, jezi-baba) 217, 291, 333,
 363, 384, 560, 573, 597, 622,
 775, а 531, 595, 780, 783, в
 540—1, 586—595, 816
 Язонъ 276.
 Язы в 588.
 Яйцо 537.
 Яма (Уама) а 141, 471, в 18—
 19, 253, 282—3.
 Янтарь а 148—9
 Янусъ а 400—1.
 Ярило 137, 336, 432, 438—446,
 662, в 713, 724—8.
 Яровить 270—1, 443.
 Ясень а 279—283.
 Ясонъ (Хасонъ) 444.
 Федоръ Тиронъ а 592—3.
-

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Читай:
3	3 снизу	I, 685)	(I, 685)
5	2 сверху	вельскихъ	вельскихъ
27	9 снизу	выводить виѣсто Суртура-	выводить, виѣсто Суртура,
33	3 сверху	ѣ пснахъ	пѣснахъ
65	12 —	Селу	Сему
88	9 —	Предтечи	Предтечѣ
92	19 —	заговора,	заговора;
140	3 снизу	Веетиславъ	Бретиславъ
156	17 сверху	yilu	vilu
158	2 —	пристаништа	пристаништа,
164	17 —	n potegu	и potegu
171	8 снизу	говорила чтобы,	говорила, чтобы
174	1 —	лѣзеленымъ сомъ	зеленымъ лѣсомъ
192	9 сверху	шкуры,	шкуры;
199	2 —	slerogeni	sler ogeni
206	1 —	агонія	агонія,
216	3 снизу	некакав	некакав
337	8 сверху	тетка	тетка,
345	15 —	рмирать	умирать
376	14 —	часть,	часть.
410	3 —	Добыть	добыть
411	12 снизу	ѣвојке	ѣвојке!
442	10 сверху	доениа,	доениа
448	4 снизу	Канцлеръ,	Канцлеръ
457	11 сверху	б)	б)
460	11 снизу	dir-hinter die	die hinter dir
504	10 сверху	турдовъ	трудовъ

531	14 —	съ туреннимъ	съ утреннимъ
—	7 снизу	wolfhemd	wolfhemd)
554	4 сверху	преобразить	преобразиться
605	5 —	записывался	записывались
622	7 —	отозвался	отозвался
642	9 снизу	рубашки	рубашки;
650	4 —	далѣе:	далѣе;
690	5 сверху	медомъ	медомъ,
734	2 —	горячія	горячіе
769	2 —	ими	или
773	9 снизу	но голову	на голову
798	10 —	солю	солю,
799	11 —	sulvas	sulvas

Въ I-мъ томѣ:

146	14 сверху	вина	пива
177	7 —	страны тумановъ	страны, противополож- ной царству тумановъ
412	6 —	XIII в.	X в.
480	14 —	у стрижеде	и стрижеде
671	5 —	стоитъ	стоитъ Слать

Во II-мъ томѣ:

67	5 сверху	гл. XXVIII	т. III, 798.
102	2 снизу	198	298